

ЗВЕЗДА ВОСТОКА

ОРГАН СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ
УЗБЕКИСТАНА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ГОД ИЗДАНИЯ 56-Й

№ 8

1988 ГОД

Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма

В номере:

ПРОЗА

- РАУЛЬ МИР-ХАЙДАРОВ. Пешие прогулки. Роман. Окончание 8
СТАНИСЛАВ КУЛИШ. Попытка к бегству. Сатирическая повесть 80

ПОЭЗИЯ

- САБИТ МАДАЛИЕВ. Лестница 3
СОФЬЯ ТАРБЕЕВА. Из цикла «Размышления на изломе» 72
РИФАТ ГУМЕРОВ. Джеку Лондону. Сыну Дамиру. «Спокойной ночи, всем спокойной ночи...». «Пытаясь сжечь прошлое...». «Голубь — символ мира...». В субботу вечером. «Со мною рядом ты стоишь...» 77
САХИБ ДЖАМАЛ. Лучистая капля дождя. Поверь. «Она была, как нежный лотос...». Песня. «Тот погост — возле дома милой...». Перевод с арабского А. Тер-Акопян 107
МУХАММАД ЮСУФ. Двадцатый век. Отан-бобо. Вопрос. «Кого ты любишь?..». Рисунок. Марухский перевал. Знаменитость. Перевод с узбекского В. Лебова 110
МИХАИЛ СЫЧЕВ. Соловьиное забытье. После метели. Малиновка. «В золотом и духмяном пару...». Ты можешь быть только Россией. Семигорье 114

ПЕРЕСТРОЙКА: ИДЕИ И ПРАКТИКА

- Э. ЮСУПОВ. Чтобы взлететь, птица должна стать гордой 117

ПУБЛИЦИСТИКА

- И. МАКАТОВ. Вера в знание и знание о вере 125

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

- ДАВИД БЕЛКИН. Мир Востока в творчестве раннего Горького 134

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

- И. ГРИНБЕРГ. Вчитаться бы поэту не спеша... 139
П. МОЛОТНИКОВА. Фантастика? Реальность... 141
Д. КУЧЕРЕНКО. Прикосновение к жизни 143

ПУБЛИКАЦИИ. ДОКУМЕНТЫ. ВОСПОМИНАНИЯ

- ТУЛЕПБЕРГЕН КАИПБЕРГЕНОВ. Начало. Из романа-эссе «Каракалпак-намэ». Перевод с каракалпакского Е. Сергеева 146

СТРАНИЦЫ ПРОШЛОГО

- Б. РУСТАМОВ, В. САДОВНИКОВ. Рельсы в пустыне 168

КЛАССИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

- ДЖАЛАЛИТДИН РУМИ (МАВЛАВИ). Рубаи. Перевод с фарси Н. Стрижкова 177

САТИРА. ЮМОР

- ЛЕОНИД ВЕТШТЕЙН. Дружеские шаржи 180
В. МЕДВЕДОВСКИЙ. Юмористические рассказы 182

ПРИКЛЮЧЕНИЯ. ФАНТАСТИКА

- ЖОРЖ СИМЕНОН. Мегрэ у фламандцев. Роман. Перевод с французского Н. Брандис и А. Тетеревниковой. Окончание 186
АГАТА КРИСТИ. Кукла. Рассказ. Перевод с английского С. Раюшкина 199

К НАШЕЙ ВКЛАДКЕ

- А. ЭГАМБЕРДЫЕВ. Остановленные мгновения 175
О наших авторах 208

Главный редактор С. П. ТАТУР.

Редакционная коллегия: В. А. АЛЕКСАНДРОВ (ответственный секретарь), А. Р. БЕНДЕР (зам. главного редактора), Е. Е. БЕРЕЗИКОВ, Г. П. ВЛАДИМИРОВ, М. МУХАММАД-ДОСТ, В. П. НЕЧИПОРЕНКО, А. А. ОСМАНОВ, Т. И. ПУЛАТОВ, О. В. СИДЕЛЬНИКОВ, Н. В. СТРИЖКОВ, А. А. УДАЛОВ, Р. Х. ФАРХАДИ.

Сабит Мадалиев

Лестница

«Иду сказать людям, что они сильны и могучи».
Из дневниковой записи А. Н. Скрябина.

1.

Бессмертный,
я бессмертия хочу,
самой природой славой наделенный,
я, слепнувший,
за славою гоняюсь,
избранник звезд,
не видящий небес.
Я сам себя вознес на высоту,
чтобы меня боготворили...
Все шире между мной и мирозданьем
непониманья бездна.
Я боюсь!
Одной лишь мысли я боюсь неожиданной,
которая,
как провод оголенный,
замкнет под напряжением высоким,
испелит беспомощность мою,
хаос души и всю тщету усилий...
Я предал горы,
и моря я предал,
по спинам,
чтоб не видно было слез,
вскарabкался на высоту,
откуда
увидел бы ничтожество свое,
когда б хотел увидеть...
Не тогда ли
я слепнуть стал
и перестал совсем
дорогу различать в земной юдоли?

2.

Я дух свой воскресить хочу!
 Он гаснет.
 Сгорает он,
 доверившись величию,
 правдоподобней —
 мании величья.
 Я сам разрушил,
 слепнувший глупец,
 пролеты лестниц в памяти времен.
 Восстановить их —
 хватит ли мне жизни?
 Я разучился слушать пенье птиц
 и звезд движенье видеть разучился.
 Отгородившись гулом городов,
 я сам в себе украдкой заглушаю
 далекий голос предков,
 их молитвы
 глухие,
 как рыданье в темноте!

3.

Когда бы знал
 или представить мог,
 как равнодушие мертвое мое
 на память
 пылью мертвою ложится,
 заносит землю,
 жизнь мою заносит
 и русла задыхающихся рек, —
 быть может, лишь тогда
 мои страданья
 смогли бы,
 наконец-то,
 обрести
 вершин непокоренных очертанья...
 Привычный к равнодушию,
 я не вспомню,
 день провожая,
 выражение дня.
 Лишь тень его за мною волочится,
 как груз проклятий,
 брошенных мне вслед...
 Я, подражатель молнии слепящей,
 огнем творящий,
 я сгорю в огне.

4.

Я беспощаден к самому себе,
 я на судьбу ропщу,
 позабывая,
 каким суровым наказаньем века
 давно наказан я, —
 не вспоминать
 развалины крушений,
 и не помнить
 предназначенья своего.

Проклятье!
Кто научил меня предпочитать
самообман и самоунижение
таинственному просветленью духа?
Где и трава не прорастет из пепла,
и птица над землей не пролетит,
там память надрывается,
и голос
от плача ветра трудно отличить.

5.

Я отрицал богов,
но и себя,
не молния мне душу ослепляла...
Прекрасна мысль о братстве на земле,
но, отягченный собственным бессильем,
я сам себе пытаюсь доказать
возможность построенья на песке
строенья неземного...
Пыль заносит
следы мои,
и грусть мою,
и боль.

6.

Еще не осознал я меры зла,
себе же причиненного,
чтоб выйти
однажды обновленным из пучины,
где дышат злобой
страх и равнодушие,
где зыбкое мое непостоянство
еще лежит,
как утренний туман.

7.

Я низких мыслей жалким был рабом,
я говорил,
а думал о другом,
и ядом низких мыслей отравил я
сердце немало...
Мне и отвечать
за каждый взгляд
ревнивый или злобный,
за каждый вздох
обиды или мести,
за каждый возглас
зависти во мне.
Ни взгляд,
ни жест,
ни мысль
не пропадут,
все возвратится эхом,
возвратится —
досады искра
молнией ударит,

и раздраженье
громом прошумит.

8.

Злопамятен
униженный мой дух,
он даже в океане видит лужу,
но крохотную
пестует удачу,
надеждой мимолетною согрет.
Я признаюсь в любви,
но эхо лжи
нежданно возвращается ночами
и душит не бессонницей,
а зноем
обманутых
моим коварством губ.

9.

Я карлик духом,
низкий мой порог
неодолимой кажется преградой.
Озера я в болота превратил,
вершины обвинил
в высокомерье.
Как машущий руками в темноте,
как слезы льющий
под весенним ливнем,
я медленно учусь осознавать
падения
и воскрешенья духа...
Я не считал бы лживые слова,
на дне души
грехи не укрывал бы,
но зреет жатва ядовитых мыслей,
где каждое зерно
посеял сам.

10.

Мертва душа, которой час урочный
обычным представляется,
непрочным,
связующим пустые времена —
беспамятства обугленные тени.
Как в мирозданье все соизмеримо!
Парад планет,
дыхание светил.
А я лечу
то в пропасть,
то к вершине.
Разбитый ленью,
суею смят,
я помню о своем предназначенье.
Гляди, душа,
как белоснежен голубь,
летающий
в поднебесной синеве.

11.

Из нас не каждый сможет устоять
сегодня под вселенскими ветрами,
из наших затхлых,
 сумрачных жилищ
 неверье наше в собственные силы
 упрямо выдувающими... Память,
безбрежна память,
 что в себя вместила
не только тень
 и мрак моей души,
но и мои молитвы
 и печали,
мое волнение
 и мою тоску...
Пока живу я проходящим днем,
я не останусь в нем.
 Готовый к смерти,
бессмертья не хочу,
 коль целой жизни
не хватит мне на то,
 чтоб стать бессмертным.

12.

Как солнца дальний
 отраженный луч,
как отклик сердца,
 светлый и неожиданный,
желанье, недоступное словам,
рождается в душе моей —
 ЛЮБОВЬ
к былинке, из-под ног моих глядящей,
к звезде,
 со мною связанной лучом.
Не царь природы,
 робкий ученик,
не гордый раб,
 склонившийся в гордыне,
я должен снова изучить все то,
что выветрилось
 из моей вселенной.
Я вспыхну от рассветного огня!
Мой дух — мой факел —
 время не погасит.
Я в жизнь влюблен,
 и я готов поклясться —
как смерть сама,
 сильна моя любовь!

Рауль Мир-Хайдаров

ПЕШИЕ ПРОГУЛКИ

РОМАН

Глава IV

АЙСБЕРГ

1

С этой ночи, накануне Первомая, жизнь Амирхана Даутовича круто изменилась. И должности лишился, и получил суровое взыскание по партийной линии. Но подкосила его не тяжесть и несправедливость наказания, подкосила откровенность и уверенность ночного посланника Бекходжаевых, открытие для себя неконтролируемого участка жизни. Выходило, что он все эти годы жил в каком-то изолированном и придуманном мире, а в жизни меж тем процветало нечто неведомое ему даже как человеку, не только прокурору. А ведь он-то считал, что прочно стоит на земле и смотрит на жизнь глазами реалиста; выходит, действительность оказалась куда многозначительнее и мрачнее, чем он себе представлял. Спроси его кто до гибели Ларисы, знает ли он жизнь своей области, контролирует ли ее полностью, Амирхан Даутович наверное обиделся бы. Теперь он понимал: его знания были ложными, а точнее — бумажными, телефонными, газетными, победные бумаги, рапорты застили ему саму жизнь. И даже останься сейчас Амирхан Даутович на прежнем посту, он все равно почувствовал бы свою надломленность: переход из веры в неверие никогда не проходит бесследно для людей честных.

Оставили его работать в прокуратуре на должности, с которой он некогда начинал. Осенью он попал в больницу с нервным расстройством и пробыл там более двух месяцев.

И хотя врач считал, что нервное расстройство бывшего областного прокурора связано только с его личной трагедией и неожиданными последствиями после нее, диагноз он поставил точно. «Вы потеряли жизненно важные для себя ориентиры», — сказал он. Но Амирхан Даутович, соглашаясь с доктором, все же до конца откровенным с ним не был.

Тайный пласт по-прежнему оставался скрытым от него, а открытый не внушал доверия. Он уже не мог, как прежде, с верой выслушивать на заседаниях своих коллег; за каждым выступлением пытался найти подтекст, понять, что стоит за словами: корысть, скрытый расчет или все же интересы справедливости, закона. Прежде не задевало его внимания — кто приходит в прокуратуру и с кем общается.

Окончание. Начало в № 7.

Теперь же казалось, что вся работа бывшего в его подчинении аппарата состоит из тайных встреч и бесед за закрытыми дверями. Еще год назад он вряд ли обращал особое внимание на то, с кем дружат его коллеги, подчиненные. Теперь же он замечал, что многие из них на дружеской ноге с завмагами, директорами, и люди эти, которым, по расхожему мнению, следовало бы за версту обходить здание прокуратуры, не таясь заезжали сюда на собственных машинах за своими приятелями, уверенно держались в коридорах. Раньше Амирхану Даутовичу как-то не бросалось в глаза, что даже у самых молодых сотрудников прокуратуры есть собственные «Жигули». И хотя он получал в три раза больше, чем владельцы личных машин, они с Ларисой едва сводили концы с концами. Правда, немалую толику средств тратили они на коллекцию, на альбомы и книги. Но все равно — о «Жигулях» не помышляли.

А приглашения на свадьбы и иные частые торжества? Почему так настойчиво зазывались работники прокуратуры? И этих связей никто не таил, даже с гордостью рассказывали наутро, какие роскошные столы были накрыты на пятьсот человек и какие щедрые подарки им там преподнесли — якобы по национальному обычаю. А ведь хлебосольный хозяин, так восхищавший коллег, был всего лишь заведующим складом с зарплатой, ну примерно, в сто двадцати рублей, может чуть больше.

Когда Амирхан Даутович попытался завести разговор о профессиональной этике работника правосудия, его подняли на смех:

— Ах, вот как вы заговорили, смеив кабинет! Что же вы вчера молчали, когда сидели этажом выше?

Как бы ни противилась его душа тому, чтобы подозревать своих коллег, но ведь кто-то же помогал Иргашеву вскрывать сейф, рыться в его бумагах. Кто-то помогал отыскать даты, когда он посещал Сардобский район. Возможно, кто-то из ближайших коллег консультировал как юрист несправедное дело Бекходжаевых, помог ускорить суд, свести концы с концами. В общем, нервы его были натянуты до предела. И в одном из нелепых разговоров с коллегами он сорвался, в результате чего оказался в больнице.

Корпуса больницы, бывшей когда-то военным госпиталем, возводились давно, одновременно со зданием, где ныне располагался обком партии, здание окружал ухоженный парк. Окна палаты Амирхана Даутовича выходили на дубовую аллею. Лежал он в одной палате, светлой, с высокими потолками и большим окном. Палата действовала на него успокаивающе. Старые мастера строили не только добротнo и на века, но и наверняка знали секреты — храм должен быть храмом, театр — театром, а госпиталь — госпиталем. Казалось, даже стены здесь дышат милосердием.

Главврач Зоя Алексеевна Ковалева, хорошо знавшая Ларису и бывавшая в свое время у них в доме, по-женски участливо отнеслась к Амирхану Даутовичу. Он был окружен заботой и вниманием — оттого и одна палата, которая ныне по рангу вроде и не была ему положена. Больница отличалась строгим режимом, но у Амирхана Даутовича уже через две недели наладился свой распорядок. Осень в тот год выдалась без дождей, теплая осень, и он подолгу гулял в парке; старые дубы действовали на него успокаивающе. Подолгу просиживал Амирхан Даутович где-нибудь в беседке — благо, укромных уголков в парке было предостаточно, и он не переставал удивляться, всякий раз отыскивая новые.

Наверное, в клинике Амирхан Даутович задержался бы не более трех-четырех недель, если бы главный врач случайно не узнала, что подготовлено решение отобрать у Азларханова коттедж на Лахути. Еще одна неожиданная крутая перемена в жизни могла непредсказуемо повлиять на психику больного, и Ковалева постаралась продержатъ его в стенах больницы подольше. Зная, что вопрос с коттеджем решен окончательно, она исподволь готовила Амирхана Даутовича к мысли, что ему нужна маленькая уютная квартира, наподобие его палаты, где он будет чувствовать себя увереннее. Настойчиво внушаемая врачом мысль сделала свое дело — Амирхан Даутович вполне искренне стал соглашаться, что ему действительно нужно отказаться от дома на Лахути. Впрочем, для него важнее было другое: слишком многое напоминало там ему о Ларисе.

Жалея Амирхана Даутовича, щадя его здоровье и психику, а главное — самолюбие, главврач уговорила его написать заявление о том, что он добровольно отказывается от коттеджа, и пообещала, пока он лечится, через горисполком подыскать ему необходимое жилье; она уже знала, где определили Амирхану Даутовичу однокомнатную квартиру. Когда Азларханов написал заявление-отказ от коттеджа на Лахути, сам по себе встал вопрос — как же быть с коллекцией Ларисы Павловны.

Амирхан Даутович вполне резонно заметил, что отныне собрание жены для него существует только в альбомах и каталогах, с которыми он не намерен расставаться, а саму коллекцию готов безвозмездно передать местному краеведческому музею, где начинала свою работу Лариса Павловна.

Но вот с передачей коллекции музеем вышла заминка. Амирхана Даутовича попросили не указывать в дарственной, которая заверяется юридически у нотариуса, стоимость коллекции. Азларханов же настаивал на указании в дарственной стоимости, ссылаясь на недавнее заключение экспертов, и дело на время застопорилось. Директор музея сказал, что приобретет коллекцию по цене, которую определяют его эксперты. Под угрозами врачей — а дело вершилось, пока Амирхан Даутович находился в больнице, — Азларханов дал согласие на такой вариант. И вскоре в больницу принесли заключение экспертов, где коллекция Ларисы Павловны Тургановой оценивалась в одну тысячу четырнадцать рублей шестьдесят две копейки.

Амирхан Даутович, держа в руках бумагу, долго смотрел на это заключение, не в силах вымолвить ни слова. Может быть, ему виделось бюро обкома, загипнотизированное суммой в сто пятьдесят тысяч, а может, припомнился страшный ночной гость, угадавший цену с поразительной точностью, хотя и был экспертом совсем иного рода. Затем, взглянув на Зою Алексеевну, стоявшую рядом с директором музея, бывший прокурор поставил размашистую подпись, означавшую, что он согласен с такой оценкой.

Полковник Иргашев уже несколько раз звонил в больницу, чтобы Амирхана Даутовича поторопили с освобождением жилплощади: коттедж на Лахути переходил к нему, и он спешил переехать до зимы.

Как только музей, с помощью Иргашева, вывез коллекцию Ларисы Павловны в свои запасы, Зоя Алексеевна объявила Амирхану Даутовичу, что вопрос с обменом жилплощади решен и необходимо срочно переезжать. Сказала, что хлопоты по переезду решили взять на себя его коллеги по прокуратуре, хотя на самом деле все обстояло иначе. Иргашев доставил на Лахути милицейский наряд, и молодые ребята за два часа перевезли все нехитрое хозяйство бывшего прокурора на квартиру в новом микрорайоне. Ребят, перевозивших бывшего прокурора, крайне удивила скромность хозяина особняка на Лахути; эти же люди помогали переезжать полковнику Иргашеву в областной центр, и там уж пришлось потрудиться!

Чтобы не вызвать у Амирхана Даутовича подозрений в отношении квартирного обмена, после того как его вещи находились уже на квартире в другом конце города, Зоя Алексеевна продержала его в стенах больницы еще две недели. И эти две недели упорно добивалась для него путевки в неврологический санаторий, куда-нибудь подальше от этих мест. Подальше, в центральные санатории, не получилось — Амирхан Даутович уже не числился номенклатурным работником; нашлась путевка в санаторий Оби-Гарм в горах Таджикистана. В том, что Азларханову необходимо срочно сменить обстановку, Ковалева была уверена. Распространившиеся в городе слухи, что у прокурора отобрали коттедж и коллекцию, могли вызвать рецидив, и оттого путевка оказалась как нельзя кстати. Переночевав на новой квартире однажды, Амирхан Даутович уехал продолжать лечение в санаторий.

2

Так сложилась жизнь, что Азларханов никогда не бывал раньше ни в горах, ни на море, а тут в один год судьба забросила по весне в Ялту, а поздней осенью — в горы Таджикистана. Ни организовать, ни отменить ни ту, ни другую поездку Амирхан Даутович не мог — так распорядилась жизнь: весь последний год он жил в тисках обстоятельств. «Год потерь, — как-то горестно вырвалось у него. — Потерял Ларису, потерял дом, сад, который холил и лелеял десять лет. Потерял работу, честное имя... Потерял коллекцию, музей под открытым небом. Потерял не только Ларису, но и все, что она создала. Потерял здоровье...»

Но жизнь питает человека надеждой. Осень в горах была долгой и теплой. Лес на крутых склонах Гиссарского хребта еще не обронил листву, стоял, польхая багряными всплесками кленов. Сады на горных трассах и виноградники щедро одарили урожаем, донося запахи спелых яблок, груш, айвы, хурмы. По вечерам в горах было прохладно, с наступлением темноты за территорией санатория часто жгли костры. Амирхан Даутович любил, закутавшись в чапан, просиживать у огня часы перед отбоем. У костра обычно не вели шумных разговоров, не веселились, и это вполне устраивало его.

Днем он подолгу гулял в окрестностях санатория, иногда пропускал обед, но никогда не жалел об этом. Жалел только о том, что запоздало общается с природой. Иногда приходила в голову отчаянная мысль бросить город, найти где-нибудь в горах посильное дело, в заповеднике или лесничестве, например, и так доживать оставшиеся дни.

Но потери, случившиеся в последний год, были столь велики, что он не мог не думать о них, как ни гнал от себя эти мысли. Однажды на прогулке он принял реше-

ние подробно написать о том, что случилось с ним и его семьей, прокурору республики. В горах у него уже было облюбленное место; время и ветры так обработали здесь горную породу, что получилось подобие стола и, как ни странно, даже кресла. Целую неделю он провел за этим базальтовым столом, сотворенным природой, и исписал своим аккуратным почерком толстую общую тетрадь — подробно обо всем, что произошло с ним за последний год и что он обо всем этом думает. Не забыл написать и о том, что нашумевшую коллекцию жены недавно оценили в тысячу рублей, а прежде — в сто пятьдесят тысяч, о «дипломате» со ста тысячами, о ночном госте и его друзьях — полковнике Иргашеве, прокуроре Исмаилове, депутатах Бекходжаевых. Просил обезопасить жизнь капитана Джураева и заключенного Азата Худайкулова.

Отправив в Ташкент тетрадь ценной бандеролью, Амирхан Даутович несколько воспрянул духом. Тогда, накануне Первоя, уступив жестким условиям клана Бекходжаевых, он посчитал свое решение капитуляцией. И этот поступок жег ему душу. Но вот спустя чуть более полугода он нашел в себе силы, чтобы снова начать борьбу.

Отчаянная исповедь благополучно дошла из соседней республики до Ташкента и попала в канцелярию прокурора республики. Более того, попала в руки человека, хорошо знавшего и уважавшего Азларханова. Прочитав письмо, он тут же позвонил в областную прокуратуру, где работал Азларханов. Трубку поднял человек, некогда помогавший полковнику Иргашеву вскрыть сейф Амирхана Даутовича.

— Я получил очень странное и страшное до неправдоподобия письмо от Азларханова, как бы мне с ним связаться?

Но отвечавший не растерялся:

— Странное? Да каким же должно быть письмо от психически больного человека? Из «психушки»?

На другом конце провода возникла тягостная пауза.

— Как — из психушки?

— Да так, к сожалению. Из настоящей психушки. Держали там его чуть ли не три месяца в отдельной палате для тяжелобольных, а теперь отправили в горы.

Начальник канцелярии прокуратуры республики после разговора долго сидел в растерянности и недоумевал. «Какая странная и страшная судьба, и как непредсказуемы обстоятельства — за год сломали жизнь человека, у которого были такие блестящие перспективы». Профессиональная осторожность взяла верх. Начальник канцелярии считал за лучшее не только доверять, но и проверять. Тут же связался с неврологическим диспансером. Сообщение человека из областной прокуратуры, что Азларханов после больницы продолжает лечение в горах, подтвердилось. Он долго раздумывал, как поступить с тетрадью. Положил ее в нижний ящик стола, а месяца через два вспомнил, хотел официально сдать в архив, но ее на месте не оказалось.

А в областном городе человек полковника Иргашева, говоривший с начальником канцелярии, довольно потирал руки. С печалью в голове оповещал он всякого встречного, что звонили из Ташкента и намекнули: почему держите душевнобольных в прокуратуре? И пошла гулять новая волна слухов.

3

Вернулся из Оби-Гарма Амирхан Даутович домой, на новую квартиру, накануне Нового года. Уже второй Новый год встречал он без Ларисы: один провел в реанимационной палате областной больницы, а этот предстояло встретить в необжитой квартире. Выходило, что у него два праздника сразу, новоселье и Новый год, но не было праздника в душе. Вспомнил он, как прежде с Ларисой наряжал в эти дни голубую ель в своем саду на радость окрестной детворе.

«Как там новые, незнакомые хозяева на Лахути, догадаются ли нарядить ель?» — мелькнула на секунду и пропала мысль: заботы обступали его со всех сторон. Ведь он даже не разложил вещи толком, с тех пор как перевезли их с Лахути. На новой квартире не было у него привычного и столь необходимого в быту телефона — может, кто-нибудь справился бы о его здоровье, поздравил, пожелал более удачного года. Не был он знаком и с соседями, не удалось ему даже включить телевизор — в областях нужна мощная наружная антенна, а у него не было даже комнатной, все осталось на Лахути, все осталось в прежней жизни. Единственным утешением оказалось то, что к полуночи он успел расставить вещи и квартира обрела жилой вид. Когда местные куранты отбивали начало 1980 года, он сидел на кухне за скромно накрытым столом и надеялся, что наступающий год будет удачнее и счастливее, чем два ему предшествовавших.

Но не стали милосердными ни наступающий, ни последующие годы. К тому времени, как он вернулся из Оби-Гарма, слух о том, что якобы Ташкент настаивает на его увольнении из областной прокуратуры, витал в ее стенах. Сделали даже попытку заполучить в больнице бумагу о том, что Азларханову работа в органах правопорядка противопоказана. Но Зоя Алексеевна выдержала давление и на подлог не пошла, объяснив ретивому начальнику отдела кадров, что подобное нервное расстройство может произойти с каждым, даже не испытывавшим того, что довелось вынести Амирхану Даутовичу.

В прокуратуре Азларханов проработал до лета, пришлось уйти, слишком уж нервная обстановка складывалась вокруг него. Способствовало и то обстоятельство, что он был прежде прокурором требовательным, и теперь всяк пытался при случае припомнить ему давние обиды. Травля его поощрялась новым руководством.

Устроился он на завод, откуда приходил к нему когда-то жаловаться токарь-эстонец, которого несправедливо обошли с наградой. Работа юриста на небольшом заводе не была обременительна для Амирхана Даутовича, но через год у него начались неприятности: к тому времени он разобрался в технологии производства, сбыте, себестоимости и плановых затратах на продукцию.

Производство было настолько несложным, бесхитростным — ассортимент изделий не менялся десятки лет, — что только абсолютно равнодушный человек не мог вникнуть в суть дела. А вникнув, Амирхан Даутович даже несколько растерялся: на новой работе от него требовали одного — отстаивать только интересы предприятия, а они, по глубокому убеждению Амирхана Даутовича, противоречили интересам государства и потребителя, а если уж быть до конца откровенным — зачастую наносили вред. Это и попытался объяснить он своему новому руководству, доказывая необходимость перестройки дела во благо и предприятия, и государства, и потребителя. Но его не захотели ни выслушать серьезно, ни понять, более того, когда за ним закрывалась дверь, крутили пальцем у виска: ненормальный, сам себя без премии хочет оставить. После одного крупного скандала, когда Амирхан Даутович отказался подписывать акт, ему пришлось уволиться.

Новую работу он искал долго. Мучился, переживал, частенько наведывался к Зое Алексеевне. Она же, благодаря своим связям, помогла ему найти работу на кирпичном заводе в пригороде. Эта работа оказалась для Амирхана Даутовича еще более тягостной, чем прежняя, потому что к тем же проблемам добавились новые.

Не проходило недели без происшествий или несчастных случаев. Работа Амирхана Даутовича осложнялась тем, что уже на другой день после его появления на территории все знали, что он бывший областной прокурор, и это не вызвало доброжелательного отношения у издерганных, озлобленных людей.

И Зоя Алексеевна с новой энергией принялась искать работу Амирхану Даутовичу, но повсюду встречала то вежливый, то холодный отказ, хотя знала, что юристы на тех предприятиях, куда она обращалась, были нужны.

— Стена, заговор какой-то против человека, — говорила она в отчаянии своим подругам, тоже хорошо знавшим Ларису Павловну и Азларханова.

Однажды Амирхан Даутович вернулся с работы поздно вечером: вышла из строя обжиговая печь, и вся администрация принимала участие в ремонте, потому что рабочих не интересовал ни заработок, ни производительность, ни качество — им лишь бы день прошел, им среднее все равно выведет, и пусть за все голова у начальства болит, им даже было лучше, если завод не работал. Задержался он и на остановке, более часа прождал автобус, хотя тут висел график движения и объявленный интервал не превышал десяти минут. Поведай ему кто в его бытность областным прокурором, что автобусы в области ходят с часовым перерывом, что есть предприятия, подобные кирпичному заводу, он наверняка сказал бы: сгущают краски, обобщают частные, нетипичные случаи. И к горестной вине, что признал за собой в ту апрельскую ночь, когда был у него ночной посланник Бекходжаевых, он, без жалости к себе, прибавлял и горе-завод, и автобус, которого люди дожидаются часами. Ведь все это должно было находиться под контролем прокуратуры, а он возглавлял ее десять лет; ведь это он, прокурор, должен был отстаивать интересы граждан, вынужденных часами простаивать на остановках и работать на таких предприятиях.

Наверное, на кирпичном заводе у него впервые и зародилась мысль продолжить свою теоретическую работу в области права, но уже не для докторской, как рассчитывал когда-то. Нет, не волновала его теперь докторская.

В почтовом ящике вместе с газетой лежало письмо. Удивился: писем он ни от кого не ждал. Не имело письмо обратного адреса.

На миг ему подумалось: может, Бекходжаевы чем-нибудь решили порадовать? Но он ошибся. Письмо оказалось от доброжелателя, от анонимного доброжелателя. Это обрадовало и огорчало Амирхана Даутовича одновременно. Если даже добро люди пытаются делать тайно, это еще раз говорило о неблагоприятии нравственной атмосферы. В письме были вырезка из газеты и краткая записка, отпечатанная на

машинке, — Амирхан Даутович сразу узнал прокуратурскую пишущую машинку. В записке говорилось, что отправитель письма знает о его трудном положении, что вряд ли ему найти в области подходящую работу, потому что его недоброжелатели широко распространили слух о его нервном заболевании. Доброжелатель предлагал обратить внимание на объявление в газете, вырезку из которой предлагал. Более того — он сообщал, что Амирхан Даутович туда уже рекомендован и там его ждут. Объявление в газете гласило: «Консервному заводу срочно требуется опытный юрисконсульт. Оплата по штатному расписанию. Предоставляется жилплощадь в ведомственном доме».

Амирхан Даутович долго мял в руках письмо и понимал, как оно оказалось кстати: после двух инфарктов и тяжелой пневмонии работать в горячих цехах, да к тому же среди озлобленных людей, у него не было сил.

А был ли смысл держаться за такую работу? Тому, что он попал сюда, могли радоваться только Бекходжаевы.

Долго не раздумывая, утром из заводууправления он позвонил в соседнюю область по телефону, указанному в газетном объявлении. По тону разговора сразу понял, что о нем кто-то ходатайствовал и там его действительно ждали. Не возникло проблем и с переездом: машина с консервного завода через день доставляет сюда, на областную базу, свою продукцию и может перевезти вещи прокурора хоть в один прием, хоть в два, пусть только он назовет день.

Амирхан Даутович поспешил подать заявление и уже через день получил расчет. В понедельник он ждал машину с консервного завода.

В воскресенье, упаковав книги и сложив вещи, Амирхан Даутович поехал на кладбище попрощаться с Ларисой.

Памятник Григорянов вряд ли напоминал кладбищенское надгробие, он вполне мог быть выставлен на любой художественной выставке — чувствовалась твердая рука и вкус настоящих скульпторов. На кладбищенской земле деревья растут быстро, и сейчас вокруг могилы тополя и дубы заметно поднялись, а кусты роз так щедро разрослись, что скрыли соседние ограды.

Амирхан Даутович бывал здесь часто, почти каждое воскресенье, могила Ларисы Павловны была ухожена. У памятника он пробыл долго и спустился с кладбищенской горы, когда начало смеркаться.

Возвращаясь, он решил заглянуть на Лахути, попрощаться с домом, где был так счастлив с Ларисой. Все эти годы, послушный совету Зои Алексеевны, он избегал не только разговоров, даже мыслей о своем бывшем доме.

Кто живет там в эти трудные для него времена?

Свернув на Лахути, Амирхан Даутович не увидел привычной высокой стены живой изгороди. И это так ошеломило его, что он невольно замедлил шаг. Кусты ограды, так радовавшие его и Ларису, были безжалостно выкорчеваны, а двор со всех сторон окружен мощной бетонной оградой из плит перекрытия: прямо-таки железобетонная крепость возникла перед прокурором.

«Видно, большой начальник живет — целую пятиэтажку оставил без панелей перекрытия», — подумал Амирхан Даутович, подходя к своему бывшему дому.

Азларханов долго ходил вокруг коттеджа, ему хотелось заглянуть в родной двор, но это оказалось невозможным. Препятствием стала зеленая калитка, обычно не закрытой, теперь не было, ее заменили железные глухие ворота, выкрашенные в зловещий черный цвет. Все крепко, надежно, на века, нигде ни щелочки — ни в заборе, ни в воротах.

У соседнего дома в переулке стояла пустая железная бочка, и Амирхан Даутович подкатил ее к бетонной ограде. Освещение во дворе не убрали, и сейчас кое-где на дорожках горели огни. Двор свой Амирхан Даутович не узнал. Не осталось ни одного из карликовых деревьев, с таким трудом приживавшихся. Не было и бассейна, выложенного голубым кафелем, исчезли английские лужайки. Спилили могучий дуб в углу двора, в тени которого весной расцветали крокусы: ни одного экзотического дерева, которыми так гордилась Лариса. Сказать, что двор пришел в упадок, зачах, Амирхан Даутович не мог. Просто здесь царил новый порядок: грядки, грядки — и ни одного бесполезного цветка.

Дом сиял огнями, из распахнутых настежь окон лилась музыка.

«Наверное, телевизор, — подумал Амирхан Даутович, оглядывая напоследок безлюдный двор. — Надо бы узнать, кто же это оградился от мира таким забором?»

В этот момент щелкнул выключатель на открытой веранде, и в свете огня Азларханов увидел знакомую фигуру в полосатой пижамной паре. Амирхан Даутович сначала подумал, что обознался, но точный человек властно крикнул кому-то в доме, чтобы выносили самовар, — и сомнения прокурора развеялись. Да, он не ошибся, в его доме жил полковник Иргашев.

Вот какой долгий разговор мог бы состояться, повстречайся Амирхан Даутович в тот вечер в «Лидо» со своими бывшими коллегами. Вряд ли Азларханов собирался жаловаться на судьбу, а ведь рассказ о себе, о Ларисе иначе и выглядеть не мог и ничего, кроме жалости и сострадания, не вызвал бы. Поверженные, побежденные редко вызывают другие чувства — такова уж человеческая психология. Амирхан Даутович знал это, поэтому не хотел встречаться ни с кем из бывших знакомых. Теперь он понимал, что прав оказался тот ночной гость, когда сказал, что нынче время Бекходжаевых, и все его попытки добиться справедливости заранее были обречены на провал. На справедливость он мог рассчитывать только при изменении общей обстановки в стране, когда само время больше не сможет терпеть Бекходжаевых и насаждаемых ими порядков и нравов.

Совершая každодневные вечерние прогулки по улице Буденного, Амирхан Даутович больше не заходил ни в один из ресторанов — не хотел ни с кем встречаться, даже случайно.

Неожиданная ревизия собственной жизни как бы укрепила его дух, утвердила еще раз в мысли, что работа его над юридическими выкладками необходима людям. Он должен спешить, спешить, потому что все чаще и чаще сердце давало о себе знать. Была еще одна причина: чувствовал Амирхан Даутович — особенно после того, как оставил пост областного прокурора и зажил жизнью большинства людей, разделяя с ними тревоги и заботы, — что в стране на первый план неожиданно выдвинулись люди, подобные Бекходжаевым. В газетах и по телевидению еще восхищались «бегом на месте» под бурные аплодисменты, и Бекходжаевы крепко сидели в своих креслах, но недовольство растущей социальной несправедливостью уже витало в воздухе, и Амирхан Даутович не мог этого не замечать. Да и как не заметишь день и ночь переполненные рестораны городка, пьяные оргии, картежную игру по крупному и все растущую вольность нравов — пир во время чумы.

И если Амирхан Даутович не мог укоротить время царствования Бекходжаевых, то к новому, грядущему времени он хотел прийти не с пустыми руками.

Прошла неделя, вторая, и Амирхан Даутович, поглощенный работой, постепенно забыл о музыке давних юношеских времен, заставившей его в воспоминаниях заново прожить жизнь, забыл и о посещении ресторанчика «Лидо», где незнакомцы так учтиво раскланялись с ним, — хотя ежевечерние прогулки по улице Буденного продолжались.

Но пришел день, и его размеренная жизнь нарушилась.

Как-то, когда он вернулся с прогулки, у двери раздался звонок. Время было позднее, гостей он не ждал — в этом городе почти ни с кем не общался, — ночной звонок удивил его. Все же дверь он открыл. В полутьме на лестничной площадке стояли двое из тех, что раскланялись с ним из-за соседнего столика в «Лидо».

— Добрый вечер, Амирхан Даутович, — приветствовали ночные гости. — Проезжали мимо, решили зайти, не возражаете?

Теперь, лицом к лицу увидев этих мужчин — каждому едва ли было за сорок, Амирхан Даутович убедился еще раз, что он их не знает. Нельзя сказать, чтобы бывший прокурор обрадовался ночным визитерам, но он не испугался. Терять ему в этой жизни больше нечего, все дорогое уже потеряно или отнято. Он шире распахнул дверь и пригласил гостей в дом.

Те прошли в комнату, представились. Тот, что ростом повыше, голубоглазый, уверенный, назвался Артуром Александровичем, а другой — чернявый, вертлявый — Икрамом Махмудовичем. Амирхан Даутович предложил сесть, но гости усаживаться не спешили. Оглядев более чем скромную обстановку в комнате, Артур Александрович сказал:

— Что же так бедно живете, Амирхан Даутович? — Видимо, вопрос был приглашением к разговору, но Амирхан Даутович промолчал. — Не жалеете, что отказались от ста тысяч?

Наверное, гость ожидал, что Азларханов удивится неожиданному вопросу, но прокурор ответил бесстрастно:

— Нет, не жалею... — Усмехнувшись, в свою очередь спросил: — И много вы знаете подробностей из моей жизни, Артур Александрович?

Гость оживился, довольный тем, что сумел заинтересовать хозяина.

— Думаю, что много. Пожалуй, ничью биографию не изучал так досконально — ни в школе, ни в институте, — как вашу...

— За что же мне выпала высокая честь? — поинтересовался Амирхан Даутович. Разговор начинал вызывать у него интерес.

— Не спешите, все узнаете в свое время. Одно могу сказать, прокурор, — не возражаете, если я буду вас так называть? — изучал я вашу биографию по личной инициативе и, не скрою, с симпатией. Хочу надеяться, что мы с вами будем друзьями, по крайней мере, нам этого очень хочется.

Амирхан Даутович не понимал, куда клонит гость, но то, что он сразу попытался расположить к себе, настораживало. Ему уже ясно стало, что никакие это не бывшие его коллеги и не работники партийного или советского аппарата, за кого он принял их тогда в «Лидо». Но вот кто они, он и предположить не мог.

Артур Александрович, видимо желая быстрее перейти к делу, выложил еще один козырь:

— Мы даже знаем, кто убил вашу жену, и можем сообщить, что Анвар Бекходжаев с прошлого года работает прокурором в районе, где некогда совершил преступление. Ну, а чтобы вы не сомневались, что мы знаем о вас все, Икрам зачитает то, что нам удалось собрать о вас. Пожалуйста, Икрам.

Икрам Махмудович явно отретированным жестом открыл кожаную папку и достал бумаги.

— Итак... Азларханов Амирхан Даутович, родился в 1933 году, в Сибири. Воспитывался в детском доме, так как родители, юристы, были репрессированы в 1937 году. Служил четыре года в военно-морском флоте на Тихом океане. Закончил в родном городе университет с отличием и аспирантуру Института государства и права в Москве. Был женат. Жена Лариса Павловна — искусствовед, собравшая частную коллекцию восточной керамики, которая неоднократно выставлялась за рубежом. В 1978 году...

Амирхан Даутович остановил жестом чернявого — читать тому еще предстояло много, и бывший прокурор не сомневался, что знают о нем все или почти все.

— Зачем вам это? — спросил он устало. — Вряд ли я нынче представляю для кого-то интерес, даже шантажировать меня нет смысла.

Артур Александрович нетерпеливо перебил хозяина:

— Мы не шантажисты. И, пожалуй, вы правы, что едва ли для кого-то представляете нынче интерес. Время такое — интерес, внимание только к тем, кто на коне, то есть в кресле. Однако хотелось бы, чтобы вы не принимали нас и за филантропов, у нас совсем другие цели, но они не могут принести вам худого, наоборот, изменят вашу жизнь в лучшую сторону. А то, что нам пришлось столь тщательно изучить вашу биографию, этого требовали обстоятельства, вы потом это поймете и, надеюсь, не будете в претензии. Слишком многое мы собираемся вам верить, оттого и не хотели бы подвергать себя неоправданному риску.

— Нельзя ли яснее? — перебил гостя Амирхан Даутович.

— Нет, яснее пока нельзя. Только в общих чертах. Яснее и подробнее — когда получим ваше принципиальное согласие на сотрудничество.

— Что же вам от меня нужно?

— Не гоните лошадей, прокурор, дело серьезное. Я представляю местную промышленность. Нам позарез нужен юрисконсульт, если уж вы так настаиваете на краткости.

— Юрисконсульт? — удивился Амирхан Даутович. — Да нашего брата сейчас развелось хоть пруд пруди, разве это проблема?

— Не скажите. Проблема, да еще какая. — Артур Александрович тяжело вздохнул, удивляясь непонятности бывшего прокурора, и пояснил: — Нам ведь не всякий юрист требуется. Нужен юрист с большим опытом, юридическим и жизненным; больше того — человек изощренный, знающий и понимающий противоречия законов; и притом человек не робкий, привыкший к коридорам власти, знающий дорогу в Москву — и туда простираются наши интересы. Нужен человек немолодой, внушающий доверие и уважение, образованный и эрудированный. В общем, нужен человек с умом и характером. Отсюда и столь подробное досье, прокурор. Признаемся, доля риска, и немалая, свяжись мы с вами, имеется. Но в случае удачи, если мы найдем пути к сотрудничеству, выигрыш для нас несомненен: ваш юридический опыт, ваши связи сослужили бы нам неоценимую пользу.

— И что же все-таки толкнуло вас на риск? — спросил Амирхан Даутович, еще не понимая, чего от него хотят ночные гости.

Видимо, Артур Александрович ждал этого вопроса, ответил он не задумываясь:

— Логика, уважаемый прокурор, логика... и обстоятельства вашей жизни, — гость выразительно повел взглядом.

— Не понимаю вашей логики, нельзя ли конкретнее.

— Что ж, можно и конкретнее, если уж так настаиваете. Я даже рад: вы, кажется, не утратили прокурорской хватки. Но мы ведь не зря зачитали ваши анкетные данные. А логика такая, хотя и придется кое в чем повториться: нам кажется, госу-

дарство никогда не ценило и теперь уже вряд ли когда оценит вашу верность идее или долгу... затрудняюсь, как это точнее назвать. Как не оценили в свое время ваших родителей, скажем так. Они сгинули без следа, сами вы росли сиротой. Вашу жену убили, вас лишили дома, работы, честного имени, здоровья. Убийца и его покровители не только на свободе, но и процветают на тепленьких постах. Так что у вас, на наш взгляд, должны уже сложиться свои взгляды на отношения личности с государством. В то время то, что вы не взяли сто тысяч у Бекходжаевых, вызывает наше уважение.

Амирхан Даутович, выслушав это откровенно циничное признание, опешил, мелькнула даже мысль показать гостям на дверь. Но какое-то внутреннее чувство удержало его от такого поступка. Кто знает, может, жизнь предоставляет ему редкий, последний шанс послужить правосудию и хоть запоздало, но искупить свою вину перед обществом? Вину эту Амирхан Даутович, как прокурор, с себя не снимал. А выгнать непрошенных гостей он всегда успеет, не в этом героизм.

Ему, кстати или нехстати, припомнился один толковый хозяйственник, поднявший разваленное предприятие. Привлекался он за то, что без документации, без государственных строительных организаций построил ремонтную базу и утепленные гаражи для своего автохозяйства. Нарушение, с точки зрения закона, было налицо, хотя корыстных целей он не преследовал. Так этот хозяйственник сказал ему однажды с горечью: «У нас никогда не судят за неделанное, судят только за сделанное».

Так и в данном случае: легче всего было бы, пылая праведным гневом, указать пришельцам на дверь, и это был бы искренний поступок, но разумнее выходило сдержаться, подождать, послушать, вникнуть в суть — ведь он даже не знал еще сути дела, в котором ему отводилась роль, и немалая, судя по откровению ночного гостя. А что касается логики Артура Александровича, которую тот считал неотразимой, единственно верно рассчитанной, бьющей в десятку, — так был ли смысл ее оспаривать, все равно каждый из них останется при своем мнении, в таком возрасте им обоим поздно менять свои убеждения. Разве понял бы ночной гость, что для Амирхана Даутовича бекходжаевы, иргашевы никак не олицетворяли ни власть, ни партию, ни государство, как не олицетворяли эти понятия и те, кто погубил родителей. Беда его родителей была одним из осколков общей беды, и сейчас, на новом витке истории, случившееся с ним также нельзя было считать только личной бедой — только так понимал события вокруг Амирхан Даутович. Сейчас было ясно — его втягивали в какое-то крупномасштабное предприятие, и дело это, скорее всего, напоминало айсберг: верхняя, надводная часть имела легальное прикрытие, а основная, подводная, была темна, как океанские глубины, и она-то требовала определенного юридического прикрытия.

Не исключено, что Артур Александрович является представителем новой волны советских миллионеров, ворочавших «теневой» экономикой, о существовании которой проникательные люди не только догадывались, но и ощущали ее присутствие повсюду. И идти добровольно в объятия такого синдиката, где царят свои жестокие законы, было небезопасно — об этом Амирхан Даутович знал. Но возникла и другая мысль: с юности он поклялся посвятить жизнь борьбе за справедливость и оказался вдруг не нужен Музею правопорядка. Так, может, ценой такого риска он послужит тому, чему собирался посвятить жизнь?

Эта неожиданная мысль как-то сразу сняла начинавшее подниматься раздражение. Внутренне он был готов рискнуть, поэтому стал внимательнее слушать Артура Александровича. Да, похоже, что жизнь звала еще раз послужить правосудию, и отступить, по его понятиям, не следовало. Он даже задал Артуру Александровичу вопрос, в котором как бы крылось не то согласие, не то сомнение:

— Вот вы сказали — поездки в Москву, коридоры власти... Вы считаете, что такие нагрузки мне по силам? Вы, думаю, знаете, что я перенес два инфаркта и тяжелейшую пневмонию, которая и до сих пор дает себя знать. Не переоцениваете ли вы мои способности?

Артур Александрович вдруг искренне и весело рассмеялся, словно сбросил с себя в этот момент огромную тяжесть.

— Дорогой Амирхан Даутович, как вы нас до сих пор еще не выставили за дверь, если считаете, что пришли два нахала и пытаются все свои заботы взвалить на вас? Не волнуйтесь, мы прекрасно осведомлены о вашем здоровье и, уверяю вас, будем всячески оберегать его. Что касается вашей работы, она будет носить вполне официальный характер, и вам ничего никогда и нигде отстаивать ценой здоровья не придется. Все, что внешне будет напоминать защиту интересов разных сторон, скажем, бурные прения, вас не должно волновать. Куда бы вы ни пришли, все или почти все будет предпрешено, и это уже не ваши заботы. Ваша работа заключается совсем в другом. Не знаю, понравится ли сравнение, но вы будете, скажем так, послом по особо важным поручениям и юридическим советником. Но сегодня, я думаю, о под-

робностях работы мы говорить не станем, важно ваше принципиальное согласие. А что касается поездок в Москву и другие города — они, конечно, будут. Но опять же, вряд ли у вас будут возникать там проблемы. Вам не придется даже нести свой чемодан, вас всюду будут сопровождать. Но, я думаю, на сегодня деловых разговоров хватит, нам следовало бы обмыть наш союз, не правда ли?

Амирхан Даутович впервые за вечер растерялся.

— У меня только чай, да и то азербайджанский второго сорта.

Но тут в разговор вступил Икрам Махмудович — наверное, это было по его части:

— Не волнуйтесь, прокурор, мы предусмотрели и это. Знали о вашем спартанском быте и ваших возможностях... — Он распахнул окно, выходящее во двор, и подал туда, вниз, какой-то знак.

Прошло несколько минут, и раздался осторожный звонок. Икрам Махмудович поспешил к двери сам. В квартире появился официант, тот самый, из «Лидо», где единственный раз ужинал Амирхан Даутович. В руках он держал две тяжелые корзины, накрытые не то скатертью, не то салфетками. Ловкий Икрам Махмудович тут же перехватил у него одну из корзин. Официант сдержанно поздоровался с хозяином и прошел в комнату вслед за Икрамом Махмудовичем — видимо, такое выездное обслуживание было ему не в диковинку. Вдвоем они ловко выдвинули стол на середину комнаты, и официант, достав из корзины туго накрахмаленную скатерть, быстро уставил ее тарелками, бокалами и прочим, привезенным из ресторана. Затем, попросив у Амирхана Даутовича разрешения воспользоваться газовой плитой, подхватил корзины и скрылся на кухне. Прокурор чуть ли не больше, чем своим неожиданным гостям, подивился расторопности молчаливого официанта и ночной скатерти-самобранке.

Через несколько минут из кухни поплыли аппетитные запахи. Пока на сковородке что-то скворчало, официант бесшумно ставил на стол закуски, зелень, «Боржом» — этот напиток Амирхан Даутович в последний раз пил лет пять назад в обкомовском буфете.

Артур Александрович, не обращавший внимания на суету официанта и Икрама Махмудовича у стола, долго стоял у фотографии Ларисы Павловны, висевшей на стене.

— Красивая была женщина. Талантливая. У меня есть два ее альбома.

Наблюдая за ночным гостем, прокурор почувствовал, что Артур Александрович ждал от него вопросов. Азларханов же не стал торопить события, и тут его выручил официант, внесший на большом лягане жареных перепелок с грибами; внимание всех переключилось на роскошное блюдо, украшенное зеленью и помидорами. Официант, поставив ляган посередине, поправил кое-что на столе, как художник, делающий последние штрихи на картине, и вопросительно взглянул на Артура Александровича. Тот, мысленно продолжавший разговор с Амирханом Даутовичем, машинально ответил:

— Спасибо, Адик, можешь идти. Ашот отвезет тебя домой.

Официант попрощался, пожелав приятного застолья, и тут же удалился.

— Ну что ж, прошу за стол, — пригласил Артур Александрович, едва за расторопным Адиком захлопнулась дверь; чувствовалось, что в любых ситуациях он привык быть хозяином положения.

Икрам Махмудович разлил открытый официантом коньяк, несмотря на возражения Амирхана Даутовича, налил и ему.

— За взаимопонимание и успех, — таков был первый тост Артура Александровича, и Амирхан Даутович пригубил коньяк вместе со всеми; гости больше не настаивали на том, чтобы он выпил. Правда, Амирхан Даутович с большим удовольствием выпил бокал чешского пива «Дипломат», похвалил.

Икрам Махмудович среагировал сразу:

— Нет проблем, Амирхан Даутович, завезу как-нибудь пару коробок финского баночного, в жаркий день нет напитка лучше.

Сидели долго, но ни о работе, ни о каких-то проблемах больше не говорили. Икрам Махмудович дважды пытался получить у прокурора консультацию по конкретным делам, но Артур Александрович мягко уводил разговор в сторону. Чувствовалось, что он образован, во всяком случае — начитан.

Бывал Артур Александрович, оказывається, и за границей, в том числе в Японии, и они обменялись с Амирханом Даутовичем своими впечатлениями о той жизни и порядках.

Расстались далеко за полночь, уговорились встретиться на другой день за обедом в «Лидо».

После ухода гостей Амирхан Даутович еще долго размышлял о необычном визите, о своей жизни, в которой с завтрашнего дня начинается новый этап. Вновь и вновь он возвращался памятью к сказанному Артуром Александровичем и к ред-

ким репликам Икрама Махмудовича. Что крылось, например, за фразой: «Мы отдаем себе отчет в том, что идем на большой риск, посвящая вас в свои дела»? Одно было ясно: дело, в которое он вступит завтра, или, точнее, уже вступил с этой полноты, — крупномасштабное, солидное, оттого они шли на риск. И Амирхан Даутович понимал, что еще какое-то время, пока он не выдержит изощренной проверки или они чем-то не привяжут его к делу, за ним будет глаз да глаз. Уж он-то наверняка будет знать гораздо больше, чем Икрам Махмудович. Ясно, что Артур Александрович не из тех, кто любит посвящать лишних людей в свои дела, а вот с юристом, хочешь не хочешь, придется консультироваться. Но какую бы опасность и риск Азларханов ни предвидел, ни предчувствовал, ему хватило мужества не отказаться — обстоятельства сложились так, что он еще раз проверялся жизнью и как юрист и как гражданин. Думал он и о том, что новые его знакомые как будто переоценивают его физические возможности — а может и наоборот: знают, что врачи обещали ему месяцы, не годы? Может, деловые люди и это взяли в расчет — знакомство обещает быть недолгим, и именно недолгий срок их устраивает, гарантирует, так сказать, дополнительную безопасность? Точно сказать он сейчас не мог.

Артур Александрович ничего не сказал ему о требованиях на будущей работе, но прокурор знал: они вряд ли будут отличаться от тех, что предъявляются на теперешнем заводе, да и повсюду, где ему пришлось работать юрисконсультантом.

Парадокс заключался в том, что и дельцы подпольных трестов, и директора официальных предприятий требовали одного — соблюдать интересы фирмы, даже если они идут вразрез с государственными и народными, хотя, если быть объективным, подпольная экономика так или иначе учитывает интересы потребителя и никогда не работает ради пресловутого плана на склад-свалку.

Дойдя в своих рассуждениях до такой горькой истины, Амирхан Даутович успокоился и отправился спать — назавтра ему предстоял нелегкий день.

5

В назначенное время Амирхан Даутович появился в ресторане «Лидо». У входа его встретил вчерашний официант и проводил к тому самому столику, за которым он уже однажды ужинал здесь. Артур Александрович появился неожиданно, откуда-то из-за спины, наверное, он вошел в другую дверь, в ту, что вела прямо из ресторана в гостиницу. Выглядел он собранным, подтянутым, наверное, был из тех, кто никогда не позволяет себе расслабиться. Зал уже почти заполнился, и Амирхан Даутович видел, как многие тянутся взглядом к их столу, желая поздороваться или хотя бы попасть на глаза Артуру Александровичу, но тот словно ничего не замечал вокруг, все свое внимание уделял собеседнику за столом.

— Ну как, товарищ прокурор, не переменяли вчерашнего решения, а то — вольному воля, я предпочитаю в делах добровольные начала? — спросил Артур Александрович, разливая «Боржоми» в бокалы, он по привычке брал инициативу в руки сразу.

— Нет, не передумал. Старость не за горами и, как вы правильно заметили, я оказался к ней не готов. Однако я задам вам встречный вопрос: будет ли у меня возможность скопить деньги на маленький уютный домик в Крыму — скажем, в Ялте? Это то, что рекомендуют мне врачи.

— Не только на маленький, но и на самый что ни есть роскошный, какими владеют в Крыму некоторые отставные генералы. Я тоже люблю Крым, Ялту и рад помочь вам, чтобы было куда прийти в гости по старой дружбе, а может быть, я и сам куплю что-нибудь по соседству. Наверное, наступит день, когда и мне наскучат дела. Все зависит от вас, Амирхан Даутович, повторяюсь еще раз: ваш опыт, знания, прежние связи нам необходимы позарез. Но давайте спокойно пообедаем, а разговор наш о делах перенесем наверх, ко мне в номер.

Когда они выходили из-за стола, Амирхан Даутович осторожно подсказал Артуру Александровичу:

— Обратите, пожалуйста, внимание на того молодого человека в красной рубашке, что сидит через проход. Мне кажется, он слишком тщательно выбирал место, чтобы лучше просматривать наш столик, и все время не сводит с вас глаз.

Артур Александрович, не повернув головы в ту сторону, куда кивком указал Амирхан Даутович, улыбаясь, ответил:

— Я не ошибся в вас, прокурор! Есть еще порох в пороховницах. Вы правы, он не сводит с меня глаз и место выбрал с умом, но он так и должен поступать, потому что это мой телохранитель.

Видя, что своим сообщением явно огорошил сдержанного, владеющего собой Амирхана Даутовича, Артур Александрович рассмеялся:

— Да, да, телохранитель, не удивляйтесь. У вас тоже будет свой; впрочем, он уже есть, подыскали нам подходящего человека, прибудет недели через две-три. Ну, а с Ашотом, я надеюсь, вы подружитесь, надежный парень, не подведет.

Поднялись на третий этаж; номер Артура Александровича расположен был в конце коридора. Когда входили, Амирхан Даутович обратил внимание на тяжелую дубовую дверь и два финских замка с особой секретностью — такие замки были врезаны некогда у него в кабинете областной прокуратуры.

Двухкомнатный люкс на первый взгляд ничем особо не выделялся: маленькая спальня, в которой едва умещался спальный гарнитур, и небольшой зал, наверное, служивший Артуру Александровичу кабинетом и приемной. Бесшумно работал кондиционер, отчего в комнатах стояла приятная прохлада. Чувствовалось, что здесь живут давно, уют больше походил на домашний, чем на гостиничный.

Оглядевшись, Амирхан Даутович увидел в углу большой японский телевизор «Шарп», а рядом, на специальной подставке, плоскую серебристую деку, похожую на магнитофон, но понял, что это видеоприставка.

Артур Александрович, поймав взгляд Азларханова, подтвердил:

— Да, домашнее кино. Интересные есть фильмы. «Крестный отец» Копполлы, например. Жаль, времени не хватает смотреть; впрочем, у вас со временем будет полегче. Так что при желании можете смотреть здесь или систему поднимут к вам в номер.

Амирхан Даутович вопросительно взглянул на хозяина люкса.

— Да, да, к вам в номер, я не оговорился, просто забежал немного вперед, к слову пришлось. Мы с Икрамом Махмудовичем решили, что ваше жилье нас не устраивает, да и не подходит оно вам. Что это за квартира? Не по вашим она заслугам, Амирхан Даутович. Поскольку однокомнатные здесь дефицит, как и в любом другом городе, мы подыскали вам обмен на двухкомнатную, от гостиницы недалеко, в соседнем квартале. Я был там и уверен, она вам должна понравиться. Не скажу, чтобы квартира нуждалась в ремонте, но решили все же обновить ее, тем более что в этом городе есть настоящие мастера. Через два часа мы закончим с вами кое-какие дела, а затем вы с Икрамом Махмудовичем поедете и посмотрите новое жилье. Там вас будет ждать человек, его люди будут делать ремонт — на месте все и обговорите. Месяца два вы будете мне нужны ежедневно: накопилось много дел, я хочу получить консультацию или обсудить их с вами. Вашу квартиру в «Черемушках» надо будет освободить, а на новой, на Красина, будет пока идти ремонт. Поэтому на четвертом этаже, надо мной, вам зарезервирован точно такой же номер, и вы сегодня или завтра должны переехать в гостиницу.

Слушая Артура Александровича, Азларханов невольно рассмеялся, и тот тут же среагировал:

— Я что-нибудь не так говорю, Амирхан Даутович?

— Ремонт, люкс на четвертом этаже... вы слишком оптимистичны насчет моих финансовых возможностей, Артур Александрович.

Тут уж рассмеялся хозяин люкса:

— С вами не соскучишься, прокурор. Знаем ваши возможности, знаем. Мы ведь не прежнее ваше руководство: приглашая человека, ожидая от него отдачи, думаем прежде всего о нем. Какова забота, такова и работа — это наш девиз. Оттого и идут к нам охотно, хотя элемент риска не скрываем.

Артур Александрович выдвинул незапертый ящик письменного стола и, не глядя, достал пачку денег в банковской упаковке.

— Вот получите. Это вам на первое время. Не хватит — обращайтесь, не смущаясь. Повторюсь, я не филантроп и, как всякий деловой человек, умею считать деньги, но ваша работа будет оплачиваться высоко, так что вы вправе брать вперед любые суммы. Помните из классики: в старой России могли выдать жалованье за год вперед — у нас приблизительно такая же система, но не для всех, конечно.

Амирхан Даутович взял протянутую ему пачку пятидесятирублевых и небрежно сунул в карман. Видимо, обтрепавшийся рукав его пиджака напомнил Артуру Александровичу что-то, и он добавил:

— И последнее, прежде чем перейти к делу. После встречи со строителями поедете с Файзиевым на торговую базу соседней области, там вас тоже ждут, звонили перед обедом. У них крупное поступление. Вам следует основательно обновить свой гардероб. Солидность, респектабельность... По одежде встречают, по уму провожают — это придумал не я.

Наверное, Артур Александрович еще о чем-нибудь неожиданном вспомнил бы, прежде чем перейти к делу, но тут раздался междугородный телефонный звонок. Хозяин номера долго выслушивал кого-то на другом конце провода, изредка встав-

ля непонятные Амирхану Даутовичу реплики: чувствовалось, что разговор не доставляет ему удовольствия. В конце концов, не дослушав до конца, он сказал: — Сегодня буду, ждите. — И бросил трубку.

Артур Александрович заходил по комнате, заглянул зачем-то на минутку в спальню; вернулся в зал по-прежнему спокойным, уравновешенным, он умел владеть собой.

— Не люблю, когда срываются планы. Сегодня я собирался ввести вас в курс дела, но не хочется впопыхах. Отложим на послезавтра. Я должен срочно, сейчас же, выехать в Ташкент. А вы решайте пока свои личные дела с Икрамом Махмудовичем, устраивайтесь. — Артур Александрович взял со стола ключ и протянул его прокурору. — Это от номера надо мной, посмотрите и оформляйтесь. И вот что я вам скажу на прощанье... Я специально не затронул этой темы вчера, считал, что ваше согласие работать с нами должно быть добровольным. — Он посмотрел Амирхану Даутовичу прямо в глаза. — Я думаю, у вас есть еще одна причина сотрудничать с нами и, насколько я знаю вас, более важная, чем деньги, но вы о ней еще не подозреваете. Так вот, я думаю, теперь у вас появится возможность свести кое с кем счеты. Доберемся и до Бекходжаевых, дайте только срок. А пока — всего хорошего.

Когда Азларханов вышел из номера, у окна в коридоре курил молодой человек в красной рубашке. Увидев Амирхана Даутовича, он соскочил с подоконника, отбросив сигарету, улыбнулся как старому знакомому, но Азларханов, словно не замечая его, прошел к лестнице, ведущей на четвертый этаж.

...Вернулся Амирхан Даутович с Файзиевым из соседней области поздно вечером. День выдался напряженный, и от прогулки пришлось отказаться. Так устал, что покупки разглядывать не стал, свалил коробки, свертки, пакеты в прихожей, все равно завтра придется перевозить в гостиницу.

Отказался Амирхан Даутович и от ужина в «Лидо», предложенного Икрамом Махмудовичем, хотелось побыть одному, обдумать еще раз крутые перемены в жизни. В том, что Артур Александрович с компаньонами всерьез рассчитывают на его помощь и кое-какие прошлые связи, он не сомневался. Из каких побуждений Артур Александрович уверял его, что появится возможность свести кое с кем счеты? Чтобы заинтересовать в сотрудничестве? А может, дела Артура Александровича где-то перехлестнулись с кланом Бекходжаевых и ему нужен заинтересованный сообщник? И по каким-то соображениям именно он, Азларханов, подходит более всего?

Странно. Казалось, только войдет в дом, рухнет на неразбранную кровать и от усталости и напряжения тут же заснет мертвецким сном. Но сон не шел, какая-то тревога зрела в душе; Амирхан Даутович встал и заварил чай, хороший чай, осталась пачка от ночного визита Артура Александровича. За чаем ему всегда думалось лучше. Нет, он не копался в прошлом, мысли его нацелились на будущее. Из минувшего вспомнилась только встреча с посланником Бекходжаевых, и то потому, что тогда ночью он признался себе, что недооценивал преступный мир, плохо знал его возможности, или, точнее, современный уровень его. Сегодня же, готовясь к сотрудничеству с Артуром Александровичем, он признался себе и в другом: он знает жизнь абстрактнее, чем Шубарин Артур Александрович и Файзиев. Не знал ее толком, когда был областным прокурором, не узнал ее и в последние четыре года. Почему он так решил? Да потому, что еще в бытность его областным прокурором уже поступали сигналы о набирающих силу артелях, цеховиках — хозяевах подпольной экономики, об их влиянии, но он вместе с другими отмахивался от этих проблем, не считая их серьезными, как отмахивались, когда заходил разговор об организованной преступности, наркомании, проституции, сращивании преступности с законом.

За демагогическими фразами: «У нас этого не может быть» или «У нас нет социальных причин для подобного рода преступления» — проглядел реальную жизнь и сейчас откровенно признавался себе в этом.

Да и как не признаться, если, едва столкнувшись, даже еще не войдя в курс дела, прокурор почувствовал, каким огромным влиянием обладает тот же Артур Александрович. Только заикнулся он о номере на четвертом этаже, дежурная расплылась в улыбке и минуты не держала его у окошка. Позвонил в жэк по поводу обмена квартиры, там тоже были предельно внимательны, все решалось заочно и быстро.

А на торговой базе сам директор водил из склада в склад, показывая дефицит из самых потаенных углов. И все потому, что упоминалась, как волшебный «сезам», фамилия Артура Александровича. Мог ли он считать себя знающим жизнь, если не разглядел вовремя две раковые опухоли на теле общества, чьи права, покой, здоровье он обязан был защищать по долгу службы.

И теперь он понимал, что его долг — помочь удалить эти опухоли, разорвать связи клана Бекходжаевых, осветить тайную жизнь подпольной экономики и тех, кто стоит за нею.

Нет, конечно, не только возможность свести счеты с Бекходжаевыми толкала Амирхана Даутовича в синдикат Шубарина; он чувствовал за Артуром Александровичем еще более разветвленный и могучий клан, чем тот, родоплеменной бекходжаевский, так сказать, местного значения, с которым он столкнулся и потерпел поражение. Рука Артура Александровича, подсказывали ему опыт и интуиция, простиралась куда как дальше и выше.

Осознавал Амирхан Даутович и всю опасность своей затеи. Если уж Бекходжаевы ни перед чем не останавливались, то Артур Александрович — тем более. Азларханов на миг представил лицо Ашота: этот думать не станет, если поступит приказ.

И всплыло в памяти предупреждение конвоя для особо опасных преступников: «Шаг в сторону считаю за попытку бегства и стреляю без предупреждения...»

Да, на предупреждение теперь он рассчитывать не мог — не та игра.

«С волками жить — по-волчьи выть», — вспомнилась вдруг пословица, и кста-ти наверное: это и было ответом на мучившие его вопросы — так следовало поступать, чтобы войти в доверие и стать незаменимым человеком для Шубарина.

Это решение приободрило Амирхана Даутовича. Он распаковал несколько свертков и коробок, и через несколько минут в щербатом зеркале гардероба отразился высокий, элегантно одетый мужчина в светло-серой тройке, серебристой рубашке с голубым галстуком, в модных итальянских ботинках. «Да, пожалуй, это тип уже ближе к Шубарину и Файзиеву, могут принять за своего», — с усмешкой подумал Амирхан Даутович и пошел спать.

На другой день, впервые за полтора года жизни в «Лас-Вегасе», Амирхан Даутович завтракал не в чайхане. Утром он прошел обычным своим вечерним маршрутом и был у «Лидо» к восьми — он уже знал распорядок своих новоявленных шефов. И действительно, когда он вошел в зал, Икрам Махмудович был там. Линию поведения Амирхан Даутович уже выстроил окончательно и оттого уверенно, не дожидаясь приглашения Адика, сразу пошел к столу.

— Доброе утро, — приветствовал Азларханов растерявшегося Икрама Махмудовича: тот явно не ожидал встретить прокурора здесь поутру, да еще так неожиданно преобразившимся.

— С утра такой парад, решили нанести визит в горком, горисполком? — поинтересовался на всякий случай Икрам Махмудович.

— Нет, никаких официальных визитов, Артур Александрович не разрешил никакой самостоятельности.

— Да, он этого не любит, — подтвердил Икрам Махмудович.

За завтраком ему неожиданно пришла мысль и о линии поведения с Файзиевым. За два дня общения Амирхан Даутович понял, что Файзиев является вторым лицом в деле, но вся власть остается за Артуром Александровичем, и не исключено, что не во все планы посвящал он своего помощника. Значит, ему следовало прибавиться к берегу, откуда могла исходить вся информация, и не бояться, даже если кому-то покажется, что он оттирает Икрама Махмудовича и претендует на особое положение возле Шубарина. Такое поведение в подобном кругу вполне объяснимо и логично: кто владеет большей информацией и причастен к стратегии дела, тот и весит больше. Чем алчнее, бесцеремоннее он будет выглядеть, тем естественнее покажется его поведение.

Под конец завтрака, давая понять, что над ним властен лишь один Шубарин, Азларханов сказал:

— Пожалуйста, распорядитесь, Икрам Махмудович, чтобы телевизор и видеоманитофон перенесли с третьего этажа ко мне в номер. Артур Александрович рекомендовал мне посмотреть несколько фильмов: боюсь, когда он вернется, мне будет не до того. А я пока схожу к себе на новую квартиру и встречу со строителями. Я решил все же отделать прихожую пенопленом, а не деревом, так, кажется, будет уютнее. — И, считая, что разговор окончен, встал.

Икрам Махмудович, еще не привыкший даже к внешнему преображению Амирхана Даутовича и явно не знавший, как истолковать неожиданное поведение Азларханова, ответил:

— Делайте как хотите, Амирхан Даутович. Квартира ваша, лишь бы она вас радовала. А насчет видека я сейчас же дам команду. Верно вы сказали: когда вернется Артур Александрович, вам не до кино будет, слишком много для вас накопилось дел.

Из ресторана Амирхан Даутович вышел в хорошем настроении — он чувствовал, что одержал первую маленькую победу, радовался, что выбранная линия поведения оказалась верной. В просторном холле «Лидо» обставленном на старый (нэпманский, подумалось Азларханову) манер фикусами и оранжерейными пальмами в кадках, отражавшимися в зеркальных стенах, Амирхан Даутович увидел Факира. Сурик Мирзоян, ожидавший кого-то, окинул Амирхана Даутовича цепким взглядом, но прокурора в нем сразу не признал — только когда Азларханов уже

дошел до выхода, резко развернулся и бросился к стеклянной двери зала: наверное, хотел предупредить Икрама Махмудовича на всякий случай.

...В квартире у него уже вовсю кипела работа: в одной из комнат поверх деревянных полов настилали паркет, в ванной и кухне слесари меняли сантехнику.

Вчера, получив от Артура Александровича нераспечатанную пачку пятидесятирублевых, Амирхан Даутович подумал: «Зачем мне такая сумма, куда я буду девать деньги?» Но после визита на торговую базу у него осталась даже меньше половины. Один кожаный бельгийский плащ, который ему навязали, стоил ровно тысячу рублей только в кассу. Но сейчас он не жалел о вчерашних тратах, показавшихся вначале бессмысленными: в окончательно выбранной стратегии подобным тратам отводилась не последняя роль. Соря деньгами, тратя их направо и налево, он скорее сократит дистанцию недоверия.

Новая стратегия натолкнула его на неожиданную мысль, и он пешком, не спеша, отправился в мебельный магазин.

Магазин принадлежал областной потребкооперации и, как все построенное в последние годы, поражал размахом. Наверное, следовало бы кое-кому заинтересоваться волшебством кооператоров, как это им удалось в короткий срок настроить столько ресторанов и кафе или вот таких магазинов. Или попросить бы их поделиться опытом с органами здравоохранения и просвещения, чьи здания, даже вновь отстроенные, не могут сравниться по качеству с предприятиями торговли и общепита.

Богатым оказался магазин и внутри. Откровенно говоря, Амирхан Даутович заходил в мебельный магазин последний раз лет пятнадцать назад, когда, став областным прокурором, получил коттедж на Лахути. Лариса тогда затащила его посмотреть немецкий спальный гарнитур, очень уж он нравился ей, но купить его так и не удалось. Затеяли музей под открытым небом, и все свободные деньги, что откладывала Лариса на мебель, как-то растаяли. Позже купили две отдельные кровати, и вопрос о спальном гарнитуре отпал сам собой.

Глядя на это деревянное изобилие, Амирхан Даутович невольно подумал: «Теперь не только песни другие, но и другая мебель».

Площадь магазина позволяла, и товар подавали, что называется, лицом: жилые комнаты, спальные гарнитуры, кухонная мебель, зеркала, ковры — все представляло перед покупателем в продуманном интерьере, дизайнеры поработали на славу. Но больше, чем сама мебель и работа художников-оформителей, Амирхана Даутовича поразила цена. Тот некупленный спальный гарнитур, ставший для них с Ларисой семейной легендой, стоил всего семьсот рублей — Амирхан Даутович хорошо запомнил цену. Теперь на эти деньги он мог бы приобрести только письменный стол настоящего дерева, да и то не всякий, или пару кресел, и тоже с оговоркой, потому что стоили кресла и по пятисот рублей. Ныне спальные гарнитуры стоили от двух до шестнадцати тысяч, кухонные — от шестисот рублей до двух тысяч, а жилых комнат здесь меньше пяти тысяч не было ни одной. «Это на кого же рассчитаны такие цены?» — думал Амирхан Даутович. — Ведь не все состоят на службе у Шубарина и могут высокое жалованье получить за год вперед».

Что и говорить, и сами гарнитуры, и выбор поражали, хотя Амирхан Даутович заметил, что глянувшаяся мебель вся оказалась импортной. Расхаживая по огромному залу, он размышлял о странной своей задаче — истратить как можно больше денег. Но даже замыслив ошеломить Артура Александровича своим неожиданным жизненным энтузиазмом, он не предполагал, что могут предстоять такие расходы. Нет, он вовсе не собирался приобретать ни резную венгерскую спальню «Чаба» за четырнадцать тысяч, ни жилую комнату «Сибилла» за двенадцать или шведский кухонный гарнитур «Викинг» за пять тысяч, но даже надумай он кое-что приобрести по самым средним ценам, это обошлось бы ему не менее чем в десять тысяч. Сделав кое-какие заметки в записной книжке, Амирхан Даутович покинул ошеломивший его магазин.

На другой день после обеда, когда Амирхан Даутович смотрел у себя в номере «Репетицию оркестра» Феллини, раздался неожиданный стук в дверь. Амирхан Даутович нажал на клавишу «пауза» и нехотя пошел к двери. На пороге стоял Шубарин.

— Извините, что помешал, — сказал Артур Александрович, увидев на экране застывший кадр.

— Нет, что вы, проходите, пожалуйста. Вы знаете, в том и состоит прелесть домашнего кино, что можно прервать и возобновить в любое время...

— А вы осваиваетесь в новой жизни куда быстрее, чем я предполагал, — улыбнулся Артур Александрович. — Строители говорят, подгоняете их, сообщили, что и к мебели проявляете интерес.

Амирхан Даутович отметил, что Артур Александрович невольно проговорился.

Значит, как он и предполагал, фиксировался каждый его шаг. Наверняка Файзиев сообщил уже о крутой перемене в настроении и привычках прокурора, и, как бы подтверждая наблюдения Икрама Махмудовича, Азларханов решил развить успех: он достал записную книжку и, вырвав страничку, заполненную в мебельном магазине, протянул ее Шубарину.

Артур Александрович прочел вслух:

1. Жилая комната «Лувр» (Югославия) — 5400 рублей.
2. Спальный гарнитур «Рижанс» (Румыния) — 2900.
3. Кухня «Комфорт» (Югославия) — 1700.

Итого — 10 тысяч рублей.

— Неплохой аппетит для начала, неплохой, — сказал он, продолжая улыбаться.

— Поэтому я готов сегодня же приступить к своим обязанностям, — пошутил Амирхан Даутович.

— Сегодня не получится, конец недели, я не стал брать из сейфа документы. К тому же часа через два мы с Икрамом Махмудовичем уезжаем на свадьбу к директору торговой базы в соседней области, где вы были недавно. Он выдает дочь замуж за сына одного влиятельного человека в крае.

— Вы такой любитель восточных свадеб? Или вам необходимо там быть? Вы ведь только с дороги, устали, — посочувствовал прокурор.

— Да, вы попали в точку, я не поклонник свадеб — ни восточных, ни европейских, и вообще не поклонник многолюдных торжеств. И я с большей пользой провел бы вечер с вами у себя в номере, и Адик накрыл бы нам стол не хуже свадебного, но я должен быть там непременно. Прожив так долго в Средней Азии, вы, кажется, многого не поняли: на подобных мероприятиях зачастую решаются дела и судьбы. Но дел у меня на сей раз немного, я всего лишь должен потушить небольшой огонь, пока он не разросся в пожар. Вынужден ехать, хотя, как вы правильно заметили, я чертовски устал в Ташкенте, Амирхан Даутович. Так что я желаю вам приятного времяпрепровождения с Феллини.

Артур Александрович направился к выходу. У самой двери он, однако, остановился, словно вспомнив о чем-то, а потом переспросил:

— Вы, кажется, сказали, что готовы немедленно приступить к работе, не так ли, Амирхан Даутович?

— Да, я так и сказал и готов отложить «Репетицию оркестра» до более благоприятного времени.

Артур Александрович с минуту о чем-то раздумывал, потом махнул рукой, точно принял неожиданное решение:

— Начнем репетицию нашего оркестра. Даю вам два часа на сборы, как и себе. Икрам Махмудович доложил, что вы купили какой-то сногшибательный костюм, так что жду вас у себя при полном параде. На свадьбу едем втроем. — И, видя недоумение на лице прокурора, повторил: — Да, да, на свадьбу. Работать... Помните: «Весенний день год кормит»? Не знаю, как поэтично перевести эту поговорку на наш деловой язык, но ситуация приблизительно такая. Так что я вас жду — ровно через два часа.

Амирхану Даутовичу ничего не оставалось делать, как начать собираться.

— Ну вот, вид вполне преуспевающего человека, — одобрил Артур Александрович, когда в назначенное время Азларханов спустился на третий этаж. — Только держаться посоветовал был несколько увереннее, вальяжнее — так, словно ничего страшного в вашей жизни не произошло и ничто не сломило вас, вы снова на коне. Даже хорошо, если кто-то подумает, что мы с Файзиевым возле вас, а не вы возле нас. Понимаете?

— В такое мне самому трудно поверить, не то что внушить другим. Впрочем, я постараюсь, — пообещал Амирхан Даутович, не понимая, что там еще задумал новоявленный великий комбинатор.

Но Артур Александрович больше ничего не сказал, и они спустились вниз, где у машины дожидались их шофер-телохранитель Ашот и Икрам Махмудович.

Когда вырвались из города на шоссе, Ашот хотел было включить магнитофон, но Артур Александрович, сидевший рядом, остановил его. И тут Амирхан Даутович увидел рядом с магнитофоном телефонную трубку и удивленно спросил:

— У вас в машине телефон?

— Да, совсем недавно удалось купить японскую автономную установку на десять номеров. Действует в радиусе ста километров. Когда у вас в доме закончится ремонт и уйдут посторонние люди, и у вас поставят такой телефон. Он свяжет вас в любое время со мной, где бы я ни был; но учтите, о такой связи знают немногие.

Ехали больше молча, редкие реплики, обрывочные фразы были малопонятны Амирхану Даутовичу, и он сам ни о чем постороннем не расспрашивал, чтобы разговор не ушел в сторону от дел; все надеялся, что Артур Александрович прояснит, какая ему отведена роль на свадьбе.

Но Артур Александрович, видимо, только сейчас всерьез обдумывал свою затею взять на свадьбу прокурора, а может быть, даже и жалел о своем поспешном решении. По лицу Шубарина ни о чем нельзя было догадаться. Амирхан Даутович в бытность свою областным прокурором редко ходил на свадьбы и подобные мероприятия, столь частые в этом краю, в последние годы его даже приглашать перестали, зная, что у него на этот счет свои взгляды. И потому только сейчас, в машине, ему пришло в голову, что на свадьбе у директора торговой базы будет, конечно же, весь цвет местного общества, а может, надо брать и повыше, потому, как сказал же Артур Александрович, что его друг выдает дочь за влиятельного человека в крае. «Так кому же хочет меня представить Шубарин на этой знатной свадьбе? Или удивить кого, что я вновь поднялся, и если не при власти, то при деньгах, что для этих людей означает одно и то же?» Такие вот мысли завертелись в голове Амирхана Даутовича, и он даже обрадовался, что едут молча и есть возможность просчитать кое-какие варианты. В том, что нащупал что-то реальное, Амирхан Даутович не сомневался.

Может, он хочет припугнуть Бекходжаевых? Глядите, мол, с кем я вошел в союз. Видите, оправился от невзгод скинутый вами с кресла прокурор и готов к борьбе, сам пришел к нам в логово напомнить о себе.

И, словно подтверждая мысли Амирхана Даутовича, Шубарин спросил:

— Амирхан Даутович, вы знакомы с Хайтовым, тамошним областным прокурором?

— Да, был знаком.

— Отношения у вас были нормальные, признает он вас теперь?

— Думаю, что да. В свое время я помог ему кое в чем. Он даже несколько раз приезжал ко мне советоваться в трудные для себя дни.

— Ну что ж, это обнадуживает. Значит, не зря я оторвал вас сегодня от Феллини.

«Хайтов, Хайтов... Адыл Шарипович...» — Амирхан Даутович пытался припомнить, но ничего скандального с этой фамилией увязать не мог — прокурор как прокурор. На него, как и на других, постоянно оказывали давление сверху, но, судя по делам, по которым Амирхан Даутович консультировал когда-то Хайтова, тот не из тех, кто готов плясать под любую дудку. Впрочем, когда это было! Последний раз они виделись лет семь назад, а семь лет — это срок. Кто бы мог еще пять лет назад предсказать Азларханову такую судьбу? Семь лет, когда правят бал люди, подобные Бекходжаевым, могли поколебать и убеждения Адыла Шариповича.

«Адыл Шарипович, Адыл Шарипович...» — мысленно повторял он, словно это имя должно было натолкнуть его на что-то важное. Почему Шубарин спросил, признает ли его Хайтов теперь? Какие у него планы, чего он хочет от Адыла Шариповича?

Но таких вопросов можно было задавать себе десятки, и вряд ли хоть одна отгадка оказалась бы верной — диапазон интересов Артура Александровича, похоже, был столь широк, что гадания казались излишней тратой сил. И он признал, что пока это для него чужая игра, а он стоит у кромки поля, готовый вступить в нее, ведь назад хода уже не было.

Вдали показались пригороды областного центра, и Амирхан Даутович подумал, что вступить ему в игру придется уже через полчаса; поэтому он откинулся на сиденье, закрыл глаза и попытался сосредоточиться, снять напряжение. Но Артур Александрович вдруг сказал, не поворачивая головы:

— А теперь, Амирхан Даутович, слушайте меня внимательно. Нас с Икрамом Махмудовичем в этих краях хорошо знают, по крайней мере в последние шесть лет, и ваше появление в компании с нами не останется незамеченным. Впрочем, не меньший интерес вы бы вызвали, даже если бы появились один. Ваша задача такова: показать, что вы крепко стоите на ногах, дать понять своим старым знакомым, что вы при деле, что преуспеваете и готовы вернуть себе положение в обществе. Если будут спрашивать, где вы работаете — отвечайте: в управлении местной промышленности. Не вдаваясь в подробности. Если Хайтов не будет избегать встречи с вами, при первой удобной возможности представляйте меня ему, я давно ищущий с ним личных контактов, лучшего шанса, чем сегодня, кажется, у меня не будет. Ну, остальное по ходу свадьбы. Я подскажу, с кем из ваших прежних знакомых следует поддерживать отношения. Вот и все заботы, Амирхан Даутович. Гуляйте, приглядывайтесь к жизни по-новому и в новом качестве — в качестве ее хозяина. Не исключено, что и ваши враги будут здесь; в этом случае я представлю вас двоим-троим, кого вы, возможно, и знаете, но лучше, если я все-таки вновь рекомендую вас. Эти лица находятся в серьезной конфронтации с Бекходжаевыми, не могут поделить сферы влияния — что называется, нашла коса на камень. И ваш контакт не останется незамеченным, я за это ручаюсь.

Потом, после некоторого раздумья, словно взвесив известное только ему, Артур Александрович добавил:

— Хотя, мне кажется, у нас самих будет возможность по квитаться с Бекходжаевыми. Я думаю, вы не настолько тщеславны... Вряд ли вам нужно, чтобы все вокруг шумели — мол, это Азларханов нанес Бекходжаевым смертельный удар. Отдадим победу, Амирхан Даутович, другим, для меня всегда был важен результат. — И, оборвав разговор на этой туманной фразе, Артур Александрович с азартом охотника воскликнул: — Приехали!

Машина свернула в зеленый проулок среди частных домов и садов. Далеко, насколько хватало взгляда, вдоль садов теснились машины, — судя по номерам, были здесь гости из разных областей. Ашот уверенно подрулил к самому дому, хотя уже квартала за два не оставалось свободного места. У железных ворот, на улице, в тени деревьев, по местному обычаю, стояли накрытые столы. Возле этих столов и встречал приезжающих Джафаров — хозяин внушительного особняка. Увидев «Волгу» Артура Александровича, он оставил гостей, с которыми разговаривал, на кого-то из родственников и поспешил к машине.

Артур Александрович обнялся с отцом невесты, вручил конверт от имени компании и представил Амирхана Даутовича, что-то сказав прежде тому на ухо.

Джафаров, видимо понявший Шубарина с полуслова, взял Амирхана Даутовича под руку и сам повел во двор, где уже собралось много народу. Артур Александрович и Икрам Махмудович шли рядом, словно сопровождали важного человека.

Когда-то на Лахути Амирхану Даутовичу казалось, что у него огромный двор, но тот, куда он вошел, беседуя с хозяином, оказался в четыре-пять раз больше; он словно был задуман для грандиозных приемов, где одновременно могут сесть за стол шестьсот-семьсот человек.

Редкий нынешний городской скверик мог тягаться с двором Джафарова, а об ухоженности и говорить не приходится, вряд ли один садовник мог управиться в такой усадьбе. Наверное, Джафаров продумывал планировку своего двора куда тщательнее, чем некогда Лариса, замысливая создать музей под открытым небом.

В самом центре двора — большой фонтан; судя по мрамору, его обновили к свадьбе. От фонтана разбежались дорожки, посыпанные влажноватым красным песком, по ним прогуливались многочисленные гости. В глубине двора, у глухого дувала, затянутого ползучим вьюном, располагалась летняя кухня; напротив, под кроной могучей орешины, сразу на двух вертелех жарили туши баранов, плотный аромат жареной баранины забивал другие запахи в огромном саду.

В разных местах были натянуты цветные тенты, под ними приготовлены уже накрытые столы, пока что под марлей. Хозяин дома показал приехавшим отведенные им места и вновь поспешил к воротам, гости подъезжали дружно. По двору сновали какие-то молодые люди в наушниках, в последний раз проверяли усилители и микрофоны, дабы отовсюду можно было услышать и быть услышанным. Молоденькие девушки в кокетливых нарядных шальварах обносили гостей минеральной водой и пепси-колой. Понятно было, что в этом доме не впервой принимают такое количество гостей. На возвышении, устланном большим красным ковром, рядом с фонтаном, музыканты настраивали инструменты. Предчувствие праздника и веселья витало в дымном воздухе, будоражило гостей, отовсюду слышался смех, возгласы давно не видевшихся знакомых.

Хотя Амирхан Даутович и не суетился и не озирался по сторонам, тем не менее видел все происходящее вокруг; вот когда пригодился опыт его прошлой жизни. Видел он и реакцию гостей, когда Джафаров ввел его во двор; похоже, мало кого лично встречал и обхаживал этот человек; видел он и реакцию на как бы сопровождающих его Артура Александровича и Икрама Махмудовича. Чувствовалось, что многие знают здесь Шубарина и Файзиева, но не понимают, отчего те уделяют столько внимания бывшему прокурору соседней области. Слышал он и волной прошелестевший шепоток: «Азларханов... Азларханов... Азларханов...» Узнали и теперь гадали, как, каким образом поднялся, как попал он сюда, к избранным? Это были наблюдения только первых минут, пока они оставались втроем. Но тут же к ним стали подходить знакомые и друзья Артура Александровича и Икрама Махмудовича, и те обязательно представляли всем Амирхана Даутовича. Однако вскоре начали обращаться и к самому Амирхану Даутовичу. Некоторых он припоминал с трудом, но попадались и очень знакомые лица — большинство из соседней области, где он некогда был прокурором. «Значит, могут оказаться здесь и Бекходжаевы», — решил Азларханов.

Замечал он и реакцию Артура Александровича: тот, кажется, проверял правильность своей идеи и, видимо, пока не жалел, что захватил его на эту свадьбу и что вообще привлек к делу; но до разгадки замыслов Шубарина ему, конечно, было далеко, особых иллюзий на этот счет Амирхан Даутович не имел.

Не забывал Амирхан Даутович и свою главную задачу — войти в контакт с Хаи-

товым и при возможности представить ему Шубарина. От первого успеха могло зависеть многое, прежде всего доверие Артура Александровича, ведь пока все, что выстроил умозрительно Шубарин, — теория. А ему важна практика, результат. И результат надо было дать сегодня, они оба проходили проверку на успех.

И вдруг — простая мысль (на секунду он поставил себя на место Хаитова): приехал бы он сам на свадьбу, в эту роскошную виллу, утопающую в цветах? Ведь обязательно быть прокурором, чтобы догадаться об источнике такого благополучия. И он ответил себе: если Хаитов остался прежним — тем, который приезжал к нему консультироваться, чтобы отстоять законность, — конечно, он сюда никогда не придет. Убедительно на первый взгляд? Однако же ведь Артур Александрович рассчитывал встретить тут Хаитова, а уж он, это ясно было, ничего наобум не делал, не стал бы он тащиться сюда, за сто двадцать километров, чтобы отведать свадебный плов да взглянуть на полуголых танцовщиц. Значит, были у Шубарина основания ждать здесь Хаитова. Долго ломать над этим голову Азларханову не пришлось. Гостей пригласили за стол, и в самый последний момент, когда они, огибая фонтан, направлялись к ярко-красному тенту, к своим местам, к Шубарину подошел человек и что-то тихо шепнул.

Артур Александрович негромко сообщил:

— Ну вот, прибыл и наш долгожданный Хаитов. — И замедлил шаг. Теперь Хаитов не мог миновать их, не увидеть, разве только демонстративно отвернуться. Наверное, Шубарин сразу хотел прояснить для себя ситуацию.

Если бы Амирхан Даутович специально не поджидал Хаитова, то вряд ли признал бы его — за семь лет, что не виделись, Адыл Шарипович раздобыл, прибавилось седины, а ведь он был моложе Азларханова. Он появился во дворе в сопровождении хозяина дома и в окружении друзей, с которыми приехал на свадьбу.

Но он узнал Азларханова, хотя Амирхан Даутович тоже очень изменился с тех времен, когда они часто общались. Цепок прокурорский взгляд, цепок, он безошибочно выхватил из толпы Амирхана Даутовича, хотя тот и не лез на глаза бывшему коллеге; Хаитова окликали со всех сторон, приглашая за свои столы.

— Кого я вижу! — воскликнул он и, оставив Джафарова, поспешил к Азларханову, обнял его. — Амирхан Даутович, какими судьбами?! А впрочем, какая разница, расскажете потом. Я рад вас видеть. — Сделав шаг назад, с улыбкой оглядел его, добавил: — И преуспевающим. Прекрасно смотрите, я сразу заметил вас, думаю, кого это к нам занесло в наше захолустье, взгляделся — вы! Сюрприз, настоящий сюрприз! Джафаров меня предупредил. Говорит: Адыл Шарипович, у меня для вас сюрприз, ваш старый друг приехал ко мне на свадьбу, но не объяснил к т о. — И, уже обращаясь к Джафарову, сказал: — Спасибо, обрадовали душу мою. Ты не ошибся, Амирхан Даутович действительно мой старый друг и много для меня сделал, давай усаживай нас где-нибудь рядом, мы очень давно не виделись... — И, забыв про свою свиту, обняв Амирхана Даутовича, направился под красный тент.

Артур Александрович отошел несколько в сторону и наблюдал за встречей как бы сбоку, но он все видел и все слышал, однако ему были важны не слова, а скорее интонации. И за столом он не лез на глаза Хаитову, чтобы в любую минуту поддержать разговор, хотя сидел рядом с Амирханом Даутовичем.

Только они расселись за столом, с возвышения у фонтана грянула музыка — свадьба началась. Но два областных прокурора, один из них — бывший, увлеченные разговором, не следили за событиями вокруг, да их и не отвлекали, Артур Александрович зорко следил за этим. Икрам Махмудович, севший напротив, наблюдал за бокалами, подавал закуски, подкладывал зелень. Азларханов, сославшись на нездоровье, только пригубливал рюмку с коньяком, а Адыл Шарипович не пропускал ни одного тоста и пил с какой-то непонятной жадностью, словно что-то изнутри сжигало его.

Пригласили на красный ковер к микрофону и Адыла Шариповича — поздравлять молодых. Закончив поздравление, он сказал и о том, что сегодня счастлив вдвойне, потому что на этой свадьбе встретил своего давнего друга Азларханова Амирхана Даутовича, и очень рад видеть его здоровым и счастливым, среди своих друзей. Если первую половину тоста слушали вполуха, то сообщение, которым он закончил, вряд ли кто пропустил, не принял к сведению, оно вызвало новое оживление среди гостей.

Вскоре застолье утихло: приехала на свадьбу самая известная и высокооплачиваемая в республике танцовщица; наверняка ей сегодня предстояло выступить еще на одной свадьбе, а то и на двух, и оттого она торопила свой выход. Специально для нее расстелили огромный ковер, чей-то подарок новобрачным, о чем объявили по микрофону. Что такое танцовщица на восточной свадьбе, в полной мере могут понять и оценить только люди, живущие в Средней Азии; застолье на время утихло, многие поспешили к отведенной для танцев площадке.

Артур Александрович не успел предупредить Икрама Махмудовича, чтобы тот надолго не отлучался — мог понадобиться; того уже и след простыл. Файзиев, как оказалось, был большой любитель свадеб, просто фанатик — ну как, к примеру, театрал или футбольный болельщик; не пропускал он ни одной в округе свадьбы, и особенно обожал выступления известных танцовщиц.

Трезвый и обычно практичный человек, Икрам Махмудович сделался рабом одной идеи, чуть не маньяком: он возмечтал, чтобы у него на будущей свадьбе сына присутствовало не менее тысячи гостей, и, конечно, уважаемых из уважаемых; боялся пропустить хоть одну знатную свадьбу, полагая, что ему ответят тем же вниманием и вернут конверт не тоньше, чем вручил он, а вручал Икрам Махмудович всегда щедро.

Наверное, Икрам Махмудович был еще и тщеславен; он любил, чтобы его имя почаще упоминалось рядом с именами известнейших танцовщиц и певцов, а потому не давал остывать этим упоминаниям от свадьбы к свадьбе.

Дело в том, что на восточных свадьбах и танцовщицы, и певцы, приглашенные за вознаграждение хозяином дома, за свое исполнение получают подношения еще и от гостей. Если на кавказской, скажем так, свадьбе эта сумма идет затем новобрачным, то тут деньги гостей достаются исполнителю. И надо жить в здешних краях, чтобы понять, что популярные в народе певцы и танцовщицы люди весьма состоятельные; на свадьбах не остается незамеченным не только мастерство исполнителей, но равно и щедроты тех, кто раз за разом поощряет их крупной купюрой. Редко на какой свадьбе в округе находились люди, выдерживающие этот денежный «марафон» в соперничестве с Икрамом Махмудовичем, и потому, рассказывая о той или иной шумной свадьбе, где упоминались имена известных певцов и танцовщиц, непременно называли и имя Файзиева.

Артур Александрович не одобрял привычек своего помощника и поначалу даже пытался как-то бороться с этим, но потом махнул рукой. Сомнительная реклама Икрама Махмудовича порою приносила неожиданные положительные результаты.

Икрам Махмудович искренне считал, что он на свой лад совершает вложение капитала, и не раз объяснял Артуру Александровичу, что тот не понимает Востока. На что Шубарин обычно отвечал по-европейски рассудительно:

— Если я доживу до того времени, когда ты в один день соберешь, как считаешь, все то, что ты вложил, — десять тысяч с меня.

6

Обоих прокуроров, настоящего и бывшего, так же как и Артура Александровича, танцовщица, даже такая известная, как Санобар, приехавшая на свадьбу на собственном «мерседесе», ничуть не волновала — у них были другие интересы и проблемы. Оставшись одни за столом, они тоже решили не сидеть, а прогуляться по просторному двору. Чувствовалось, что Адыл Шарипович здесь впервые, а вот Артур Александрович заглядывал сюда, и не раз — он уверял Амирхана Даутовича, что не знает кулинара более изысканного, чем хозяин этого роскошного особняка и сада.

Выйдя из-за стола, они не спеша направились в глубь двора; как подсказал Артур Александрович, через территорию Джафарова протекал широкий полноводный арык, отчего в саду возникал особый микроклимат. Прокурор взял Амирхана Даутовича под руку, и они шли ухоженной аллеей, разговаривая вполголоса. Артур Александрович пристроился чуть сзади, рядом с Азлархановым, и только очень внимательный человек мог бы заметить, что он в разговоре не участвует.

Выходя из-за стола, он шепнул Азларханову:

— Выводите разговор на меня, пока он не опьянел. Странно, что он сегодня так много пьет.

Возможно, Азларханов еще долго искал бы момент, чтобы перевести разговор в нужное для Шубарина русло, если бы Адыл Шарипович не спросил напрямик:

— Так кто же вам протянул руку помощи, Амирхан Даутович? Я ведь слышал, что у вас совсем плохи были дела?

Азларханов приостановился и, считая, что вряд ли представится момент более удобный, объяснил:

— Да вот он, Артур Александрович, и протянул.

Шубарин, услышав последнюю фразу Амирхана Даутовича, шагнул поближе, надеясь, что сейчас произойдет то, на что он рассчитывал. Но прокурор не остановился, даже прибавил шагу и, в упор не замечая Шубарина, переспросил:

— Этот гангстер? Акула? Впрочем, я вас понимаю: у вас не было другого выхода и других предложений. А вот кто поймет когда-нибудь меня, да и всех остальных,

тоже не избежавших его сетей? Тех, кто попал в капканы ему подобных или Бекходжаевых — много их нынче развелось у нас в крае, да и по стране тоже. Значит, говорите, Шубарин вам помог? — переспросил Адыл Шарипович, и Амирхан Даутович понял, что Хаитов вовсе не пьян.

— Да, он. Вот познакомьтесь. Наши дороги с ним теперь сошлись.

Артур Александрович подошел с достоинством, протянул руку, словно и не слышал последних слов Хаитова. И негромко, веско сказал:

— Я думаю, Адыл Шарипович, ваш старый друг на нас не в претензии, я уверен, что в местной промышленности у него большие перспективы. Может быть, мы с вами еще увидим его министром нашей отрасли. Впрочем, если надумаете уйти в отставку, знайте, что и для вас всегда найдется интересная работа.

— Ловко похуает, стервец! — мрачно рассмеялся Хаитов. — Всех купил, все у него пляшут, как Санобар, только быстрее, — Артур Александрович любит темп. Спрут, далеко шупальца запустил. Я ведь знаю, чего он хочет, — просить за Ахрарова. Пока просить, а если откажу, будет угрожать и принимать меры. Так ведь, Шубарин? Небось, и материала на меня собрал предостаточно? — Прокурор ронял слова размеренно, не сбиваясь с шага, и даже как-то бесстрастно, но Азларханов чувствовал его внутреннее напряжение.

— Не совсем так, Адыл Шарипович, — возразил Шубарин. — Вы человек эмоциональный и сгущаете краски. Гангстер... Акула... Спрут... Несерьезно все это. А просить я действительно хотел за Ахрарова. Если вы уделите мне завтра полчаса, то получите информацию из первых рук, и уверен, у вас будет иное мнение и обо мне, и о моих коллегах, в числе которых пребывает и уважаемый нами Амирхан Даутович.

Хаитов показал на скамейку под орешинной и сказал ясно:

— Давайте присядем, я сегодня устал. А что касается аудиенции, приезжайте завтра к концу дня, ваши покровители и опекуны, а точнее прихлебатели, обложили меня со всех сторон, считайте, что вы меня дожали.

Но посидеть спокойно у орешины им не удалось: прокурора разыскал дежурный по прокуратуре и сказал, что он должен немедленно связаться по телефону с Ташкентом. Хаитов приобнял на прощание Амирхана Даутовича, напомнил Шубарину о завтрашней встрече и быстро удалился.

Артур Александрович, откинувшись на покрытую яркой курпачой спинку скамьи, после ухода Хаитова о чем-то размышлял и на время забыл о существовании Амирхана Даутовича. Очнувшись, он заметил, что и Азларханов глубоко задумался, и мысли его, наверное, были нерадостными: как-то постарел и увял сразу прокурор, куда и статья, с какой он так замечательно держался до сих пор, исчезла.

А думы бывшего прокурора были действительно невеселыми: он чувствовал себя подсадной уткой, к которой приваживали дичь, муторно было на душе. Шубарин, словно читая его мысли, вдруг сказал бодро, как человек, снявший с себя груз давних неразрешимых проблем:

— Что за печаль, прокурор? Выше голову, это только начало, и ради бога не думайте, что вы провоцируете своего друга на сомнительное дело. Свой путь он выбрал давно, еще три года назад, оттого и такой театральный монолог перед вами. Вечная проблема: выбор между долгом, совестью — и такой малостью, как деньги, комфорт, блага жизни. На обратном пути, в машине, напомните, я расскажу, чего я от него хочу. А теперь, когда мы свою миссию выполнили, и, я считаю, выполнили отлично, может и погуляем на свадьбе от души? — Он поднялся со скамьи.

Возбужденные гости все еще теснились возле площадки, где танцевала Санобар. Гремела музыка, ухали не в такт карнаи, взвизгивали от восторга подвыпившие мужчины, раз или два слуха Амирхана Даутовича коснулся смех Файзиева.

Наверное, Санобар танцевала прекрасно, потому что вокруг буквально стонали от восторга, и она едва успевала в танце выхватывать из тянущихся к ней рук деньги. Конечно, она не заставляла долго тянуться тех, у кого в руках была сиреневая или зеленая купюра, возле таких она проделывала какие-то особые движения, от которых взвизгивала в экстазе публика. Пройдя круг, она сбрасывала к ногам музыкантов мятые бумажки, и вся эта четко контролируемая Санобар бухгалтерия никак не мешала ее танцу, стремительному, азартному.

Разглядела она и Икрама Махмудовича, он был так возбужден, словно сам участвовал в танце. За эти минуты Санобар дважды одарила его улыбкой и исполнила возле него свое коронное движение. В руках он держал банковскую упаковку пятидесятирублевков, заметно отощавшую. От внимательного взгляда Артура Александровича не ускользнули мрачные лица других танцовщиц, которым предстояло выступать позже, и недобрые лица певцов, которых Шубарин знал лично, потому что все они были приятелями Икрама Махмудовича. Наверное, Санобар нарушала конвенцию, танцевала сверх лимита времени, вычищая кошельки до дна.

Артур Александрович попытался подать какой-то знак Икраму Махмудовичу, но тот, словно завороченный, не мог оторвать взгляда от Санобар.

— Файзиев сегодня для нас потерянный человек, — сказал Шубарин с улыбкой и вдруг неожиданно предложил: — Поедьте-ка, дорогой Амирхан Даутович, домой. Эти развлечения не для нас, да и дело свое, ради которого приехали, мы уже сделали.

Азларханов чуть замешкался с ответом, надеясь, что подъедут еще Бекходжаевы, потому что гости продолжали еще прибывать и стояли кое-где рядами накрытые столы, дожидаясь запоздалых и дальних гостей, — знал он, что восточные свадьбы длятся до утра.

Но Шубарин уже в который раз за этот вечер будто прочитал его мысли:

— Я вижу, вам не терпится схлестнуться хотя бы взглядом с Суюном Бекходжаевым или с его братом Акрамом Садыковым. Но, увы, должен вас огорчить: вы не увидите их сегодня.

И в подтверждение своих слов Артур Александрович достал из кармашка пиджака аккуратно сложенный листок из записной книжки и протянул Азларханову.

— «Бекходжаевых не будет», — прочитал Амирхан Даутович торопливо написанную тонким фломастером строку.

— Да, да, это совершенно точно, — подтвердил Шубарин.

— Я не возражаю, а как же Икрам Махмудович? — поинтересовался Азларханов.

— Файзиев загулял, и завтра его кто-нибудь доставит в город, у него много приятелей, сочтут за честь. А теперь поспешим, пока танцует Санобар; может, удастся уйти по-английски, не попрощавшись. — И он повернулся, ища взглядом Ашота.

Но Ашот подошел откуда-то сзади, словно слышал их разговор.

— Я здесь, шеф, — сказал он тихо.

Артур Александрович ничуть не удивился и так же тихо ответил своему телохранителю:

— Отведи машину незаметно на соседнюю улицу и дожидайся нас, мы решили с прокурором уехать.

Пока Шубарин разговаривал с Ашотом, Амирхан Даутович подумал: даже хорошо, что так сложилось и они уезжают пораньше со свадьбы; может, в дороге, в отсутствие Файзиева, довольный вечером и знакомством с Хаитовым, Артур Александрович разоткровенничается и кое-что прояснит ему, наконец, из сплошного тумана намеков и недомолвок. В дороге представлялась возможность и задать кое-какие вопросы как бы из любопытства, праздного интереса — он видел, что слишком уж разные люди спешили на свадьбе выразить свое уважение Шубарину и Файзиеву.

Глава V

ЯПОНЕЦ

1

Со свадьбы они ускользнули незамеченными, хотя это удалось не так легко. И Азларханов отметил ловкость Шубарина, умение раствориться и исчезнуть в толпе. Эта игра, когда удалось тайно покинуть многолюдную свадьбу, позабавила их более всего за вечер, и в машину они садились в веселом настроении.

— С вами можно идти в разведку, — сказал довольный Шубарин, но Амирхан Даутович не поддержал эту тему, зная, что она выльется в разговор на общие темы, а то и в обсуждение какого-нибудь полицейского фильма, что десятками лежали в видеоотеке Артура Александровича. Поэтому он задал вопрос, как будто волновавший его или вызывавший в нем ревность хотя сам всего лишь втягивал Шубарина в нужный для него разговор:

— Для чего вам в деле понадобился еще один юрист, и именно прокурор? Артур Александрович сначала не понял вопроса и даже переспросил:

— Не уловил, о каком юристе, каком прокуроре вы говорите?

По минутной растерянности Амирхан Даутович понял, что Шубарин не хитрит и не лукавит, поэтому напомнил:

— Вы сказали Хаитову: если он надумает в отставку, то и для него найдется интересная работа. Бойтесь, я один не справлюсь, не потяну?

— Ах, вот вы о чем! Право, я уже забыл о своем предложении Хаитову. —

Артур Александрович улыбнулся. — Странное сочетание образованности, житейской мудрости, прокурорской хватки и почти детской инфантильности живет в нас одновременно, вы уж извините за откровенность. Нет, Хайтов мне вовсе не нужен как юрист — в юридических делах я буду полагаться на вас.

— Тогда зачем же вам понадобился Хайтов? — нажал Амирхан Даутович, показывая еще раз свою заинтересованность.

— Мне нравится ваше стремление быть хозяином в своей сфере, в этом мы с вами схожи: я люблю держать под контролем все сам. Даже если Файзиев и считает себя в синдикате вторым человеком, а ведь это далеко не так, он в курсе вовсе не всех дел, тем более касающихся перспективы нашего роста. Он нужен мне, так сказать, для связи с местной общественностью. О, тут меня охотно убрали бы с пути, да чувствуют, что свои кадры еще не подросли до нужного уровня, так что для меня это вынужденный альянс, как и для них. И Хайтов мне нужен не как юрист. Я не уверен в его квалификации, а мне не нужны люди с полужнанием. Как в наших краях получают образование, я знаю по себе: закончил два курса политехнического в Ташкенте, а затем поступил на первый курс Бауманского в Москве. Так что у меня есть возможность сравнения. К сожалению, полунинженеры, полуврачи, полужурналисты, полуспециалисты, которым преподавали опять же полупрофессора, полудоценты, рано или поздно могут завести край в тупик... — Он покачал головой. — А что касается Хайтова, то мне нужен не сам Адыл Шарипович, мне нужны его связи, а связи у него огромные, он давно уже тут в прокурорах. Вот мы часто говорим о западных политиках, ушедших в отставку, которых тут же берут к себе крупные компании. Так было почти со всеми мало-мальски известными американскими политиками, да вспомните хоть Макнамару, Хейга, Киссинджера. И у нас некоторым образом происходит то же самое; правда, масштабы не те и возможности иные, но суть одна. Ручаюсь за это, опираясь на свой опыт: я подобрал немало «бывших», и они оправдали мои надежды и вложенные в это средства. Многие не выдержали испытания временем ни у себя на прежней работе, ни на службе у меня «лоббистом». Их почему-то постоянно заносит: прежняя должность и безмерная власть в своей сфере их портит — и у меня, оправившись, оперившись, они пытаются что-то мне диктовать; а хозяйственные дела решаются не диктатом и амбицией, а экономическими расчетами, быстрой и четкой стратегией, поэтому я без сожаления расстаюсь с такими. Говорю об этом не для того, чтобы предостеречь вас на будущее, вы человек иной, вы лишены мелко тщеславия, а это важно. Когда я говорил Хайтову о ваших перспективах, я не шутил. Подумайте на досуге об этом, у вас действительно нет преград, чтобы получить здесь любой высокий пост, нужно только время. Хозяйствовать, управлять «теневой» экономикой, как выражаются некоторые экономисты, это прежде всего — тонко чувствовать политику, кадровый вопрос. Пока существует партийная номенклатура должностных лиц, «бывшие» долго еще будут в цене. Опыт показывает, что на должностях постоянно тасуются одни и те же люди, оттого я иногда делаю ставку на «бывших». Номенклатура осторожна, на всякий случай поостережется отказать вчерашнему хозяину, потому что завтра «бывший» вновь может оказаться на коне, то есть в кресле, и тогда я выигрываю вдвойне. «Бывшие» тут долго не теряют влияния и связей. Вот почему я хотел бы перетянуть к себе Хайтова, он избавил бы меня от множества неприятных для меня визитов к чиновникам разного ранга в партийном и советском аппарате. Для него просто открывалась бы тут любая труднодоступная для меня дверь. Так что опыт наших классовых врагов я не только изучаю, но и беру на вооружение. Все в мире повторяется, только с опозданием и в более уродливой форме. И совсем не шутки ради я содержу телохранителя, который влетает мне в копейчку. — Артур Александрович весело потрепал по плечу Ашота, не отрывающего глаз от ночной дороги.

Чувствуя, что Шубарин расположен к разговору, Азларханов решил не упускать подходящего момента.

— Вы обещали рассказать на обратном пути о Хайтове.

Шубарин прикрыл окошечко — видно, опасался сквозняка.

— О Хайтове? О нем я ничего сказать не могу, хотя и располагаю не менее подробным досье, чем на вас. Поэтому я расскажу, почему я добивался аудиенции, которую он наконец-то назначил на завтра. Впрочем, история эта в двух словах, но значение ее вы поймете, как только войдете в курс дела. Маленький ликбез, с вашего разрешения?

Азларханов согласно кивнул и откинулся на сиденье.

— Для теневой экономики (остановимся на этом термине, поскольку определение «подпольная» не отражает нашей сути: мы организация вполне официальная, или, точнее, действуем в рамках существующих законодательных актов, но ходим на грани) вопрос о реализации готовой продукции гораздо важнее, чем само производство, как это ни парадоксально звучит для человека, знакомого с нашим хо-

зайством, — ведь куда ни глянь, у нас дефицит! Вот это меня волнует больше, чем производство товаров, потому что, только имея постоянно возрастающий капитал, я могу влиять на производство. Но тут возникает вопрос о рынках сбыта. Обозначим сразу сферу нашего влияния, я имею в виду лишь реализацию — она только в пределах республики. Выход за ее пределы чреват непредсказуемыми последствиями. Нет, вовсе не оттого, что там, в других республиках, тверже закон или блюдут интересы государства строже. Нет, просто там мы чужие, и на нас можно показать действительную силу закона, поскольку там у нас нет покровителей. Не совсем просто и в своей республике: в каждой области свой хозяин, запретить, чинить препятствия всегда найдется повод, поэтому я держу «лоббистов», наводящих мосты. В области, где прокурором Хаитов, мы ничего не производим, только продаем изготовленное. Признаюсь, это наиболее существенный наш рынок, потому что половина туристических маршрутов в республике проходит через эту область. Каждый день сотни новых потенциальных покупателей с карманами, полными денег. Но за этот рынок приходится бороться. Откровенно говоря, отчасти мы сами и создали этот рынок, не без наших усилий был заключен договор между экскурсионными бюро областей, и каждую пятницу по трехдневным путевкам туда прибывают сотни туристов из Кемерово, Донецка, Тюмени, Хабаровска — краев с традиционно высоким заработком. В расчете на них мы шьем дубленки и продаем их, что называется, с пылу с жару, ориентируя производство именно на конец недели, и наши лавки при гостиницах работают до глубокой ночи, до последнего покупателя — где вы еще видели такую торговлю? Там же в киоске лежит книга заказов: те, кто ничего не подобрал или кому не досталась вещь нужного размера, могут оставить аванс, а в следующую пятницу выкупить.

У вас будет возможность ознакомиться с нашим овчинно-шубным хозяйством, оно прекрасно отлажено — от сбора шкур у населения до реализации готовых изделий. Дубленки я привел в пример только потому, что это самое дорогое и рентабельное производство, хотя ассортимент нашей продукции составляет сотни наименований, и все безусловно прибыльно и даже сверхприбыльно. На таком вот, по существу нами же созданном рынке время от времени возникают препятствия. В этой области трудно с занятостью населения, и Хаитов хотел бы, чтобы я часть предприятий перевел сюда. Но мне не резон, а почему, объясню позже или вы потом поймете сами. Реализацией нашей продукции в области занимается Ахраров, человек энергичный, коммерсант от бога, так прокурор опечалал у него пять киосков и не разрешает продавать с лотков на улице, а это преимущественный вид нашей торговли — прямо с колес. Для нас каждый день простоя влетает в копеечку. Мы работаем не на склад и производим дефицит, поэтому оплата труда у нас только с учетом проданной покупателю продукции. Да и оборудование у нас индивидуальное, штучное, дорогое, оно окупается только при условии полной загрузки. Поэтому действия Хаитова для меня — все равно что нож к горлу, мы должны прийти к обоюдному согласию. Наверное, нас терпят еще и потому, что мы делаем большие отчисления в местный бюджет, и так просто потерять дармовые деньги властям не хочется, не говоря уже о том, что нас «доит» всякий, кому позволяет должность. Но нам выгоднее заплатить, чем сбиваться с ритма. Имеет свою дань с Ахрарова, и уже давно, и Хаитов, но теперь... выкручиванием рук он хотел бы навязать нам еще и свою политику в производстве.

Амирхана Даутовича так заинтересовал рассказ Шубарина, что у него невольно вырвался вопрос:

— А почему бы вам и вправду не открыть здесь свои предприятия или хотя бы филиалы, цеха, если тут так легко с рабочей силой и местные власти заинтересованы в этом?

— Ну вот, и вы туда же, Амирхан Даутович! Дорога дальняя, пройдем и этот раздел экономики, он наиболее существенный в нашем деле. Почему я не использую предлагаемые Хаитовым трудовые ресурсы? Отвечаю — мне нужны не всякие трудовые ресурсы. Вот вам простой пример. В какой-то местности шумят: мол, у нас не заняты в производстве женщины, девяносто процентов их сидит дома, и следует использовать такой мощный потенциал. А толком ведь не изучают, сколько женщин, каков их возрастной состав, семейное положение, чем бы они хотели заниматься, к чему склонны, готовы ли к ритму современного производства, увязывается ли он с укладом их жизни.

Расведут газетную демагогию насчет раскрепощения восточной женщины и строят в глубинке, скажем, ковровую фабрику — женское, по сути, как и везде в мире, предприятие. Поначалу все женщины в округе дружно идут туда устраиваться, потому что, еще не ведая, чем будут конкретно заниматься, уже знают и о больших листках по уходу за детьми, и о декретных отпусках, и о послеродовом отпуске в полтора года, и о доплате на детей, и о прочих преимуществах работающей

женщины, — ведь в сознание уже как-то внедрилось, что зарплата не зарабатывается, а выдается в любом случае всем, кто числится на предприятии. А потом начинается хаос... Что прикажете делать директору, если у него каждый день не выходит в цех треть работниц — у каждой тут трое-четверо детей, а то и больше, и все они продолжают еще рожать, а дети частенько болеют. И если к обычным больничным постоянно прибавляются больничные по декрету, то иных работниц можно видеть на рабочем месте раз пять в году, и так из года в год. Какая из нее работница, если она в год работает в среднем по два-три дня в месяц? Современное предприятие требует навыков, профессионализма, четкой технологической дисциплины. Вот и лихорадит фабрику, кстади сказать, оборудованную новейшей импортной техникой. В конце концов рядом срочно строят общежития и привозят по оргнабору молодых девушек из разных краев, суля им всякие блага. О какой рентабельности, низкой себестоимости может быть разговор на таких предприятиях. Построив такой завод, государство заведомо обрекает себя на убытки; правда, в данном случае, может быть, спасают неоправданно высокие цены на ковры, машины и т. д. Надеюсь, вам теперь понятно, какую бы я получил тут «рабочую силу». У меня не бюро добрых услуг, не собес и не филантропическая организация. По идее, наши предприятия — прообраз будущих хозрасчетных, самокупаемых, самофинансируемых организаций, у которых есть возможность добиваться неограниченных прибылей, исключаящих потолок заработка; но зато над ними постоянно висит угроза банкротства без всяких выходных пособий. Чтобы этого не случилось, нужно постоянно изучать спрос, рынок, следить за насыщением его, обновлять и улучшать ассортимент, а то и вовсе срочно перестраиваться на выпуск нового изделия, снижать себестоимость за счет максимальной загруженности оборудования и использования меньшего числа работающих за счет их высокой, я бы сказал — высочайшей, квалификации. О качестве я уже не говорю — на том и держимся. И такие кадры подбираю я сам. Мои люди чувствуют ответственность за дело. Мы находим их по рекомендациям, если надо — учим, но учим тех, на кого надеемся, тех, кто хочет работать и зарабатывать. При ином подборе кадров я бы вылетел в трубу, поэтому мне никак не подходит навязываемое Хаитовым предложение.

— И все-таки, мне кажется, ваше нежелание открыть у Хаитова в области свои предприятия связано не только с вопросами кадров. Не так ли, Артур Александрович?

Шубарин от души рассмеялся и вновь потрепал по плечу молчаливого шофера.

— Сколько больших людей, Ашот, перебивало в этой машине, и ни один из них не сообразал так быстро, как Амирхан Даутович. Быть вам когда-нибудь министром местной промышленности, хватаете проблемы на лету. Да, вы правы, вопрос о кадрах — всего лишь часть проблемы, хотя тоже существенная. И я скажу вам откровенно; как бы ни были ценны наши кадры, все же главным для нас является высокопроизводительное оборудование и сырье. За ту зарплату, что платим, мы всегда найдем людей, готовых научиться и работать по пятнадцать часов в сутки, и резерв рабочей силы мы, как ни парадоксально, находим в инженерной среде, в среде людей с образованием, людей, недовольных своим материальным положением. Этот высокообразованный контингент, уже помятый жизнью, быстро овладевает любыми трудовыми навыками, ибо ясно видит, что работает на конечный результат. У нас нет проблем с трудовой дисциплиной, нерадивостью, невыгоднo у нас болеть, тем более простаивать. Никому не приходится напоминать об экономии сырья, энергии, ибо опять же — от этого зависит заработок. Поощряются всякое новшество, экономия, идеи. Но даже среди таких работников у нас есть своя элита, незаменимые люди. Вот, например, когда организовали овчинно-шубное производство, пригласили скорняка из Белоруссии. Без его знаний, энергии, организаторских способностей наконец, нам никогда бы не поставить на поток такое выгодное дело, хотя его заработок привел бы в ужас любого фининспектора. Раз уж заговорили о мастерах, похвалюсь: у нас на учете почти все умельцы края и даже за пределами его — модельщики, лекальщики, технологи, художники, наладчики станков и оборудования, конструкторы, изобретатели. Располагая финансовыми возможностями, нам легко перестраиваться, налаживать то или иное производство, ведь в нашем деле главный выигрыш — время. Как говорится, дорого яичко ко Христову дню!

Вернусь к главному — к оборудованию. Оно у нас не серийное, а переделанное из стандартного умельцами, или чаще всего сконструированное и построенное в нескольких экземплярах изобретателями и рационализаторами на местных заводах, а чаще всего в небольших конструкторско-технологических бюро. Есть у нас и импортное оборудование, добываем, вымениваем правдами и неправдами. Среди нас, руководителей, большинство с техническим образованием, и сам я, как уже говорил, закончил Бауманское, поэтому мы в курсе всех дел на машиностроительных заводах, знаем их возможности. Следим, конечно, — и гораздо оперативнее, чем отраслевые министерства, — за новинками за рубежом, технологией, оснасткой,

за всем тем, что повышает производительность и улучшает качество. У многих станков, машин, оборудования — не удивляйтесь — есть личные хозяева, и я вынужден платить их владельцам немалые суммы за эксплуатацию. А куда денешься, это как раз редчайшие станки. Год назад, например, нашел меня один человек из Одессы. Работал он некогда судовым механиком на сухогрузе, толковой инженер, работага, каких поискать. Так он, когда стояли в чужих портах на ремонте, не шмотками, не джинсами и аппаратурой интересовался, а к технике присматривался. Не знаю уж как, каким образом — это не мое дело (говорит, за два двигателя и мощный насос выменял) — привез он два итальянских станка — полуавтомата, довольно-таки громоздких, штампующих из пластмассы «хрустальные» люстры на медной фурнитуре. Оба станка выпускают по три разных модификации — значит, шесть типов. Чудо-люстры, не успеваем завозить в продажу, моментально разбирают. Цена приемлемая — от тридцати до пятидесяти рублей, и выглядят вполне прилично. Попытались мы сами создать подобную установку, сделали, работает, но качество не то. Так у нас с этим бывшим судовым механиком договорились по две тысячи рублей за амортизацию каждой установки в месяц в течение двух лет, а после полуавтоматы переходят в нашу собственность, и, конечно, зарплата у него с выработки. Сам он с семьей работает на них в три смены, и никак не насытит рынок. За два года семья заработает столько, сколько иной за всю жизнь не заработает. Должен вам сказать, не только мы ищем толковых умельцев, изобретателей, талантливых инженеров, но и они нас, потому что знают: их детище тут же воплотят в металле, и дадут путевку в жизнь без проволочек, и с оплатой не покусуются. Когда нужное оборудование не удастся купить по безналичному расчету или получить по фондам, в ход идут деньги, большие деньги, мало кто устоит перед такими суммами. Деньги эти принадлежат пайщикам; может, со временем и вы станете пайщиком или, как у нас говорят, войдете в долю. Половина оборудования принадлежит пайщикам, и первейшая задача — вначале вернуть вклад пайщикам, это свято; потом пайщикам идет процент с доходов. Сложная, на первый взгляд, бухгалтерия, но это только на первый взгляд. Счетные работники у нас тоже самые толковые, к тому же у каждого пайщика в кармане своя многофункциональная счетная машинка «Касио» с памятью, она никогда не ошибается. Так могу ли я такое оборудование разместить где попало, как предлагает Хаитов? К тому же этот вопрос решаю не я один, а вместе с влиятельными пайщиками, хозяевами оборудования, а пайщиком может быть и прокурор, и начальник ОБХСС, и крупный партийный работник, и даже директор завода или министр, добывший по нашей указке и за наши деньги уникальное оборудование.

Услышав о влиятельных пайщиках, Амирхан Даутович сразу вспомнил слова Хаитова: «...всех купил, всех втянул в свои дела, все они у него крутятся пошибче, чем Санобар...» — наверное, Адыл Шарипович хорошо знал ведомство Шубарина. Припомнились ему и другие слова прокурора: «...считайте, что дожали меня ваши друзья-приятели, а точнее — прихлебатели...»

«Все правильно рассчитал Артур Александрович: вложив деньги, кто же не станет способствовать своему процветанию», — думал Азларханов.

Он еще раз внимательно оглядел Артура Александровича, спокойного, уравновешенного, уверенного в себе. Надо отдать должное — перед ним сидел далеко не заурядный человек, незаурядный и очень опасный. Вероятно, в иных ситуациях он был влиятельнее самого министра финансов и председателя Госбанка республики, потому что оперировал огромными живыми деньгами; к тому же, как всякий хозяйственный руководитель, пользовался поддержкой казны, имел счета, кредиты, ссуды... Здесь Азларханову как правоведа было над чем подумать. Конечно, он понимал: чтобы разобраться в «хозяйстве» Шубарина, ему нужно будет еще много потрудиться; необходимо срочно пополнить свои знания по экономике, хозяйствованию, банковскому делу; но и тогда трудно сказать, удастся ли разгадать все финансовые махинации, слишком уж изощрен был в делах Шубарин.

Азларханов спросил:

— Почему могла зародиться и процветать теневая экономика?

— Вполне логичный для прокурора вопрос, — непринужденно пошутил Артур Александрович. — Но я не закончил свою мысль об оборудовании, иначе вам не понять ответа на ваш новый вопрос, у нас все взаимосвязано.

Основные производственные мощности, наиболее рентабельные, находятся у нас в Бухаре. Там я начинал, там я оперился, получил кое-какую поддержку, а главное — я нашел через «лоббистов» подходы к первому человеку в области, к хозяину. С ним я теперь накоротке, пребываю в числе тех редких людей, которые могут прийти к нему в любое время, а ведь он далеко не демократ. В свою очередь, он один из приближенных, можно даже сказать любимчиков, первого человека в республике. Его вы знаете получше меня, наверняка встречались не раз, будучи областным прокурором. Думаю, властную руку с а м о г о ощущали повсюду и не однажды.

Вот почему я не вижу особых преград, чтобы вам при случае стать министром местной промышленности — у нас есть прямой выход на первого, а в республике кадровый вопрос решает только он, повсюду сидят его люди.

Однажды я пришел к первому в области и сказал, что мне позарез нужны пятьдесят тысяч, обещал через год вернуть с удвоением — деньги нужны были, чтобы срочно заполучить фонды в Москве на дефицитное сырье. Деньги он мне дал, там же, в кабинете, вынул из личного сейфа пять аккуратных банковских упаковок — он любит крупные купюры и крупные суммы, и вообще он масштабный человек. Не стал даже расспрашивать, на что мне они. Я, конечно, вернул их, как и обещал, с удвоением, десять таких же пачек. Но на этот раз он, как бы шутя, спросил, нельзя ли их опять пустить в оборот. А я предупредил, что только в случае его поддержки, хотя в тот момент планов у меня конкретных не было, да заодно я удвоил срок оборота капитала, поскольку понимал, что он опять имеет в виду только двойной его прирост. Так неожиданно я получил, что называется, картбланш и уж тут развернулся вовсю. Имея в доле такого пайщика, я мог вовлекать в дело самых осторожных людей, мог без страха приобретать дефицитное и высокопроизводительное оборудование, работать с перспективной, с долгосрочной программой. Так я открыл в сорока местах цеха по пошиву шуб из искусственного меха — и мужских, и женских, и детских. Кроили в одном месте наши лучшие закройщики, опять же в три смены, непрерывно, и даже успевали следить за модой и менять ассортимент, хотя и так у нас был поистине ненасытный рынок. Вышел я напрямую и на поставщиков и за наличные, за треть цены, вагонами получал сырье и отправлял его в Бухару.

Вот почему в Бухаре я насыщал предприятия оборудованием, у меня не было причин опасаться кого-то, я там застрахован от всего — только держай. Но, как видите, центр тяжести наших предприятий все же переместился сюда, в «Лас-Вегас», где мы с вами познакомились. Открытие «Лас-Вегаса», я думаю, самая большая удача, выпавшая мне.

Однажды, когда рудник еще был в силе и действовала мощная производственная база, обслуживавшая строительство и эксплуатацию шахт, меня привели сюда дела. Я пытался открыть цех резино-технологического литья: всякие кольца, прокладки, сальники, модная пляжная обувь — опять же дефицит из дефицита, и хотел, чтобы мне помогли здесь с пресс-формами, поточной линией. Походив по предприятиям день-другой, поговорив кое с кем из руководителей, я — наверное, раньше, чем кто-либо — понял, что дни рудокомбината сочтены: не позже чем через год его расформируют, и останется мощнейшая современная производственная база и производственные площади, на создание которых обычно уходят годы и деньги.

Ну я тут же смекнул, какой я окажусь палочкой-выручалочкой для местных властей, если предложу открыть на этих площадях наши цеха по выпуску товаров народного потребления с отчислением в бюджет города от реализации наших изделий. Конечно, о подлинных масштабах производства я не собирался ставить их в известность, зато собирался оговорить долгие сроки становления, набора темпа.

Когда случилось то, что я и предвидел, я оказался первым на пепелище, и у меня с моими влиятельными пайщиками была уже определенная четкая программа, которую не без нажима со стороны приняли городские власти.

Никогда прежде я не работал так масштабно, с такой энергией. На фоне растерянности, беспомощности городских властей я действовал по-пиратски, так, как мне хотелось, получая к тому же всяческую поддержку местной администрации.

— А еще обиделись, когда Адыл Шарипович назвал вас гангстером, — попенял Азларханов.

Шубарин усмехнулся, приняв это за остроумную шутку, и продолжил:

— Ведь для них, ориентированных на добывающую промышленность, мое дело оказалось темным лесом, а я их, естественно, просвещать не собирался. Еще не имея никаких прав, мы провели тщательную ревизию того, что хотели заполучить. И хотя по распоряжению горного ведомства многое подлежало демонтажу и вывозу, мне удалось оставить абсолютно все, на что мы нацелились. А при существующей неразберихе, бесхозяйственности, безответственности большая часть оборудования до сих пор не взята нами на баланс и висит где-то в воздухе — фантастика!

Хотите верьте, хотите нет, но до сих пор мы не заплатили ни копейки ни за электроэнергию, ни за воду, ни за газ, хотя пользуемся термическими печами, а цеха наши работают с напряжением, коэффициент сменности оборудования у нас, наверное, самый высокий в стране, спасибо горному ведомству за его бездумную щедрость.

Наверное, даже вы, не экономист, понимаете, какая у нас низкая себестоимость, если учесть, что и сырье, кроме фондов, мы покупаем чаще за наличные — когда за полцены, когда за четверть.

Артур Александрович на секунду сделал паузу, оглянулся, наверное желая увидеть, какое впечатление производит его рассказ на собеседника.

Амирхан Даутович был весь внимание. «Интересно, — думал он, — удачно сделанное дело и похмельная расслабленность подвигли Шубарина на такую лекцию или он и впрямь ничего не боится — такая у него поддержка в республике? Меня, во всяком случае, он не боится — это точно».

— Однажды, лет десять назад, я прочитал в «Известиях» статью об авторемонтном заводе в Армении, которого фактически не было в природе — по указанному адресу находился пустырь. Хотя предприятие значилось в республике в числе передовых, рентабельных и неоднократно награждалось, поощрялось, были о нем и статьи в прессе. Всю его бухгалтерию, отчетность вел один-единственный человек, на мой взгляд, финансовый гений, а создали это предприятие несколько аферистов, хорошо изучивших наш неповоротливый хозяйственный механизм, идеально функционирующий только на бумаге. Тогда еще, не обладая ни нынешней властью, ни капиталом, ни возможностями и связями, я сделал для себя вывод, что предприятие, которое я когда-нибудь создам, должно быть реальным, процветающим, легальным, передовым во всех отношениях, но... построено по принципу айсберга, подводная часть которого в три раза превышает надводную, видимую, предназначенную для витрины и официальной отчетности. А для этого нужны бухгалтеры, экономисты не хуже того, из Армении; со временем я отыскал таких людей, не говоря уже о том, что я и сам одолел экономику и планирование. Руководитель, не разбирающийся в экономике в совершенстве, — абсурд, нонсенс, такое в теневой экономике невозможно, здесь выживают только асы своего дела, имеющие, кроме головы, капиталы и надежную страховку.

Выражения «двойная бухгалтерия», «тройная» не отражают нашей финансовой сути. Она должна определяться понятиями высшей математики — пятимерное, что ли, измерение, если такое существует. Наши предприятия в отрасли самые рентабельные, механизированные, у нас высочайшая выработка, самая низкая себестоимость, самая лучшая фондоотдача, стопроцентная реализация продукции, лучшие условия труда, не говоря уже об оплате. Мы рекордсмены по всем показателям, даже самым надуманным, если хотите — образец социалистического предприятия, как ни кощунственно это для вас звучит. Нас невозможно сравнить с какой-нибудь отраслью в округе, да и в целом по республике, — мы идем впереди по всем статьям. Мы награждены какими хотите знаменами — союзными, республиканскими, областными, городскими, отраслевыми, знаменами ВЦСПС, Совета Министров, ЦК комсомола, переходящими и вручаемыми навечно. У нас есть специальный зал наших наград, и это впечатляет. Не могу не похвастаться: я имею орден «Трудового Красного Знамени» и являюсь депутатом горсовета в «Лас-Вегасе».

Амирхан Даутович вдруг случайно поймал в зеркальце над лобовым стеклом лицо Ашота и какое-то время наблюдал за ним. Он уловил, что Ашоту неприятны похвалы шефа; возможно, такое откровение для него было новостью. Но как бы там ни было, Амирхан Даутович почувствовал, что, в каких бы отношениях он ни находился с шефом, симпатией и доверием у Ашота он сам не пользуется. Для парня, наверняка знакомого с уголовным кодексом не понаслышке, бывший прокурор в любом случае оставался «ментом». Его, видимо, учили никогда, ни при каких обстоятельствах не доверять таковым. У Ашота этот принцип сработал, может, не от широты ума, а инстинктивно; сработал, хотя он не выказывал внешних признаков недружелюбия, даже наоборот; но вот случайно пойманный взгляд, выражение лица сказали Азларханову о многом, и он отметил для себя, что Ашота следует остерегаться.

Амирхан Даутович бросил взгляд за окно и, несмотря на темень азиатской ночи, по огням тянувшихся вдоль дороги кишлаков понял, что они уже недалеко от города, и пожалел об этом. Сегодня он хотел, чтобы дорога не кончалась, согласен был и на ремонт в пути, хоть на прокол шины, как случалось не раз, когда спешил куда-нибудь; но машина шла ходко, минут через сорок они наверняка будут у себя в гостинице. Значит, у него оставалось еще время задать несколько вопросов разоткровенничавшемуся дельцу, и он этим воспользовался.

— А как реагирует на такую постановку дела основная масса ваших рабочих и средний персонал? И попутно еще один вопрос: насколько уязвима созданная вами модель айсберга, — это целиком зависит от покровительства власть имущих пайщиков и одариваемых чиновников?

Артур Александрович задумался, а Ашот впервые за вечер подал голос:

Вот такие они, прокуроры, все им вынь да положь — расскажи обо всем сразу... — И, довольный собой, рассмеялся.

Рассмеялся и Шубарин. И Амирхан Даутович мог бы принять сказанное за шутку, если бы опять краем глаза не зацепил в зеркале холодный взгляд.

— Жесткие вопросы, да. Но если бы я вступал в дело, наверняка задавал бы их в такой же четкой и ясной форме. — Артур Александрович похлопал Ашота по плечу, то ли одобряя шутку, то ли предупреждая: мол, не лезь не в свое дело.

Прокурор лишний раз отметил про себя неоднозначность поступков и жестов Шубарина.

Артур Александрович, тем временем, продолжал:

— Насчет рабочих... Вы, я думаю, зря преувеличиваете их социальную активность. Для них важен заработок, хорошие условия труда и справедливое отношение. Эти основополагающие, на мой взгляд, факторы мы стараемся обеспечить максимально, и, отладив это триединство, я меньше всего думаю о социальной стороне вопроса и всяческой словесной демагогии, в которой мы скоро утонем. Я твердо знаю одно: без внимания к человеку и хорошей оплаты его труда рассчитывать на успех бесполезно. К тому же я говорил: мы не берем людей с улицы — в этом крае, где избыток рабочей силы, можно позволить себе выбор. А потом, что они могут знать? Им я подобных лекций не читаю, а структура создана таким образом, что вряд ли и инженеру понятна картина целиком. Все раздроблено, и, уж поверьте, не для утайки, а для эффективности: кроят, положим, в нескольких местах, шьют в десятках других, реализуют в сотнях населенных пунктов.

Да и куда им, рабочим, пойти, если что-то у нас не устраивает? Где выбор? На такой кирпичный завод, где работали вы? Где ни заработка, ни порядка? Я пожинаю плоды не своих усилий: людей приучили помалкивать, не высовываться: мол, есть начальство — оно за вас и думает. И мы своих рабочих пока устраиваем, но если возникнет какое-то недовольство, мы тут же найдем разумный компромисс.

Каждый год одна, а то и две группы наших рабочих едут по путевкам, как представители самой передовой организации в области, за границу, в социалистические страны. И страны эти я подбираю с учетом специфики нашего труда.

Скорняки наши ездили в Югославию, обувщики — в Чехословакию, занятые пошивом одежды и трикотажики — в Венгрию и Польшу, и везде, по предварительному согласованию, у людей была возможность побывать на интересующих нас предприятиях. Не было случая, чтобы они не привезли десятки предложений, которые мы тут же, без проволочек, использовали в производстве. Бывает, что, сложившись, они покупают там какую-нибудь новейшую машинку, о существовании которой мы и не догадывались, а она, оказывается, в десять раз ускоряет и улучшает процесс. А то купят целые чемоданы особо прочных ниток, которых у нас днем с огнем не сыскать, или десятки коробок иголок «зингеровских» и кучу запчастей; привозят коробками какие-нибудь заклепки, пистоны, кнопочки — все, что может пойти в дело и улучшить нашу продукцию. Мы, конечно, компенсируем затраты не скупясь, поощряем подобное отношение к делу, нас это радует. Некоторые рабочие вместо отдыха и развлечений, бывает, не один день пропадают в цехах, чтобы научиться необычному для себя раскрою или иному технологическому процессу, и все это потому, что мы платим за конечный результат всего коллектива, и им не все равно, реализуется их продукция или нет, об этом им напоминать не надо, это всегда отражается на зарплате. И я пытаюсь свои отношения с людьми строить на интересе, а не диктате.

Конфликты, конечно же, бывают и с рабочими, но не на той основе, как вы предполагаете. Чаше разногласия случаются в верхих, в отношениях с пайщиками, но и тут мы всегда готовы пойти на разумный компромисс. Тех, кто хочет выйти из игры, мы не держим, возвращаем пай, тем более что желающих войти в долю — пруд пруди, не всякого мы берем, про с т о денежный вклад нас теперь мало интересует. Но если конфликт становится неконтролируемым, он может нанести ущерб делу — тут уж на все приходится идти. В крайнем случае, обращаюсь к Ашоту и его друзьям, — бесстрастно заключил Шубарин.

— И помогает? — поинтересовался бывший прокурор.

— Мы ведь не уговорами занимаемся, — зло засмеялся Ашот.

— Но это крайняя мера, как я сказал, — поторопился вступить в разговор Артур Александрович. — А что касается второго вопроса — об уязвимости айсберга и насколько я завишу от покровителей-пайщиков, я бы ответил так: что-то добыть, что-то организовать, произвести, продать, даже с большой выгодой, — это, на мой взгляд, талант мелкого махинатора, цель которого — заработать, ну, скажем, сто тысяч, двести, на большее при таких жизненных устремлениях не потянешь. Давно, когда я уже имел четкую модель своего «айсберга», я прочитал интересную статью о японском судостроении, это одна из древнейших и одна из наиболее современных отраслей человеческой деятельности. Здесь ныне сфокусировались все достижения науки и техники. Японцы строят в принципе непотопляемые суда. Раньше достаточно было пробоины, и корабль шел ко дну. Теперь же редко какой удар может оказаться для корабля роковым, страдает только его часть, остальные отсеки, неповрежденные, держат судно на плаву. Больше того, из соседних отсеков можно успешно устранить аварию, если не возникла паника. Еще не ведая о специфике судостроения, я создал примерно такую же модель непотопляемого айсберга. Полную картину знают, кроме меня, двое: главный бухгалтер и главный экономист,

можно сказать, мы вместе денно и ночью стоим на вахте. Но вряд ли кто принимает их за членов мозгового треста, да и мне нет резона выпячивать их роль. Даже пайщики уверены, что все сосредоточено у меня в руках, хотя некоторые думают, что ответственность со мной разделяет Икрам Махмудович.

За людей, составляющих мозговой трест, я не тревожусь и доверяю им, как самому себе. Нет, не потому, что запугал их или они чем-то намертво завязаны. Просто они люди умные и знают, что айсберг непотопляем. При любой неудаче, провале страдает только какой-то участок; в конце концов, ответственность за это всегда можно принять, у кого не бывает упущений. Притом, существуют разработанные нами, как на всякий случай пожара, варианты отступления из огня — без паники. И, как на японском корабле, в момент удара автоматически подключаются соседние отсеки и начинают тушить пожар, дабы не пропало и свое добро. Только моя модель дает мне уверенность и силу, а не покровители-пайщики. Хотя их помощь нельзя недооценивать. Раньше, в пору становления, мне нужны были деньги, теперь особой надобности в них нет, колесо закрутилось, да и сырье дают под залог. Теперь нам нужны вкладчики на должностях: одни — добывающие дефицитное сырье и оборудование, другие — гарантирующие свободную, без помех, реализацию, третьи — выступающие в роли «пожарных». Вкусив выгоду, они теперь сами ищут контактов во мной. Видели, что творилось на свадьбе? Каждый торопился засвидетельствовать свое почтение.

Артур Александрович сделал паузу и, обернувшись, посмотрел на Амирхана Даутовича, словно приглашая его задать следующий вопрос. Азларханов моментально воспользовался этой возможностью, хотя вдали уже поблескивали огни пригородных кишлаков. Важно было удержать Шубарина в состоянии приятного возбуждения, расположенности к разговору: конечно, Амирхан Даутович понимал, что ему еще предстоит оценить эти откровения, степень их искренности, правдивости, соответствия фактам.

— И все-таки вы развернулись не только потому, что взяли в долг пятьдесят тысяч у влиятельного человека, получили его покровительство? Наверное, были и объективные причины для вашего быстрого роста? Я понял так, что вы не только удваивали капитал, но и удваивали мощности производства?

Артур Александрович, явно пребывавший в хорошем расположении духа, рассмеялся:

— Амирхан Даутович, если бы я не располагал подробнейшим досье на вас, я бы подумал, что вы состояли в доле у артельщиков своей области. У меня такое впечатление, что вы знаете ответы на все ваши вопросы. Но я шучу, потому что догадываться — одно, а получить подтверждение своим мыслям, прогнозам у человека компетентного — совершенно другое. Не так ли?

— Вполне резонно, — согласился прокурор. — Почерпнув информацию из нашей беседы, меньше буду отвлекать вас потом, когда займусь бумагами. В принципе я уже понял, что от меня требуется. — И он откинулся на спинку сиденья, предоставляя слово Шубарину.

— Да, вы правы, наличие денег и воли мало что решает в нашем деле, должны созреть объективные экономические предпосылки. Конечно, взяв на очередное удвоение капитал первого человека в области, я получил, так сказать, режим наибольшего благоприятствования в торговле. Но все это благоприятствование по отношению ко мне и к моему делу не стоило бы и гроша ломаного, если б рынок оказался насыщен товарами. Я и сам не однажды мучился этим вопросом, да и сейчас порой задумываюсь. Как могло случиться, что наш рынок планомерно все меньше и меньше насыщался товарами?

А знаете, Икрам Махмудович, не мудрствуя лукаво, объясняет это так: мол, есть люди поумнее нас с тобой, которые несут в Госплан, Госснаб, Внешторг, Минторг деньги чемоданами или сумками и говорят: это не закупать, это не производить, этим не торговать — вот и создается дефицит, напряженка, а этот вакуум, мол, заполняем мы с тобой.

Я отвечаю ему: в том-то и загвоздка, что никто никому ничего не несет, никто не давит, не стоит за спиной Ашот с друзьями, а они тем не менее с каждым годом наращивают в стране дефицит. Тогда Икрам тут же предлагает вторую версию, он вообще скор на решения, имейте это в виду. Он говорит: если за это еще и ничего не берут — значит, наверху сидят или дураки, или враги. Видите, какую он выстраивает логику. Я, конечно, не разделяю ни первой его версии, ни второй, но и логики, здравого смысла в таком планировании и производстве не вижу. Вот вам первая причина нашего подъема — наличие дефицита на широкий круг товаров. Вторая причина, которую я бы отметил, даже важнее первой. Это стоимость изделия, нет, не того, что производим мы, а того товара, что имеется в государственной торговле.

Сапоги меньше ста рублей уже не стоят, это, заметьте, цена на сапоги из

искусственной кожи. Дубленка импортная тянет тысячу, а наши, семипалатинские, казанские, на которые еще больший спрос, — по шестьсот рублей. Босоножки — два шнурочка и ремешочек — пятьдесят рублей. Да так все, на что ни глянь. Мужские рубашки дошли до двадцати рублей, а шапка из искусственного меха сравнялась по цене шестидесятого года с ондатрой, копейка в копейку, головой ручаюсь. Шуба из искусственного меха тянет на три средние зарплаты, а мужской кожаный пиджак из лайки, а проще из козлинки — мы шьем их тоже — так на все пять.

Поэтому ценообразование для нас не проблема, есть ориентиры. Мы, конечно, не прыгаем выше государственных, но и не отстаем, что называется, дышим в затылок. Честно говоря, радуемся каждому повышению, а наверху вроде кто-то специально, как по Икраму Махмудовичу, прислушивается к нашему желанию и радует нас все чаще и чаще, у нас даже есть люди, следящие за розничными ценами в торговле. Если откровенно, то только цены и натолкнули меня на создание своего айсберга. Глядя на ту или иную вещь, я сразу определял ее стоимость и приходил в трепет при мысли о той прибыли, которую мог получить, организуй я ее производство. Я даже знал приблизительно, во сколько обойдется ее выпуск. Не посчитайте за бахвальство, просто это моя стихия, у меня такой дар, талант. Никакому капиталисту такие нормы прибыли и не снятся, но опять же такую ситуацию в экономике и ценообразовании создал не я, я только пожинаю плоды.

Да, главной побудительной причиной, толкнувшей меня на деловую активность, на желание постоянно расширять, множить производство, послужила государственная стоимость товаров ширпотреба и тенденция ее постоянного увеличения, это как на духу.

Не будь таких манящих перспектив, сулящих необычные прибыли, я бы, наверное, так и остался где-нибудь на производстве. Ну имел бы, конечно, свои две-три тысячи в месяц, потому что человек с деловой хваткой в сфере материального производства всегда может найти бесхозные деньги, только пошевели мозгами.

Посудите сами, был бы смысл налаживать обувное дело, если б сапоги стоили шестьдесят — шестьдесят пять рублей, а босоножки двадцать пять — тридцать? Да такое и в голову никому не пришло бы: как говорится, овчинка выделки не стоит.

Кстати, об овчинке — она у нас дороже ясоновского золотого руна. Мы даем кассобу за баранью шкуру пять рублей — это вдвое больше, чем платит государство. Так он и сдает ее нам в таком состоянии, в каком она нам нужна. И мы каждого из них научили, как обрабатывать ее, как хранить, снабдили химикатами первичной обработки свежей шкуры. На дубленку в среднем уходит от восьми до десяти шкур, ну как тут удержаться от соблазна наладить производство, если мы продаем их почти по пятьсот рублей.

Артур Александрович сделал паузу, переводя дух после длинного монолога. Азларханов молчал, ожидая продолжения.

— На всякий случай, я хочу предварить один ваш вопрос, Амирхан Даутович, который вы, быть может, по своей тактичности и не зададите, но он витает в воздухе, и уж лучше я вам отвечу на него. Это, мне кажется, более всего необходимо перед тем, как вы приступите к делам.

Сегодня вы уже слышали обо мне: гангстер, акула, спрут. Вам, много лет отдавшему служению правопорядку, наверное, кажется: вот они, кто тянет нашу экономику назад, грабит народ, покупает должностных лиц, способствует организованной преступности. Нелегко отмахнуться от справедливых, на первый взгляд, обвинений, но в том-то и дело, что мы не причина, а следствие, мы возникли по-настоящему лет семь-восемь назад, когда созрели все предпосылки для нашей деятельности; о некоторых мы уже говорили, к некоторым еще вернемся. Если мы зло, то мы родились из зла и питаемся злом вокруг нас. Но давайте взглянем на проблему с другой стороны. Наносим ли мы вред народному хозяйству? Это как посмотреть. Когда я только начинал, меня часто мучили угрызения совести: я перехватывал фонды того или иного предприятия. Я ведь знал, что фабрики будут лихорадить, будет срываться план. Но я знал и то, что в беде их не оставят и уж рабочие-то не останутся без зарплаты, неважно, работали они или нет. Я не знаю случая, чтобы на каком-то заводе или стройке, тем более в научно-исследовательском институте, фактически не работавшем по тем или иным причинам, не выплатили зарплату. Без зарплаты могли остаться мои рабочие — это уж точно, нам не из чего покрывать убытки, дотаций и субсидий нам никто не дает.

Но когда я, став депутатом, работал в планово-бюджетной комиссии и получил доступ к информации, я ужаснулся тому, что при дефиците на многие товары ими забиты все склады в области и хранение их обходится в миллионы рублей. Каждый год я участвую в комиссиях, которые подписывают к списанию, уничтожению десятки тысяч пар обуви, одежды, всего и не перечислять, тысячи наименований всякого добра идет в костер. И теперь мои сожаления уже о другом: жаль, не могу использо-

вать чужие фонды еще больше — все равно у них многое пойдет либо в огонь, либо на свалку. Когда распределяют местное сырье, нам выделяют в первую очередь, и не только потому, что знают: заберу я — и оно будет пущено в дело, и моментально в казну поступят деньги... У вас наверняка возник вопрос: можем ли мы быть альтернативой официальной экономике?

— Да, да, я как раз хотел об этом спросить, — оживился прокурор.

— Отвечу без колебаний — нет и еще раз нет. Буду откровенен, наша продукция все же рассчитана на тех, кто слаще морковки не едал. Ни я сам, ни другие пайщики артельную продукцию не покупают. Хотя, должен оговориться, дубленку я ношу только нашей фирмы и не поменяю ее ни на канадскую, ни на французскую. Но таких дубленок у нас шьют мало, в среднем одну на семьдесят-восемьдесят, и распределяю их я сам — это мой личный фонд. Кроме того, каждый сентябрь наш заведующий скорняжным цехом Яков Наумович Гольдберг командирован в Москву — снимать мерки с должностных лиц и их домочадцев, этим людям мы обязаны фондами, дефицитным сырьем, первоочередными поставками. А отвозит готовое Икрам Махмудович или я сам. Да, кстати, зима не за горами, нужно, чтобы Яков Наумович снял мерку и с вас, в январе мы с вами обязательно должны быть в Москве. Дубленки пока единственная стоящая вещь из того, что мы производим, да и то лучшее не стоит на потоке, а шьется специально в мизерных количествах, для избранных. А вообще-то мы держимся только на фоне товаров госторговли. Главный наш потребитель — самая неискушенная часть покупателей, которых, к нашему удивлению, оказалось много. Их привлекает в первую очередь внешний вид товара — мы ведь зачастую имитируем какое-нибудь импортное изделие, пытаемся, несмотря на авторское право фирмы, копировать его один к одному. Жалкое подобие платья «от Кардена» или сапог «Саламандра» идет нарасхват.

Мои друзья шутили, когда я собирался в туристическую поездку во Францию и Западную Германию, — мол, они позвонят в «Адидас» или самому Кардену, и меня там четвертуют за то, что я нещадно эксплуатирую название этих фирм на своих пошлых изделиях. Как ни крути, а «Адидас» я обязан половиной своих прибылей — на что только мы не шлепаем этот волшебный трилистник.

Ну ладно, я понимаю, когда покупают настоящее изделие «Адидас» — добротное, нарядное, модное; я же ставлю только знак, словесное обозначение — и метут все подряд: магия, гипноз, волшебство, иначе назвать не могу. Вот бы нашей промышленности найти свой такой волшебный трилистник.

Конечно, мы могли бы хвалиться, что все же одеваем и обуваем людей, найти оправдание своему существованию, если бы теневая экономика не оплачивалась простыми людьми, не лежала бременем у них на плечах, но от этого факта никуда не уйдешь — мы вычищаем и без того скудные кошельки. Это мой личный и, думаю, безжалостный социальный анализ.

Я уверен, как только в официальной экономике начнутся радикальные перемены, мы исчезнем тут же, так же незаметно, как и появились. А пока, в такой благоприятно сложившейся обстановке, как же нам не появиться и не процветать? Если один прокурор у нас в пайщиках сидит, другой, наподобие Хаитова, не знает, то ли дать нам пинка под зад, то ли продолжать потихоньку щипать Ахрарова, третий, простите за откровенность, вроде вас, то ли жил словно в другом мире, не ведая, что творится вокруг, то ли руки были связаны. Я не знаю ни одного руководителя — хозяйственного или партийного, к которому искали бы ходы и не нашли. Ни один не попытался пресечь наши дела или хотя бы послать нас куда-нибудь подальше. Я ведь и Ашота не создал, а взял уже готовым. Так что и тут я не сеял, а жал. Пожинал плоды общей обстановки, сложившейся в крае. Ничто не произрастает на пустом месте, из зла рождается зло, и теперь, чтобы защитить себя, свои интересы, я вынужден прибегать к помощи телохранителя и даже юриста. Вот, пожалуй, из этого триединства — дефицит, стоимость и сложившаяся обстановка вседозволенности — на мой взгляд, возникла и процветает теневая экономика.

— Как на академической лекции, — уложились секунда в секунду, — подытожил Амирхан Даутович, потому что они везжали во двор гостиницы.

— Я нужен буду вам? — обратился Ашот к хозяину.

— Пожалуй, нет. Ну а если понадобится — позвоню. — И они распрощались с Ашотом.

2

Стояла уже глубокая ночь, погасли огни шумного «Лидо», в редком окне четырехэтажной гостиницы горел свет. Ночной швейцар, видимо привыкший к поздним возвращениям Артура Александровича, не задавая вопросов и не выказывая недовольства, распахнул дверь.

— Может, вы хотите перекусить, мы ведь не дождались свадебного плова?— спросил Шубарин.— Я думаю, в холодильнике у меня найдется что-нибудь, Адик следит за этим.

Сидение за свадебным столом, долгая дорога туда и обратно утомила Азларханова — он давно уже не жил в таком активном ритме, несколько раз за вечер пришлось принимать сердечное, но откровения Шубарина вызывали неподдельный интерес, ему хотелось задать еще два-три вопроса. Он понимал, что вряд ли скоро выпадет такой удобный случай, да и где гарантии, что Артур Александрович будет так словоохотлив, как сегодня. Не следовало упускать момент.

— Есть я не хочу, а вот чаю выпил бы с удовольствием, да поздно, и заботливый Адик уже, наверное, спит.

— Ну, это не проблема,— улыбнулся Артур Александрович.— Это мы сейчас мигом организуем.

И как только они поднялись на третий этаж, он сказал дежурной, которая тут же вскочила с дивана:

— Галочка, если не затруднит, приготовь, пожалуйста, нам самоварчик. — И, не дожидаясь ответа, широким жестом пригласил Амирхана Даутовича к себе.

Не менее расторопный, чем Адик, хозяин ловко накрыл на стол — в холодильнике у него действительно нашлось кое-что.

Амирхан Даутович, расположившись в кресле, вытянул затекшие ноги и попытался вернуться к разговору, начатому в машине:

— Н-да-а, сегодня я многое узнал впервые, надо честно признаться. Такая лекция! Не мешало бы вам дать на время кафедру в Академии народного хозяйства.

— Думаю, меня не устроит почасовая оплата,— легко отшутился Артур Александрович, уходя от продолжения разговора.

Раздался стук в дверь — дежурная по этажу принесла кипящий самовар, и Артур Александрович принялся заваривать чай, предложив на выбор индийский, цейлонский, китайский. За чаем, чувствуя, что разговор может уйти в сторону, Амирхан Даутович попытался еще раз вернуться к интересовавшей его теме:

— Экономические предпосылки, способствовавшие появлению вашего дела, вы обосновали убедительно. Но мне интересно и другое: что вас побудило заняться предпринимательством, какие личные мотивы? Страсть к деньгам?

Артур Александрович с любопытством выслушал вопрос, мимолетная печаль обозначилась в его всегда внимательных глазах, но он тут же взял себя в руки.

— Не берись утверждать категорически, но со стороны кажется, что у нас легче реализовать себя людям творческих профессий, тут открыты все пути — твори, дерзай. И если есть талант, как бы ни было трудно ему пробиться, все равно заметят, результат всегда говорит за себя. А что прикажете делать тому, кто наделен иным талантом — склонен к коммерции, предпринимательству? Не побоимся сопоставить на взгляд обывателя несопоставимые понятия. Ведь коммерция, предпринимательство не только в ранг таланта не возведены, но в сознании общества значатся занятием, недостойным порядочного человека. Оттого мы ни произвести, ни продать как следует не можем, треть жизни держим человека в бесконечных очередях.

А ведь людей, наделенных коммерческим, предпринимательским, изобретательским талантом, гораздо меньше, чем одаренных творчески. Одних писателей, говорят, официально состоящих в творческом союзе, десять тысяч, и еще тысяч сто, наверное, ждут очереди, а ведь это только часть творческих сил, то есть талантов, признанных официально. А художники, композиторы, артисты, певцы, музыканты, режиссеры, журналисты? Их ведь тоже у нас тьма и тьма, известных и обласканных.

А стране нужен один толковый министр сельского хозяйства, всего один министр строительства, министр энергетики, машиностроения, путей сообщения — нужно всего-то сто талантливых предпринимателей, и мы заживем совсем по-другому. Хороших писателей чтим, художников, композиторов — тоже, даже футболистов знаем и помним чуть ли не в лицо, но кого из технократов, что дают нам свет и тепло, мы знаем, кого помним? Пожалуй, лишь первых наркомов, а остальным, почти всем, вслед одни упреки: мол, все до ручки довели.

Амирхан Даутович почувствовал по волнению собеседника, что он задел чувствительную струну; обычно сдержанный, хладнокровный, Шубарин загорячился:

— Ну, в моем случае, наверное, все более или менее ясно, теперь генетику, слава богу, никто не отвергает. Будем считать, что во мне разыграла дурная кровь. Кто мало-мальски знаком с историей этого края, тот знает, что Шубарины владели тут многим — ремонтными мастерскими, масложиркомбинатом в Андижане, доходными домами. Дед и его брат были инженерами-путейцами, учились в Петербурге. Инженером, и незаурядным, был и мой отец, он, как и я, закончил Бауманское. Да вот наглядный пример. В начале шестидесятых годов, когда вошли в быт

шариковые ручки, мой отец за три дня сконструировал и за неделю изготовил полуавтомат, из которого непрерывным потоком, все двадцать четыре часа в сутки, вылетали в три стороны три детали готовой ручки, а стояла ручка, как помню, по тем временам семьдесят копеек, и многие годы была в дефиците. Отец шутил, что создал аппарат, печатающий деньги, — так оно на самом деле и оказалось. Отец был инженер от бога, и это проявлялось даже в мелочах. Чтобы избавить нас от подсчетов, он заказал на местной картонной фабрике коробки, в которые помещалось ровно сто шариковых ручек. И задача всей нашей семьи свелась к одному — успевать укладывать эти коробки. В гараже у нас стояли рядком три таких полуавтомата, и, если мне не изменяет память, каждый из них штамповал в день тысячу штук, такова была их производительность. Не было проблем и с сырьем: в те годы в наших краях построили не один комбинат бытовой химии, и пластмассу — брак с этих предприятий — шоферы время от времени за бутылку водки, вместо того чтобы везти на свалку, завозили к нам во двор. Тогда, в шестидесятые, еще существовали официально артели, промкомбинаты, входящие в систему местной промышленности, поэтому с реализацией тоже не знали хлопот. С каждой ручки отец, кажется, имел сорок копеек дохода, выходит, только станки, стоящие в нашем гараже, приносили ему в день больше тысячи рублей. Отец быстро сообразил, что напал на золотую жилу, и, уже привлекая людей со стороны, изготовил еще штук тридцать таких полуавтоматов и развел их по областям республики. Не знаю, какую уж там он имел долю, но помню, что каждую последнюю неделю месяца в сопровождении двух парней, таких, как Ашот, отец объезжал на «Волге» свои владения. Он никогда не продавал свои изобретения, а сдавал их в аренду или вступал в долю. Однажды он показал мне установку, за которую предлагали десять тысяч — казалось бы, огромные деньги! Но он ее не продал, а сдал в аренду. Установка служила пять лет и принесла ему за это время сто тысяч — так он преподал мне наглядный урок коммерции, поэтому я тоже не расстанусь со своими изобретениями. Мы построили в Бухаре, в старинной узбекской махалле, где некоторые старики, сидевшие обычно в красном углу чайханы, еще знали и помнили моего деда и его брата, большой каменный дом. Почему в узбекской махалле? Потому что между нами не было языкового барьера, в нашей семье все без исключения знали местный язык, эта традиция пошла от деда. И еще потому, что жизнь в махалле особая: тут не вмешиваются в жизнь соседа, но и не дадут его в обиду. Да и вокруг нас жили люди с достатком, родовитые, и мы особо не выделялись. К тому же отец никогда не скупился: щедро финансировал махалинский комитет, давая крупные суммы на общественные нужды и мероприятия, поэтому мы не чувствовали своей инородности, хотя и были единственной русской семьей в квартале.

Но о доме я хотел сказать только потому, что отец построил там такую мастерскую, с такими станками и сварочным оборудованием, что я не перестаю удивляться ей до сих пор. Практически, не выходя со двора, отец мог изготовить сам то, что конструировал. Можно считать, что я вырос в этой мастерской, и нет станка там, которым бы я не владел в совершенстве. Так что, видите, у меня были все предпосылки, чтобы стать инженером.

— Выходит, он передал вам свое дело по наследству? — уточнил прокурор.

— Да нет. Не совсем так. Отец никогда не втягивал меня в свои дела, старался, чтобы я держался подальше от них, — он хотел видеть меня настоящим инженером. Оттого я и переменял институт — о Бауманском он говорил всегда в самых возвышенных тонах, считал, что он ничуть не уступает таким известным в мире техническим вузам, как, скажем, Массачусетский технологический.

Я точно не знаю, каким образом, но Шубарины вышли из революции без особых потерь. Конечно, все, что подлежало национализации, отобрали, но существенную часть капитала удалось сохранить — впрочем, не нам одним. Это я отвечаю на ваш вопрос относительно тяги к деньгам.

В традициях нашей семьи — основательность жизненного уклада, исключаящая мотовство, показуху. Мы могли позволить себе многое, но не настолько, чтобы вызывать зависть и раздражение окружающих, привлекать к себе нездоровое внимание. Того, что заработал отец, было вполне достаточно, чтобы мы с братом прожили долгую и безбедную жизнь, конечно же, правильно распоряжаясь капиталом.

Брат мой живет в Москве, его привлекла наука, он заметный ученый-физик. В его судьбе родительские деньги сыграли немалую, если не главную роль: благодаря им он мог спокойно заниматься любимым делом, не отчаиваясь при неудачах, без которых немислимы настоящие исследования, и в конце концов сделал открытие, над которым бился почти двадцать лет. Я думаю, он живет счастливой жизнью.

У меня все сложилось иначе. После института я вернулся в родные края, вроде неплохо начал, стал продвигаться по службе. Но очень скоро я почувствовал потолок своего роста — большего мне не позволяли. Это как раз пришлось на годы, когда должности отдавались по родственным, национальным признакам, по принадлеж-

ности к роду, правящему в городе или области. А я был наивно уверен, что должность главного инженера завода, на котором я работал главным технологом, станет моей, как только прежний уйдет на пенсию. Причем я имел на эту должность все права, так считали и многие на заводе. Но не тут-то было. Главным инженером стал зять очередного секретаря райкома, заочно доучившийся в местном институте. Отца, к сожалению, к этому времени уже не было в живых, он наверняка помог бы мне пробиться, потому что прекрасно знал закулисную возню вокруг должностей, знал и тех людей, которые делили места. Он видел, с каким энтузиазмом я работал, знал о моих планах реконструкции этого завода. Но что не получилось, то не получилось.

Оставшись, как говорится, у разбитого корыта, я потерял интерес к работе. А ведь совсем недавно, скажу без утайки, мечтал стать даже директором крупного завода, а со временем возглавить отрасль, чтобы сравняться со своим братом, у которого к тем годам было уже имя в науке, — отец, слава богу, дожил до этого часа!

Рассказывая, Шубарин не забывал ухаживать за гостем — подливать чай, подкладывать закуски, печенье. Но Азларханов, кажется, и забыл, что напросился на чай, так заинтересовал его рассказ хозяина.

— ...Конечно, в нашем тогда еще небольшом городе событие это не осталось незамеченным, отца, как вы понимаете, знали, он там многим дал подняться. Тогда уже вовсю, правда не в таких масштабах, работали артели, и почти в каждой у отца имелся пай. Он предусмотрительно познакомил меня с делами, зная, что дни его сочтены, и я каждый месяц исправно получал свою долю прибыли, каждая из которых намного превышала оклад главного инженера. Но потеря этой должности, а главное — перспективы роста выбила меня из колеи, и для всех это было очевидно.

С уходом из жизни отца оказалось, что умерло что-то и в деловой жизни нашего города — мне об этом не раз с сожалением говорили. Однажды пришли старые компаньоны отца с какой-то безумно дерзкой авантюрой и просили меня как инженера обсчитать их предложения, короче — пришли с тем, с чем раньше приходили к отцу.

Месяц я бился не только с расчетами, но и с самим проектом — от него только идея и осталась. Воплотить без меня результаты в металле они не могли, хотя и пытались, и опять пришли ко мне на поклон. Я, как и отец, отказался от предложенных денег, а потребовал половину доли за эксплуатацию моего детища; они согласились, уж слишком выгодной оказалась штука. За три месяца я выполнил заказ и расстался с заводом без особого сожаления. Устроился механиком с окладом девяносто рублей на одну из фабрик местной промышленности. От вынужденного безделья, на одном чистом энтузиазме, я принялся за модернизацию тех маленьких цехов и предприятий, где у отца был пай. Меня охотно подпускали к делам, ведь я занимался только тем, что ускоряло выход и улучшало качество изделий, такой подход устраивал всех. Мой инженерный зуд не давал мне покоя. Работа увлекала, тем более что результат был налицо.

Меня заметили в управлении местной промышленности, предложили возглавить реконструкцию обувной фабрики, выпускающей ичиги, кавуши, женские и мужские туфли, традиционные для Востока. После реконструкции резко обновился ассортимент: вместе с национальной обувью мы стали выпускать обувь на платформе — помните, была такая мода? — стали ориентироваться на молодежные изделия, — в общем, дела на фабрике круто пошли в гору.

В ходе реконструкции, когда я дневал и ночевал на фабрике, — а она находилась в райцентре, в шестидесяти километрах от Бухары, — я понял, что нашел свое место в жизни, здесь я мог развернуться куда масштабнее, чем на заводе, где так и не стал главным инженером.

Тут уж взыграло мое инженерное тщеславие, как ни смешно звучит это слово в наших занятиях. Не поверите — но, чтобы двигалось государственное дело, я вложил немало своих средств, зато выиграл самое бесценное — время, тем самым приблизив результат — выход готовой продукции. Видел я и другое: как без особого риска смогу изъять, вернуть с прибылью вложенные в реконструкцию деньги, лишь только производственная машина наберет заданный ход.

Наверное, в немалой степени успеху способствовало и то, что я хорошо знал не только явную, но и тайную жизнь бесчисленных предприятий местной промышленности, меня сложно было провести, я знал истинные возможности каждого станка, каждого цеха и, владея почти везде определенным паем, скоро прибрал все к своим рукам. Никто не ожидал от меня такой прыти, ведь мне еще не было и тридцати. Однако тогда я меньше всего думал о деньгах, я создавал свою отрасль, или, как говорит Файзиев, — свою империю. Меня пьянила моя творческая свобода, возможность самостоятельно принимать решения и — рисковать, ведь я не однажды ставил на карту почти все, что имел. А это — неизведанное чувство для руководи-

теля обыкновенного предприятия. Худшее, что может с ним случиться, — снимут с работы, а вот прогореть, потерять свои деньги, на которые и так можно было бы безбедно жить, этого он никогда не узнает. Только ныряя в такие бездны риска, становишься настоящим хозяином, понимаешь всю цену ответственности, но уж и выигрыш тут иной — двойной, тройной...

Амирхан Даутович, почувствовав, что Шубарин вновь увлекся, сел на любимого конька, уточнил:

— Значит, вы, как и ваш дед, через полвека стали бы миллионером? Наверное, стояла и такая цель?

Артур Александрович, доливая воды в электрический самовар, неопределенно пожал плечами.

— Да нет, ни дед мой, ни его брат не были миллионерами. У нас сохранились кое-какие бумаги, я их изучил... Хотя владели дед с братом многим и многое от них осталось на земле и служит людям до сих пор. Тот же масложиркомбинат в Андижане, доходные дома, которые ныне, как архитектурные памятники старины, взяты государством под охрану, а на базаре ремонтных мастерских в Ташкенте выросли заводы.

— Не скрою, у меня есть миллион, может — больше. Не мудрено, если я кое-кому делаю за три года из пятидесяти тысяч двести; правда, такой прирост только у него одного, ему положено по рангу. Но скажите, какой толк от этих миллионов? — вдруг спросил он в свою очередь прокурора.

Азларханова удивила неожиданная горечь в тоне Шубарина. До сих пор он казался Амирхану Даутовичу человеком сугубо деловым, без сантиментов. А вот поди ж ты... Шубарин, кажется, уловил это во взгляде, в выражении лица гостя.

— Да-да, не удивляйтесь. Я веду скромный образ жизни: не курю, пью крайне редко и умеренно, не чревоугодник, не играю в карты. Хотя меня окружают разные люди, чьи нравственные принципы я не всегда разделяю. У Икрама Махмудовича, например, две жены, и все его страсти влетают ему в копеечку. Из-за риска, своеобразия нашей работы я вынужден порой терпеть возле себя людей, которых в иной ситуации и на пороге своего дома не пустил бы. У меня нет ни явных, ни тайных страстей; правда, я собираю картины, и есть у меня кое-что поистине удивительное. — Он неожиданно оживился, словно прикоснулся к чему-то заветному. — Есть две картины Сальваторе Розе; наверное, попали они сюда во время войны, с беженцами, а может, еще раньше, до революции. Есть пять полотен Николая Ге. Больше всего же картин — неизвестных художников. Я бы с удовольствием пригласил экспертов — тогда, наверное, многое бы прояснилось, но ведь нельзя, все должен держать в тайне, как вор. Я даже не могу совершить жест благотворительности и перечислить крупную сумму, скажем, детдому; не могу ничего и завещать после себя открыто. А вы говорите: страсть к накопительству. Ничего я не коплю! Я работаю, а деньги мнотаются сами собой, и уйти от дела нет сил: я запустил машину, а она не отпускает меня — заколдованный круг, не вырваться.

Я знаю, изменись что в стране — я пойду под вышку, под расстрел, знакома мне такая статья: «Хищения в особо крупных размерах». Но я не боюсь ответственности, потому что воспринимаю возмездие как плату за реализацию своих творческих возможностей, — за это часто расплачивались жизнью, такова судьба многих незаурядных людей.

Странно, но в этих словах прокурор не уловил наигранности. «Значит, он и в самом деле искренне верит в то, что говорит?» — думал Азларханов.

А Шубарин продолжал с гордостью:

— Ничего в жизни я не разрушил, не развалил, не загубил, не довел до ручки — я создаю и множу, создаю и множу, а ведь куда ни глянь — тьма иных примеров. Можно поименно назвать всех, кто загубил тот или иной колхоз, совхоз, завод, фабрику, комбинат, институт, газету, отрасль наконец, загубил землю, озера и реки, извел леса, выпустил телевизоры, от которых горят дома и гостиницы. И никого из них не постигла суровая кара, хотя у них все нормально, а мы — преступники, представители теневой экономики.

Вы можете мне не верить, дело ваше, но скажу честно: истинную радость я получаю не от денег, а реализуя свой талант инженера и предпринимателя, и этим я обязан теневой экономике. — Он помолчал, точно раздумывал о чем-то, и все же решился сказать. Видимо, бывший прокурор представлялся ему идеальным слушателем, на которого можно положиться. — Я был бы неискренен, если бы не сказал об удовлетворении еще одного, не самого достойного для человека чувства... как бы это понятнее? Я пестую в себе чувство презрения, держа в зависимости от моих подачек многих здешних деятелей. Если Икрам любит, когда перед ним выламываются танцовщицы, выпрашивая купюру покрупнее, то я получаю удовольствие от «танцев» продажных руководителей. Это — моя месть за то, что не дали мне воз-

возможность состояться как инженеру в легальном, что ли, мире. Ведь в большинстве своем это как раз те люди, что управляют кадрами и экономикой. Ни одному из них, кроме первого конечно — тот мужик крутой, настоящий хан, — я не дал взятки, не унижая. Например, мне доставляет удовольствие приглашать за мздой одновременно человека, ведающего правопорядком, контролем, и какого-нибудь крупного чиновника. Оба догадываются, зачем пришел каждый из них, но ведут высоко-нравственные беседы — скажем, о предстоящем идеологическом пленуме. Бывает, у одного в это время конверт уже в кармане, а купюры как назло не крупные — червонцы да четвертные. И вот сидит он с оттопыренным карманом и рассуждает о партийной честности, морали, нравственности. Если когда-нибудь мне предъявят обвинение в связи с теневой экономикой в крае, я, пожалуй, буду настаивать, чтоб признали мое авторство в создании такого постоянно действующего «театра марионеток», моего особо любимого детища, где я был и остаюсь полноправным и бес-сменным режиссером. В этом театре я видел такой моральный стриптиз! Если что и должно караться сурово, так это идеологическое перерожденчество, потому что в руках таких политических хамелеонов судьба не только экономики края, но и людей.

— Да вы просто Мейерхольт экономики, — постарался попасть в тон Амирхан Даутович, но Шубарин шутки не поддержал, он был во власти одолевавших его мыслей; не исключено, что он выплескивал их в первый раз.

Азларханов еще раз отметил, что Артур Александрович не только не боится, но и не стесняется его. Явно не таков был человек Артур Александрович, каким кажется с первого с ним знакомства. Страсть, захлестнувшая хозяина номера, несколько иначе высветила сдержанного, уравновешенного, владеющего собой Артура Александровича. Он успел увидеть жесткое, волевое лицо бескомпромиссного человека с холодным рассудком и вполне определенными взглядами на жизнь, внушающего, однако, что компромисс — главный принцип его действий. Амирхану Даутовичу вдруг вспомнился ночной посланник Бекходжаевых: что-то у них было общее. Прокурор не хотел сейчас отвлекаться от разговора, чтобы додумать мысль, доискаться, в чем это сходство, но одно напрашивалось само собой: Шубарин был не менее страшный человек, чем тот ночной гость.

Неожиданно проявившаяся в речи хозяина номера страсть могла, пожалуй, вылиться и в еще большую откровенность; хотя Амирхан Даутович теперь уже очень устал, но беседе завершать ему не хотелось.

— Так все же какой из талантов вы считаете важнейшим в своем деле — инженера или предпринимателя?

Увлечшись разговором, они забыли про кипящий самовар. Артур Александрович, извинившись, стал вновь заваривать чай, словно выгадывал несколько минут ответа.

— Как это ни парадоксально, но теперь, когда предприятия набрали темп и мощь, когда нет недостатка в средствах, менее всего наше благополучие зависит и от инженерного таланта, и от предпринимательской хватки. Все идет само собой.

Азларханов удивленно поднял брови, на что Шубарин откровенно усмехнулся.

— Да, да, не удивляйтесь... На сегодня самый главный талант состоит в том, чтобы защитить, уберечь достигнутое, обеспечить безопасное производство, а главное — реализацию.

— От кого же? — поинтересовался бывший прокурор.

И опять хозяин номера не удержался от усмешки, но было в ней уже что-то жесткое и злое.

— Прежде всего от многих «актеров» моего уникального театра, а еще больше от тех, кому не досталось роли, — театр-то у меня все-таки камерный, и народным по составу вряд ли когда станет.

— Скорее всего — никогда, — не сдержался Азларханов и тут же пожалел об этом.

Шубарин едко прищурился:

— Вы полагаете? Ну пусть даже так... Но вы не можете себе представить, кого только не вынужден я кормить — от пожарного инспектора до санитарного врача, хотя и не производю продуктов питания. А ведь им есть куда приложить свои усилия и кроме моих предприятий, ну, скажем, открыть в городе хоть одну по-настоящему приличную столовую, где можно, не боясь, пообедать, или, простите, хоть один общественный туалет, не унижающий человеческого достоинства. Впрочем, я, кажется, слишком многого хочу. В общем, помочь мне не может никто, а вот помешать, запретить — сотни людей и организаций, и за всем этим стоит одно — дай! дай! дай! Наверное, вы, как прокурор, не могли не почувствовать, что с ростом числа миллионеров в нашем крае — хлопковых, золотодобывающих, каракулевых, тех, кто контролирует производство и сбыт, миллионеров из органов, хозяйственной

и партийной элиты и прочих нуворишей — сюда потянулись организованные преступники из всех концов страны, и приезжают они с самыми серьезными намерениями. Моя задача оберегать не только себя, но и людей, работающих со мною, обеспечить им и их семьям покой.

И если, прежде чем выстроить свой айсберг, я когда-то изучил право и экономику, то в последние годы, ради спокойного существования, вынужден был изучать преступность. И смею думать, что располагаю гораздо большей информацией — а в данном регионе и силой, — чем прокурор нашей республики и даже министр внутренних дел. Не проходит месяца, чтобы не появились в области какие-то люди, пытающиеся шантажировать меня, моих сотрудников.

— Выходит, вы почти дон Корлеоне, Крестный отец? — спросил Амирхан Даутович, постаравшись скрыть усмешку.

— Выходит, что так, прокурор. Вы быстро освоились с моей видеотекой, — засмеялся Артур Александрович. — Теперь я уж и сам не понимаю, какой талант в жизни действительно более важен, хотя меня и не радует, что прокурор Хаитов побавляется меня, ведь он далеко не трус. Я бы не хотел такой зловещей популярности.

Разговор делался все более напряженным, и Амирхан Даутович подумал, что пора бы остановиться: дальнейшее любопытство могло привести к непредсказуемому результату. И так он получил массу информации, которую еще необходимо переварить. Странно только, что сразу вызвал такое доверие Шубарина, ведь он ох как непрост.

— Я замучил вас сегодня вопросами, вы уж извините. Не хотел бы больше злоупотреблять вашим гостеприимством и откровенностью... Завтра у вас — впрочем, уже сегодня — напряженный день. Да и мне выходить на работу. Разрешите поблагодарить вас за приятный вечер и откланяться.

Артур Александрович бросил взгляд на часы и удивился.

— Да, скоро светать начнет, — сказал он со странным сожалением; ему, кажется, не хотелось еще расставаться.

«Что бы это могло значить? — мелькнула у Азларханова мысль. — Минутная слабость? Расчет? Искреннее желание заполучить в деле надежного союзника, для которого деньги не играют особой роли в жизни? Или он, как и я, чует грядущий ветер перемен и хочет сам подпалить свой «театр» со всех сторон? Хлопнуть напоследок дверью?» Об этом еще предстояло поразмыслить.

— Это вы извините меня, ради бога, что заговорил вас. Я ведь знаю, что вы живете в определенном режиме, а я сегодня лишил вас не только прогулки, но и сна. Неделю назад, в первое наше знакомство, я заверял вас, что мы будем всячески оберегать ваше здоровье, а сам, выходит, не держу слова. Хотя я рад, что так вышло. Кажется, я никогда в жизни не был столь многословен. Как говорят — наболело.

Он опять глянул на часы:

— Сейчас уже почти утро. Вы отдохайте, затем, как обычно, обед у Адика, а после обеда я представлю вас на работе, к этому времени подготовят ваш кабинет, я распорядился там кое-что изменить.

3

Он проспал почти до обеда, и крепкий сон восстановил его силы. Принимая душ, подумал, что, пожалуй, придется привыкнуть и к ночной жизни, коли уж взялся выяснять истинные размеры айсберга и выявить по возможности всех актеров уникального шубаринского театра.

Зная пунктуальность Шубарина, Амирхан Даутович спустился вниз в точно назначенное время. Шубарин уже сидел за столиком и подливал помятому после бессонной ночи Икраму Махмудовичу боржом — чувствовалось, что Файзиев появился лишь минутою раньше, наверняка зная, что застанет здесь шефа. Перекинувшись с ним двумя-тремя фразами, Икрам Махмудович от обеда отказался и ушел отдыхать.

Глядя на Шубарина, никто бы не предположил, что он провел бессонную ночь, а до обеда уже провел в трех местах планерки, посетил два ремонтных завода и нанес визит в горисполком. Ритуал обеда, похоже, был выработан давно и носил деловой характер; суеты не было — все чинно, размеренно, но в этой размеренности чувствовался ритм, и Адик с ноги не сбивался, он хорошо владел своим ремеслом, не зря же ценил его Артур Александрович. На обед они затратили ровно столько времени, сколько и в первый раз. Амирхан Даутович обратил на это внимание — отныне он должен был привыкать к новому ритму — ритму Шубарина.

Когда они поднялись из-за стола, Амирхан Даутович обратил внимание на то, что Ашот тоже в зале, и обедал он за тем же столом, что и в прошлый раз. Видно, Артур Александрович все, что мог, доводил до системы, до автоматизма, подвергал все тщательному учету и анализу, ничто в его поступках не было случайным, и это следовало учитывать, если задумал разобраться в конструкции его системы. «Значит, и откровенность его неслучайна», — мелькнуло в голове Амирхана Даутовича.

— Давайте пройдемся до службы пешком, — вам ведь вчера не удалось погулять, — предложил Артур Александрович и подал знак Ашоту, уже дожидавшемуся их в машине. «Волга», медленно вырулив на дорогу, тут же уехала. — Это совсем недалеко, да и после обеда пройтись полезно.

Идти пришлось действительно недолго и не совсем туда, куда предполагал Амирхан Даутович.

Они подошли к внушительному зданию бывшего рудоуправления.

Поднявшись по мраморной лестнице, Амирхан Даутович увидел respectableную, золотом на граните вывеску: «Управление местной промышленности».

— Да, теперь это наше здание, — подтвердил не без гордости Шубарин, видя удивление Амирхана Даутовича.

Поднялись на второй этаж в просторную приемную, где слева и справа располагались кабинеты бывших руководителей рудоуправления. На массивной дубовой двери, что слева, столяр прилаживал ярко начищенную бронзовую табличку: «Азларханов А. Д.». На противоположной двери на такой же табличке значилось: «Шубарин А. А.». Туда и пригласил своего юриста Артур Александрович.

«Помещение не по рангу. И тут «наш хозяин» пожинает то, чего не сеял», — успел подумать Азларханов, переступив порог роскошного кабинета, но Артур Александрович не дал возможности ни толком разглядеть кабинет, ни порассуждать о нем, тут же распорядился по селектору:

— Татьяна Сергеевна, будьте добры, пригласите ко мне тех, кому я назначил на четырнадцать двадцать. — Обращаясь к прокурору, пояснил: — Сейчас я представлю вас нашим главным специалистам, они помогут вам войти в курс дела. Есть несколько неотложных исков по штрафным санкциям к поставщикам, есть материалы, которые, на мой взгляд, стоит передать в Госарбитраж; но таких дел мало. У вас будет время спокойно ознакомиться и со структурой, и с отчетной документацией. Если что-то вам будет не ясно, эти товарищи помогут разобраться.

Распахнулась высокая дверь с тамбуром, вошли двое. Первым Артура Александрович представил Александра Николаевича Кима, вторым — Христоса Яновича Георгади. У каждого в руках было по три-четыре солидных папки.

И главный бухгалтер, и главный экономист управления оказались людьми преклонного возраста, чего Амирхан Даутович никак не ожидал. Не исключено, что Ким застал еще времена нэпа, имел о тех временах не книжное понятие. Георгади, судя по всему, принадлежал к тем грекам, что приехали к нам в страну в конце сороковых. Этот тоже, видимо, знал рыночную экономику отнюдь не по учебникам и «Капитал» Маркса трактовал несколько иначе, чем предполагал автор.

Амирхан Даутович понял, что айсберг Шубарина, безусловно, создан с умом и потопить его будет не просто. В таком составе мозговой трест, конечно, представлял силу, изощренную силу, таких голыми руками не возьмешь.

Вся церемония представления прокурора высшему совету управления заняла не больше десяти минут. Оставив папки с документами для ознакомления новому юристу, старики удалились, пообещав Амирхану Даутовичу всяческое содействие.

— У вас, я вижу, интернациональный коллектив, — не преминул заметить Амирхан Даутович, надеясь, что хозяин кабинета несколько шире представит своих главных специалистов.

Но Шубарин, видимо, в рабочее время редко пускался в пространные разговоры, ответил коротко:

— У меня несколько иной принцип подбора кадров, чем, положим, в обкоме. Я не раздаю должности ни по номенклатуре, ни по связям, тем более для меня не важен пятый пункт в анкете, то есть национальная принадлежность, — я подбираю людей по деловым качествам, иных критериев у меня нет. И пусть моему бухгалтеру уже восемьдесят, я не променяю его на двух сорокалетних и мирюсь с тем, что он работает по два-три часа, да и то не каждый день.

Наверное заметил Артур Александрович, что юрист удивлен краткостью церемонии представления, и счел нужным добавить:

— Не удивляйтесь, что они ничего у вас не спрашивали. Они знакомы с вашим досье, как и я, и я не один решал, пригласить вас на эту должность или нет. Они знают, чем вы будете заниматься и чего мы от вас хотим. А теперь я покажу ваш кабинет и приступайте... с богом.

Артур Александрович поднялся из-за стола, чтобы помочь Амирхану Даутовичу перенести оставленные для него папки.

Столяра в приемной уже не было. Послеобеденное солнце било в окно, надраенная табличка сияла отражением. Привинчено было основательно, на четыре медных шурупа, только надолго ли? — мелькнуло у Амирхана Даутовича. С Шубарным шутки плохи.

А тот широко распахнул перед ним дверь:

— Добро пожаловать! — Он пропустил Амирхана Даутовича в кабинет первым.

Кабинет по размерам, по убранству походил на тот, из которого они только что вышли, но там чувствовался стиль самого хозяина — он был строг, официален, а этот как бы еще не имел лица.

Амирхан Даутович положил папки на двухтумбовый стол, крытый зеленым сукном, и огляделся. И сразу же на одной из стен, как прежде у себя в прокуратуре, увидел привычный рекламный плакат выставки Ларисы. Амирхан Даутович невольно шагнул к стене и долго молча вглядывался в лукавое лицо старика на ишачке, возвращавшегося с базара с голубым ляганом. Неожиданное волнение охватило его; не оборачиваясь, он сказал:

— Спасибо, я тронут вашим вниманием. — Затем, возвратившись к столу, спросил: — Интересно, кто занимал этот кабинет до меня?

Артур Александрович, поправляя белые сборчатые занавески, очень красившие высокое окно, ответил:

— Икрам Махмудович. — Заметив удивление на лице Азларханова, пояснил: — Нет, это не должно вас волновать. Он даже рад, что так вышло. Мне кажется, он всегда тяготился соседством со мной. Он хотел иметь свою приемную, собственную секретаршу. Человек он шумный, общительный, у него всегда много народа, у меня же несколько иной стиль, и порою он чувствовал мое недовольство. Иногда, я догадываюсь, он не хотел, чтобы я видел и знал, кто к нему приходит. Татьяна Сергеевна всегда на работе, даже если меня не бывает здесь неделями, и он хотел уйти из-под такого контроля. Хотя я, разумеется, знаю обо всех его делах, которые он проворачивает за моей спиной.

— Например? — поинтересовался прокурор.

— Пожалуйста... Например, он завел свой частный таксопарк, купил десять «Жигулей», и молодые люди денно и ночью левачат. С властями у него проблем нет — его старший брат начальник областного ГАИ.

— Интересно, что же он с этого, кроме хлопот, имеет?

— Да вы знаете, немало. Ежедневно каждый должен выплачивать ему по пятьдесят рублей, почти государственный тариф. Это из расчета трехсот рабочих дней в году. Работал, не работал — это твое личное дело, и так в течение трех лет, после чего машина отходит в собственность таксиста. Поэтому все проблемы, связанные с ремонтом, эксплуатацией, резиной, бензином, его не касаются, он вешивается только в случаях скандала или аварии.

— И водители с ним согласны?

— Еще бы! Условия выгодны для обеих сторон. Желающих сколько угодно! Машина окупается и приносит доход в пять тысяч рублей уже на первом году, а дальше в течение двух лет идет чистая прибыль, пятьсот рублей в день.

— Ну деловит, — невольно вырвалось у Амирхана Даутовича.

— Ну, я бы так не сказал, — ответил Артур Александрович. — Просто он знает, что безнаказан. Он происходит из того рода, что правит в этой области, наподобие Бекходжаевых, с которыми вы имели счастье столкнуться. И мне навязали его уже на готовое. Хотя, конечно, по-своему он деловит, энергичен, но годится лишь для реализации чужой идеи. И все-таки нас кормят сами идеи, за реализацией у нас дело не станет. Так что он не в претензии, что перебрался на третий этаж и будет жить, как ему кажется, независимой от меня жизнью — в этом здании места всем хватит. Он прекрасно понимает, что сегодня очень важно поднять ваш престиж — и чем быстрее, тем лучше.

Обживайте кабинет, если нужно что-то изменить, добавить или убавить, захоз в вашем распоряжении. Чувствуйте себя в нашем управлении хозяином. Ну а сейчас не буду вас отвлекать и откланяюсь. Если не забыли, мне предстоит долгая дорога, чтобы вновь встретиться сегодня с прокурором Хаитовым; честно говоря, жалею, что вас не будет рядом в машине, мы бы нашли о чем поговорить. — И Артур Александрович направился к двери.

Уже взявшись за массивную ручку, он вдруг замешкался, вновь вернулся к столу, к прокурору и его папкам.

— Как бы много мы ни говорили вчера с вами, да и сегодня тоже, я все-таки не решился сказать вам главного. А главное, ради чего я привлек вас к работе, заключается вот в чем... — Он помедлил.

— Я вас внимательно слушаю, только разрешите я сяду.

— Пожалуйста, — спохватился Шубарин. — Прошу вас. Видите ли, дело в чем.

Мы росли и развивались стремительно, и многие свои действия не подкрепляли нормативными актами, приказами, отчасти от незнания, спешки, случалось, и из-за низкой правовой культуры организаций и ведомств, которым мы подчинены. Я не живу одним днем, и сегодня отсутствие каких-то документов не беда, все легко уладить — в моем распоряжении могучий клан Файзиевых. Но нужно смотреть дальше, вглубь, когда обстановка вокруг может измениться. И я не хочу в той изменившейся обстановке отвечать за все один. Вы поняли мою мысль?

Прокурор согласно кивнул.

— Я думаю, это справедливо, если каждый будет отвечать за себя. Я хотел бы, чтобы такие юридические документы были составлены не только в связи с нашей внутренней жизнью, их будет конечно более всего, но чтобы, пусть и запоздало, появились юридические документы относительно планирующих и контролирующих нас организаций, всех, кто стоит над нами. И чем больше будет таких документов и организаций, с нами связанных, тем лучше. Если вы подготовите такие документы, где — конечно, скрыто — будут отражены наши интересы и ответственность каждого, без особого труда и проволочек тут же проведем их в жизнь.

Шубарин испытующе посмотрел на прокурора, осознал ли тот, чего от него хотят, и уловил понимание в его внимательных глазах.

— Я хочу отвечать только за себя, — жестко заключил он. — И не желаю, чтобы мои прегрешения перед законом тянули на самую суровую меру наказания. Вот для чего, если откровенно, мне понадобились ваши знания, опыт и авторитет. — Сказав это, Артур Александрович решительно направился к двери.

Азларханов успел отметить, что этот краткий монолог не был монологом испугавшегося человека — скорее, человека, знающего, чего он хочет, далеко наперед рассчитавшего свои ходы.

Оставшись один, Азларханов еще раз оглядел свой новый кабинет, заглянул в пустой сейф, обратив внимание на сложную систему запоров; потом подошел к окну. Окна выходили на площадь; внизу, у подъезда, машины Ашота уже не было.

Амирхан Даутович перебрал восемь папок, лежавших на столе, как бы раздумывая — с которой начать. Он прекрасно понимал, что уже в ближайшую неделю необходимо выдать какой-нибудь документ, и эта бумага должна была поднять его авторитет и в глазах Шубарина, и в глазах двух главных финансистов управления, которые, кажется, несколько скептически отнеслись к приглашению юриста в свои ряды. Но последний монолог Шубарина прояснял его роль до конца. Уж конечно, им, своим компаньонам, он не разъяснял основную задачу юриста так, как обрисовал ее пять минут назад. Откровенничая во многом, он даже при верно-подданном Ашоте не сказал, что главная цель юриста — отвести ответственность от него самого и по возможности распределить ее на большее количество плеч, особо не боясь перегрузить Икрама Махмудовича — у того защитников в области найдется достаточно.

Он еще раз подумал о дальновидности Шубарина: два старичка, помогавшие ему создать айсберг и до сих пор являющиеся его главными экономическими советниками, вряд ли могли быть привлечены к ответственности, и, в случае чего, весь удар пришлось бы принять на себя Артуру Александровичу, а он, естественно, этого ой как не хотел.

Взяв наугад первую папку, Амирхан Даутович приступил к изучению документов. Уже через час ему понадобилось кое-что выписать — этот вопрос следовало прояснить у главного бухгалтера. Работа продвигалась, и скоро на столе лежали отдельные листы с вопросами и к Христосу Яновичу, и к Файзиеву, и к самому Шубарину. Время от времени его отвлекали телефонные звонки, — судя по молодым женским голосам, звонили Икраму Махмудовичу, и отнюдь не по делу. К концу дня звонки так участились, что Амирхан Даутович был вынужден отключить телефон.

Лишь однажды отвлекла его Татьяна Сергеевна, она принесла ему чай, весьма кстати. Уходя с работы, она поинтересовалась, долго ли он еще задержится, и оставила ключ от приемной с просьбой забрать его с собой и ни в коем случае не оставлять внизу на вахте.

Увлечшись, Амирхан Даутович не заметил, как за окнами стемнело; он успел просмотреть лишь три папки из восьми, — впрочем, к каждой из них ему еще предстояло не раз возвращаться. Он хотел как можно скорее разобраться с делами, вникнуть в суть, потому что не был уверен, долго ли ему удастся играть свою роль. Оттого решил одолеть еще одну папку, а затем пешком вернулся в гостиницу. Артур Александрович к этому времени наверняка уже будет у себя в номере, и можно будет вопросы, адресованные ему, задать уже сегодня. Четвертая папка оказалась весьма любопытной — Амирхан Даутович уже начал понимать структуру снабжения и списания материалов, — и незаметно для себя он потянулся к следующей, самой толстой, не отдавая себе отчета в том, что часы в углу пробили полночь.

Неожиданно на лестнице послышался какой-то шум, топот шагов стремительно поднимавшихся людей, возбужденные голоса в приемной — и тут же распахнулась дверь. Первым в кабинет ворвался Ашот, за ним Икрам Махмудович и бледный от волнения Шубарин.

— Да вот он, жив-здоров, работает, как и положено деловому человеку! — возбужденно выпалил Ашот. На радостях он, кажется, готов был обнять Амирхана Даутовича — наверное, свою долю взбучки он уже получил по дороге.

Все взгляды потянулись к Шубарину. Артур Александрович подошел к столу и, устало опустившись в кресло, услужливо придвинутое Ашотом, сказал ничего не понимающему Азларханову:

— Извините, ради бога, действительно нелепо получилось. Приезжаю, поднимаюсь к вам, хочу поделиться радостью и поблагодарить вас — с Хаитовым уладили дела, все в лучшем виде, — а вас нет дома. Спрашиваю у дежурной — говорит, не приходил. Иду к Адикю — говорит, не ужинал. Звоню — никто не отвечает. Ну, я подумал, не случилось ли с вами чего, объявил тревогу. Гляньте на часы, уже полночь. Все в машину — и сюда. Вахтер спит, говорит, не знаю никакого юриста, все давно ушли...

Тут уж рассмеялся Амирхан Даутович.

— А почему телефон не отвечал? — спросил Ашот.

— Да замучили поклонницы Икрама Махмудовича, мешали работать, звонили каждые пять минут, вынужден был отключить.

— Все хорошо, что хорошо кончается, — подытожил Артур Александрович, — но я не люблю зависеть от случая, это мой принцип. Завтра же с утра, Икрам Махмудович, решите вопрос с телефоном, свой номер заберите к себе. — Он обернулся к шоферу: — А ты, Ашот, немедленно реши вопрос с Коста: или пусть приезжает завтра, или подбери другого человека — мы не можем так работать, сегодняшний случай пусть для всех будет уроком. Я не могу рисковать человеком, который еще не сделал главного дела своей жизни.

Часа через два, когда Амирхан Даутович входил к себе в номер после позднего ужина в компании своих новых сослуживцев, он размышлял: «А была ли опасность извне? Или Шубарин больше испугался того, что я исчез с документами, уже владея достаточной информацией, чтобы начать раскручивать клубок?» Испугался он точно — Амирхан Даутович ясно видел испуг и волнение на его лице. Как и неподдельную радость, когда прокурор оказался на месте.

Трудно было Амирхану Даутовичу понять, что же все-таки крылось за этим, какую роль они играли в чужой игре, почему его оберегали? Чтобы он успел сделать «главное дело своей жизни», как сказал шеф? Намек на Бекходжаевых, на месть? А какое им дело до его личного, почему такая трогательная забота и внимание? Но какие бы вопросы не задавал себе Амирхан Даутович, он понимал, что сегодня ему еще не ответить ни на один из них, придется терпеливо ждать. Правда, один вывод он должен был сделать безотлагательно: за ним будет глаз да глаз, Шубарин реально почувствовал, во что может ему обойтись отступничество бывшего прокурора. После ночного испуга мог появиться еще один нюанс в отношениях с Артуром Александровичем: скорее всего, вряд ли будут продолжаться столь откровенные беседы, как в последние дни, но тут дело за самим Амирханом Даутовичем; он должен как можно скорее подготовить ряд документов, доказывающих Шубарину, что тот не ошибся в своей тайной стратегии: только это может поднять цену бывшего прокурора в глазах настороженных пайщиков, ослабить их внимание. С этой мыслью прокурор отправился спать.

4

Наутро, отказавшись от машины, прокурор пешком отправился в управление. Сегодня он решил не заниматься бумагами, а сделать что-нибудь реальное, поэтому сразу попросил в бухгалтерии документы, связанные со штрафными санкциями к поставщикам и делами, что следовало передать в арбитраж, — и то и другое Амирхану Даутовичу было хорошо знакомо по службе в должности юрисконсульта. Он снова так увлекся работой, что проворонил время обеденного перерыва — оторвал его от дел телефонный звонок, первый за весь день. Звонил Шубарин.

— Амирхан Даутович, у нас, как и на всех предприятиях, действует трудовое законодательство, охрана труда, и обеденный перерыв никто не отменял. Опять же оценка деятельности у нас не по выработке часов, а по результату, так что бросайте бумаги и выходите — сейчас за вами подъедет машина Икрама. Мы тоже спускаемся к Адикю. Обед — святое дело.

Когда он вошел в зал, сослуживцы уже сидели за столом. Рядом с Шубариным

расположился молодой, франтовато одетый мужчина в крупных дымчатых очках, красивших его жесткое, с волевым подбородком лицо.

— Знакомьтесь, Амирхан Даутович, это наш долгожданный гость, — сказал Артур Александрович.

Азларханов протянул через стол руку и назвалса. Гость привстал и отрекомендовался несколько странно:

— Коста.

Амирхану Даутовичу на миг показалось, что ему знаком голос этого человека, да и внешность как будто тоже, но крупные очки скрывали пол-лица, а главное — глаза. Однако прокурор не произнес слов: «А мы с вами где-то встречались», — топиться было некуда.

Но тут не выдержал хладнокровный Шубарин, режиссер встречи.

— Амирхан Даутович, неужели вы не признали Коста?

Гость неторопливым жестом снял и положил на стол очки, и прокурор сразу узнал ночного посланника Бекходжаевых. Довольный тем, что удалось не проявить ожидаемого эффекта, он спокойно пояснил:

— Но мы действительно не знакомы с... Коста...

Тут гость непринужденно рассмеялся:

— Да, так и есть, забыл тогда представиться. — И теперь уже смеялись все за столом, включая и Амирхана Даутовича.

Амирхан Даутович только теперь вспомнил фамилию Коста — Джиев. Он был родом с Северного Кавказа, уголовник со стажем, вор в законе, обвинявшийся в убийстве. Он отбывал наказание у него в области, и его документы прокурор держал в руках во время инспекции, но теперь это дела не меняло.

— Насколько я знаю, он тогда спас вам жизнь, и теперь обязан оберегать ее. Он будет для вас тем же, что для меня Ашот. Я надеюсь, вы подружитесь — Коста о вас прекрасного мнения. Правда, мне кажется, он до сих пор не пережил вашего отказа от «дипломата», — Артур Александрович был явно в хорошем настроении.

— В таком случае, он не выиграл бы двадцати тысяч. Надеюсь, Бекходжаевы расплатились с вами? — как можно небрежнее отозвался Амирхан Даутович, потому что почувствовал: он опять проходит какое-то пока непонятное ему испытание.

— Попробовали бы не рассчитаться, со мной такие номера не проходят, — ответил незло Коста, но было ясно, что с ним такие шутки действительно не пройдут.

После обеда Азларханов вернулся с Шубариным в управление, а Файзиев остался с Коста в гостинице — необходимо было переселить жильца из соседнего номера, чтобы Джиев жил через стенку с Азлархановым, на этом настаивал Коста.

Артура Александровича ждали в приемной несколько посетителей, и прокурор сразу прошел к себе, хотя собирался подать на подпись бумаги для арбитража. Часа через два Шубарин, освободившись, сам зашел к Азларханову.

— Во вчерашней суете я не смог вас толком поблагодарить за Хаитова — вы для него явились последним аргументом, которого у нас не доставало. Отныне он не будет чинить нам препятствий, даже наоборот: разрешил торговать на площади перед центральным универмагом. Не секрет, что я обещал солидный гонорар тому, кто выведет меня на Хаитова. Никто не сумел устроить мне встречу напрямую, кроме вас. Так что вот ваш заслуженный гонорар. — Артур Александрович выложил на стол перед прокурором банковские упаковки стурублевок.

— Как первому и без свидетелей? — пошутил Амирхан Даутович и, взяв деньги, небрежно бросил их в пустой ящик письменного стола.

— Обижаете, мы же с вами друзья, я за вас вчера действительно расстроился, разве вы это не почувствовали?

— Спасибо. Меня тронул вчерашний ваш жест, да и сегодняшний тоже: это та сумма, которую я хотел просить у вас на мебель. Спасибо и за Коста. Но не дорого ли он вам станет — специалисты такого класса, видимо, обходятся в немалые деньги? — Амирхан Даутович надеялся перевести разговор в нужное русло, но Артур Александрович не стал вдаваться в подробности:

— Да, работа таких людей, как Коста, оплачивается высоко, но не дороже, чем ваша жизнь. Это временная мера, я думаю, через полгода он вам не понадобится, а пока я не вправе рисковать: у нас с вами столько дел, вы даже не представляете... — И, считая, что разговор окончен, он поднялся.

Прибытие Коста резко осложнило жизнь Амирхана Даутовича — нет, не оттого что была ограничена его свобода, Джиев следовал за ним по пятам; внешне все шло как обычно, но чувствовал себя бывший прокурор скованно. Следовало определить по отношению к Коста какую-то тактику, линию поведения. Конечно, о том, чтобы совершать с ним вместе пешие прогулки по вечерам, которые он опять возобновил, не могло быть и речи, как не стал бы Азларханов постоянно находиться с ним за одним столом — хотя, надо отдать должное такту телохранителя: на фами-

лярные отношения он и не запрашивался. Но тут был и пример: Артур Александрович не слишком церемонился с Ашотом, о том, чтобы Шубарин подпускал того к своему столу, не могло быть и речи — каждый знал свое место.

Даже чтобы изредка обмениваться рукопожатием с Коста, Амирхану Даутвичу нужно было переступить в себе через многое, он-то знал, что это за человек. Но и перегибать палку не следовало: Коста — не Ашот, хотя и тот, судя по реакции на разговоры в машине, нисколько не доверял бывшему прокурору; а этот быстро вычислит игру — и по таким мелочам, что только ахнешь, тем более что дел у него других нет и Амирхана Даутовича он мог держать под микроскопом.

Поначалу прокурор просто-напросто вгрызался в работу, целыми днями сидел, обложившись горами бумаг; он хотел быстрее выдать какой-то результат Шубарину, а заодно размагничивал Коста, стараясь не особенно общаться с ним якобы из-за своей чрезвычайной занятости. Надо отдать должное, держался Джиоев хорошо, работал профессионально, и вряд ли кто мог разгадать истинный смысл его занятий. Учтивый, общительный, щедрый, через две недели он повсюду — в управлении, гостинице, ресторане — имел друзей и знакомых. Он мастерски умел разыгрывать этакого беспечного доброго малого, сохраняя в то же время предельную собранность. Амирхан Даутович, знавший приемы слезки, догляда, попытался дважды, крайне осторожно, проверить, надежно ли он блокирован Джиоевым, и был поражен его мертвой хваткой.

Конечно, он чувствовал и контроль Шубарина и Файзиева, но то был догляд, так сказать, администраторов, да и практиковался он эпизодически, у них обоих забот невпроворот, огромная машина, все набиравшая ход, требовала внимания гораздо больше, чем новый юрисконсульт с особыми полномочиями. И контроль этот он предугадывал, психология Шубарина и Файзиева была понятна ему.

Другое дело Коста, человек, с иной меркой подходящий к жизни, и с иным опытом ее. Конечно, перед ним поставлена задача не только оберегать его от внешних посягательств, но и смотреть за ним в оба, ведь день ото дня все больше обогащался информацией, к которой имели доступ всего три-четыре человека. Кроме этих явных причин для надзора, наверняка были и другие, которых Амирхан Даутович до сих пор не мог понять, хотя проработал уже больше месяца.

Бдительность Артура Александровича он уже заметно притушил несколькими удачными предложениями. Первое, которое Шубарин провел через Госснаб республики, Совет Министров и Министерство местной промышленности, давало управлению возможность самостоятельно выходить к поставщикам за пределами республики с правом выкупать у них нереализованную или сверхплановую продукцию. Этот документ придавал законность многим разбойничьим акциям Артура Александровича. Ему всегда нужно было доказательство, что он получал откуда-то официально, положим, тысячу метров ткани, хотя на самом деле он мог получить и десять и сто тысяч метров неучтенной продукции у таких же ловкачей, как и он сам. Эта бумага снимала в будущем обвинение в стоворе, подкупе поставщика, в противозаконных операциях в крупном масштабе. Хотя без стовора, без толкачей и по фондам что бы то ни было получить непросто. Это знает каждый, кто хоть немного знаком с материальным снабжением. Скорее всего, Шубарину сырье отовсюду отправляли в первую очередь и самое лучшее, а уж потом, что оставалось, выбирали те, кто имел фонды.

По мере того как прокурор готовил все новые документы, получавшие одобрение Шубарина, Амирхан Даутович вдруг почувствовал, что ревностное отношение к нему Файзиева неожиданно сменилось интересом, который тот, как ни странно, не афишировал при Артуре Александровиче.

Эту внезапную перемену к себе Амирхан Даутович анализировал долго, две недели, и кажется понял, что клан Файзиевых не прочь при случае скинуть Артура Александровича, слишком уж тот властен, не подпускает к финансовым секретам зама. Наверное, клан считал, что машина, запущенная Шубариным, теперь уже сможет функционировать и без него. И, по их мнению, Амирхан Даутович, наверное, подходил на место Шубарина, тем более что Икрам Махмудович не мог не оценить значимости тех документов, какие еженедельно выдавал Азларханов.

Открытие это, однако, не обрадовало прокурора — меньше всего ему хотелось оказаться между жерновами; теперь его волновала только своя игра, и карты день ото дня шли к нему козырные: он уже наполовину составил список людей в области и в республике на самых высоких постах, что состояли на содержании у Артура Александровича, и доказать ему это не составляло труда. Сложнее было выйти на людей из Москвы, но и тут он работал не без надежды. Но и не учитывать новый расклад, принимать безоговорочно сторону Шубарина, как решил он прежде, — значило обрекать себя на дополнительный риск: из опыта противоборства с Бекходжаевыми он догадывался и о возможностях клана Файзиевых. Оставалось

одно: осторожничать, потихоньку блефовать и, собрав достаточную информацию, при первой же возможности исчезнуть.

Ремонт в квартире заканчивался, наводили последний глянец, оставалось лишь отлакировать новые паркетные полы — и можно было переезжать; у него уже не раз спрашивали о новоселье. Амирхан Даутович прекрасно понимал, что вряд ли ему удастся прожить в этой квартире хотя бы несколько месяцев, но начатую игру следовало продолжать, показывать, что вьет гнездо всерьез и надолго.

Пачка денег, которую вручил ему Шубарин за посредничество в сделке с Хаитовым, продолжала лежать в ящике стола, он даже не переложил ее в сейф. Странное чувство у него было: он даже не ощущал эти деньги деньгами, они не вызывали никаких желаний. То же самое с квартирой, за ходом ремонта которой он якобы ревностно следил. И деньги, и квартира, так неожиданно свалившиеся на него, казались не настоящими, обманом, миражем. Только свое положение в «системе» Шубарина он принимал всерьез.

Деньги в столе и навели на мысль хотя бы на полмесяца нейтрализовать Коста, внушить ему, что он пустил корни в «Лас-Вегасе» глубоко.

— Коста, я хотел бы обратиться к вам с личной просьбой. Во-первых, потому что доверяю вашему вкусу, о котором все вокруг говорят, а во-вторых, у меня совершенно нет времени. Документы, которые я готовлю, во сто крат важнее моих личных дел. И мне хотелось бы скорее оправдать ту заботу и внимание, что проявляют ко мне мои и ваши благодетели. Я уже не говорю о том, что, ожидая результата, меня щедро авансировали, а я человек старой школы, не могу жить в кредит, оттого и корплю над бумагами день и ночь. А просьба моя такая. Через неделю-две закончится ремонт моей квартиры на улице Красина, где вам тоже, кажется, сняли комнату; необходимо обставить квартиру мебелью. Вот вам деньги. Здесь есть хороший магазин с выбором импортных гарнитуров. Пожалуйста, вымеряйте квартиру и подберите мебель на ваш вкус в спальню, зал и на кухню. Заодно присмотрите что-нибудь из посуды, — и Амирхан Даутович протянул Коста почку денег.

Коста машинально надломил пачку, проверяя, не подложили ли ему «куклу», затем, вспомнив, с кем имеет дело, рассмеялся.

Засмеялся и Амирхан Даутович, оба поняли жест Коста однозначно. Предложение оказалось для Коста столь неожиданным, что он, кажется, растерялся, хотя и пытался скрыть это.

В первые мгновения Джиоев, похоже, подумал, что Амирхан Даутович дает ему возможность отбыть с этими деньгами и не мешать ему в чем-то, но тут же отбросил эту мысль, потому что понимал: Амирхан Даутович знает, что для него, Коста, одна банковская упаковка денег, даже сторублевок, ничего не значит, и прокурор не станет так очевидно рисковать. Поэтому, отбросив все сомнения, он сказал:

— Только в том случае, если вы позволите осенними вечерами, когда польют затяжные дожди, иногда заходить к вам на чашку чая. Мне хочется поговорить с вами о жизни — мы ведь оба, как ни крути, оказались изгоями, хотя, как я вижу, вы снова поднимаетесь и, кажется, довольно круто. Я согласился опекать вас только потому, что по-человечески уважаю вас и презираю тех, кто, прикрываясь словами, растоптал вас; вы ведь тогда чудом остались живы. Но я вынужден служить им, вступать время от времени с ними в союз — кормушка-то у них в руках.

Амирхан Даутович прикинул, что до осенних дождей еще далеко и вряд ли ему придется коротать вечера с Коста за чашкой чая; на такой срок его планы не простирались, едва ли у него хватит сил и здоровья долго продолжать столь рискованную игру.

— Ну, разумеется, Коста, мы ведь будем соседями, да и мне есть о чем вас попросить.

Коста легко поднялся и протянул через стол крепкую руку каратиста.

«Интересно, сколько часов в день он тренируется?» — мелькнула мысль у бывшего прокурора.

После ухода опекуна Амирхан Даутович как-то сразу сник, навалилась усталость, и если бы в кабинете стоял диван, он наверное прилег бы, пропала охота к бумагам... Хотя он начал вновь регулярно совершать свои пешие прогулки и пытался куда лучше прежнего, чувствовал он себя неважно, сердце то и дело напоминало о себе, спасали сверхдефицитные заморские таблетки, которые добывал ему Шубарин, да нитроглицерин. Прежде чем подготовить решающий шаг, следовало окончательно стать в компании своим, но он не чувствовал пока к себе полного доверия ни со стороны старого бухгалтера Кима, ни его давнего друга Христоса Георгади: они постоянно очень ловко чего-то не договаривали ему, а без этого задуманное им дело заходило в тупик.

Оба старичка, несмотря на преклонный возраст, любили заглянуть в «Лидо», каждый из них не прочь был пропустить рюмку-другую хорошего коньячку, да

и на кухне в такие дни, заранее предупрежденные Икрамом Махмудовичем, готовили для них какие-то особые блюда и закуски. В такие вечера и Амирхан Даутович вынужден был появляться в «Лидо», строить из себя человека довольного жизнью и своим неожиданным положением. Гуляла широко, к ним за стол, сменяясь, подсаживались разные люди, Амирхану Даутовичу приходилось терпеть фамильярное отношение незнакомых типов и даже молодых приятелей и приятельниц Икрама Махмудовича, лезущих к нему в подпитии чуть не с объятиями. Но более всего его раздражал ресторанный дым — он едва не задышался в табачных клубах, хотя ради поставленной цели терпел и это.

После ухода Коста Амирхан Даутович вспомнил: опять не предупредил Артура Александровича, что через неделю годовщина смерти Ларисы, пять лет; он собирался поехать на могилу — надо было решить вопрос с машиной и сопровождением. Разговор этот ему не хотелось откладывать, потому что могли возникнуть и какие-нибудь неотложные дела, требующие его присутствия здесь. В последнее время почти ни одно мероприятие не проводилось без согласования или консультации с ним, в отсутствие Шубарина люди часто обращались к нему с неотложными делами, и он никогда не уходил от решения, а по одобрительному отношению Артура Александровича понимал, что пока попадал все время в точку.

Шубарин подписывал бумаги для бухгалтерии, но, увидев Амирхана Даутовича, отложил их в сторону. Чувствовалось, что в последнее время он убедил оппонентов в необходимости опытного юриста, и дела подтверждали его стратегию. Шубарин пошутил однажды наедине с прокурором, что если он и дальше так будет огражден за счет умело использованных юридических тонкостей, то вскоре, пожалуй, не ему, а он будет предъявлять счет властям и требовать для себя вместо статьи помягче особого положения в обществе и признания заслуг.

Амирхан Даутович напомнил шефу о годовщине, сказал и о поездке. Шубарин как-то очень странно выслушал простейшую просьбу, словно Азларханов подслушал его тайную мысль или даже оказался в курсе неких его сиюминутных планов, но, как всегда, очень быстро овладел собой. Прокурор уже знал, что в разговоре с Артуром Александровичем следовало ловить его первоначальную реакцию, через мгновение Шубарин опять становился «нечитаемым».

Шубарин вышел из-за стола, что делал в сильном волнении или когда распекал кого-то, прошелся по кабинету.

— Ну и задали вы мне задачу, Амирхан Даутович. Я обязан вас предупредить и, если хотите, даже приказать: вам не следует появляться в том городе еще с полгода, однако сегодня я не могу объяснить вам — почему. Поверьте, это в ваших же интересах. А что касается даты, я не забыл, и на этот счет дана уже команда. Мы, ваши новые друзья, коллеги по службе, помянем вашу жену вместе с вами. Впрочем, почему вам нежелательно там появляться, я объясню недели через две, а может, даже раньше. Что касается могилы вашей жены, она в порядке. Григоряны, сделавшие такой прекрасный памятник, — дальние родственники нашего Ашота; я был там на прошлой неделе с ним и братьями-скульпторами, за могилой хорошо смотрят, и в печальную годовщину она не останется без цветов, пусть ваша душа будет спокойна.

Азларханов вернулся к себе в кабинет крайне озадаченный — о работе не могло быть и речи, да и нездоровилось что-то. Что крылось за всем этим? Каким орудием был он в руках Шубарина? Что тот еще затеял и почему нежелательно или даже опасно появляться ему в соседнем областном городе, где он долго пробыл прокурором?

Опять у него вопросов оказалось больше, чем ответов.

Он не сомневался, что Шубарин действительно был на прошлой неделе на могиле его жены и, как человек деятельный, наверняка с кем-то договорился об уходе, оставил деньги. Не сомневался он и в том, что и цветы появятся на могиле в годовщину, как обещано, и самые роскошные, а не жалкие жестяные венки от общечеловечности, что увидел Азларханов, когда появился в первый раз на кладбище. Почему-то казалось Амирхану Даутовичу, что умри он сейчас — неожиданно, скоростно, — похоронят его Шубарин с Файзиевым с подобающим вниманием и наверняка рядом с женой. Не исключено, что братья Григоряны сделают еще один, возможно даже общий для них с Ларисой, памятник, и для этого найдутся и деньги и время, которого так не хватает этим деловым людям. И поминки справят как положено, и добрые слова какие-нибудь скажут, и на могилу хоть однажды, но заглянут.

Неделя прошла нервная, напряженная, что сказало на его самочувствии. Дважды среди ночи пришлось вызывать «скорую» — вот где по-настоящему Амирхан Даутович оценил опеку Коста. В первый раз, когда почувствовал себя плохо,

он потянулся к стене и слабо ударил по ней кулаком, так у них было условлено, на всякий случай. Коста появился тут же — как сказали врачи, весьма кстати — вызвал «скорую» и просидел, не отходя от прокурора, до утра, пока не стало лучше. Но к концу недели все как-то образовалось, Мирхан Даутович чувствовал себя прилично и вышел на работу; об одном жалел — что не может поехать на могилу жены. С Шубариным они больше не говорили на эту тему, и прокурор не допытывался, отчего же нельзя туда ехать; понимал — придет срок и он узнает.

В пятницу, когда они с Шубариным вдвоем обедали в «Лидо» — это был день смерти Ларисы, — Артур Александрович протянул ему через стол цветную фотографию, сделанную «Полароидом».

— Вот привезли полчаса назад. Снято сегодня, в девять утра.

На фотографии могила утопала в цветах, не видно было даже кованой ограды, только памятник. На переднем плане — несколько роскошных венков из белых и красных роз; а на самом большом, в центре, из одних белых роз, на широкой муаровой ленте значилось: «От управления местной промышленности». На другом можно было прочитать только краткое — «от друзей».

Амирхан Даутович смотрел на фотографию и чувствовал, как слезы невольно подступают к глазам.

— Спасибо, — сказал он. — Я очень тронут вашим вниманием, мне даже неловко, что вы проявляете столько заботы обо мне.

— Не стоит благодарности. Я делаю лишь то возможное, что обязан сделать как человек, а теперь уже и как ваш товарищ — ведь моя жизнь, мое благополучие отчасти в ваших руках, мы повязаны одним делом, одними целями. — Шубарин подбадривающе похлопал прокурора. — Впрочем, не будем опережать события. Вечером мы соберемся здесь в закрытом банкетном зале. От вашего имени я пригласил узкий круг близких вам людей. Так что после обеда вы поднимайтесь к себе, отдохните, а в восемь я зайду за вами, и мы спустимся к гостям; надеюсь, сегодня никто не будет опаздывать. — И они распрощались до вечера.

Вернувшись к себе, Амирхан Даутович вспомнил тот давний августовский день, когда он сидел в здании районной милиции и ждал сообщений от Эркина Джураева. Прошло всего шестнадцать часов, как не стало Ларисы, и он с горечью подумал тогда, что к этим шестнадцати он теперь всю жизнь будет прибавлять часы, дни, недели, годы, — а теперь вот набежало пятилетие.

Пять лет! Разве мог он предположить, что потеря жены, сама по себе трагедия всей жизни, обернется дополнительно и еще такими крутыми зигзагами в его личной судьбе. Странно, в свои пятьдесят он, после смерти Ларисы, реальной своей жизнью воспринимал только эти последние пять лет, остальное виделось как сквозь туман, и он с трудом соотносил себя с теми давними счастливыми днями.

А теперь новый этап жизни, снова навязанный ему. Кусок этот мог продлиться несколько месяцев, от силы полгода, на большее он не рассчитывал: слишком неравными были силы, чтобы долго противостоять изошренному Шубарину и его компаньонам. А что дальше? Что ожидает его, когда он сделает последний шаг в задуманном деле, как решил в первый же вечер, в тот давний и недавний вечер, когда пришли вербовать его в полутайный синдикат? Чтобы раскрутить то, с чем он придет к властям, нужны годы и годы, он-то знал стиль и темпы работы прокуратуры — надеяться, что жизнь подарит ему такой срок, не приходилось. Даже здесь, под неослабным вниманием весельного Артура Александровича, несмотря на полный комфорт и возможность в любую минуту связаться с профессором в Ташкенте, получить консультацию, а если надо — и самого профессора (не говоря уже о том, что доступны любые лекарства), и то на неделе дважды пришлось вызывать «скорую».

Но о том, что будет после, думать не хотелось. Путь свой он выбрал давно, тридцать лет назад, на шаткой палубе эсминца, и сейчас, на краю жизни, следовало последние дни свои прожить достойно и выполнить долг.

Ровно без пяти минут восемь раздался стук в дверь, на пороге стоял Шубарин. Амирхан Даутович не сомневался, что он уже провел инспекцию в банкетном зале, отдал последние распоряжения, прежде чем подняться за ним. В той торжественности, с какой отмечали день памяти его жены, Амирхан Даутович усмотрел непонятную для себя значительность события в глазах синдиката — похоже, и в это мероприятие Артур Александрович вкладывал нужный ему подтекст. Может, ему хотелось собрать людей, редко встречающихся за одним столом? А может, кому-то лишний раз нужно было показать единство и, так сказать, благородство стиля своего консорциума? Впрочем, не стоило ломать голову. Шубарин, как всегда, был труднопредсказуемым, и все следовало принимать как должное.

Амирхан Даутович никогда прежде не заглядывал в банкетный зал, хотя в последние недели почти ежедневно бывал в «Лидо». У двери ресторана их встретил

Адик, одетый сегодня несколько торжественнее, чем обычно, он и провел их в зал. Как только Амирхан Даутович вместе с Артуром Александровичем вошли в ярко освещенную комнату, собравшиеся, не сговариваясь, поднялись из-за стола, словно отдавая дань торжественности и скорбности момента. Прокурора удивил состав собравшихся за столом: кроме Александра Николаевича Кима и Христоса Яновича Георгади, оказались тут Адыл Шарипович и братья Григоряны. Сидели за столом Ашот рядом с Коста и еще несколько неизвестных Азларханову людей — одни мужчины.

Проходя на указанное Адиком место, Амирхан Даутович увидел на стене большую цветную фотографию Ларисы, наверное, переснятую из первого альбома. Она улыбалась на фоне медресе в Куня-Ургенче — снимок этот очень нравился самой Ларисе. Угол фотографии перехватывала черная муаровая лента с датами: 1940—1978. О скорбном дне напоминало и множество роз, все только белые; высокие хрустальные вазы под цветами, наверняка доставленные Икрамом Махмудовичем на время из магазина, тоже были перетянуты черными лентами, завязанными в кокетливые банты.

Артур Александрович, поправлявший цветы в напольных вазах у входа, сел на свое место последним; во главе стола, слева от него, оказался Азларханов, справа — Икрам Махмудович. За время общения с Шубариным прокурор привык к хорошо сервированным столам, но этот удивлял роскошью, чувствовалось, что Файзиев перетряс не одну спецбазу; ножи-вилки-бокалы вряд ли были казенные: опять же, наверное, Файзиев постарался, то ли из дома привез, а может, и с какой-нибудь обкомовской дачи или резиденции позаимствовал на время. Амирхан Даутович как-то слышал за обедом, что Георгади, как человек европейского воспитания, предпочитает столовое серебро и тяжелый голубой хрусталь — может, добро из его запасников? И все это организовано в память Ларисы?

Сидели как на больших приемах — свободно, громадный стол позволял, и от этого создавалось ощущение вроде бы официальности, строгости — впрочем, как давно заметил прокурор, некая чопорность была в духе Шубарина, а он и правил бал. Имел Артур Александрович слабость, может, опять же наследственную или скорее русскую: любил он застолья, любил угощать, принимать гостей, хотя бражником не был.

Адику сегодня помогали еще два официанта, и по какому-то неуловимому знаку Артура Александровича они быстро разлили водку и коньяк, вероятно, знали, кто чему отдает предпочтение.

Шубарин встал и попросил минутой молчания почтить память той, ради которой они сегодня здесь собрались. Потом он стал говорить о Ларисе Павловне, наверное, адресуясь прежде всего к тем нескольким мужчинам за столом, что были незнакомы Амирхану Даутовичу. Говорил долго — он действительно знал о ней немало. Упомянул события, подзабытые и самим прокурором. Память незаметно унесла Амирхана Даутовича в минувшие счастливые дни, и он перестал слушать Артура Александровича. Он не отрывал глаз от портрета жены, висевшего прямо над головой Коста. Мелькнула мысль, что ведь это первые многолюдные поминки Ларисы — все прошлые годы он поминал ее один, и годы выпадали один безрадостнее другого, единственным утешением ему служило то, что хоть успел, не оставил ее могилу безымянной.

Амирхан Даутович благодарным взглядом потянулся к братьям Григорьянам, поставившим памятник Ларисе, — братья, не сводя глаз с Артура Александровича, внимательно слушали взволнованную речь. И когда все подняли рюмки, Амирхан Даутович тоже выпил коньяку. Потом слово взял прокурор Хаитов — он говорил о трагической судьбе Ларисы, которую хорошо знал, говорил о доле, выпавшей Амирхану Даутовичу, о том, с каким мужским достоинством нес он свой крест. Слушая выступавших одного за другим — Икрама Махмудовича, братьев Григорьянов, старого бухгалтера Кима, — Амирхан Даутович вдруг ощутил, какой волшебной магией обладает целенаправленное, страстное слово. Скажи сейчас Артур Александрович, что нужно тут же встать и пойти врукопашную на Бекходжаевых, вряд ли кто уклонился бы, не говоря уже о том, чтобы усомниться в необходимости такого шага. Какой дух братства, единства, жертвенности витал над столом! И создал эту атмосферу Шубарин. Собираясь на поминки, Амирхан Даутович никак не предполагал, что увидит такое сострадание своему горю, услышит столько слов сочувствия, взволнованные заверения в том, что он всегда может положиться на них, сидящих за столом, в борьбе со своими недругами. Не рассчитывал он и пить более одной-двух рюмок армянского коньяка «Ахтамар», любимого Икрамом Махмудовичем, главным администратором по части достать — столы были тесно уставлены бутылками, но как можно было отказаться, если обращались к тебе с такими трогательными словами и заверениями.

Взволнованные речи не мешали бесшумным официантам без устали сновать

взад-вперед, меняя холодные закуски на горячие, одни деликатесы на другие, выставлять все новые и новые батареи охлажденного «Боржоми». Принесли и первое горячее — плов с перепелками, который, как объявил Файзиев, он приготовил сам. Постепенно в банкетном зале становилось все более шумно, как и в большом, к плову появились за столом новые лица, в основном люди, близкие Артуру Александровичу и Икраму Махмудовичу. Шубарин, державший все под контролем, глазами отдавал распоряжения все понимающему Адиду, не забывал ухаживать за Амирханом Даутовичем, замечая, что тот время от времени как будто выпадает из компании, проваливаясь памятью в прошлое. Подкладывал прокурору закуски, потчевал как хлебосольный хозяин: попробуйте — это миноги, или вот этот особый салат из молодого папоротника, его регулярно присылают бухгалтеру с Камчатки, или шампиньоны, приготовленные по давнему греческому рецепту, хранящемуся в семье Георгади.

На улице давно стемнело, и в распахнутые настежь окна банкетного зала вривался свежий ветерок. Наступало время его каждодневной прогулки, но уйти из-за стола было неудобно, хотя Амирхан Даутович ощущал потребность побыть одному. И вдруг, в который уже раз, словно читая его мысли, Артур Александрович, наклонившись, тихо предложил:

— Хотите выйти на свежий воздух? Здесь уже накурили не меньше, чем в зале.

Не дожидаясь ответа, Шубарин встал, и Амирхан Даутович последовал за ним.

— Давайте пройдемся обычным вашим маршрутом, — посоветовал Артур Александрович, — подышим. Может, нагуляем аппетит — еще предстоит отве-дать какие-то особенные манты и самсу, начиненную рублеными ребрышками баранины. Икрам Махмудович привез из кишлака какого-то чародея по этой части, вы ведь знаете, Файзиев у нас гурман, и вкус у него отменный. Ему бы еще такой вкус в делах проявлять, цены бы ему не было.

Амирхан Даутович понимал, нужно как-то поблагодарить Шубарина и за цветы на могиле Ларисы, и за вечер памяти, так прекрасно организованный, и за добрые слова, но что-то сдерживало его.

Шубарин сам прервал затянувшееся молчание.

— Амирхан Даутович, я знаю, что на поминках не приняты подарки, сюрпри-зы, но все же не удержусь от возможности сообщить одну приятную для вас новость именно в этот горестный день. Я буду рад, если известие хотя бы отчасти вернет утерянный душевный покой.

Азларханов почувствовал, что сейчас Шубарин скажет что-то важное, и не ошибся.

— Сегодня, в день памяти Ларисы Павловны, хоронили убийцу вашей жены, прокурора Анвара Бекходжаева.

— Вы не ошиблись? — спросил Амирхан Даутович.

— Разве я до сих пор давал вам повод сомневаться в своих словах? — в свою очередь спросил Шубарин. — Его убили вчера вечером, и я даже знаю — кто.

— И кто же? — Голос Амирхана Даутовича дрогнул, хотя он и попытался скрыть свое волнение и охвативший его неожиданный страх.

— Вот этот молодой человек, — и Артур Александрович протянул снимок побледневшему Азларханову.

На черно-белой фотографии крупным планом был заснят прокурор, а рядом с ним прилепился невзрачного вида молодой человек с короткой стрижкой. Сколько Азларханов ни вглядывался в снимок, сделанный в зале «Лидо», — человека с раскосыми глазами на тонком бледном лице, с крупным ртом, портившим его лицо, не узнавал. Он не мог припомнить его, а фотография была настоящая, не монтаж, скорее всего, незнакомец присел рядом с ним на секунду по сценарию и по приказу Шубарина в один из вечеров, когда прокурор спускался в разгар веселья выпить свой чайничек чая.

— И кто же это? — спросил уже спокойнее Амирхан Даутович.

— Не узнали? Странно. Это ваш старый знакомый, Азат Худайкулов, отбывающий срок за убийство вашей жены вместо дружка Анвара Бекходжаева, убившего Ларису Павловну.

Амирхан Даутович еще раз внимательно посмотрел на фотографию.

— Не узнать... Хищный какой-то, я помнил его почти мальчишкой.

— Пять лет все-таки прошло, выжил, возмужал, настоящий волк, он еще дел наворотит. Я ведь уже говорил вам: зло рождает зло, — прокомментировал Шубарин.

Слушая шефа, Амирхан Даутович вдруг вздрогнул от неожиданной догадки: он понял ход Шубарина — оттого и фотография на всякий случай. Вот оно, дело, которым тот решил повязать его на всю жизнь. Теперь Шубарин не сомневается, что прокурор у него на привязи, и крепко — даже мысли вильнуть в сторону не мо-

жет возникнуть, — они теперь вместе до гробовой доски. Старый, как мир, прием уголовников — привязывать мокрым делом, то есть убийством. И если что — Азат Худайкулов, приведись ему отвечать за содеянное, скажет, что нанял его прокурор, чтобы отомстить за свою жену.

— За что же он своего дружка так? Ведь росли вместе, говорят, он у того в адьютантах ходил чуть не с пеленок?

— Было, да бывшем поросло. Разошлись далеко детские дорожки, в разные стороны, оттого и месть крутая. Не сдержали Бекходжаевы свое слово. На первых порах помогали, посылки регулярно присылали, навевались, матери его больной оказывали всяческое содействие. А потом внимание иссякать стало — мало кто выдерживает испытание временем — в обузу стали им Худайкуловы. Мать умерла, а перед смертью написала горестное письмо Азату и обвинула в своей смерти Бекходжаевых. Каково в тюрьме получить такое письмо от матери, зная, что ты отбываешь срок за них? И стал он жить одной мыслью, одной-единственной надеждой: отомстить своему вероломному другу, других желаний у него не было. И дружки по тюрьме узнали, что вероломный товарищ к тому же прокурор, злобный, невежественный, свирепствующий, задушивший поборами всех вокруг. Ведь в тюрьму, как ни парадоксально, сведения доходят быстро и в большом объеме, и о реальной изнанке жизни здесь имеют представление получше, чем в райкоме. Так что он жил, моля аллаха, чтобы не убили его врага другие, потому что год назад узнал, что есть люди, и весьма серьезные, которые уже приговорили к смерти прокурора Бекходжаева. А в той среде, где это было сказано и в которой Азат теперь не последний человек, словами не бросаются, это не профсоюзное собрание, отвечать приходится, репутация в уголовной среде дороже жизни.

— Одно дело желать, другое — выполнить. Ему удалось бежать из колонии?

— Не совсем так. Когда я узнал вашу историю, а затем историю этого несчастного молодого человека, пострадавшего, как и вы, я понял, что ваши интересы совпадают. А для себя я посчитал весьма благородным поступком, если смогу помочь восстановить, хоть и запоздало, справедливость. Я попросил доставить Азата в «Лас-Вегас» на несколько часов, тогда и засняли вас случайно, на память. Я хотел поговорить с ним, понять, насколько серьезны его намерения и что он за человек, можно ли положиться на него. В тюрьме он прошел большую школу, расуждал вполне здраво, а намерения его были серьезные, дальше некуда. Я обещал ему помочь, обговорив кое-какие условия, — он принял их.

— Вы помогли ему бежать? — нетерпеливо спросил Амирхан Даутович.

— Нет, зачем же, побега я ему не обещал.

— Как же тогда удалось ему совершить свою месть?

— Ну, это несложно. Если ваш знакомый полковник Иргашев мог использовать Коста на воле против вас почти полгода, так почему я не мог взять Азата из колонии всего на несколько часов. Люди Ашота, хорошо изучив привычки Бекходжаева, разработали план, и Азату преподнесли все на блюдечке с голубой каемочкой, вся операция заняла пять минут.

— Значит, раскрыть это преступление будет непросто и есть гарантии нашей безопасности?

— Трудный вопрос, особенно насчет гарантий. Я не знаю, как раскрываются у нас преступления, но то, что Азат Худайкулов через три часа вернулся в место заключения, это точно. А при его нынешнем опыте жизни брать на себя еще одно убийство, теперь, правда, свое, — это безумие, тем более, что он знает, что когда выйдет — получит помощь не от Бекходжаевых, а от меня. О том, что я слов на ветер не бросаю, он знает, убедился в моих возможностях. Гарантии, скорее, в другом. Помните, я говорил: нам неважно, кто нанесет удар Бекходжаевым, мы не тщеславны, нам важен результат. Я упоминал, что Анвара Бекходжаева уже давно приговорили, и он об этом знал, знали и в прокуратуре. Впрочем, многие хотели бы посчитаться с ним, и не только уголовники и дельцы, ему и за его донжуанство давно обещали оторвать голову — вы же знаете, в районах на этот счет строго, а он и тут левал на понятия чести и морали своего же народа. Так что поле деятельности следователей и без нас широкое. Если надо будет, подбросим и другие варианты, там есть кому держать под контролем ход расследования. Свести счеты и дурак сумеет, а вот жить и радоваться назло врагам не каждому удается. В конце концов, Азат у нас в руках еще лет пять, — закончил, как всегда неопределенно, Шубарин.

Они ушли далеко, занятые разговором почти до старой махаллы Допидуз, и, когда возвращались обратно, наткнулись на спешившего навстречу Коста.

— Я по поручению общества, вас ждут к столу. Ким с Георгади хотели бы уехать домой.

— Скажи, мы будем через пять минут, — сказал Шубарин.

Когда они снова вошли в банкетный зал, Амирхан Даутович заметил, что по-

минки превратились в очередную гулянку — прибавилось, и заметно, новых лиц, но стоило Артуру Александровичу сказать несколько слов, как шум моментально стих и все чинно заняли места за столом. Адик с помощниками внесли ляган с обещанными Шубариным особенными мантами — обложенные зеленью, посыпанные красным корейским перцем, смотрелись они аппетитно, и все взгляды дружно потянулись к Артуру Александровичу. Но вдруг поднялся один из тех незнакомых мужчин, что находились в компании с самого начала. Все за столом, как понял Азларханов, делалось только с ведома Шубарина — значит, настал черед и для этого человека. Говорил он тоже долго и не менее искушено, чем сам Шубарин, старался придерживаться темы, ради которой собралось застолье, но то и дело отклонялся произвольно и снова возвращался. Он говорил о том, что удостоился большой чести разделить горе, выпавшее на долю большого друга его давних друзей, и он готов служить верой и правдой таким людям, для которых горе ближнего воспринимается как свое.

Говоря, он все поглядывал на Артура Александровича: как тот воспринимает сказанное? Делал он это, на свой взгляд, ловко, осторожно, но ему мешало выпитое, и Амирхан Даутович ясно понимал, что сегодня Артур Александрович вербовал в свою вотчину еще одного, и наверняка влиятельного, человека, поражая его богатством стола, а главное — щедрым вниманием к своему ближнему.

Слушая после прогулки говоривших, Амирхан Даутович пытался понять, кому еще известна новость, которой одарил его Шубарин, но установить это было непросто. Конечно, Файзиев знал, потому что слишком внимательно глянул на прокурора, когда они вернулись, и, поднимая рюмку, кивнул с намеком, словно поздравлял его. Наверное, застолье продолжалось бы до глубокой ночи, но засобирались домой старики — Ким и Георгади, и Артур Александрович вместе с Ашотом поехали развезти их по домам. Это и послужило сигналом к завершению, и недогулявшие стали переходить в большой зал, где оркестр извергал жизнерадостные ритмы.

За столом остались Азларханов и Икрам Махмудович, да чуть поодаль Коста с аппетитом доедал самсу. Наверное, Икрам Махмудович хотел что-то сказать юрисконсульту, и он сделал знак Коста. Тот быстро покинул банкетный зал, вместе с ним ушли и официанты. Амирхан Даутович, вроде бы не заметив жеста Икрама Махмудовича, пересел поближе и налил коньяку ему и себе — он хотел сам завести нужный разговор, у него уже созрел кое-какой план.

— Давайте, дорогой Икрам Махмудович, выпьем за здоровье моего самого ценного друга, всесильного Артура Александровича, отныне я ему обязан по гроб жизни и буду служить верой и правдой до последнего дыхания.

Файзиев как-то странно посмотрел на него:

— За Артура Александровича выпью с удовольствием. — И опрокинул рюмку коньяка залпом, как пьют водку. — А вот с тем, чтобы считать себя обязанным ему до гробовой доски... по-моему, вы переусердствовали.

— Да вы же не знаете, — сказал с притворным возмущением Амирхан Даутович. — Он... он отомстил за смерть Ларисы и снял с моей души такой камень! Мне теперь от жизни ничего не надо, справедливость восторжествовала, зло наказано.

— Почему же не знаю? — усмехнулся Файзиев. — Знаю. Вы зря недооцениваете меня в этом деле; я считаю, тут есть и мои заслуги: подходы к тюрьме нашел я.

— Спасибо и вам, Икрам Махмудович... — благодарно закивал прокурор.

— Дело не во мне, — нетерпеливо отмахнулся Файзиев. — Устроил это Шубарин вовсе не ради вас и уж, тем более, не ради торжества справедливости, как он обычно любит представлять свои затеи — он далеко не Робин Гуд, каким хотел бы выглядеть.

— Ничего не понимаю... Тогда зачем же ему так рисковать? Убийство прокурора все-таки...

— Вот с этого вопроса и надо было начинать, — назидательно объявил Икрам Махмудович. — Наверное, он решил, что именно сегодня ему выпал шанс перетянуть юриста на свою сторону. — Дело в том, что пять лет назад, когда вы еще были прокурором, он уже имел интересы в вашей области. Сначала, правда, незначительные. Но вы ведь изучили его хватку — ему палец покажи, он всю руку отхватит. Знаете, как его в Москве называют? Японец! Потому что ему удается наладить даже то производство, что всегда прогорало и считалось нерентабельным. Он действительно толковый инженер, а как финансист и предприниматель — просто гений. Сколько раз мы выкупали у прогоревших коллег оборудование и сырье, разумеется, за бесценок, и налаживали дело так, что все вокруг только диву давались. Уметь поставить на поток — главное наше дело. Он полагал, что обоснуется в вашей области навсегда, там будет у него резиденция. Много он своих денег вложил, и дела пошли не хуже, чем здесь, и покровители у него там — кто бы вы думали? Бекходжаевы. Наверное, помогая ему развернуться,

они не предполагали, какой золотиносной курочкой окажется Артур Александрович, — деньги потекли рекой. Но Бекходжаевы не учли одного: Шубарин согласен делиться и кормить многих, но хозяином дела считает только себя. Короче, нашла коса на камень. Тогда он еще не имел власти над преступным миром, как сейчас, он бы живо поставил их на место. Бекходжаевы через нового прокурора области, давнего своего друга, обложили Шубарина со всех сторон, и Артур Александрович вынужден был оставить налаженное дело, личное оборудование, станки и ретироваться, даже не забрав пай. Я знаю людей, которые видели, как лютовал тогда Японец. Нет, не о потерянных деньгах жалел — он не мог простить предательства, коварства, не мог снести позора и унижения — он поклялся тогда, что Бекходжаевы заплатят ему за это кровью. Вот и расправился, да так расправился, что комар носа не подточит. Пройдет время, и он пошлет к ним их старого знакомого Коста и предъявит ультиматум, чтобы вернули ему то, что он вложил, да еще и прибыль за все годы. Я знаю, такие расчеты старики Ким и Георгади давно уже подготовили. А если не вернут — сумма перевалила за миллион, — он убьет следующего Бекходжаева, и так до тех пор, пока не добьется своего, он безжалостный человек.

— Страшный человек! — невольно вырвалось у Амирхана Даутовича.

— Настоящий мафиози, — констатировал Файзиев. — Не зря боится его прокурор Хайтов. Знаете, любимый фильм у него — «Крестный отец», он его каждый месяц смотрит. Мне кажется, он и у них, в Италии или Америке, не затерялся бы. А знаете... — Икрам Махмудович хотел было что-то сказать, но вдруг осекся и громко позвал Адика, попркосив чайник чая.

Разговор сразу как-то разладился, Икрам Махмудович почувствовал, что упустил шанс перетянуть прокурора в свой лагерь, хотя нынче как никогда был близок к этому.

Вот-вот могли вернуться Шубарин с Ашотом, а Амирхан Даутович сегодня уже не желал ни с кем общаться, слишком серьезный оборот принимали события. Не хотелось ему оставлять Файзиева без надежд: кто знает, к кому придется обращаться за помощью, чтобы уцелеть. И он сказал:

— Я признателен вам — вы на многое открыли мне глаза. Но я вынужден взвесить свое положение, разумеется, не затрагивая ваших интересов, — вы ведь сами сказали, что Артур Александрович безжалостный человек. Я думаю, мы с вами еще продолжим сегодняшний разговор и проясним свои отношения на будущее. — Оставив Икрама Махмудовича переваривать сказанное, Амирхан Даутович поднялся из-за стола и направился в конец зала, где висел портрет Ларисы. Осторожно сняв фотографию, он вышел с нею в узкий коридор, ведущий прямо в гостиницу.

— Пауки! — вырвалось у него, едва он закрыл дверь своего номера.

Он понимал: не обладай Шубарин властью и не имей за плечами опыт поражения Бекходжаевых, семейство Файзиевых и дня не церемонилось бы с ним, и так же, как Бекходжаевы, попыталось бы все прибрать к рукам; но теперь Японец был учен и всегда начеку, не во всем доверял он Икраму Махмудовичу.

А может, убийство Анвары Бекходжаева заодно и предупреждение семейке Файзиевых? Не мог не догадаться столь проницательный человек, как Шубарин, на что нацелилось окружение Икрама Махмудовича. Опять возникали вопросы, и главный: почему вдруг осекся Файзиев, что хотел он сказать?

Азларханов догадывался о том, в какую зависимость попал к нему теперь сам Файзиев: стоило Амирхану Даутовичу только намекнуть Шубарину о разговоре в пустом банкетном зале, и жизнь его оказалась бы под угрозой.

Вдруг взгляд упал на фотографию, и мысли о главарях тайного синдиката, наемных убийцах и мерзавцах прокурорах улетучились сами собой — сегодня день Ларисы, кощунственно думать о другом, даже если это самые неотложные дела. Он снял со стены блеклую репродукцию и повесил на ее место фотографию Ларисы, убрав траурную ленту.

«Благословила ли бы Лариса на то, что я задумал?» И, вспомнив давние дни и споры с ней о законе и праве — она точно так же интересовалась его работой, как он ее керамикой, — ответил себе: да, Лариса понимала, чему посвятил жизнь ее муж, и слово «долг» было для нее не пустым звуком, потому что выросла она в истинно интеллигентной среде. И опять мысли его закружились вокруг понятий «честь», «достоинство», «долг», и, рассуждая об этом, он неожиданно сделал парадоксальное открытие: хоть он обладал большой властью, и не один год, ему ни разу не пришлось принимать такое ответственное решение или совершать поступок, равнозначный тому, какой предстоял ему теперь. И вдруг только сегодня, сейчас, в день годовщины смерти жены, он понял, что внутренне никогда не слагал с себя полномочий прокурора, хотя официально лишился этой должности. От этой мысли стало как-то спокойнее на душе, исчез страх, сидевший в нем весь вечер.

Прошло две недели... Амирхан Даутович ни разу не виделся с Шубариным после поминак Ларисы — в ту же ночь Артура Александровича поднял поздний звонок из Москвы, и он срочно улетел в столицу. Две эти недели Азларханов провел с большой пользой для себя, понимая, что времени у него в обрез: много занимался делами, подготовил несколько документов, которые наверняка обрадуют Шубарина, а главное — он понял из бумаг некоторые принципы непотопляемого айсберга. Хитрый трюк финансовых мошенников преклонного возраста, Кима и Георгади, и их главаря Японца состоял в том, что они организовали немало предприятий на стыке двух областей или двух районов с одним и тем же штатом: по одну сторону границы существовало реальное, по другую фиктивное производство — это давало им большие возможности манипулировать финансами и сырьем, вроде как обходясь без мертвых душ и без откровенного подлога. Нащупал Амирхан Даутович и несколько банков, откуда слишком щедро снабжали их крупными суммами. Прежде чем отдать Коста пачку сторублевок, Амирхан Даутович отметил в записной книжке банковский штамп и, выйдя по документам на этот же банк, утвердился в своей мысли, что именно там приберегали для Шубарина крупные купюры. И пачки сторублевых купюр этого же банка наверняка хранятся в тайниках у первого секретаря Бухарского обкома партии, главного покровителя и друга Шубарина: вряд ли тот доверял такие суммы сберкассе. Когда-нибудь Амирхан Даутович собирался выстроить и эту линию.

Вернулся из Москвы Шубарин днем и первым делом заглянул в кабинет Азларханова.

— Рад вас видеть в добром здравии, — едва переступив порог, сказал, радушно улыбаясь, Артур Александрович. — Надеюсь, вы не подумали, что в такой сложный момент я бросил вас? Я наказал Коста до моего приезда особо тщательно присматривать за вами и через день звонил ему, не замечает ли он чего-нибудь подозрительного вокруг вас. Слава богу, никаких происшествий, но теперь я рядом с вами, и душа моя спокойна, я не люблю удаляться от своих дел, даже если имею хороших помощников. Но дела есть дела. Есть люди, которым я не могу отказать в помощи, если они попали в беду, оттого и срочный вызов в Москву: решил и чужие и свои проблемы. Как служебные успехи?

Амирхан Даутович молча пододвинул к нему красную папку с оттиском «На подпись».

Артур Александрович быстро пробежал глазами все четыре документа и тут же дал им оценку, правда, пытаясь придать сказанному шутливый тон:

— Каждый из этих циркуляров вы могли бы продавать мне поштучно, и сколько бы ни пришлось заплатить, думаю, что я не прогадал бы. — Вспомнив что-то, добавил: — А у меня для вас тоже припасены подарки. — Он открыл кейс, вроде того, что Азларханов некогда видел в руках у Коста. — Это швейцарские часы «Роллекс», надеюсь, они вам понравятся — солиднее не бывает, золотые, с платиновым циферблатом и стрелками; а это многофункциональная счетная машинка «Кассио» — она необходима вам в работе; и маленький диктофон «Шарп» — можете наговаривать текст для машинистки у себя в кабинете, я вижу, она раздражает вас своей медлительностью.

Амирхан Даутович раскрыл коробку с часами, они и в самом деле оказались великолепными — массивные, с граненым хрустальным стеклом.

— Ну, теперь мне будет завидовать сам Коста, — пошутил юрисконсульт, но Артур Александрович покачал головой:

— Нет, не должен, ему я тоже привез прекрасные часы в подарок. Коста и для меня и для вас очень нужный человек, он долгое время был у Бекходжаевых доверенным лицом, и мы нанесем с его помощью еще один сокрушительный удар.

Узнав о приезде Шубарина, с третьего этажа спустился Икрам Махмудович. Увидев в руках у Амирхана Даутовича коробку с часами, он несолидно, по-мальчишески обиженно спросил:

— А мне?

Артур Александрович в ответ рассмеялся — он, видимо, был в хорошем настроении — и, обняв Файзиева, сказал:

— А тебе подарок посерьезнее: я решил твой вопрос с белым «мерседесом». Посылай человека, пусть гонят. Машина Санобар, которой ты завидуешь, просто колымага по сравнению с этой, обивка мягкой красной кожи, белые, из ламы, чехлы, кондиционер, бар... двести сорок лошадиных сил!

Файзиев взвизгнул от радости и пустился плясать посреди кабинета. В этот момент вошли Ким и Георгади, неразлучные старики.

Стало шумно. Артур Александрович, озорно подмигнув Азларханову, увел незваных гостей в свой кабинет.

Прокурор и после ухода Шубарина долго не убирал со стола дорогие подарки из Москвы — нет, он не любовался ими, хотя они не вызывали в нем и неприязни, он просто был равнодушен; все эти страсти с модными тряпками и престижными вещами прошли как-то мимо него. Он думал о том, сколько есть путей и способов подкупа: деньгами, должностью, женщиной, машиной, модной одеждой, редкой книгой, дачей, антиквариатом, драгоценностями, спортивным снаряжением. Наверное, существует целая наука, которой в совершенстве владел Артур Александрович, он-то знал, как к кому подступиться: старому и молодому, мужчине и женщине, богатому и бедному, сквалыге и моту, трезвеннику и пьянице, лодырю и трудяге.

Да, внимательный человек Артур Александрович.

Амирхан Даутович вспомнил две прошедшие недели. Догляд за ним Коста в это время действительно был особо тщательным, хотя Джиоев ни о какой опасности не говорил, не предупреждал и даже не намекал — видимо, чтобы не беспокоить. Но несколько раз, выходя в гостиничный коридор, он встречал там Коста, неизменно собранного, улыбочивого, учтивого. Значит, существовала какая-то опасность, которой остерегался Шубарин? От кого она должна была исходить? От Бекходжаевых? А может, его изолировали от человека, который хотел передать ему особо важную информацию? Тогда кто же он? Не прокурор ли Адыл Хайтов? С ним ведь они так толком и не объяснились, а на поминках Ларисы им не дали возможности и минуты побыть наедине. Прокручивая в памяти вечер в банкетном зале, Азларханов почувствовал, что, кажется, Хайтов действительно порывался ему что-то сказать, а может, даже и что-то передать. О чем бы поведал ему старый знакомый, дольше других сопротивлявшийся системе Шубарина? Надо попытаться встретиться с ним, решил Амирхан Даутович. Может, Хайтов так же, как и он, вступил в контакт с Шубариным с единственной целью — нанести в конце концов ему удар? Этот вариант следовало продумать и проанализировать особо тщательно. Да, такой союзник, обладающий официальной властью, Амирхану Даутовичу не помешал бы, но пока приходилось рассчитывать только на свои силы.

В конце рабочего дня Шубарин зашел к Амирхану Даутовичу еще раз.

— Поужинаем вместе по случаю моего приезда и обмоем «Роллекс», чтоб хорошо носились? — предложил он и, по привычке не дожидаясь ответа, продолжал: — Я привез кое-что из Москвы: ваше любимое баночное пиво «Дрейер» и к нему краба свежемороженого килограммов на пять. Икрам Махмудович уже отправился в «Лидо» распорядиться насчет ужина. И старики наши на краба приедут... Посидим, я люблю видеть своих людей за накрытым столом — это объединяет, рождает чувство семьи. — Внимательнее всмотревшись в осунувшееся лицо Амирхана Даутовича, сказал неожиданно: — Что-то вы неважно выглядите, прокурор, вас гнетет наш самосуд? Но другого способа мести я, к сожалению, не знаю. У вас, мне кажется, психологический шок — это бывает; бывало и со мной вначале; надо привыкать — большое дело требует крепких нервов. А впрочем, может, вам стоит развеяться, сменить обстановку на две-три недели, попутно и хорошим врачам показаться? Через неделю Гольдберг, наш заведующий цехом овчинношубных изделий, едет в Москву — как обычно, снимать мерку с нужных людей. Не составить ли вам ему компанию, он заодно и представит вас своим клиентам, многим мы уже не первую дубленку шьем. Побудете в Москве, вы ведь там учились, тряхнете стариной. Вам забронировать прекрасный номер в гостнице «Советская», за вами будет закреплена машина. Правда, Яков Наумович ездит только поездами, самолета не переносит, но двухместное купе в вагоне «СВ» вам в Ташкенте обеспечат. Ну как? Соблазнил?

— А что, прекрасная идея, — оживился Азларханов. И впрямь, разрядка и отдых ему сейчас не помешали бы. — Признаться, я напуган каким-то предчувствием беды, плохо сплю, и если бы не присутствие Коста рядом, наверное, издергался бы совсем. Конечно, если Гольдберг не возражает, я с удовольствием составляю ему компанию, я уже давно не был в Москве.

— А почему он должен возражать? Надеюсь, вы приятно проведете время в дороге и в столице. Кстати, Яков Наумович в свое время закончил философский факультет МГУ, образованнейший человек, я с удовольствием бываю у него дома. Убежден, у него одна из лучших частных библиотек в Ташкенте, такие раритеты имеются... Ну вот и отлично, что договорились. В дорогу вам все подготовят, только одна просьба... — Шубарин заговорщически понизил голос: — Никому, даже Икраму Махмудовичу, о поездке ни слова. Я объявлю о командировке вечером накануне отъезда. И еще личная просьба, чуть не забыл: если вас не затруднит, — он вынул из верхнего кармашка пиджака чью-то визитную карточку, — пожалуйста, запишите: Кравцов Николай Федорович, рабочий телефон... — вы учились с ним в аспирантуре в одной группе. Неплохо бы возобновить контакты, а через него и с другими товарищами по курсу. Англичане говорят: школьный галстук крепче родствен-

ных связей. Устройте ужин в хорошем ресторане, денег не жалейте. Пока никаких конкретных задач — просто возобновите контакты.

После ухода шефа, осмысливая неожиданное предложение, Амирхан Даутович отметил обдуманность действий Шубарина: слишком поспешил он навязать ему телефон Кравцова, это выдало его с головой. Наконец-то Азларханов разгадал наперед ход Шубарина, это обрадовало его куда больше, чем презенты из Москвы.

Вечером за ужином в «Лидо» Амирхан Даутович, улучив минутку, спросил у Шубарина, как же быть с новосельем, которое он наметил. Артур Александрович, показав на стол, ответил в улыбкой:

— Вот вернетесь из Москвы, навезете всякой всячины, как я сегодня, тогда и справим новоселье.

На том и решили, и Артур Александрович, глянув на календарик в записной книжке, объявил всем дату новоселья на Красина, пришлось она на последнюю субботу октября.

7

Две недели в Москве были дождливые, слякотные. С Яковом Наумовичем, как и предсказывал Шубарин, он сдружился еще в дороге. В двухместном купе фирменного поезда «Узбекистан» они вели долгие, неспешные беседы обо всем, но ни разу не касались ни дел, что оставили дома, ни дел, что ждали их в Москве. Амирхан Даутович не форсировал события, а Гольдберг наверняка не хотел выглядеть болтливым, подозревая, что его вагонный попутчик второй после Японца человек в деле, хотя уже прошел и неясный слух среди артельщиков, что вроде не Шубарин с Файзиевым настоящие хозяева, а Азларханов стоит за всем, и называлась астрономическая сумма пая, которым якобы он владеет. Гольдберг знал Шубарина много лет и в такой расклад, конечно, не верил, но как человек осторожный, повидавший на своем веку немало, иногда думал: чем черт не шутит, — и оттого сам о делах не заговаривал. Они подолгу молча стояли на закате дня в коридоре у окна, вдыхаясь в скупой пейзаж казахстанских степей. Амирхан Даутович одолевал этот путь впервые; а Гольдбергу дорога была известна до мелочей: Шубаркудук, Челкар, Чили, Кызылорда, Арысь...

Яков Наумович помнил столицу пятидесятих годов, когда учился в МГУ, помнил первый Всемирный фестиваль молодежи пятьдесят седьмого года, первый Московский кинофестиваль, приезд Симоны Синьоре и Ива Монтана, Жерара Филипа — впрочем, тогда многое было впервые. Москва, воспоминания о ней, наверное, более всего сблизили двух немолодых людей.

Иногда за неспешным ужином в купе Амирхану Даутовичу хотелось спросить Якова Наумовича, почему он с таким образованием, со знанием двух иностранных языков оказался далеко от Москвы, в овчинношубном цеху, но каждый раз понимал, что не следует этого делать. Скорее всего, он услышал бы историю не более веселую, чем свою. Но как бы ни был приятен в общении Гольдберг, Амирхан Даутович не забывал о своих целях: ему неожиданно выпал шанс выявить в Москве круг должностных лиц, сотрудничающих легально и нелегально с Шубариным, и всех этих людей, или большинство из них, хорошо знал Яков Наумович. Если бы, не вызывая у него подозрений, удалось получить информацию об этих людях! Когда им в гостинице «Советская» дали два отдельных номера, Азларханов предложил Гольдбергу взять двойной «люкс», мотивируя тем, что в последнее время из-за сердца боится оставаться один. Предложение Гольдберг понял как приказ, и они поселились вместе; впрочем, Яков Наумович ничего против не имел, и трехкомнатный номер, в который он попал впервые, понравился ему куда больше, чем однокомнатный «люкс», что занимал он всякий раз, бывая в Москве. Имелся у Амирхана Даутовича и кое-какой план, который он выработал в дороге под мерный стук колес. Во время ужина в прекрасном ресторане гостиницы, на месте бывшего «Яра», где некогда сидел дед Шубарина, Амирхан Даутович сказал небрежно:

— Яков Наумович, я очень давно не был в Москве и не хотел бы тратить время на знакомства со всеми, с кого вы должны снимать мерки. Пожалуйста, подготовьте список, на ваш взгляд, самых влиятельных людей, кому я должен нанести визит, сопровождая вас, а остальным временем я распоряжусь по своему усмотрению, тем более что Артур Александрович дал и лично мне задание.

— Как пожелаете, Амирхан Даутович, — ответил Гольдберг. — Я вам не указ. Думаю, таких людей будет не больше десяти, остальные — так сказать, среднее звено, но и без них не обойтись.

После ужина они поднялись в номер. Прокурор, словно забыв о своей просьбе, пошел принять перед сном душ, а Яков Наумович включил телевизор. Но когда Амирхан Даутович, выйдя из ванной, хотел составить Гольдбергу компанию перед

телевизором, оказалось, что тот сидел за письменным столом и листал толстую замусоленную тетрадь в коленкоровом переплете. Увидев Амирхана Даутовича, оживленно воскликнул:

— Один момент! Куда-то затерялся в моих записях один важный чин пятьдесят восьмого размера. Отыщу — и список будет готов.

— Судя по вашей тетради, клиенты уже не одной дубленкой разжились, — поддел скорняка Амирхан Даутович.

— Да, есть и постоянные клиенты, — ответил Яков Наумович, не поднимая головы. — Вот, к сожалению, двое уже умерли, хорошие были люди, большие начальники! Иных перевели на новую службу, повысили — номенклатура, сами понимаете, — и они уже не представляют для нас интереса. А большинству, вы правы, шьем не в первый раз. Вот, нашел наконец! В прошлый раз ушло на него двенадцать овчин, неужели еще поправился? — Яков Наумович передал торопливо набросанный список.

Азларханов пробежал глазами листок в клетку, надеясь, что, оставшись один, внимательнее вчитается в него.

— Наверное, за неделю управимся?

— Раньше не удавалось, — ответил словоохотливый Гольдберг. — Это не простое дело. Снять мерку мне и десяти минут хватает, да вот чтоб в иной кабинет зайти, не один день ездить приходится — то совещание, то заседание, то неожиданно в Совмин вызвали, то в ЦК. А другого мы должны в ресторан пригласить на ужин, мерку здесь в номере снимать будем. К третьему домой поедем, подарки и гостинцы повезем. Так что не забывайте себе голтому сроками. Сегодня отдохнем, а завтра я с утра составляю расписание визитов.

Поездку можно было считать удачной, даже слишком. Яков Наумович начинал день со звонков из номера, и толстая тетрадь, где у него были записаны адреса и телефоны клиентов, почти все дни лежала на письменном столе и убиралась с глаз лишь в те вечера, когда приходили к ним гости, с которых после обильного ужина в ресторане снимали мерку. Разных людей повидал Амирхан Даутович на мальчишниках — так называл Яков Наумович подобные мероприятия. У некоторых из гостей на руке он видел точно такие часы, какие привез ему Шубарин, и невольно хотелось спросить: не Артура ли Александровича подарок? Но мог и ошибиться: наверное, тут, в Москве, не один Шубарин раздавал щедрые подарки, потому что сидели эти люди на дефиците из дефицита, заправляли материальными ресурсами страны, от одного их росчерка пера зависела судьба целых отраслей. И тут вроде Шубарин не пахал, не сеял, а пожинал плоды опять же не им ухоженного поля.

Много ели, много пили и много говорили важные гости, привыкшие к ресторану в гостинице «Советская», который меж собой они упорно называли «Яром», — они чувствовали себя тут не менее уверенно, чем Икрам Махмудович в «Лидо». После каждого такого застолья, оставаясь один, Амирхан Даутович вносил кое-какие сведения в записную книжку, куда были переписаны адреса и телефоны из замусоленной тетради Якова Наумовича, обладающего каллиграфическим почерком.

Удалось побывать ему и в нескольких кабинетах высокого даже по московским понятиям начальства, где Яков Наумович снимал мерки. Если бы Амирхан Даутович набрался терпения, то мог бы нанести визит ко всем, чьи фамилии значились в списке, составленном в день прибытия в Москву, но личное знакомство на будущее с людьми без будущего — а в этом Азларханов не сомневался — не интересовало его. И потому, когда прием не мог состояться в назначенное время, он, не дожидаясь, оставлял терпеливого Якова Наумовича мучиться в приемной, а сам уходил гулять по дождливой Москве. Главное — он знал, что сидит очередной хапуга, взлетевший так высоко.

Удачей посчитал Амирхан Даутович и то, что Кравцов, на контакте с которым настаивал Шубарин, находился в отпуске. Хотя, узнав уже тут, на месте, что его давний товарищ по аспирантуре стал прокурором одного из районов Москвы, он отметил для себя, что при случае просто обязан спросить, какие у Кравцова в этот период находились в производстве уголовные дела, потому что они наверняка переплетались с интересами если не самого Шубарина, то его московских коллег. И если копнуть глубже, обнаружатся новые источники сырья, оборудования, новый круг высоких покровителей.

В сутолоке дел, неотвязных раздумий о действиях, которые ему следует предпринять, Амирхан Даутович совсем забыл о новоселье, назначенном на последнюю субботу октября. Выручил его Яков Наумович. Однажды вечером, когда оставалось снять мерку с двух-трех неуловимых клиентов, Яков Наумович явился в номер, как обычно нагруженный коробками, ящиками, свертками. Дело в том, что каждый, с кого снимали мерку в гостинице, не уходил с пустыми руками — такова давняя

традиция, объяснил Гольдберг. Каждому выдавали набор коньяка или дорогого виски, банку икры килограмма на полтора, хорошей колбасы и другие деликатесы, — и все это Яков Наумович периодически привозил откуда-то в номер. Укладывая продукты в холодильник, Яков Наумович спросил как-то:

— А когда же, Амирхан Даутович, мы для вашего новоселья будем брать продукты?

— Я думал, что вы распорядитесь на этот счет, как только закончите свои дела. Готов хоть завтра ехать с вами; заодно подскажите, что следует взять, я слабо разбираюсь в деликатесах.

— А разбираться и не надо, Артур Александрович дал мне список, что нужно взять, а если появится что-то стоящее, не ученное шефом, там, на складе, и без нашего напоминания упакует — они знают вкус Шубарина.

Возвращаясь опять же экспрессом «Узбекистан», Амирхан Даутович мысленно благодарил Гольдберга за его привязанность к поездам — дорога давала возможность осмыслить свое положение и принять окончательное решение. Тянуть дольше не имело смысла: теперь, включая московские связи, он знал достаточно, чтобы попытаться отбуксировать айсберг куда следует. Ему нужно было два-три спокойных дня, чтобы привести бумаги в порядок, изъять из старых годовых отчетов Управления несколько странных ведомостей на зарплату, где фигурировали любопытные фамилии, и — опять в Ташкент, а может, даже в Москву, это тоже следовало просчитать. То, что в Москву его отпустили без сопровождения Коста, говорило о доверии Шубарина, хотя Амирхан Даутович допускал мысль, что могли наблюдать за ним и в столице; впрочем, он повода для тревоги не давал. Все, что хотелось ему узнать о московских связях, он, благодаря Гольдбергу, узнавал, не выходя из номера «Советской». Определился теперь для него и срок исчезновения: это должно было случиться до новоселья — может, в канун его, а может, даже в субботу, в назначенный для гостей день.

Разрабатывая свой последний план, Амирхан Даутович понимал, как не хватает ему помощника, даже просто человека, которому бы он доверял; может, тот отвез бы его в Ташкент или сразу в аэропорт, заранее позаботился о билете, чтобы он мог прибыть прямо к самолету. Но сколько ни перебирал знакомых, не нашел человека, кому бы мог довериться.

Под мерный стук колес он вспомнил: Коста как-то обмолвился, что Джураев уже стал подполковником и возглавляет угрозыск одного из районных отделений Ташкента. Упомянул Коста Джураева в связи с тем, что тот лично взял в прошлом году его сокамерника по последней отсидке, взял на какой-то тайной «хате». «Заколдованный ваш друг, — мрачно пошутил тогда Коста, — ни пуля его не берет, ни штык. Сколько на него покушений было, другой давно бы уже оставил рискованную работу, а этот только злее и хитрее становится». «Что ж, это тоже вариант, и пусть останется на всякий случай в резерве», — решил Амирхан Даутович.

Прибыли в Ташкент утром, встречал их на перроне Ашот. Когда они вышли на привокзальную площадь и подошли к стоянке для частных машин, увидели белый «мерседес», рядом толпился любопытный народ.

— Как же Икрам Махмудович доверил тебе, лихачу, такую красавицу? — спросил Яков Наумович, когда они отъезжали.

— А он и не доверил, — мрачно ответил Ашот. — Файзиев сам приехал вас встречать — Артур Александрович велел, а я его сопровождаю на всякий случай. Зашел он в Госплан с какой-то бумажкой, думал, на минуту, а вышло — на час, я и поехал за вами на вокзал, время поджимало; заедем, заберем его — и домой. А машина — класс, картежники дают за нее Икраму сто двадцать тысяч, но разве деньги ему нужны, он и так не знает, куда их девать. Артур Александрович обещал и мне достать, как только я деньги поднакоплю.

У Госплана их ждал Икрам Махмудович, он сменил Ашота за рулем. Только вырвались за город, стрелка спидометра пошла гулять между ста двадцатью — ста сорока. Яков Наумович съязвил не без тревоги:

— Я думал, у вас один Ашот лихач, но, оказывается, и вы грешны!

Файзиев, улыбаясь, ответил:

— На такой машине грех плестись вслед «Жигулям», к тому же я спешу к обеду, Артур Александрович не любит, когда опаздывают.

Ашот, копируя Артура Александровича, добавил:

— Обед — дело святое.

К «Лидо» подъехали вовремя, Шубарин с Джюевым стояли у подъезда.

Пока командированные обменивались с Артуром Александровичем приветствиями, расспросами о здоровье, о впечатлениях, Коста с Ашотом быстро подняли чемоданы, сумки, коробки наверх и отогнали машину во двор ресторана.

Сели за стол как обычно — со звоном городских курантов, отбивших два часа пополудни.

Шубарин расспрашивал о поездке больше Гольдберга, наверное, желая разговор с Амирханом Даутовичем провести наедине.

Выпили бутылку шампанского, чего обычно среди дня Шубарин себе не позволял. Он попросил эту бутылку у Адика:

— Я рад видеть всех вместе за столом. Знаете, такие суматошные недели выпали, вы даже не поверите — ни разу за это время и не погуляли, хотя поводов хватало. На прошлой неделе получили по итогам третьего квартала и за девять месяцев года два переходящих Красных знамени — областное и республиканское. Ну а ваш приезд мы, конечно, не должны оставить без внимания, не едиными делами жив человек. Давайте вечером соберемся в банкетном зале и отметим два события сразу, и награждение управления, и возвращение товарищей из Москвы. Икрам Махмудович, успеют на кухне часам к восьми организовать все как следует?

Файзиев, что-то лениво дожевывая, сказал:

— Куда они денутся? Это я беру на себя.

— Ну вот и хорошо. — Артур Александрович, обернувшись к Гольдбергу, спросил: — Надеюсь, и наши «москвичи» чего-нибудь вкусенького к столу не забудут?

— Конечно, конечно, — поспешил заверить Яков Наумович. — Мы много чего привезли, хватит и на новоселье Амирхана Даутовича, и на сегодняшний вечер, я ведь тоже помню о традиции: после Москвы — застолье.

8

После обеда Артур Александрович уехал с Гольдбергом в цех, у них были срочные дела, а Амирхан Даутович остался в гостинице. Уходя, Шубарин сказал, что о поездке они поговорят в более спокойной обстановке. Азларханов поднялся к себе, номер оказался тщательно убраным, проветренным, на столе стояли свежие цветы и фрукты. Расхаживая по комнате, он машинально дернул ручку холодильника и сразу понял, что Адик был предупрежден о его приезде. Да, Шубарину во внимании к ближнему не откажешь. Он еще долго стоял у большого окна, выходящего на площадь, хотелось пойти сейчас же в управление и приняться за дела, как решил в дороге, но такого рвения проявлять не следовало, энтузиазм мог и насторожить кое-кого. Потом он задумался о предстоящем банкете. Ему необходимо было, чтобы старички Ким и Георгади оказались на вечере. Надо было задать каждому из них несколько вопросов в неофициальной обстановке, на работе к ним с такими вопросами трудно было подступиться; а главное, после обильного застолья они всегда дня два не выходили на работу. Ему и нужны были эти два дня — в бухгалтерии и в плановом отделе уже привыкли, что юрисконсульт то и дело требует документы.

Вечер предстоял нелегкий. Амирхан Даутович решил отдохнуть, но какое-то внутреннее напряжение не позволяло расслабиться. Предчувствие развязки не давало покоя, он заметил, что пошаливает не только сердце, но и нервы, это ощущение оказалось для него неизведанным, он всегда считал, что умеет владеть собой. Открытие своей слабости он посчитал своевременным: обидно было в самом конце срезаться на каком-нибудь пустячке, а о том, что здесь никому не доверяют до конца и промахов не прощают, он знал.

«Будет ли сегодня на званом ужине Адыл Хаитов?» — мелькнула вдруг неожиданная мысль. Необходимо быть готовым к такому варианту и попытаться дать понять тому, что он, Амирхан Даутович, тоже хочет с ним встречи. Будут ли его сегодня так же тщательно стеречь, как в прошлый раз, когда их ни на минуту не оставляли наедине? И вдруг его осенило, что он должен сделать. Прокурор подошел к столу и написал записку. Он уже знал и как передаст ее: единственный, с кем он обнимался при встрече — это Хаитов, остальное дело техники. В случае провала он нашелся бы что ответить, зато в случае удачи становилось ясно, что они единомышленники. Решение это ободрило Амирхана Даутовича: получить помощь Хаитова на последней стадии деятельности в синдикате было бы очень кстати.

В раздумье прошли послеобеденные часы, отдохнуть, как хотелось, не удалось. В назначенное время раздался стук в дверь. Амирхан Даутович, сунув записку в кармашек пиджака, поспешил открыть. На пороге стоял Коста, судя по парадному костюму, он и сегодня получил приглашение на вечер.

В банкетном зале на этот раз оказалось многолюднее. Амирхан Даутович попытался разглядеть в толпе гостей прокурора Хаитова, но быстро понял, что его нет. Зато среди приглашенных он увидел работников обкома профсоюза, людей из горкома и горисполкома. Артур Александрович опять сочетал личные и производственные интересы, устраивал под легальным предлогом богатую пирушку для чиновников среднего ранга, без которых, как выразился Гольдберг, дел не провернешь.

Обычной оказалась сегодня сервировка столов, не было давешнего великолепия, голубого хрусталя и серебряных приборов — то ли времени не хватило, то ли Шубарин посчитал, что на этот раз сойдет и так — хотя любитель столового серебра Георгади и его непременный друг Ким занимали свои привычные места в зале, зато куда плотнее оказался заставлен стол спиртным и закусками, видимо, Артур Александрович хорошо знал аппетиты среднего лас-вегасского аппарата. Что и говорить, Шубарин на застольях не экономил.

Артур Александрович, как обычно, занимал председательское кресло. На этот раз, словно отрешившись от происходящего, сразу предоставил слово профсоюзному деятелю, и эстафета скучных тостов стала переходить от одного чиновника к другому. Слушая поднаторевших в публичных выступлениях людей, краснобаев дубовых трибун, Амирхан Даутович впервые ужаснулся косности, казенности их языка. И тут он сделал открытие: это был особый кодовый язык провинциального начальства, номенклатурных работников. Только овладев им, можно было на что-то претендовать. От такого открытия стало веселее, и он уже с некоторым интересом выслушивал очередную бессмысленно-напыщенную речь, состоявшую сплошь из казенных клише, дежурных фраз наскоро сколоченных передовиц, — чтобы такое наговорить, действительно надо было обладать специфическим талантом.

Амирхан Даутович не удержался и шепнул Шубарину:

— Вы изменили своему театру одного зрителя, решили попробовать актеров на массовом?

Шубарин понял его сразу, потому что выступления состояли сплошь из дифирамбов мудрому руководителю местной промышленности и его верному помощнику; правда, нашлись дальновидные дельцы, провозгласившие здравицы и в честь юрисконсульта.

Так они и сидели, перебрасываясь репликами и потешаясь. Артур Александрович заключил негромко:

— Пусть говорят. Им так нравится держать речь за хорошо накрытым столом, чувствовать себя причастными к успеху большого коллектива, которому они якобы указывают путь в тумане, — кормчие этикие. В конце вечера, по традиции, Икрам Махмудович раздает каждому по конверту, а тому, кто хвалит его больше других, наверняка добавит еще из своих. Впрочем, повода для огорчений не вижу, через полчаса, может через два, когда пропустят еще по три-четыре рюмки водки особого разлива, привезенной из Москвы, спесь, чиновничье высокомерие слетит с них и они снизойдут до нас и заговорят нормальным человеческим языком.

И впрямь, через час чиновничий пыл и красноречие угасли, водка и вино сделали свое дело, да и тосты говорили уже другие люди. На этот раз слово предоставили даже Коста и Ашоту, скромным труженикам управления, как представил их Икрам Махмудович.

Дальше время побежало быстрее, веселее.

Чинности, строгости в этот раз не было. Амирхан Даутович успел задать свои вопросы Киму и Георгади, понял, что Адыл Шарипович сегодня здесь не появится, и хотел, сославшись на усталость, попрощаться с одним Шубариным и незаметно уйти. Но в это время подошел Адик и сказал шепотом Артуру Александровичу, что его требует к телефону Бухара, сам Первый. Шубарин удивился и, не скрывая волнения, сказал Азларханову:

— Пожалуйста, не уходите, наверняка что-то стряслось; может, ваша помощь понадобится. Не тот человек Первый, чтобы по пустякам разыскивать меня в гостиницах.

В зал Шубарин уже не вернулся, а минут через десять Амирхана Даутовича вызвал из-за стола Адик и попросил, чтобы он поднялся на третий этаж.

Артур Александрович нервно расхаживал по своему просторному номеру. И без слов было ясно: случилось что-то из ряда вон выходящее. Но, увидев юрисконсульта, Шубарин сразу взял себя в руки, видимо, сработал в нем рефлекс — никогда никому не показывать слабости.

— Да, звонил сам, и действительно ЧП. В Нукусе час назад умер первый секретарь ЦК...

— Не может быть, я только в половине восьмого смотрел по телевизору программу новостей, ни о чем таком не сообщали! — невольно вырвалось у бывшего прокурора.

— Никакой информации не будет еще три дня! — жестко перебил Шубарин. — Вы отдаете себе отчет, кто умер? Кандидат в члены Политбюро, хозяин одной из мощнейших республик. Тут ко многому нужно подготовиться, не только к похоронам. Главное — внеочередной пленум, где будет решаться вопрос о преемнике. Моего бухарца наверняка предупредили одним из первых — все-таки ходил в лю-

бимчиках, он теперь лихорадочно считает варианты и заручается поддержкой верных людей, чтобы заполучить этот пост.

— Первого секретаря ЦК?— удивился Азларханов, не веря своим ушам.

— А почему бы и нет? Он управляет крепкой областью, да он и не скрывал от меня своих честолюбивых замыслов. И почему ему не попробовать, не воспользоваться неожиданно выпавшим шансом? Через три часа я должен быть в Бухаре, там в аэропорту уже дожидается самолет. Без меня он не полетит в Хорезм. В этот ответственный час, как он сказал, самые верные и надежные люди должны быть рядом. У меня к вам просьба, пока я обзвоню кое-кого, откройте сейф в моем кабинете, там лежит знакомый вам кейс, набейте его деньгами и приезжайте сюда. Вот вам ключи, Ашот уже внизу в машине.

Амирхан Даутович не спеша, пытаясь осмыслить ситуацию, спустился вниз. Машина стояла у подъезда, и как только он сел, рванула с места: видимо, Ашот уже был в курсе происходящего. Они быстро поднялись на второй этаж в управлении, шофер остался в приемной, Амирхан Даутович направился в кабинет; до самого последнего момента он предполагал какой-то подвох в затее с сейфом и деньгами. Но все оказалось так, как сказал Шубарин. В сейфе лежал пустой «дипломат», а в глубине на верхней полке были уложены аккуратные стопки денег в банковской упаковке, одни сторублевые купюры. Амирхан Даутович раскрыл «дипломат» и тщательно, как детские блоки конструктора, стал укладывать тугие пачки денег. Кейс по размерам был словно рассчитан на сторублевки, и Азларханов укладывал не считая, сколько влезет. Видимо, Шубарин — как некогда его отец, рассчитывавший размеры коробки для сотни пластмассовых ручек — знал без подсчета, сколько банковских упаковок помещается в его щегольском чемоданчике.

Закрыв кейс, прокурор вышел в слабо освещенную приемную, и они молча спустились вниз. Вся поездка заняла минут десять, не больше.

Когда они с Ашотом поднялись в номер, Артур Александрович складывал в чемодан стопку рубашек, он даже не взглянул на «дипломат», который Амирхан Даутович продолжал по рассеянности держать в руках.

— Спасибо,— сказал Шубарин на ходу,— бросьте его на диван, вам вредно поднимать тяжести.— Он защелкнул замок чемодана.— Ну вот я и готов. Может так случиться, что я позвоню вам, если понадобятся деньги. Поэтому ключ от сейфа пусть останется у вас. За деньгами приедут либо Коста, либо Ашот. А теперь давайте прощаться, и пожелайте нам удачи. В случае успеха пост министра будет наш уже в будущем году. Коста и Ашота я забираю с собой, не исключено, что и для них найдется работа, может, придется сдерживать ретивых конкурентов нашего дорогого бухарца.— Артур Александрович, попрощавшись, вышел из номера.

Азларханов спустился вниз проводить до машины, и как только «Волга» рванулась с места, он вернулся в банкетный зал, как они и уговорились с Шубариным. Сообщение следовало хранить втайне даже от Икрама Махмудовича.

Часа через два, попрощавшись со всеми гостями, которые собирались ехать еще куда-то, чтобы продолжить вечеринку, Амирхан Даутович поднялся к себе в номер. Он долго стоял у окна, не включая света. Внизу, у «Лидо», в белый «мерседес» набивалась разгулявшаяся компания — пьяный смех, вскрики, обрывки разговоров. Но Амирхан Даутович всего этого не слышал, его мысли были о другом.

«У бухарца сегодня свой шанс, у меня свой!» Но вдруг, повторив эту мысль вслух, усмехнулся иронии судьбы: бухарец метил на место первого секретаря ЦК, а Амирхан Даутович, имея документы на руках, вряд ли мог гарантировать ему жизнь даже в кутузке — по всем статьям тот тянул на исключительную меру.

Но сегодня думать больше ни о чем не хотелось, время раздумий и сомнений кончилось, и он пошел спать. Наверное оттого, что он не мучился больше неопределенностью, спал крепким сном и проснулся чуть позже обычного, но с ясной головой и легкостью в теле. Ощущал он и приподнятость; принимая душ, насвистывал, чего с ним давно не случалось, давно забытую мелодию.

Завтракел один, Икрам Махмудович, как всегда после загулов, объявится к обеду. Отсутствие Файзиева тоже обрадовало, иначе пришлось бы на ходу что-нибудь сочинять по поводу срочного отъезда Шубарина; он еще не решил, стоит ли сообщать о подлинных причинах, сорвавших Японца из-за стола.

Как и предполагал, ни Ким, ни Георгади не вышли на работу, и Амирхан Даутович, едва войдя в кабинет, затребовал старые подшивки бухгалтерских отчетов. Он уже знал, где, в каких папках подшиты интересующие его ведомости, и, отыскав, не стал тратить время на переписку, аккуратно сложил в «дипломат», где уже находились его юридические исследования.

«Дипломат» быстро заполнялся разными бумагами, выписками, приказами, которые Амирхан Даутович загодя отметил в делах, а сейчас, возвращаясь к ним по второму кругу, просто изымал их. Отыскивая какую-то бумажку, бывший прокурор наткнулся в столе на диктофон, который толком не использовал, хотя оценил

его достоинства сразу. Настроение у него было самым что ни на есть исповедальным. Он зарядил новую кассету и стал потихоньку, не спеша наговаривать события своей жизни с того давнего августовского дня, когда убили Ларису. Девяносто минут пролетели незаметно. К двум часам он успел записать еще одну кассету, и не дошел еще до знакомства с Шубариным, хотя рассказывал о событиях, происходивших в «Лас-Вегасе».

Время от времени он останавливал диктофон и подолгу сидел в раздумье, потому что всплывала неотвязная мысль — куда бежать? В Москву или Ташкент? Но единственно верного ответа пока не находил. На обед он пешком отправился в «Лидо». Икрам Махмудович уже был за столом, он ждал Шубарина, но, увидев Амирхана Даутовича одного, спросил:

— Куда вчера исчез с банкета Японец со своими головорезами?

Азларханов внимательно посмотрел на Файзиева, бывшего с похмелья не в духе, и подумал, что есть резон открыть тайну, потому что в таком случае он избавлялся от общества Файзиева по меньшей мере до конца дня, а больше времени ему и не требовалось.

— Позвольте спросить, где вас носит с утра? У меня экстренное сообщение.

— В чем дело? Какое сообщение? — туго соображая, спросил Файзиев.

— Новость чрезвычайная, только возьмите себя в руки. Вчера в Нукусе в инспекционной поездке умер первый секретарь ЦК республики.

— Как умер? — Файзиев вскопчил с места.

— Сядьте. Во-первых, не кричите, новость пока не для всех. А умер просто, как все люди, бессмертных не бывает, говорят — инфаркт.

— Теперь ясно, куда исчез Шубарин! — зло процедил Файзиев. — Побежал под знамена Бухары, труба в дорогу позвала! Наверное, честолобивый коротышка-бухарец хочет попытать свой шанс, и Шубарин со своей мафией ему понадобился! — Он вытер взмокший от волнения лоб. — А наши дураки ничего не ведают, я ведь с ними с утра опохмелялся. Скоты, только бы жрать! Спасибо, Амирхан Даутович, за новость, я ведь понимаю, что Японец наказал вам держать это втайне. А сейчас я должен поторопиться, мы и так упустили часов пятнадцать, но ничего, мы ближе к Ташкенту, чем бухарец. — Икрам Махмудович моментально стал трезвым и, поднявшись, объявил: — Если наша возьмет, мы никогда не забудем вашей услуги.

«Какой сейчас переполох в республике! Зашевелились Бекхождаевы, Файзиевы разные там бухарцы», — подумал Азларханов, но мысль эту развивать не хотелось. Спокойно победав, по дороге в управление зашел еще раз в универмаг и купил на всякий случай две кассеты. До конца дня он записал и эти две, в них уложилось все, до последнего сообщения о смерти секретаря ЦК.

Кончился рабочий день, распрощалась, уходя, секретарша, а прокурор не спешил возвращаться в гостиницу; к вечеру у него созрел еще один план, но он не мог реализовать его, пока рядом была Татьяна Сергеевна, верная помощница Шубарина. Как только жизнь на этажах утихла, Амирхан Даутович запер дверь приемной и направился в кабинет Артура Александровича. Вчера, набивая деньгами дипломат, он заметил там и кое-какие бумаги; может, в них хранились тайны, недоступные ему? В первой же папке он обнаружил расписки на крупные суммы денег — может, фамилии незнакомых людей и окажутся недостающим звеном в его будущем расследовании? Не менее любопытные данные содержали и другие папки, но Амирхан Даутович особенно вчитываться не стал, решил, что у него еще будет время ознакомиться с ними. Он аккуратно выбрал из папок представляющие интерес бумаги и сложил в свой «дипломат». Закрывая сейф, вспомнил о деньгах и решил на всякий случай навести на ложный след: пусть подумают, что юрист совершил примитивное ограбление. В несколько приемов он перенес деньги Шубарина к себе в сейф и, внимательно оглядев кабинет, спустился вниз, твердо зная, что сюда больше уже никогда не вернется.

Вечером, поужинав в «Лидо» один, чему Адик очень удивился, он вышел на последнюю прогулку в «Лас-Вегасе». В раздумье прошел до «Шанхая», куда добирался крайне редко, но окончательного решения, куда ехать, так и не принял; в любом варианте оказывалось много «за» и «против». Вернувшись в гостиницу, Амирхан Даутович и у себя в номере еще долго взвешивал свои шансы. Собираться в дорогу, даже если в Москву, не надо было, любая лишняя вещь в руках наверняка привлекла бы внимание и осложнила отъезд, рисковать не следовало. Утро вечера мудренее — вспомнил бывший прокурор поговорку; так тому и быть, окончательное решение он примет утром.

Спал крепко, но среди ночи его поднял междугородный телефонный звонок. Амирхан Даутович долго не мог проснуться, ему казалось, что звонок он слышит во сне. Звонил Шубарин. Говорил как всегда спокойно, не торопясь, расспросил прежде о самочувствии, успел пошутить по поводу богатырского сна, спросил,

как ведет себя Файзиев, и только под конец выложил суть, да и то, если бы кто подслушивал, вряд ли что понял бы. Он сказал, что Коста приедет завтра после обеда прямо на работу. На вопрос, когда вернется из командировки сам, ответил неопределенно: обстановка требует его присутствия здесь. На том и распрощались.

«Деньги, значит, понадобились», — подумал бесстрастно Азларханов. Как ни странно, ни звонок, ни сообщение Шубарина не взволновали его, и он быстро заснул снова.

Проснулся он чуть раньше обычного, принял душ, сделал зарядку, чем себя обычно не обременял. Утро все-таки подсказало выход. Он сказал себе: езжай в Ташкент, там решишь, что делать дальше. До открытия ресторана оставалось полчаса, но Амирхан Даутович не стал терять времени на завтрак и, подхватив «дипломат», спустился вниз. Минут десять он стоял у подъезда, словно дожидаясь машины, а потом, не спеша, переулками, направился в сторону автостанции. Кажется, за ним никто не шел.

В «Лас-Вегасе» делали остановку все проходящие на Ташкент междугородные автобусы, это тоже была заслуга Шубарина — он никак не мог упустить поток покупателей. Здесь следовало быть осторожным и по возможности не привлекать к себе внимание, его-то теперь многие знали. Поэтому, подойдя к автовокзалу, оживленному несмотря на раннее утро, он сразу наметил план. Проходящие машины останавливались на площади где придется, ни о каком порядке не могло быть и речи, и он понял, что ему лучше всего следует дождаться автобуса, который станет рядом с газетным киоском, там всегда толпилась небольшая очередь, киоск торговал всякой мелочью: сигаретами, мылом, пластиковыми пакетами, книгами. Нужно было подойти к киоску в самый последний момент, когда отходящий автобус даст предупредительный сигнал. Удача выпала ему минут через пятнадцать, и он чуть не на ходу вскочил в отправляющийся «Икарус». Автобус шел из Карши, и Амирхан Даутович, пробираясь по проходу к свободному месту в конце салона, не увидел ни одного знакомого лица — это его успокоило. Экспресс вышел из Карши на рассвете, и большинство пассажиров спали или дремали, сонное настроение передавалось и Азларханову, и через полчаса задремал и он. Наверное оттого, что его преследовала неотвязная мысль — куда? — ему и приснилась Москва, но не Москва его молодости, а столица, которую он покинул всего несколько дней назад. Снился богатый зал бывшего «Яра», цыгане, а за столом, рядом с Гольдбергом, дед Шубарина в купеческой тройке и с золотой цепью поперек живота, он что-то грозно выговаривал Артуру Александровичу, за спиной которого стояли, держа руки в карманах, Коста и Ашот. За столом через проход он вдруг увидел Николая Федоровича Кравцова и рядом с ним еще нескольких ребят, с которыми заканчивал аспирантуру в Москве. Удивительным в этом сумбурном сне оказалось то, что он ясно представил лица своих давних товарищей, особенно четко он видел Колю Кравцова, заядлого болельщика «Спартак», ведь все это время, получив его телефон от Шубарина, он никак не мог припомнить его внешность. Перед московским прокурором на столе лежали бумаги и кассеты, что сложил он вчера в дипломат, и Кравцов твердо говорил: «Все ясно, всех выведем на чистую воду, включая бухарца...»

В этот момент он очнулся, автобус тряхнуло. Глянул на часы: и задремал-то всего на пятнадцать минут, а столько прошло в сознании. Сон как рукой сняло. Значит, в Москву надо ехать, слишком большие возможности тут у Артура Александровича и его покровителей, тем более, если бухарец станет при власти. В Москву, только в Москву! — решил Амирхан Даутович. И до самого города вглядывался в унылый придорожный пейзаж — голые хлопковые поля и тысячи людей на них, собирающих ошипки.

При въезде в Ташкент, на Куйлюке, сошли несколько корейцев, в самый последний момент последовал за ними и Азларханов. Он остановил первую попавшуюся частную машину и, протягивая десятку, сказал: «В аэропорт опаздываю». Купюра сработала безотказно. Выстояв в очереди в билетную кассу, он подал в окошко паспорт и попросил:

— Пожалуйста, билет в Москву, на ближайший рейс.

Кассирша удивленно посмотрела на него и ответила:

— Гражданин, в Москву даже на завтра нет билетов. — И, считая, что разговор окончен, сказала: — Следующий.

От неожиданного сообщения Амирхан Даутович растерялся. Но, отойдя от окошка кассы, вспомнил еще один ход, который нынче, увы, знает стар и млад. Увидев у свободной стойки для регистрации двоих в форме Аэрофлота, решил попытать удачи.

Поставив дипломат на стойку, сказал без обиняков:

— Молодые люди, помогите улететь в Москву ближайшим рейсом, вот вам за содействие... — Он положил перед ними сторублевую купюру.

Общение с Шубариным приносило свои плоды. Служащие переглянулись — за дипломатом денег не видно, быстро убрали бумажку. Тот, что моложе, сказал:

— Давай, мужик, паспорт и деньги и подходи через полчаса, фирма гарантирует.

Действительно, через полчаса билет был у него в руках. Молодой человек любезно сказал:

— Подходите в любое время дня и ночи, мы рады будем вас обслужить и отправим непременно, даже если придется кого-то с рейса снять.

Амирхан Даутович благодарить не стал, немало удивленный необычному сервису в ташкентском аэропорту. Заполучив билет, он глянул на часы: до регистрации еще пять часов. «Многовато», — подумал он и решил поехать в город — время позволяло пообедать.

До ресторана «Ташкент» в центре города он добрался быстро, на площади перед гостиницей купил газеты и направился в зал. Просидев с полчаса без всякого внимания к себе со стороны официантов, он отметил, что услужливый и все понимающий Адик остался для него навсегда в прошлом, следовало привыкать вновь к нормальной жизни. Но опять выручил Шубарин, или точнее — его подарок: на глаза кому-то из obsługi бросились его часы, золотой «Роллекс», особый знак состоятельных людей, и уже через минуту возле него засуетились сразу два официанта. Этот пустячный эпизод поднял настроение Амирхана Даутовича, снял напряжение, и он уже не сопротивлялся атаке молодых прохиндеев, быстро уставивших стол закусками, фруктами, зеленью. Принесли и немного коньяка, заговорщически шепнув при этом: «Французский, «Камю», только для вас».

Заканчивая обед, он глянул на часы и машинально отметил: Коста, наверное, уже в «Лас-Вегасе». Мысль на Коста почему-то не задержалась, он спокойно допил зеленый чай с лимоном, расплатился так, что его провожали до самой входной двери. И только оказавшись на площади перед оперным театром, где он собирался посидеть у фонтана с газетами, опять вспомнил о Коста и вдруг ужаснулся своему просчету. Какой аэропорт! Какая Москва! Уже час, как Коста, не найдя его в «Лас-Вегасе», связался с Шубариным, и они давно подняли всех своих в Ташкенте и прежде всего перекрыли аэропорт. Те же услужливые ребята в форме за те же деньги уже небось доложили дружкам Ашота, купил ли человек по фамилии Азларханов билет в Москву, и там поджидают его сейчас незнакомые люди. Нет, в аэропорт хода не было... он опоздал....

«Спокойно, спокойно! — уговаривал он себя. — Безвыходных ситуаций не бывает». И понял, что у него единственный шанс, который он держал про запас, на всякий случай — это связаться с Эркином Джураевым. Но этот шанс сейчас, пожалуй, правда единственный.

Он направился к ближайшему автомату и, набрав телефон МВД, который еще помнил, узнал, как найти Джураева. Через минуту он звонил в районное отделение милиции, где Джураев возглавлял угрозыск. Трубку подняла секретарша, она ответила, что полковник Джураев проводит совещание. Узнав, когда закончится, он попросил передать, что прокурор Азларханов через час ждет Джураева у республиканской прокуратуры по чрезвычайно важному делу.

Амирхан Даутович вернулся на скамейку у фонтана, потому что прокуратура, где он назначил свидание подполковнику Джураеву, находилась недалеко, — если идти пешком, то с полчаса потребуются времени, не больше. Не читалось и не сиделось. Поднявшись, он не спеша направился к парку Горького, отсюда до прокуратуры оставалось уж всего ничего. В парке он выстоял небольшую очередь и выпил квасу, от волнения мучала жажда.

Время приближалось к назначенному сроку, и он направился в прокуратуру.

В прокуратуре он был в последний раз пять лет назад. «Какие там нынче перемены?» — размышлял Амирхан Даутович. Вспоминал людей, на чью помощь он мог рассчитывать. Задумавшись, незаметно подошел к самой прокуратуре, оставалось метров тридцать-сорок, когда, подняв голову, он неожиданно увидел, недалеко, на другой стороне улицы, Джиеова. Можно сказать, они заметили друг друга одновременно.

Коста на всякий случай держался от прокуратуры на некотором расстоянии, прокурор оказался ближе, и, мгновенно оценив ситуацию, Джиеов рванул первым. Амирхан Даутович на какую-то долю секунды замер, парализованный неожиданностью, но рывок Коста вывел его из шока, и он тоже бросился к спасительному зданию.

Хотя ему оставалось пробежать гораздо меньше, чем Джиеову, он со страхом ощутил, что не успеет, что сердце уже подкатило к горлу.

И все-таки бывший прокурор успел распахнуть знакомую стеклянную дверь и, ворвавшись в просторный холл, кинулся вверх по лестнице.

— Не уйдешь!— прохрипел сзади Коста.

Амирхан Даутович, оглянувшись на миг, споткнулся, упал на лестнице и выронил дипломат, тот загромычал по мраморным ступеням, а вслед за дипломатом к ногам Коста скатился и он сам. Падая, Амирхан Даутович краем глаза увидел, что старый милиционер на вахте от страха никак не мог расстегнуть кобуру. Коста, в руках которого был уже пистолет, подхватил дипломат и, выругавшись, пнул Азларханова. Уловив движение за спиной, резко обернулся и прошипел охраннику:

— Не шути, папаша, пристрелю!

И старый служивый, дрожа от страха, бросил пистолет, который успел все-таки достать.

И в этот момент сверхусилием воли Амирхан Даутович поднялся на ноги и вцепился в руку Коста, державшую пистолет.

Джигоев ударил его тяжелым дипломатом по голове, кровь с разбитого лица брызнула на обоих. Но Амирхан Даутович не разжимал пальцев, и тогда Коста со страшной силой ударил его головой в лицо. Но и теряя сознание, прокурор все же не отпустил Коста, и тот, хрипя от злобы, выстрелил в упор.

Неожиданно какая-то сила вырвала Коста у Амирхана Даутовича, еще не успевшего упасть, не разжавшего рук. Джигоев закричал страшным голосом, слышно было, как хрустнула кость, и, отброшенный в сторону той же неведомой силой, он ударился головой об стену, свалился к ногам милиционера, шарившего по полу и не видящего своего пистолета.

Падающего Амирхана Даутовича подхватил на руки Джураев, ворвавшийся в вестибюль спустя секунды после Коста,— издали он видел погоню возле прокуратуры.

Он держал окровавленную голову Азларханова на коленях и, не замечая сбежавшихся запоздало людей, повторял:

— Прости, прокурор, не успел... прости.

Софья Тарбеева

Из цикла «Размышления на изломе»

* * *

Рассудочен стих мой,
Душа не впадает в экстаз
Лирических предощущений.
Мой стих оголен —
Будто с содранной кожей —
Ни образов,
Ни метафор.
Мы столько
Благовестили,
Будучи с кляпом во рту,
Что, вырвав его, наконец,
Не знаем, как быть со словами,
Таковыми извечно простыми —
Как истина, правда и честь...

* * *

История!
Колыбельная наша.
Многострадальная сказка,
А может быть, драма
С открытым концом?
А мы, уподобясь наивному
зрителю,
Доверчиво слушали
И искренне вторили,
Не зная,
Что пытались тебя
Разгульною девкою сделать,
Которая
Тому отдается охотней,
Кто верноподдан вдвойне,
А лучше — втройне, а лучше...
Сорви же, Пречистая Дева,
История,

С плаща своего
Заплаты вранья,
Заштопай рукой неподкупной
Прорехи беспамятства.

Какою ты будешь,
Такие мы есть.

* * *

Покаяние!
Что ж теперь каяться?
Виноваты!
Да разной виной.
Кто виной палача, а кто — жертвы!
Как от плевел зерно отделить,
Кровь и пот от елея и грязи?!
Спрессовалось, кажется, насмерть
Все, что было, что будет, что есть.
Звуки трубные маршей
Глушили
Стоны тех, кто сметен был с пути.
И вздымалась упрямо
Магнитка — символ праведный
Царства труда.
Ничего не упустим,
Все сложим —
И победы, и горькую боль.

* * *

Бывает в жизни
Час такой, когда
Почувствуешь, что снова обретаешь
Ненужное еще вчера
Лицо.
Лицо, которому не стыдно
Отражать
Раскаянье, сомненье или жалость,
И боль души, и доброту, и дерзость,
И смех над глупостью,
И едкое презренье
К посредственности нагло-пробивной.
И маскою покажется ущербной
Прописанное прежде равнодушие
На собственном лице.

Чинуша

Услужливый Автомобиль
Ориентирует его в недрах бытия.
Запрограммированная, но обаятельная
Секретарша
Связывает его Персону
С остальным миром.

В его знающем себе цену телефоне
Заклочены судьбы многих и многих.
Над ним парит нимб
Солидности и Ответственности.
Все у него — Персональное,
Даже Улыбка.
И просто странно,
Что он пользуется
Общим Солнцем, общим Воздухом,
Общим Рассветом!

Перед картиной Ге

«Так «что есть истина, Иешуа?»
«У истины — нет формул, Понтий».
«Но ты умы смущаешь, смуту сеешь,
Все это облекая в форму слов».
«Я сею Веру
В Доброту».
«В твоих словах покорных
Слышу бунт. Умрешь сегодня,
Чтобы доказать, что истинна лишь
Смерть».
«Нет, добрый человек!
Не Смерть, но Жизнь —
Вот истина из истин.
Казнишь? Ну что ж, умру.
Мне истина дороже!»

* * *

Ах, Лир-король!
Отец несчастный!
Во все века
Жестоки были дети.
Смиритесь!
Вы — прозревший в слепоте.
Да, кажется, и нам
Пора прозреть.
Регана — Гонерилья,
Что тут дочки!
Вот сыновей нам
Вовсе не понять.
Холодность их,
А то и отчужденье.
Излишнюю рассудочность
И жесткость.
Избавь нас, боже,
От последней кары —
Презренного забвения отцов.
Ах, Лир-король!
Вы говорите — дети!

Они всего лишь
Слепок чуткий с нас.

* * *

Что, Гамлет мой,
Нашел ли ты ответ?
Ведь наша жизнь —
Все жизнь,
С вопросом тем же:
«Быть иль не быть?»
Но на другом витке.
И Гамлет 21-го столетья
Все будет мучиться
Вопросом роковым,
С ума сходить
И четкой грани жаждать
Между Добром и Злом.
Ах, сцена мира — датский Эльсинор!
На ней пребудет наш спектакль вовеки:
Вот Клавдий, алчущий объятий роковых,
«С врожденным даром хитрости и лести»,
Все так же нежно станет вопрошать:
«Ну как, наш Гамлет, близкий сердцу сын?»
Полоний примется выуживать, как прежде,
Святую правду
С помощью вранья.
И, видимо, Гертруда под венец
С уклончивой отправится улыбкой,
«Еще и башмаков не износив».
Офелия — невинное дитя,
Все будет жертвой тихой называться.

А кто же мы в спектакле перманентном?
И как нам в мире, быть или не быть?!

* * *

Твое имя паяц?
Ты смеешься?
А не правда ль, как мир наш смешон?!
Обхохочешься, если всмотреться.
Кто в паноптикум первым,
Изволь:
Этот с скошенным лбом
Или этот — с лисьей мордочкой,
С волчьим клыком?
Ну а этот, в медалях,
А тот — с сундуком, иль с чулком,
Иль с кубышкой?!

Что? Полмира купить — не смешно?
Вот продать целый мир —
Посмешнее.
Да... а как же вон тот,
Что с пружинной спиной —
Вперегиб, если надо, и — в дамки.
О! А эти, что прут напролом.
Подминая под резвые ноги
Всех, кто хлипок и волею слаб.
Не смешны? Да, серьезные типы.

Ну смотри же тогда, хохочи —
Тот — с карманом пустым,
С умным взором
И с улыбкою странной такой.
Что, смеешься?

Паяц! Да ты плачешь!

* * *

Не дай-то бог —
Душою обнищать!
Но если вдруг поймешь,
Что оплетают
Тебя страстишки, мелкие желанья
И равнодушие в своем болоте топит,
Пустопорожность правит торжество,
Испрашивай немедля подаянье,
Известное от века мудрецам:
Проси у солнца ясного горенья,
У звезд — пречистый, неподкупный свет,
У ветра бескорыстные порыва,
У волн морских щемящий непокой.
Пусть шелковые, льющияся травы
Участьем мягким в сердце прорастут!
А цель великую тебе подскажут горы,
Штурмующие дерзко небеса.

Бери, бери! Смелее набирай
От щедрого, бездонного богатства.
Чтобы сторицею потом платить
По счету,
Который предъявляет тебе
Жизнь.

Рифат Гумеров

Джеку Лондону

Подходят к причалу твои корабли...
Полгода нога не касалась земли!

Пусть якорь клыкастый, как пес — на цепи!
Рыбак без подруги, как сейнер в степи...
По трапу —
на берег!

Быстрее, рыбак,
Походкой рыбацкой, враскачку, — в кабак!

Стоят на причале твои корабли...
И галстук на шее — обрывком петли...

Сыну Дамиру

Человек едва появился на свет —
Свое соло выводит за целый квартет,
Голова его, как кочерыжка...
Он еще совсем мал, не читает газет,
Ему режет глаза электрический свет,
И суют ему соску-пустышку!

Ничего, мой малыш, что пустышки нам врут —
Не пугайся, что будет и труден и крут
Твоей жизни единственный путь...
Не молись ни на пряник судьбы, ни на кнут —
Лишь терпенье и труд все, мой сын, перетрут,
Только сам ты пустышкой не будь...

* * *

— Спокойной ночи, всем спокойной ночи...

Душа моя в бреду бредет
В крутую заспанную полночь
По узким улочкам кишлачным,

Среди глухих дувалов и калиток,
Закрытых на ночь...
А мой взгляд —
Минуя брызги звезд, луну, —
Как летний мотылек на пламя —
Стремится к твоему окну...

.
* * *

Пытаясь сжечь прошлое —
Я сжег все твои письма...

Листы белой бумаги,
Которые помнили твои прикосновения,
Корчились в огне от боли
И чернели от горя...
Строчки, горящие любовью,
Сгорали в огне
И восходили в осеннее небо
Горечью дыма...

Я смотрел на огонь
И думал, что
Ты — звезда,
Которой уже давно нет...

* * *

Голубь — символ мира.
Орел — символ войны?
Нет.

Орел, расправивший крылья,
Парит в вышине одиноко,
И его распластанные крылья, словно весы, —

Поддерживают равновесие
На грани
Между войной и миром...

В субботу вечером

Сажу за рабочим столом.
Готовлю очередную рукопись
С очередным посвящением:
«Моей любимой, единственной
и т. д.»

Моя любимая,
Единственная
Гремит на кухне кастрюлями,
Сковородками
и т. д.

При этом она ворчит —
Вначале мысленно.
Потом шепотом.
Потом вполголоса,
Что я (никому не нужный писака!)
Опять не сходил в магазин,
На базар
и т. д.

Когда децибелы ее голоса дорастают
До угрожающих размеров —
Я не выдерживаю.
Встаю.
Откладываю в сторону ручку,
Бумагу, стул, рубашку,
Джинсы
и т. д.

Потом наступает мир.
Она снова меня любит...

* * *

«А мы с тобой в Париже не бывали...»
Сергей Каратов.

Со мною рядом ты стоишь —
Назло и сплетням, и соседям...
Давай с тобой в Париж уедем,
Возьмем билеты и — в Париж!

Наш поезд будет проходить
Без остановок полустанки...
Златые мы увидим замки,
В которых нам с тобой не жить...
Но, как сказал еще мой дед:
«В любви пустыня будет раем,
А замок без любви — сараем...»
И улыбнулась ты в ответ...

Станислав Кулиш

ПОПЫТКА К БЕГСТВУ

САТИРИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

«Каждому свое, а некоторым еще и чужое».

Эмиль Кроткий

ГЛАВА 1

ПОВЕСТВУЮЩАЯ ОБ ИСЧЕЗНОВЕНИИ ГЛАВНОГО ГЕРОЯ

Ночь опустилась на Калачевск. Но можно ли было утверждать, что в эту ночь в городе спали абсолютно все его граждане? Нет, этого со всей смелостью и ответственностью утверждать было нельзя.

Не спал, например, шестидесятилетний регулировщик уличного движения сержант Джумакарасев. Не спало подавляющее большинство калачевских влюбленных. Не спала чья-то соседка тетя Паша. Не спал калачевский изобретатель Яша Антимиров, не спал средней руки номенклатурный работник, директор местного хлопкоочистительного завода гражданин Бобылев. Многие не спали. Уж такая жизнь, и изменить тут ничего нельзя.

Не спалось влюбленным, которые обязаны были выполнить программу по количеству вдохов при луне, а также выслушать соловья.

Чья-то соседка тетя Паша страдала ревматизмом и бессонницей, вспоминала свою бурную молодость и думала о смысле жизни.

Яша Антимиров не спал потому, что изобретал Машину Времени — МВ-1. Сейчас Яша сидел в одном из залов Института кибернетики и теребил свою шевелюру. У всех перечисленных были веские и уважительные причины не спать.

Но почему не спал в эту ночь товарищ Бобылев? Почему всеисильный сон не хотел склоняться к его изголовью?

Егора Гавриловича Бобылева считали железным человеком, человеком что надо, душой-человеком. Он мог пробить, повернуть, оформить, и вообще раскрутиться. У него были такие связи, что местные власти его просто боялись. Он возглавлял как бы государство в государстве. Его хлопкозавод обходили комиссии, избегали ревизоры, контролеры и прочие проверяющие. Тут было все железно, все в ажуре, и никому не позволялось совать туда свой нос. Многого мог Егор Гаврилович. Но одного он не мог — спать с чистой совестью.

Да, Егор Гаврилович не спал потому, что у него была нечистой совесть, хотя он уверял, что это от переутомления на работе.

Уже давно спит на соседней кровати его супруга Агнесса Гарасимовна, а он все еще таращит глаза в темноту и что-то шепчет потихоньку про себя.

Правда, в своей спальне, обставленной с королевской роскошью, он чувствовал

себя в относительной безопасности, считая почти по-английски: «Моя спальня — моя крепость», но заснуть не мог.

Из памяти не уходило видение. Видение смутное, мимолетное, но тревожное. Ему все видится один и тот же симпатичный молодой человек, который задает такие, например, вопросы:

— Егор Гаврилович, а откуда у вас это? Ведь при вашей зарплате?..

А Егор Гаврилович объясняет, как бы оправдываясь:

— Все своими руками заработано. Понимаете, с раннего детства приучен к труду.

На лице собеседника искреннее восхищение трудолюбием Егора Гавриловича:

— Скажите! Никогда б не подумал! А вот вы ездите в круизы. И ведь каждый же год. Вместе с женой вокруг Европы, и даже дальше. Да знай об этом Юрий Сенкевич, умер бы от зависти. Самому Туру Хейердалу до вас далеко.

— Врачи! — быстро находится Егор Гаврилович. — Они, они во всем виноваты. Заставляют. Просто вот так силой и заставляют! Очень их мое здоровье беспокоит. Шумы, говорят... И пульс. Очень, очень я слаб здоровьем, — горестно сообщает Егор Гаврилович.

Молодой человек сочувственно качает головой: да, со здоровьем не шутят.

— А вот скажите, есть ли у вас сберегательная книжка?

— Книжечка? Сберегательная? Так это же пустяки! На ней у меня всего триста два рубля. Показать могу, — голос Егора Гавриловича крепнет, становится уверенным, тут он совсем не врет.

— А в тайничках? В схоронках? Ну-ка, Егор Гаврилович!

Егор Бобылев молчит, а молодой человек задает новые вопросы:

— А кому вы регулярно отправляли суммы, — и немалые суммы! — в таких вот конвертах? — И показывает ему размер конверта.

— Это заработанные, понимаете? Так ими поделиться надо... Вмазать, так сказать, подмазать.

— И кому же вы вмазывали и кого подмазывали?

— Ну, это вы слишком! Я такие имена и называть не смею!

— А вы посмейте, посмейте, Егор Гаврилович.

— Да вы что? На кого заматываетесь? Да они и меня, и вас!... Да я лучше один сидеть буду... Это же такие люди! Что вы!

Симпатичный молодой человек все понимает и принимается объяснять, что за такие действия Уголовным кодексом предусмотрены наказания.

— Да что вы говорите! — поражается Егор Гаврилович. — Предусмотрены? Но, думаю, знать мне это ни к чему.

— Вы полагаете, что они вас вытащат? — сомневается молодой человек. — Ну те, кого вы не можете назвать? Не надейтесь, они сами... того.

Но Егора Гавриловича убедить невозможно. Те наказанию не подлежат, и Уголовный кодекс им ничем. И спокойствие нисходит на Егора Гавриловича. Зря старается этот юноша.

Егор Гаврилович успокаивается в своей спальне, душная дремота подкралась к нему, но это блаженное состояние прерывает резкий звонок.

— Иди, открывай, — приподнялась на локте Агнесса Гарасимовна, — опять твой ирод нализался!

— Не может быть, — удивляется Егор Гаврилович. — Он был трезвый, когда мы с ним расстались.

Дело в том, что у семьи Бобылевых был свой злой гений, заведующий лабораторией завода, правая рука Егора Гавриловича — Людовик Аванесович Монета.

В родословной этого человека сплелись украинские, армянские и французские корни, в которых он и сам не мог разобраться. У Людовика Аванесовича была неизлечимая страсть: когда у него случался запой, он обязательно звонил в дверь квартиры своего шефа после двенадцати часов. Где бы ни находился, сколько бы ни выпил, он все равно тащился к двери Бобылевых, и если приходил раньше двенадцати, то терпеливо ждал своего часа, сидя на холодных ступеньках, а потом начал шуметь. Если Бобылевы не пускали его, он кричал на лестничной клетке:

— А шшшто? Монету пускать не желаишшшь? А кто отправил шшшшсть пустых вагонов с хлопком, а? Не знаишшшш? А вот Монета все знает!

Бобылевы смертельно боялись, что соседи услышат буйного Монету, впускали его, потом торопливо допайвали коньяком, после чего тот спокойно засыпал на диване.

На этот раз в душе Егора Гавриловича, когда он шел к двери, шевельнулось некоторое подозрение. Что-то не совсем такой звонок. Он уже хорошо изучил спытывающийся звонок Монеты. Но Егор Гаврилович подумал, что, может, Монета еще не настолько пьян. Одной рукой Гавриловича подумал, другой взявшись за щеколду, чтоб открыть, он спросил:

— Кто там?

— Простите, пожалуйста, Егор Гаврилович дома или он в отъезде? — спросили из-за двери.

Бобылев насторожился и глянул в «глазок».

То, что он увидел, привело его в ужас. Егор Гаврилович упал на четвереньки, по-щенячьи взвизгнул и, не поднимаясь, юркнул обратно в комнату. Там он накинул на себя пиджак, схватил портфель, зачем-то грелку и, вспрыгнув на подоконник, распахнул окно.

Двадцать лет подспудно в нем жил страх перед этой минутой.

И вот она наступила.

На пороге спальни, запахивая длинный халат, появилась Агнесса Гарасимовна с бутылками коньяка и минеральной, предназначенными для Монеты. Увидев мужа на подоконнике у распахнутого окна, испуганно спросила:

— Гошенька?! Что с тобой?

— Тттам, — прошептал Егор Гаврилович, показывая пальцем на дверь, потом проговорил на одном дыхании: — ЯисчезаюпрощайвозьмиденьгиуМонеты.

Вздохнул и исчез за окном.

ГЛАВА 2

СЛАВНЫЙ ГОРОД КАЛАЧЕВСК

Город, в котором до последней ночи жил и творил Егор Гаврилович, имел историю славную и необычную.

Давным-давно, когда тщеславные царские генералы и полковники присваивали свои имена городам Средней Азии, к начальству с рапортом обратился прапорщик Калачевский, офицер для особых поручений при генерал-губернаторе. Он нижайше просил позволения дать свое имя захудалому кишлячку, проскользнувшему сквозь пальцы начальства рангом повыше.

— Да зачем это вам? — удивилось начальство.

— Увековечиться желаю, — скромно потупил глаза прапор.

Начальство подумало и дало разрешение. Так был заложен город Калачевск. Город рос и строился слишком стихийно, слишком безалаберно. Его главная улица, которая раньше называлась несколько высокопарно Ново-Мало-Невским проспектом, была похожа на цифру восемь. В Калачевске сидели отставные лихоимцы и казнокрады, которые страшно враждовали между собой. Они-то и искривили улицу, застраивая ее каждый по своему разумению. Вокруг особняков возводили высоченные заборы, во дворах держали громадных псов, какой-то особой, калачевской, породы, отличавшихся немислимой свирепостью. В Калачевске же впервые было введено архитектурное новшество — решетки на окнах жилых домов: калачевцы не доверяли друг другу.

После революции жители тщетно добивались перемены названия города. Их оскорбляла мысль, что назван он в честь никому не известного, да к тому же, по слухам, недостойного, прапорщика. Город переименовать оказалось делом трудным. А вот Ново-Мало-Невский проспект переименовывался множество раз — Антидюринговский, Ликбезовский, Облсовпрофсоюзный. Но в обиходе его по-прежнему называли просто Шаталовкой.

В Калачевске было все, что положено иметь всякому уважающему себя городу. В центре стоял аляповатый памятник Жертве, хотя никто определенно не знал, кто именно там похоронен, и только когда памятник был сооружен, выяснилось, что это древняя могила какого-то восточного святого. Был в городе свой сумасшедший, который знал слабости своих сограждан и, умело используя их, жил припеваючи. Был свой вор. Днем калачевцы чинно с ним раскланивались, а ночами кричали истошными голосами: «Караул! Гр abat!»

Этот сумбурный городишко был в некоторой степени загадочным. Так, жители Калачевска до сих пор точно не знают, сколько километров от них до столицы. Одни говорят — три тысячи, другие — три сьсот, а кое-кто — четыре тысячи семь километров.

Было также неизвестно, к какой республике он относится. Три братские республики дружно отказывались от этого кляузного города. На этом основании калачевцы требовали финансирования от всех трех республик, что им нередко удавалось.

Были в Калачевске и солидные учреждения; строительное управление, комбинат бытового обслуживания и даже артель «Юный инвалид», хотя артели в других

городах давно уже ликвидированы. Был и Институт кибернетики, гордость всех без исключения калачевцев, историю которого мы расскажем несколько позже. Был чистильщик дядя Сако, и еще множество других средних и мелких предприятий и учреждений, как производственных, научных, так и чисто бюрократических. Один из именитых граждан города, председатель артели «Юный инвалид» товарищ Кляuzeвиц, так говорил о своем родном городе: «На первый взгляд, наш город производит вполне приличное впечатление». Он был глубоко прав, этот гражданин Кляuzeвиц.

И вот в этом городе произошло необычайное событие: исчез один из самых известных калачевцев, Егор Гаврилович Бобылев.

ГЛАВА 3

ПРЫЖОК В НЕИЗВЕСТНОСТЬ

Темнота охватила жилые массивы и зеленые насаждения Калачевска. Свет лампочек уличного освещения бесполезно пытался пробиться сквозь густую листву деревьев. И по такому затененному тротуару смутным пятном несли Егор Гаврилович Бобылев. Он не помнил, как спустился по водосточной трубе, и не знал, куда бежит. Страх гнал его.

Лейтенант Нурматов и сержант Мелехин, которым было поручено доставить в отделение гражданина Бобылева, пришли, в нарушение инструкции, ночью потому, что третий день пытались настичь его в светлое время суток, но он был неуловим, везде — «только что был», даже как в дом попал — непонятно, ведь они весь вечер дежурили у его подъезда.

Когда дозвонились, наконец, им открыла дверь его жена, со светской улыбкой, за которой прятался откровенный страх...

— Я очень рада... Милости прошу...

— Где гражданин Бобылев? — не очень любезно прервал ее лейтенант.

— Он... он срочно вылетел... — запинаясь, проговорила Агнесса Гарасимовна.

Лейтенант осмотрелся, покачал головой, показывая рукой на распахнутое окно.

— В окно? Ай-ай-ай, какое легкомыслие. Пошли, Мелехин. Делать тут нечего.

Спешащих по улице работников милиции не могли не заметить. К оперативникам сразу присоединился скучавший регулировщик, потом двое дружинников, которые не хотели идти домой, когда срок дежурства истек. А за ними, нарушая маскировку, выходили влюбленные пары и тоже шли за преследователями. Загнали окна в домах, люди выходили на балконы. Слухи, кривотолки росли. Улица наполнялась шумом. И всему виной был Егор Гаврилович, который не учел, что его бегство пагубно отразится не только на работе его ожиревшего сердца, но и отягчит вину перед правосудием, всполошит славный город Калачевск.

Обыватели гадали:

— Сумасшедший сбежал! В одном нижнем белье! — радостно сообщал кто-то.

— Какой сумасшедший? — возражал юный баритон. — Сумасшедшие ночью спят.

— А что? Что за человек сбежал? — тревожилась какая-то женщина с балкона третьего этажа.

— Снежный! — выкрикнул из толпы юный озорник.

— Катя, закрой немедленно окно! — раздался бас из самой глубины квартиры. — Ты же слышишь, снежный человек в городе объявился.

А Егор Гаврилович изнемогал. Он еще бежал, но скорость его угасала. Он слышал на параллельной улице шум погони. Справа от него темнел широкой пастью какой-то подъезд. Егор Гаврилович хотел пронестись мимо, но нервы его сдали. Навстречу двигалась какая-то ветхая старуха с суковатой палкой в руке. Егор Гаврилович не узнал чью-то соседку, которая в этот поздний час ходила в аптеку за люминалом. Он рассмотрел в темноте только палку и, справедливо рассудив, что бить его есть за что, возомнил, что эта палка предназначена для него. Ойкнув, кинулся в подъезд.

Тому, кто хоть раз побывал в научно-исследовательских институтах, других научных учреждениях, навсегда запомнится та особая тишина, та неповторимая обстановка, где сам кондиционированный воздух пропитан идеями, а открытия висят в воздухе вместо сигаретного дыма, только успевай их хватать. Невольно проникаешься священным трепетом, входя в такой храм науки, и испытываешь острейшее желание самому немедленно положить живот свой на алтарь знаний.

Егор Гаврилович же забежал в подъезд калачевского Кибернетического института спасти этот самый живот. Он заметался по пустым комнатам, тяжело и надрывно дыша. В одном просторном светлом зале он увидел диковинную и очень уродливую машину, которая была опутана проводами, как Егор Гаврилович — грехами. Внутри машины что-то мощно и ровно гудело. Белая и толстая, как у холодильника, дверца вела в кабину этой машины. Чутким ухом Егор Гаврилович уже слышал на лестничном марше шаги погони. Раздумывать было некогда. Он взялся за ручку дверцы...

... В этот поздний час в Институте кибернетики сидел лишь один младший научный сотрудник Яша Антимиров и безжалостно теребил шевелюру. Горестные мысли одолевали умельца и изобретателя. Что-то не ладилось в Машине Времени, не хватало запчастей для монтажа дополнительных блоков. И Яша ломал голову над тем, как ухитриться выкроить из своего скромного бюджета младшего научного сотрудника немного денег на покупку десятка конденсаторов, индикатора и парочки трансформаторов. Но сложнейшие вычисления показали, что у него нет ни малейшей возможности найти каких-то пятнадцать рублей. Неотложные расходы на оплату частной квартиры, квитанций горгаза и электросети, а также покупка новых брюк (старые окончательно износились) и обеда в столовой пожирала всю его зарплату. Бедный Яша чуть не плакал от досады. Что-нибудь продать! — мелькнула мысль. Но после долгих размышлений Яша пришел к выводу, что продавать ему абсолютно нечего, и он ругательски ругал себя за то, что никогда не стремился к приобретению.

Его горестные сетования прервала звуковая сирена, взревевшая над ухом. Яша подскочил, как ужаленный. Тревожно замигали разноцветные индикаторы на пульте управления. Неизвестно отчего сработала Машина Времени.

А в следующий момент в зал бежал молодой лейтенант милиции и, увидев Яшу, кинулся к нему. Яша выключил цепь звукового сигнала, сирена смолкла. — Товарищ, сбежал преступник. Он укрылся здесь, в этом здании. Где он может спрятаться? — лицо лейтенанта горело возбуждением.

Перепуганный изобретатель смотрел на Машину Времени. Приборы показали, что она набирает мощность...

...Егор Гаврилович, заскочив в эту чудную кабину, почувствовал, как его обхватили мягкие, но сильные рычаги, усадили в удобное кресло в полулежачем положении, пристегнули к сиденью. Егор Гаврилович уронил на колени портфель и грелку, замахал перед собой руками, захрипел что-то неразборчиво. На маленькой приборной доске перед ним все ярче разгоралась зеленая лампочка, потом металлический голос размеренно произнес:

— К старту все готово. Мощность двигателей — сто. Приборы в норме. Время — ноль. Старт!

— Не хочу! Не хочу! Пустите меня! — в ужасе кричал Егор Гаврилович, судорожно хватаясь за рычаги, ручки и кнопки перед собой. Вот он тронул какую-то кнопку, и тут словно тысячи иголок вонзились в него. Мир перестал существовать, он падал в небытие.

— Что вы со мной сделали! — чуть не плакал лейтенант, когда Яша втолковал, наконец, ему, что его подопечный улетел в какой-то неизвестный пока век.

— Ну так скажите, где его искать? Я найду. — Лейтенант уже взялся было за ручку дверцы машины.

Яша отвел его в сторону и стал объяснять:

— Я сам пока не знаю, в какой век он направился. Одно только могу сказать: он где-то в прошлом. Моя машина очень разборчива. В будущее она кого попало не отправит.

И видя, что лейтенант внимательно слушает, заговорил увлеченно:

— Полной мощностью иск-генератора его выбросило в нуль-пространство, из которого он попадет в какой-нибудь из прошлых веков. Но в какой именно — не могу сказать даже предположительно. Тем более, что транскоординаторный реф-лектор у меня эксплоатризован, что, как вы сами прекрасно понимаете, снижает остроту настройки мю-мезонного блок-гетеродина, да и пушпульная схема мной не апробирована, а это, как вам хорошо известно...

Яшу понесло, а глаза лейтенанта округлились от изумления. Чтобы как-то остановить Яшу, он спросил:

— А что с ним там будет? Он должен остаться невредимым, ведь я надеюсь с ним здесь встретиться.

— Хорошо, я с помощью мультивибратора установлю связь с объектом, что, как вы сами понимаете...

Яшу опять понесло. Лейтенант с тоской слушал эту совершенно непонятную для него речь. Все сложно, все страшно загадочно, интересно и... абсолютно непонятно. Лейтенант даже обиделся на авторов любимых научно-фантастических романов.

У них так говорили только люди будущего, а тут перед ним стоит его современник и чешет прямо по тексту этих романов.

— Скажите, а мне можно остаться и хоть чем-нибудь помочь вам?— робко попросил лейтенант, словно он был не грозным представителем закона, а сгорающим от любопытства мальчишкой.

— Да, конечно! — обрадовался Яша. — Нам вдвоем будет даже веселее.

А утром лейтенант получил жесточайший разнос от своего прямого и непосредственного начальника капитана Шахиншахова.

— Что вы мне тут чушь несете?! — гремел капитан. — И как это я не понял, что мои подчиненные — просто мальчишки? Мне стыдно за наше отделение! Кто вам позволил звонить гражданам по ночам? А, вы думали? Вы даже не можете теперь установить, в каком именно времени укрылся Бобылев. Это же позор! У хорошего оперативника он не скрылся бы ни в каком прошедшем времени. Я уже не говорю о будущем: наша задача вообще не пускать их туда!

— Но, товарищ капитан! Ученый только работает над машиной! — пытался оправдаться лейтенант Нурматов. — Он еще сам не знает, куда забросило гражданина Бобылева. Ведь это же Машина Времени! Величайшее изобретение! О ней мечтало человечество во все времена!

— И прекрасно, что машина, — невозмутимо отвечал капитан. — И чудесно, что времени. И замечательно, что мечтало. Но дело ученых делать открытия, а наше — задерживать правонарушителей. А по ночам наш город должен спать, и тревожить его звонками у дверей я не позволю. Вам что, ясного дня не хватает? Идите, — прочувствованно завершил монолог капитан, — идите и подумайте. И сделайте соответствующие выводы!

ГЛАВА 4

РОКОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Трудно себе представить, даже обладая самой богатой фантазией, какой бы переполох поднялся в мире, если бы факт исчезновения Егора Гавриловича с помощью Машины Времени стал достоянием гласности.

Вышли бы внеочередные выпуски газет желтой прессы с сенсационными заголовками:

— В Красной России — экономические репрессии!

— Честный предприниматель бежит от большевиков в прошлое!

— Лучшее каменный век, чем Советы!

— На Машине Времени — от ига коммунистов!

— Тони считает Эдгара Бобылева гангстером номер один!

Прервав обычные передачи, радиостанции и телецентры оповестили бы миллионы радиослушателей и телезрителей: «Русский ученый Яша Антимирофф использует самое сенсационное изобретение века для физической расправы с противниками режима, именно поэтому свободный мир должен увеличить расходы на вооружение, усилить борьбу за права человека, а вторжение в Никарагуа начать немедленно».

Франция под шумок взорвала бы еще одно ядерное устройство на атолле.

В пивном баре Мюнхена реваншисты, громко бряцая пивными кружками, орала бы с вытаращенными глазами, требуя пересмотра послевоенного мира.

Компания по производству дисков выпустила бы первый миллион пластинок модного шлягера «Милашка, сними тигровые шкуры, мы в пещере одни» и рок «Эдгар, возьми меня с собой к неандертальцам».

Да мало ли каких великих и малых событий произошло бы в мире! Но в этом бурном, изменяющемся мире Калачевск был неизмеримо малой величиной, и в нем не было аккредитовано ни одного иностранного корреспондента, да и советского тоже. Поэтому в мире пока было спокойно.

Но нетрудно представить, даже при полном отсутствии фантазии, что происходило в самом Калачевске.

Впрочем, с утра в Калачевске ничего не происходило. Улыбающееся, как розовый младенец, утро вставало над этим славным городом. А каждое утро в Калачевске начиналось с веселой песни дяди Сако, который усаживался в свою зеленую будку, напоминающую конуру, начинал выбивать своими щетками по ящичку с деревянной подметочкой на крышке аккомпанемент своей песенке:

— Я чистильщик самый лучший!
Знает весь Кавказ —

Я могу почистить туфли,
Дарагой, для вас...

Необычайная доброжелательность и любовь к своим согражданам сквозили в каждом движении дяди Сако:

Ни соринки, ни пылинки
Не оставим вам.
Будут чистые ботинки
Зеркало для дам!

Он горделиво расправлял свои усы и призывал калачевцев привести в порядок свою обувь. И вот на деревянную подошвочку легла уже знакомая ему растоптанная туфля. Дядя Сако неторопливо поднял глаза, поздравляя себя с почином, без которого, как известно, немыслима никакая удача. Перед ним стоял Олег Борисович Бильялов, местный идейный товарищ.

Дядя Сако помрачнел: от этого типа добра не жди. Он всегда старается забыть заплатить.

— А ты слышал, дядя Сако, что у нас случилось? — сказал Олег Борисович, не замечая нахмуренных кавказских бровей. — Ночью сбежал неизвестно куда товарищ Бобылев. От милиции бежал, говорят. Доворовался, голубчик!

Дядя Сако неохотно водил щетками по туфле Бильялова. Только вчера он слышал от этого самого человека совсем другое: «Вот сила человек! Все, понимаешь, может. И со мной за руку поздоровался. А голова! Какая у него голова!».

Но дядя Сако прожил на свете много, в людях разбирался неплохо, хотя имел дело в основном с обувью. Поэтому он никак не отреагировал на слова Бильялова. А тот продолжал:

— Видно, показательный будет. А еще говорят, что у него машина не «Волга» была, а какая-то импортная, марки «Время». И убежал он на тот свет, но жив. Хочет пересидеть, пока все уляжется. Только смотри, дядя Сако, никому. Это я только тебе...

И местный идейный товарищ, опять ухитрившись не заплатить, пошел дальше. Дядя Сако зло плюнул ему вслед и только схватился за то место, где у него должен висеть на поясе кинжал.

А Бильялов, шествуя по Шаталовке, ненадолго останавливался с каждым встречным. Заканчивал разговор он одними и теми же словами: «Смотри, только никому». Это вызывало панику.

А к десяти часам в городе происходило невероятное. У магазинов забурлили дикие очереди. Прилавки брались с бою. Очереди сотрясались противоречивыми слухами. Кто-то подлил масла в огонь, рассказав о погоне за снежным человеком.

— Снежный? Все ясно, война будет! — ахнула очередь и еще сильнее зароботала локтями.

Скупали все: хлеб, муку, сахар, концентраты, ржавую селедку. И только рыбные консервы почему-то не брал никто. В промтоварных магазинах исчезли не только холодильники «Баку», но даже унитазы и шпагат, расхватали детские пинетки и слесарный инструмент. Поговаривали о предстоящем землетрясении. Кто-то сам слышал предупреждение по радио об этом стихийном бедствии, хотя все знали, что предсказывать землетрясения еще не научились. Баптисты толковали о скором конце света, что не мешало им брать по двадцать кусков мыла, словно хозяйственное мыло могло помочь им пролезть в царствие небесное.

Растерзали не только магазины, но также аптеку, детскую кухню при поликлинике, ателье по ремонту телевизоров. Только поздней ночью калачевцы, измученные своими деяниями, разошлись по домам. Продавцы, измочаленные за день, так и ничего не понявшие, едва дотащились домой и уснули, как сраженные.

Дядя Сако в этот день не почистил ни одной пары обуви. Он на чем свет ругал Олега Борисовича, виновного в неудаче. Дядя Сако был единственным калачевцем, который в этот день не купил ничего.

Идейный товарищ Бильялов носился по городу, уверяя всех, что для паники нет никаких оснований, а к вечеру сам не заметил, как у него дома оказалось двадцать килограммов риса, полмешка сахара, двенадцать кило селедки. Теперь он сидел перед громадным ляганом с пловом и распространялся о том, какие вздорные люди эти калачевцы.

— Интересно бы знать, кто это устроил? — задумчиво спрашивал он жену. — Надо наметить воспитательное мероприятие.

НА ПЕРВОЙ СТУПЕНЬКЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ

А где же находился в это время сам виновник катаклизмов в Калачевске? Что случилось с Егором Гавриловичем?

Трезвому уму беспристрастного историка ничего не составляет мысленно перенестись назад на несколько сот, а то и тысяч лет. И если бы такой беспристрастный историк направил бы свой взор в последний год первой трети очень давно прошедшего столетия, то он увидел бы множество любопытнейших и чрезвычайно поучительных для потомства фактов. Жизнь на планете показалась бы позорно неорганизованной. Огромные стада буйволов и мамонтов бродили по земному шару, совершенно не учтенные никаким статуправлением, без плана привеса и роста молодняка. Бродили без чабанов, отчего хищники, которых следовало бы безжалостно истреблять, сами истребляли большой процент поголовья. А уж о зимней заготовке кормов вопроса, разумеется, не ставил никто, поэтому в зимние периоды хозяйствования, если бы они были, пришлось бы подписывать акты на списание с астрономическими цифрами падежа.

В непроходимых чащах гнили многие тысячи кубометров бесхозного леса. Членам общества рыбаков и охотников можно было производить отстрел и отлов без всяких ограничений, настолько много было дичи и рыбы.

Не было асфальтовых дорог между городами, не было, если уж быть более точным, и самих городов. Не было автомобилей, фототелеграфа, Аэрофлота, пляжей с полосатыми зонтиками, путевок в дома отдыха, не существовало понятия об академиках, растратчиках, шоферах и автоинспекторах, не прослеживалось никаких следов общественной и культурной жизни.

И трезвый историк должен был воскликнуть возмущенно:

— Да что у них там делается? Хозяина нет, что ли?

Но если бы он внимательнее всмотрелся, он бы увидел, что хозяин на планете Земля существовал. Этот хозяин был — человек.

Правда, недостатки можно найти во все времена. В том веке, например, наблюдался катастрофический кризис с жильем. На жилплощадь не выписывали ордеров, ибо квартирами служили обыкновенные малогабаритные пещерки, а о водопроводе и канализации вообще речи никто не заводил. Но наши далекие предки были оптимистами и верили, что эти бытовые неувязки разрешатся скоро.

Одевались они явно не в ателье мод и не в цумах: кусок звериной шкуры заменял им весь гардероб.

Никто не занимался вопросами общественного порядка, не собирал взносов среди членов всевозможных обществ, не читал лекций о вреде алкоголя. Представители фауны еще не дрались за место в зоопарке, не желая быть занесенными в Красную книгу.

Но, как уже сказано выше, все эти трудности были временные. Человек бодро шагал по первым ступеням эволюции с каменным топором в одной руке и с дубинкой в другой, закладывая великие основы истории человечества. Он, первый человек, еще ужасно мерз зимой, не зная элементарных правил пользования нагревательными приборами, но свои задачи понимал хорошо и выполнял их перед скрытыми в грядущем потомками добросовестно, без приписок и очковтирательства.

Все еще предстояло человечеству: и рабство, и инквизиция, и война Белой и Алой Розы, и открытие Америки, и гонка вооружения, и демократия, но, счастью, люди того времени и не подозревали об этом.

И вот именно на этом отрезке времени по каменистой пустыне медленно тащился в направлении далекой реки человек. Вид его казался немного странным для каменного века. Одет он был в полосатую пижаму, поверх которой наброшен однобортный пиджак. В нагрудном кармане виднелась авторучка. На голове шляпа из рисовой соломы. Под рукой он держал большой портфель с медными застежками, в другой нес грелку из красной резины. На одной ноге комнатная туфля, вторая нога босая. Человек при каждом шаге босой ногой вскрикивал от боли.

И трезвый историк сразу признал бы в нем Егора Гавриловича Бобылева, который, охая и стоная, присел отдохнуть. В его глазах стояла тоска. Он не мог себе представить, куда он попал, как, что с ним происходит вообще. Он помнил всю свою прошлую жизнь, помнил, сколько должен принести ему за последние вагоны с хлопком Людовик Монета, а вот как он попал сюда, не помнил совсем.

Очнулся Бобылев под большой скалой. Ему было холодно и жестко. Он еще и сейчас содрогался, вспоминая страшилище, которое увидел, придя в себя. Это был огромный летающий зверюга с перепончатыми крыльями и головой дракона.

Зверь страшно щелкал зубами, громко и протяжно кричал, и этот зловеющий крик долго царствовал над землей. Ничего подобного Егор Гаврилович не видел ни в одном зоопарке.

А полчаса назад Егор Гаврилович встретил вообще что-то невообразимое. Зверь, отдаленно похожий на слона, но несравненно больший, с длинной бурой шерстью и страшными бивнями, прошел мимо, как многоэтажный крупнопанельный дом. Когда прошло первое потрясение от этой встречи, Бобылев сообразил, что встретился с мамонтом: когда-то в школе он листал книжку по зоологии.

Вечер у реки Егор Гаврилович встретил грустно. Ему было одиноко. Напившись из реки, не замутненной отбросами производства, он с тоской вспомнил буфетчика Рачека и его постоянно свежее пиво. С обидой думал Егор Гаврилович, наблюдая каменновековый закат, что вот уже кончается рабочий день, а он еще не ел. Потом вспомнил свою белотелую Агнессу Гарасимовну и загрустил еще больше. Что за глупая история с ним происходит? Где он оказался?

Устроился он на ночлег на своем пиджаке, подумав при этом, что потом придется отдавать его в химчистку. Егор Гаврилович провел свою первую ночь в каменном веке, совершенно не догадываясь, где он, хотя все время думал об этом. Он и не подозревал, что от свежего пива Рачека, от вкусных обедов, от химчистки и от пышной Агнессы его отделяют целые тысячелетия, что их еще вообще нет в природе.

И хорошо, что не знал. Иначе бы он совсем не уснул в эту ночь.

ГЛАВА 6

ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЗЛОГО ГЕНИЯ

Мы непростительно долго обходим вниманием личность во всех отношениях примечательную и необыкновенную. Читатель, конечно, догадался, что речь идет о Людовике Аванесовиче Монете, злом гении семьи Бобылевых, правой руке Егора Гавриловича, заведующем лабораторией на хлопкозаводе, который возглавлял его всемогущий шеф.

Жизнь Людовика Аванесовича настолько богата событиями и фактами, что просто удивляешься, как он до сих пор не заслужил пристального внимания талантливого романиста, который написал бы о нем толстенный роман и издал бы тиражом в 300 000 экземпляров. Почему же здесь ему посвящается только несколько слов, хотя он по-настоящему заслуживает много большего?

Людовику Аванесовичу всю жизнь не везло. Фатально не везло, как он сам выражался. Вот и эта повесть написана не о Людовике Аванесовиче, а о везучем Егоре Гавриловиче с его несимпатичным животиком и незапоминающимся расплывшимся лицом.

А ведь смуглый, необыкновенно подвижный — скажем в скобках — даже немного суетливый, невысокого роста и слегка кривоногий, но тем не менее очень похожий на гасконца, Монета больше подходит на роль героя книги. Опять не повезло, как не везло с самого рождения. При заполнении метрик на младенца Монету никак не могли решить, что же записать в графу «национальность». Украинские, французские и армянские корни его родословной не могли прийти к разумному компромиссу, и его записали... норманном. Что за национальность? Почему? Фатум. Судьба. И только спустя шестнадцать лет Людовик сам исправил эту историческую ошибку, записавшись русским.

Не повезло Людовику и с образованием. Он толком не учился ни на русском, ни на украинском, ни на армянском языках. Это вовсе не значит, что он получил французское образование или учился в медресе. Просто его беспокойные родители так часто переезжали, что маленькому Людовику не приходилось учиться в одной школе более полугода, зато он сидел в каждом классе по три года.

Монета сменил за свою бурную жизнь великое множество профессий. Работал шофером, кондитером, спекулировал, трудился звонарем в православной церкви, писал книги, торговал газводой, рвал зубы, водил пароход, даже секретарем-машинисткой работал и стал, наконец, помощником Егора Гавриловича на хлопкозаводе, хотя толком не представлял, как растет этот самый хлопок.

Все жители города были его родственниками. Если не родственниками, то друзьями. Если не друзьями, то товарищами, а уж если не товарищами, то земляками наверняка. И ведь нельзя было не поддаваться обаянию этого в высшей степени приятного человека, когда он чуть не лобызает тебя, встретив на улице, и трогательно-подробно расспрашивает о здоровье, о здоровье супруги, родителей суп-

руги и даже о здоровье первого мужа вашей супруги. А как он волнуется за здоровье ваших детей! Дети — страсть Людовика Аванесовича. О детях он мог говорить часами.

Но в его жилах текла, наверное, изрядная доля и цыганской крови, потому что он не мог равнодушно смотреть на то, что можно перекупить, перепродать, обменять. Особенно обменять. Везде, где бы он ни работал, с кем бы ни разговаривал, он комбинировал. Комбинации Монета проводил с наполеоновским размахом, но почти все они заканчивались крахом.

Есть такие поэты. Они могут писать много и обо всем, пишут всегда и везде, в любом возрасте. И хотя стихи их корявы и несовершенно, пороку просто безграмотны, они, не желая трезво взглянуть на свое творчество, постепенно теряют веру в удачу и потихоньку старятся. И до самой смерти человек не поймет, что жизнь прошла в тумане сладкого обмана, что прожита она просто зря.

Вот таким поэтом в своем деле был и Людовик Аванесович Монета. Да вот, например.

Однажды, отчаявшись от длительных неудач, он выгодно обменял на Заалайском рынке магнитофон на годовалого бычка. И все-таки при всей очевидной выгоде этой сделки, он прогорел. Монета не учел, что именно в эти дни на бойне большая очередь частников на убой скотины. А попробуй прокорми этого бычка два-три дня, пока дойдет твоя очередь, если ты живешь в центре города и, кроме коридора в квартире на третьем этаже, нет другого хлева? Наутро почерневший от горя Людовик Аванесович пинками выгнал на улицу ни в чем не повинное животное. И долго бродил по улицам беспризорный бычок, пугая своим видом прохожих.

Еще хуже обстояло дело у Монеты с женами. Людовик обладал несомненным даром с одного взгляда разбивать сердца буфетчиц, продавщиц и официанток. Но все они вскоре убеждались, что вместе с сердцем он им разбивает и жизнь. Ни с одной из жен он не жил более трех месяцев. После свадьбы томился от прозы жизни, затем следовал развод. Его не раз жестоко били, ему приходилось отпускать бороду для конспирации, он вступал в секту. Чего только не пережил Монета из-за женщин! Одно оставалось непонятным: как ему удавалось ускользать от алиментов? Ведь он не платил ни первой жене, ни второй, ни третьей, не говоря уже обо всех последующих. Более того, при всей трогательной любви к чужим детям, своих детей он никогда не видел и панически боялся встречи с ними.

И, как результат всех жизненных неудач, у Людовика Аванесовича случались жестокие запои. Да, Людовик Аванесович Монета — человек необычайной судьбы.

В ту злосчастную ночь, когда Егор Гаврилович так неосмотрительно покинул свою опочивальню, Монета спешил к дверям своего начальника.

На этот раз он не был в запое. Просто только что закончил в ресторане «Жучок» дела с клиентами по оформлению вагонов с хлопком, которые пошли пустыми в текстильный край, и спешил доложить своему начальнику об исполнении, а заодно отдать деньги. Он еще ничего не знал о трагедии. На душе у него было легко и радостно. Денежки грели его любвеобильное сердце.

ГЛАВА 7

ДЕРЗКИЙ ПЛАН

Яша Антимиров что-то колдовал у своей МВ, когда вернулся расстроенный лейтенант Нурматов.

Яша насистывал, ужасно перевирая мелодию. Все горести и заботы оставляли его, когда он работал. И независимо от того, получалось у него или нет, настроение у Яши в это время всегда было неизменно хорошим.

— Ну, что нового? — с тайной надеждой спросил лейтенант.

— Да вот, закончил настройку модуляции киберлингвиста, — ответил Яша с оттенком гордости. — Теперь наш беглец хоть разговаривать сможет на любом языке любого времени.

— А разве такое возможно? — удивился лейтенант, хотя уже окончательно уверовал в могучий талант Яши, даже немного робел перед ним и порывался несколько раз назвать его на «вы».

Яша покопался в медных кишках отдельно стоящего аппарата с широким экраном, что-то подкрутил, подпаял и сказал:

— Сейчас мы установим видеосвязь с пропавшим. Нам очень важно увидеть, в каком именно времени он оказался, на какой отрезок истории его занесло. Вы садитесь вот сюда, будем наблюдать.

Экран засветился.

Очертания на экране были смутными, расплывчатыми. Изображение оказалось не лучше, чем иной раз с ташкентской студии телевидения во время трансляции хоккейного матча. Чудилось, что сейчас покажется Галочка и, смущенно улыбаясь, объявит перерыв по техническим причинам. Но перед ними стоял не телевизор, а ЭСДВ — Экран Связи с Другими Веками и поэтому никакой Галочки не появлялось. Сквозь полосы, будто сквозь сетку дождя, виднелись волосатые, могучего сложения люди в звериных шкурах. В руках у них огромные дубины и каменные топоры. А в правом углу экрана виднелся кто-то в полосатой пижаме. Он что-то говорил, оживленно жестикулируя.

— Яша! — простонал лейтенант. — Звук! На каком языке они говорят?

— Звука пока не будет, — помрачнел Яша.

Оба с тревогой смотрели на экран, пока изображение не заколебалось и не исчезло совсем за помехами из глубины веков.

— Это куда же его занесло? — тихо спросил лейтенант. — Неужели в Африку?

А Яша шептал огорченно:

— Из-за проклятых конденсаторов звука нет... Где достать несчастные пятнадцать рублей?

Изобретатель и лейтенант сели на диван и стали совещаться, как вернуть беглеца.

А с Егором Гавриловичем происходило вот что. Проснувшись, он увидел вокруг себя дикарей, одетых в звериные шкуры со страшным оружием в руках. Дикари безмолвно смотрели на пришельца, пугаясь каждого его движения. Полосатая пижамка напоминала племени о саблезубом тигре, который имел обыкновение завтракать их соплеменниками.

Егор Гаврилович осторожно поднялся со своего ложа и сначала проверил, не украли ли чего эти люди. Все оказалось на месте. Когда же он открыл портфель, дикари в страхе попадали на землю, и только наиболее смелые нашли в себе силы спастись бегством.

Егор Гаврилович хмуро посмотрел на людей: «Что они, портфеля не видели, что ли?»

От вполне понятного волнения он взмок и хотел снять шляпу, чтобы вытереть выступившую испарину. Ужас охватил все племя. От жуткого воя, издаваемого людьми, убежали пещерный лев и динозавр, которые оказались поблизости. Люди племени впервые видели, как человек снял с себя часть головы.

Так состоялось их первое знакомство. Вскоре Егор Гаврилович сидел в пещере племени и благодушно разглагольствовал:

— Нет, ребята, странный вы народ. Не умеете жить. Из каменного века, что ли? У вас такие возможности, а вы как нищие. Вот я видел, в речке рыбы у вас — сколько душа пожелает, ведь это живые деньги. Да рванули бы динамитом или аммоналом, и вы боги. И приоделись бы сразу, и на табачок останетя, а то и сто граммов перепадет. Ну ладно. Благодарите бога, что судьба меня с вами свела. Егор Гаврилович дело туго знает, он не даст вам пропасть от голода. Только не робейте. Держитесь за меня, деньги сами в карман ваш потекут. Вот только знать бы, к кому вы административно относитесь.

Племя, куда Бобылев попал, называло себя кхолгами. Жили они в большой пещере на берегу реки, которую именовали Большой Водой. На ночь устраивались в глубине пещеры, со страхом ожидая наступления темноты. Егор Гаврилович с удивлением заметил, что кхолги не умеют применять огонь. Женщины уходили в глубь пещеры, уводя с собой детей. Воины располагались у входа: при нападении врага или хищника на пещеру первыми их встретят вооруженные мужчины.

«Научу их днем разводить костер», — решил Егор Гаврилович, а пока убрался подальше от входа. Воины посмотрели на тигроподобного человека удивленно, но ничего не сказали об этом немужском поступке из чувства деликатности.

В пещере оказалось просторно и сравнительно тепло, но Бобылев долго не мог уснуть. Он обдумывал одно дело, которое помогло бы ему наладить отношения с властями, да еще дать немалые проценты. Уснул Егор Гаврилович, преисполненный самых радужных надежд.

Утром он кое-как объяснился с вождем племени кхолгов. Могучий вождь носил имя, повергавшее врагов в ужас, — Ноауэм. Егор Гаврилович стал называть его фамильярно Наумкой.

Уведя недоумевающего вождя подальше от посторонних ушей, Егор Гаврилович сказал:

— Слушай сюда, Наумка. Есть дело. Ничего уголовного тут нет. В такие дела ОБХСС не вмешивается, так что ничего не бойся. Надо заарканить мамонта, понимаешь?

— Мамонт? Мамонт — это много мяса, племя много лун будет сытым, — с готовностью отозвался могучий вождь.

— Да нет, Наумка, ты не понял. Мы должны взять его живым. Для научных целей. В благодарность научу тебя пользоваться огнем, а? Идет? Ну ладно, столик в ресторане за мной.

Важный и могучий, сплошной узел железных мышц, вождь соображал туго, но при слове огонь вскочил:

— Враги убили огонь моего племени! Теперь кхолги несчастны и слабы, как рыбы! Я убью их вождя и съем его печень!

Он страшно размахивал своей дубинкой в сторону леса, но Егор Гаврилович успокоил его, показав зажигалку «рони»:

— Вот тут огонь, я тебе его подарю. А ты мне — мамонта.

Он похлопывал вождя по плечу, по колену, глыбообразному и железному, и говорил. Вождь почти ничего не понял, но согласие на поимку мамонта дал.

Замысел Бобылева был прост. Дело том, что те люди, хозяева, как он их называл, с которыми он делился доходами от махинаций с хлопком, все имели ученые степени. Кто кандидата наук, а кто и доктора. Кто по экономике, кто даже по философии. У них, правда, было достоинство: они умели долго и складно говорить. А Егор Гаврилович не умел. А вот если он добудет для науки живого мамонта, который считается вымершим, — а это-то он все же знал, — то станет кандидатом мамонтовых наук. Если приручит мамонта, то только он один сможет с ним общаться, кормить его. Тогда он будет недоступен для милиции.

Он догадывался, что хлопковыми делами уже стали интересоваться и беды не избежать. Его хозяева вывернутся, а что делать ему? Но разве посмеет милиция изболтать профессора, доставившего из экспедиции живого мамонта? Он же станет всемирно известным, а всемирно известных в уголковку не таскают. Ну, а если в ловушку заскочит еще и буйвол, то Монета живо его реализует на Заалайском базаре по четыре с полтиной, как кооперативное мясо. Лишний навар и профессору не мешает.

Чутье подсказывало опытнейшему Егору Гавриловичу, что дело с хлопком уже «пахнет керосином». И он решил осчастливить науку.

ГЛАВА 8

О ГЛУПЫХ РОМАНТИКАХ, О СКРОМНОЙ МЕЧТЕ И О ДОВЕРИИ

Нам, дорогой читатель, предстоит углубиться в сферы, не всегда приятные, даже грязные. Конечно, лучше бы нам с вами читать о чем-нибудь очень чистом, сказочном, вроде пресловутой Анжелики и ее похождениях. И в самом деле! Пиши о красивых женщинах, потрясающих мужчинах, о шпагах, о фрегатах, о сказочных кладах или о добрых волшебниках. А тут придется заниматься анатомией. Это вызывает брезгливость, это недостойно искусства.

Понять сущность Егора Гавриловича невозможно, если не заглянуть в его душу. И не вина автора, если потянет мерзостью помойки или гнилым тленом городской свалки. Однако в жизни приходится иметь дело не только с героями космоса, но и с самыми презренными подонками, поэтому заткните нос, дорогой читатель, и следуйте дальше.

Розовая пора детства Егорки проходила в том же Калачевске, в большом общем дворе, очень плодovitом на детей. С утра до вечера во дворе стоял невообразимый гвалт. И среди этого столпотворения разнокалиберной детворы Егорка был недосягаемым идеалом, эталоном послушного, хорошего и умного мальчика, но только почему-то для мамаш и бабушек. Даже учителя, ставя ему примерные баллы, не очень жаловали этого ябедника и нытика.

Примерно через каждые семь-восемь минут то в одной, то в другой квартире раздавались, ставшие заклинанием, слова: «Посмотри на Егорку Бобылева!»

Но неразумное подрастающее поколение почему-то не хотело смотреть на Егорку. Более того, его всячески преследовали.

А посмотреть пристальнее на него стоило еще тогда.

Этот мальчик не свистел, засунув в рот пальцы, не гонял по крышам голубей. Не играл в футбол. Никогда не дрался с мальчишками. Не дергал девчонок за косы. Не приносил никогда двоек, никому не грубил, не рвал штанов и рубашек. Ведь не так уж плохо, если вдуматься? Он не купался в водах горных речек, не бегал смотреть на проходящих строем бойцов, не пытался строить вечный двигатель. Не... не... не.

Все мальчишки в определенный период своей жизни заболевают морем, зачитываются книгами о нем, о грандиозных морских сражениях, о потрясающих открытиях.

Кто из нас в пору приближающейся юности не вдыхал крепких запахов моря, не подставляя лицо свежему бризу, дующему со страниц захватывающих книг! Над твоей головой — белоснежные паруса, как трепетные птицы, поскрипывают мачты, а твой бриг несется навстречу удивительным приключениям. Ах, море, море! Что стало бы с нами, если бы не было тебя! Научились бы мы так сильно и чисто мечтать? Кем бы мы стали, если бы где-то в невозвратной юности не было у нас этой прекрасной мечты о море? Конечно, не все мы стали моряками и отважными капитанами, но если мы чего-то добились в жизни, помогла нам в этом огромная мечта о море. И неважно, где живут эти конопатые мечтатели-мальчишки, в самой ли середине России, где только речка Пустозвонка олицетворяет всеобъемлющую водную стихию, или среди океана казахстанских степей, где от колодца до колодца десяток, а иногда вся сотня километров, везде мальчишки болеют морем.

А вот Егорка не... Он хорошо знал, что море — это только много воды, к тому же соленой. О чем тут мечтать? Да и около Калачевска морю взяться неоткуда. Не то, что эти глупые мальчишки, его сверстники, эти одержимые, эти неисправимые чудаки, которые, до одури начитавшись книг о море, целый год бредят штормами, бригами, капитанами, необитаемыми островами.

В годы Егоркиного детства в Испании шла война. Егорку это нимало не трогало. А эти чудаки, по-Егоркиному глупцы, просто уверены были, что без их личного участия республика не победит. И один из них, Генка Красин, из соседнего подъезда, поехал прямо в Испанию. Его вскоре вернули и выпороли. Генка потом целую неделю обедал стоя, а Егорка посмеивался: «Вот тебе и Испания!»

Другой такой же чудаки, Марат Ахмедов, за каким-то чертом полез в горящий дом и вытащил совсем чужую старуху, а домой вернулся с ключьями рубахи и прожженными штанами. А так как Ахмедовы жили бедно, детей у них было много, то Марат все лето пробегал без рубашки. А ведь Егорка стоял в тот день рядом, но в огонь не...

И до чего довела их глупая романтика? Ничего путного им не принесла. В прошлую войну Генка Красин стал летчиком, в сорок пятом направил свой горящий истребитель на миноносец врага. Конечно, он поджег его, но сам, понятно, домой не вернулся. Наградил его только посмертно. А Егорка оставался смиренным, не совался, куда не следует. Правда, у него нет награды за войну, но и без них он не остался. Его шефы позаботились о нем, так что и он при орденах, без всякого удаления полученных.

Правду говорят, яблоко от яблони далеко не падает. Сына этого Генки Красина, Сашку, безотцовщину голоштанную, во время кубинской революции сняли с поезда где-то под Арысью. Егор Гаврилович с чувством удовлетворения и тайной мести к давно погибшему сверстнику слушал звуки порки из соседнего дома. Чего-то он не мог простить этим чудакам.

А чудаки так и не изменились. Недавно профессор Марат Ахмедов передал в дар школе, в которой все они когда-то учились, в том числе и Егорка, библиотеку из тысячи томов. А что толку? Только и всего, что в газете напечатали три строчки.

Двое других чудаков из двора, Раим и Федька, из первого подъезда, больше других болевшие морем, строили вначале всякие там моря-водохранилища, потом, спохватившись, стали спасать Арал, который и погиб-то из-за того, что вода, его питавшая, задерживалась в искусственных морях. Суетятся! А чего суетятся?

Самое смешное, что все они еще в детстве были страшно доверчивыми, Егорке ничего не стоило их надуть. Например, Генке Красину он всучил за два рубля подбитого кем-то из рогатки сизаря, который все равно должен был подохнуть. Но Генка ходил за голубем целый месяц, а потом отпустил на волю. Плакали его денежки! У тех же Раима и Федьки Егорка выменял за сломанный корабль вместительную шкатулку.

Вот и сейчас он один из тех, кто умеет жить. Его не заманишь никакими пряниками на новые земли, куда уехал Сережка Птенцов, поэт из пятого подъезда. Его уже признали подающим надежду поэтом, уже обещали печатать в журнале, а он взял и уехал писать о каких-то зимовщиках.

Нет, Егор Гаврилович живет солидно. Эти глупые романтики лопнули бы от зависти, если бы увидели, как он живет.

Если о жилье других обычно говорят «квартира Киселевых» или «секция Муминовых», то о пятикомнатной квартире Егора Гавриловича в узком кругу говорили «дом Бобылевых», хотя в общей громаде пятиэтажного дома, он составлял только малую толику. Но говорить так, — дом Бобылевых, — казалось утонченно-аристократическим. В сочетании этих слов слышалось нечто благозвучное, вроде «особняк Кшесинской», «дворец Воронцовой».

Дом Бобылевых! Нет, это в самом деле звучало! Но, несмотря на такое благополучие, Егор Гаврилович был крайне недоволен своей судьбой, хотя громко об этом не говорил. У каждого человека есть своя слабинка, была она и у железного Егора Гавриловича. Это больное место умел посыпать порошком сочувствия только Людвик Монета, если он не был в запое. За это многое прощалось буйному Монете.

Но и кроме Монеты, кое-кто из близких знакомых имел возможность увидеть душу Егора Гавриловича, когда он ее приоткрывал, но только чуть-чуть. Разве можно полностью доверять людям? И Егор Гаврилович немало страдал от того, что по-настоящему нельзя довериться никому. Но в минуту сентиментальной размягченности он водил гостя из числа узких знакомых и прочувствованно, со слезой в голосе, говорил:

— Эх, брат! Это что? Ну ладно, приобрел, нажил. А дальше что? Это еще не жизнь. Вот ты посмотри. Хорошо, а? Это тебе не ширпотреб, это оттуда.

И приближенный гость вертел в руках пустячок оттуда, а Егор Гаврилович наслаждался эффектом.

— А посмотри на Агнессу, а? Вещь? Оттуда, брат. Да такие и носили-то Жаклин Кеннеди да Мерелин Монро. Ну и моя Агнесса здесь носит... Нет, ты не думай, я не преклоняюсь, нет. Но неужели ты ничего не чувствуешь, а?

Приближенный гость с восторгом смотрел и действительно начинал что-то такое чувствовать. А Егор уже строго продолжал:

— Я никогда не преклоняюсь, ну что эти шмотки? Так, фу и нету. Но для души... символ. Напоминает. Понимаешь, там умному человеку простор. Если можешь развернуться, действуй.

И, доверительно нагнувшись к уху гостя, шептал:

— Там, брат, сво-бо-да. Свобода личности настоящая. И права человека. Да-да, права. Человека.

На Монету дорогостоящие вещи на Агнессе не производили никакого впечатления. Он смотрел не на них, а на полную ножку Агнессы и проводил кончиком языка по внезапно пересохшим губам. Но Монета знал толк и в другом: как угодить Егору Гавриловичу. Он купил большой атлас мира, и они вдвоем открывали его иногда, мусолили глянцевики страницы вспотевшими от волнения пальцами.

— Сан-Франциско, — читали они.

Монета смотрел восторженно на Бобылева, а Бобылев смотрел восторженно на Монету.

— А знаешь, Гаврилыч, его там называют просто Фриско. Э-эх! Этим тут не понять!

— Не понять, — отзывался Бобылев.

— А вот смотри, Женева, — продолжал травить душу Монета, — там — самый надежный в мире банк. Полная тайна вкладов. Пусть следователь умрет на пороге, а ему все равно ничего не скажут.

И оба с тоской смотрели на ярко разрисованные карты и вздыхали:

— Да, живут же люди!

Но если Монета довольствовался мечтой о контрабанде, то желания Егора Гавриловича были более притязательными. Он хотел видеть себя хозяином.

В своем директорском кабинете он чувствовал себя, конечно, в какой-то степени хозяином. Да и шофер на вопрос: «Кого возишь?» — полууважительно-полунасмешливо отвечал: «Хозяина!»

Но Егору Гавриловичу этого было мало. Он мечтал стать хозяином другого типа. Свое дело, частное предпринимательство, свой доход, свой счет в банке. И никого не надо бояться. Поэтому те огромные суммы, которые он извлекал из кармана государства, не очень радовали его. Во-первых, надо делиться с теми, кто даже руки не испачкал о хлопковое волокно, а сидит себе в высоком кабинете и снимает сливки в виде чистеньких купюр. А во-вторых, могут и вовсе отобрать нажитое и спросить — на какие деньги? Там бы не спросили, а тут могут.

— Да, брат Монета. Только и в Сан-Франциско, и в Женеве нас не ждут. Я даже бы на маленький городок в какой-нибудь Гваделупе согласился, но чтобы свое дело, чтобы — хозяин! А тут что? Фикция, мираж.

— Да, вот, например, — загорался Монета, — Монако. Меньше Калачевска, а государство. И опять же свобода.

— Вот-вот. Сво-бо-да! Солидные, честные люди, доверие в делах.

Последнее слово они произносили со стоном. Им очень хотелось полного доверия. Главное — доверие, а уж там бы они развернулись.

А ведь и мы с вами, дорогой читатель, доверяли им. Какие посты доверяли! Иногда свое доверие даже письменно подтверждали. Вот, например:

ДОВЕРЕННОСТЬ

Выдана тов. Бобылеву Е. Г. в том, что ему **доверяется** произвести получение и отгрузку стройматериалов для строительства хлопкозавода по прилагаемым заявкам.

Подписи: (разборчиво)

Печать: (очень разборчиво)

А вот другая форма доверия.

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Выдано гр. Бобылеву Е. Г. в том, что он действительно является доверенным лицом кандидата в депутаты Ибрагимова З., что и удостоверяется.

Подписи и печать разборчивы.

Егор Гаврилович тихо ругался, а Монета до слез смеялся. Ведь этому самому «кандидату в депутаты» Монета сам по поручению Егора Гавриловича отвозил конвертики с отчислениями за невмешательство. От такого доверия в кармане не прибавлялось, а убавлялось.

Да разве только в этом им верили? И, наконец, не к нашему ли опять доверию будет скоро апеллировать Монета в черновике своего «Чистосердечного признания», которое он так напишет: «... особенно прошу, учитывая мое чистосердечное признание, отдать меня кому-нибудь на поруки, и я обещаю оправдать ДОВЕРИЕ широкой общественности...»

Пусть читатель поймет нас правильно. Мы не за то, чтобы культивировать огульное недоверие, насаждать подозрительность: это уже надоело. Но, с другой стороны, разве не злоупотребляли нашим доверием Бобылев, Монета и многочисленные их покровители и укрыватели?

Спросить бы погибшего Генку Красина, что он обо всем этом думает!..

ГЛАВА 9

ПЕРВАЯ НЕУДАЧА

На другое утро после памятного читателю разговора с Наумкой часть племени по устному распоряжению вождя, вооружившись дубинками и топорами, ушла к далекому лесу, где разведчики обнаружили следы стада мамонтов.

Другая часть воинов, усиленная женщинами, вышла на земляные работы...

Как видите, эмансипацию женщин, особенно при выполнении особо трудных работ, впервые внедрил наш беспокойный Егор Гаврилович, объяснив это нововведение как необходимость, вызванную необычными обстоятельствами.

Обязанности прораба временно исполнял сам Егор Гаврилович. Он дал каждому задание, установил нормы выработки, а сам отправился на берег реки.

Бобылев решил подарить племени огонь. Найдя два камня, он начал высекать искры. Но чтобы добыть огонь таким способом, камни нужно было выбирать с умом, а Егор Гаврилович этого не знал. Тогда втайне от племени он достал «рони» и крутнул колесико. Не дай бог, если эти дикари откроют тайну зажигалки! Он снова упрятал ее в складках портфеля, а сам поджег от костерка факел и понес его людям.

Что Прометей? Что Данко? Все-все гораздо проще: чиркни колесико — и запыляет факел, и ты его носи людям, как Данко. Таким Данко и почувствовал себя Бобылев, когда все племя упало к его ногам, благословляя и обожествляя. Сам вождь Наумка лобызнул Человека-Тигра в затылок, что было признаком высшего признания. Егор Гаврилович поднес факел к сложенному костру и поджег его. Племя орало от восторга, а Егор Гаврилович пытался запеть песню: «Взвейтесь кострами, синие ночи», но слова давно забыл.

И хотя ночи теперь были спокойными благодаря костру, пищи у племени не оставалось. Последние запасы были съедены, но Егор Гаврилович, окруженный почетом, важно вещал:

— Ничего, ребятки, потерпите немного. Вот стреножим буйвола, отъедемся.

Через несколько дней в километре от пещеры кхолги построили загон из камней и врытых в землю бревен. Егор Гаврилович придирчиво осмотрел работу и остался доволен, указав, тем не менее, на низкое качество на отдельных участках. Потом кивнул Наумке:

— Годиться!

Пока группа воинов, ушедшая к лесу, выискивала мамонта, Егор Гаврилович мучительно думал, как бы связаться с Монетой, предупредить о своих планах, чтобы и он готовился к операции «Мамонт», если, конечно, еще на свободе.

Егор Гаврилович уходил один далеко от пещеры, надеясь выбраться на какую-нибудь дорогу к ближайшему населенному пункту. Можно дать знать Монете через попутных шоферов, а если найдется телеграф, то отбить телеграмму.

Но сколько он не рыскал по окрестностям, ничего такого обнаружить не удалось. Все было пустынно и дико. Планета лежала перед Егором Гавриловичем в своей первородной нетронутости, безмолвная, не причесанная цивилизацией, и в его груди зашевелились смутные подозрения. Впервые он по-настоящему задумался, а куда же это его забросила судьба?

Но поддаваться панике было не в характере Егора Гавриловича. Теперь он со стыдом вспоминает свое позорное бегство. И чего это у него так сдали нервы в тот вечер? Позвонил бы своим высоким покровителям, тут же бы последовала команда: «Егора не трогать. Сами разберемся». Поэтому сейчас он с утроенным усердием думал о претворении своего плана, решив, что все образуется само по себе.

И вот настал волнующий момент. Прибежал воин и доложил, что один мамонт идет в сторону загона.

Мамонт оказался во второй половине дня. Это был могучий зверь, громадный таран из мяса и костей. Егор Гаврилович приготовил хворостину, чтобы помогать загонять животное в стойло.

Мамонт шел медленно, степенно, не обращая внимания на пугающие крики воинов, на летящие в него камни, на ласковое «цоб-цобе» суетящегося тут же Егора Гавриловича. Он переставлял огромные, как колонны, ноги, а его бивни, как казалось Егору Гавриловичу, были направлены прямо в живот ему лично. Но зверь шел, и это самое главное. Вот он заходит в оставленный для него проход, и торжествующий Егор Гаврилович, важно выставив животик, победоносно улыбается.

Но мамонт, не обратив внимания на препятствие, походя смел, как детские игрушки, загородки. Кхолги, вначале ликовавшие, поняли, что произошло что-то не то, и уставились на Егора Гавриловича.

У того даже животик уменьшился, и улыбался он как-то жалко и растерянно. А мамонт уходил все так же неторопливо, и скоро его горбатая спина скрылась за деревьями.

— Ничего страшного, ребята! — хлопал по плечам кхолгов пришедший в себя Егор Гаврилович. — В жизни еще не то бывает. Я вот тоже однажды погорел с вагоном винограда. Отправили мы его с Монетой в Красноярск, Людка вылетел туда самолетом, чтобы... лично встретить, а вагона все нет и нет. А эти головотяпы с железной дороги отправили вагон вместо Красноярска на Кавказ. Представляете себе положеньице? Пока разобрались, пока отправили вагон обратно в Калачевск... Вся дорога от Тбилиси до Калачевска поливалась бражкой из моего винограда!

И он изо всех сил старался казаться оживленным, хотя на душе у него было скверно. Только сейчас он понял, как ему не хватало Монеты.

Бобылев уселся на камне у входа в пещеру, вырвал из блокнота листок и написал: «Дорогой Людка! Я пока на свободе, а ты? Есть хорошее дело. Узнай цены на мамонятину. Прочти и порви. Е.»

Эту записку он вручил одному кхолгу, строго наказав найти в Калачевске Монету и вручить записку из рук в руки. Воин из его объяснения не понял ровным счетом ничего, но бумажка настолько поразила его воображение, что он кинулся со всех ног, держа ее перед собой, как невиданное чудо, а Егор Гаврилович кричал ему вслед:

— Смотри только милиции не попадись! Да поторопи с ответом!

Он не мог предвидеть, что воин, отбежав на расстояние в сто локтей, съел его бумажку и вернулся в племя, а так как все они были для Егора на одно лицо, он так и не узнал, что его посланец давно среди своих.

Все последующие две недели было не до охоты. Но Егор от своего плана не отказался; племя расширяло своими примитивными орудиями естественное углубление, которое смысленный Егор Гаврилович решил увеличить до размеров приличной ловушки для вожделенной добычи.

А с питанием в племени становилось все хуже и хуже, и Егор пытался делить еду пропорционально сделанной за день работе. Но дикари не хотели есть по норме и начали коситься на своего странного гостя. От дележа пришлось отказаться, и племя пожирало добычу кто сколько проглотит. Егор наблюдал за ними с презрением.

Он уже освоился со своим особым положением. После того, как он добыл огонь, его зауважали еще больше, за пижаму называли Человек-Тигр. Люди подчинялись ему, и он чувствовал себя хозяином положения. Вот только что-то нет ответа от Монеты. Неужели эта скотина опять в запое?

ИНСТИТУТ И ЕГО ФИЛИАЛЫ

Давно уже пора рассказать, при каких обстоятельствах в таком невзрачном городишке, как Калачевск, могло оказаться столь высоконучное заведение, как Институт кибернетики. С чего вдруг Калачевск стал авангардом кибернетической мысли?

Недавно еще калачевцы гордились создателями солнечных генераторов, любители выезжать на окраину города посмотреть на огромное параболическое зеркало, которое собирало в одну точку пучки солнечных лучей, и в солдатском котелке закипала вода, когда солнце было не закрыто тучами. Двадцать человек получили ученые степени кандидатов наук около солдатского котелка, трое — докторов наук. Но потом вдруг начались расследования, ученые и соискатели куда-то исчезли с калачевского горизонта, и о науке в городе до поры забыли.

Но вот как-то в одной из центральных газет промелькнула короткая статья о калачевском изобретателе-самоучке Яше Антимирове и его талантливых самоделках. Статья заканчивалась обращением:... «нужно всемерно помочь молодому техническому таланту».

Научная общественность страны немедленно отреагировала на статью. В адрес Яши приходили письма с пожеланиями, советами, предложениями, а одна из академий прислала ему увесистую бандероль с научной литературой.

Калачевцы же страшно загордились, а наиболее предприимчивые собрались на квартире Клязуевича в комнате, одну стену которой украшала картина Венеры. Это называлось «собратья под бабой». Здесь присутствовали уже почти ветхий Клязуевич, вдохновитель всей компании, Егор Гаврилович и массивный Баобабник. Монета и Бильялов сидели за дверью: их не посвящали во все детали дела. Прочли вслух еще раз статью.

— Да, — сказал Клязуевич.

— Да, — подтвердил Егор Гаврилович.

— Да-да, — продолжал их мысли Баобабник.

— Вы, Кеша, много говорите, — строго заметил Клязуевич, — но вы правильно поняли мою главную мысль. Я иду в долю.

Все трое вошли в долю.

А через несколько дней в маленькой комнатке, где теснился ученый-самородок с мамашей, появился гость. Им оказался массивный Баобабник. В широченном пальто и меховой шапке, он заполнил собой всю полезную площадь.

Его посещение повергло Яшу в смущение. Самородок не знал, куда его посадить, а поэтому выставил сразу все три стула, один из которых был сломан.

Баобабник с гримасой презрения осмотрел жилье и обстановку, на Яшины изобретения даже не взглянул. Клязуевич дал ему строгую инструкцию вначале идеологически подготовить изобретателя, а потом уж говорить о деле. Кеша начал:

— Вы достойны! Пристального внимания! Всего ученого мира! Который я! В какой-то степени представляю! Талантливому человеку без помощи! Творить нельзя! Мы ее! Вам окажем!

Яша испуганно моргал, слушая выкрики этого человека с налитым кровью лицом. Но Баобабник уже посчитал первую часть беседы оконченной, оратор перестал и теперь заговорил нормальным человеческим голосом, часто подмигивая Яше:

— И это условия для таланта? Фэ, это не условия для таланта. Мы, как люди в своем роде ученые, хотим помочь вам. Калачевцам будет стыдно, если вас переманит какой-нибудь другой город или враждебная нам держава. Мы поможем всеми силами.

Через час Яше было обещано, как в Калачевске специально для него будет построен институт, где он будет творить. А лично для него, для Яши, будет построен коттедж с бассейном и садом.

— Именно с бассейном. Что хотите, то и творите, а мы тоже... того. Поможем вам, — ласково уверял Яшу Баобабник. — Мы еще женим тебя, шалунишка ты этакий. Это как можно, с таким талантом — и холостой!

Яше было вручено пятьдесят рублей на первые расходы, а с него взято заявление об оказании помощи в научной работе.

Деятельные люди все-таки Клязуевич и Баобабник! Оперирова газетной вырезкой, заявлением Яши и извещением академии на бандероль, они добились-таки открытия института на кооперативных началах.

А вскоре Экспериментальный институт Кибернетики объявил набор рабочей

силы. Срочно принимались столяры, сапожники, часовые мастера и спецы по ремонту радиоаппаратуры. Приглашались также полотеры. Когда в отремонтированном помещении все эти специалисты расположились с присущим научному учреждению размахом, по городу были развешены объявления:

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ КИБЕРНЕТИКИ

Оказывает населению услуги по ремонту квартир, принимает заказы на пошив обуви, а также ремонтирует бытовые приборы:
ХОЛОДИЛЬНИКИ, ТЕЛЕВИЗОРЫ, ПЫЛЕСОСЫ!
ВЫЗЫВАЙТЕ НА ДОМ ПОЛОТЕРОВ!

Машина завертелась. Деньги хлынули в руки инициаторов. И только много позже они вспомнили о том, что институту нужны научные кадры. Послали за Яшей. Он сидел в приемной директора института, и Баобабник убеждал директора Бильялова, что Яшу нужно зачислить в штат. Но Бильялов уже вошел в роль.

— Изобретатель? Самородок? А зачем он мне нужен? — возмущался Бильялов.

Его выдвинул на эту должность сам Клязуевич, полагаясь на его надежную недалекость. Бильялов стал необычайно важным и искренне считал, что руководимый им институт выполняет свои прямые функции.

— Мне, дорогой товарищ Баобабник, — важно говорил Бильялов, откинувшись на спинку кресла, — ученые не нужны. Мне надо гнать прибыль, выполнять план по валу и по прибылям. Нужно решение ученого совета...

— Идиот! Это тот самый, из-за которого... — сорвался Баобабник, но тут же вспомнил, что этот тупица о тайне рождения института ничего не знает, и сменил тон:

— Ты не того... Таково мнение Клязуевича.

При всем своем положении Бильялов знал, кому он всем обязан, но для виду продолжал сопротивляться:

— Я же только вчера принял мастера по пылесосам.

— Топор! Что он умеет?

— У меня радиомастера есть, они сойдут за ученых...

— Они же все время пьяны! Каждый клиент угощает их.

— Раздувание штатов карается...

— Принимай, сволочь, тебе говорят! — не выдержал Баобабник.

Бильялов сдался и тут же подписал заявление, на углу которого написал: «Пр. м. н. сотр. окл. 70 рб в м-ц». Что означало: «Принять младшим научным сотрудником с окладом семьдесят рублей в месяц».

Так стихийный, неорганизованный изобретатель-самоучка сделал головокружительную карьеру: он стал младшим научным сотрудником.

Ничего из обещанного Яша, естественно, не получил. Ему не предоставили особых условий для творчества. Коттеджи строились, но Яша стоял в очереди на жилье пятьдесят четвертым, и его очередь совсем не продвигалась. О нем прочно забыли, он так и ютился на частной квартире. Но Яша был подвижником, он не замечал ничего этого и был рад несказанно, что у него есть рабочее место в полупервом этаже. Правда, как-то само собой получалось, что к его изобретениям постоянно примазывалось много соавторов, которые рвали на части вознаграждения. Потом его стали числить соавтором, а еще потом и вовсе упоминали в числе «др.»

А в институте процветали ремесла. Калымщики, бойкие шабашники, не задумываясь, подражались на любые частные работы. Кто-то уже развел пасеку. А в одной из лабораторий смысленный Бильялов приспособил вакуумное оборудование для выгонки самогона, который тут же сбывал с помощью старших и младших научных работников. Вокруг института запахло самогонкой.

Бильялов вспомнил о Яше, поручил ему подумать, как избавиться от запаха, который уже впитался в стены института. Ведь самогонование строго карается. Яша предложил вторично перегонять первач, но ученый совет, состоящий из полотера Самкина, радиомастера Гагина и сапожника Тилляева, зарубил его предложение.

— Они теперь с овчарками ваксу ищут, — заявил возмущенный старший научный сотрудник полотер Самкин.

— Предложение Яшки отклонить, — поддержал его аспирант института Тилляев.

Яша еще с неделю теребил шевелюру и изобрел установку, в которой самогон приобретал запах «Боржоми».

— Испытать с помощью овчарки! — предложил доцент Гагин.

— Я сам, — решительно объявил Самкин, — что они могут? Одно слово — друзья человека.

Он верил только своему носу, сам обнюхал установку, подтвердил научную

ценность изобретения и предложил оплатить Яше за него 12 рублей, а остальные поделить между членами ученого совета.

Бедному Яше приходилось туго. Ему ничего не давали для работы, в отделе снабжения его и знать не хотели. А ведь именно в это время у него зародилась прекрасная идея построить Машину Времени. Он робко попросил запчасти, и, чтобы он не надоедал, ему выделили холодильник «Восток», от которого все дружно отказались.

Лейтенант Нурматов, доложив начальству о результатах, как известно читателю, вернулся в институт. После видеосвязи с беглецом он сидел с Яшей на диване и делал выводы, как того потребовал капитан Шахиншахов. А между делом рассматривал МВ. Он прочитал на дверце кабины название — «Восток».

— Это в честь первых космических кораблей название? — уважительно заметил Нурматов. — Молодец. Красиво.

— Какое там! — махнул рукой Яша. — Это дверца от холодильника. Слушай, дай мне пятнадцать рублей! На все зарплаты не хватает, а мне запчасти не дают. — Как не дают? — удивился Нурматов. — Ты же для института творишь?

— Для института. А давать ничего не дают. И ругают. И автор ругает, и соавтор ругает. Дисциплина, говорят, слабая. А я действительно забываю расписываться в книге ухода и прихода. Так ты дашь до получки?

Лейтенант деньги дал, но задумался над странным положением дел в институте, где он оказался волей судьбы.

А Монете сейчас было не до института. На хлопкозаводе комиссия поднимала отчеты, сводки, анализы, накладные. Что-то разладилось у высоких покровителей Егора Гавриловича. До этого таких проверок на памяти Людовика Аванесовича никогда не было.

И он сам решил искать Бобылева.

ГЛАВА 11

КРУШЕНИЕ

Егор Гаврилович так и не дождался гонца с вестями от Монеты. Где-то по кабакам шляется бродяга, решил Егор. Ну, доберусь я до этого потомка королей! Яма для мамонта была готова, и племя загоняло зверя в ловушку.

Наконец сбылась мечта тщеславного Егора Бобылева! Вот он сидит на краю ямы, в которой тяжело ворочается огромное животное, и даже осмеливается пощекотать его хвостом:

— Ага! Попался зверюга! То-то. От Егора Гавриловича еще никто не уходил.

Но жизнь жестоко наказывает безграмотных прожектеров и дилетантов. Откуда было знать Бобылеву, что даже если бы гонец и пошел искать Монету, то должен был идти много тысячелетий, чтобы найти сообщника Человека-тигра!

А в племени рос протест. Этот Человек-тигр заставляет делать такое, что никак не вяжется с опытом племени. Он заставляет собирать корм и кормить животное, в то время как надлежало сделать обратное — съесть мамонта.

Питались кхолги совсем скудно, но Егор Гаврилович не мог допустить, чтобы мамонт сдох до прихода весточки от Монеты. Мамонт же был на редкость прожорливым. Собранное всем племенем за полный рабочий день он пожирал за пять минут, а потом громко трубил, требуя добавки.

— У, ненасытный! — чуть не плакал Егор, глядя на тушу в яме. — Ты же меня разоришь со своим аппетитом, негодяй! И сколько ты жрать можешь?

Ночью случилась первая неприятность. Привлеченные запахом мамонта, вокруг пещеры кхолгов начали рыскать хищники. На мамонта они напали пока не решились, зато стали кружить у входа в пещеру, несмотря на костер. По сигналу Наумки воины вооружились, хотя понимали, что их дело плохо. Три саблезубых тигра и два пещерных льва вот-вот кинутся на них, невзирая на огонь костра.

В эти трагические минуты все взоры с надеждой обратились к Человеку-тигру. У него такие же волосы, как у тигров, к тому же он часто хвастал, что не боится даже неведомого Абэхээс, который представлялся кхолгам в виде мамонта с тигриными зубами. И воины уважительно взяли Егора под локти и выставили перед входом в пещеру впереди костра.

— Что вы делаете? Они же меня сожрут! Вы не смеете так поступать с номенклатурным работником!

Но что может сделать культурный, цивилизованный человек с грубыми детьми каменного века? Они крепко держали его сзади за руки, выставляя пухлого Егора как щит.

Звери почему-то не кинулись в эту ночь на людей. Егор остался жить. А племя уверовало в его силу. И Егор сдал. Он уже не заставлял на следующий день собирать корм для мамонта, и к вечеру племя обедалось мамонтиной, да и сам Егор съел кусок экспоната, поджарив его на костре.

Теперь он забивался в самый дальний угол пещеры и не выходил без крайней нужды, стал часто вздрагивать без причины. Нервничал.

И кхолги постепенно теряли к нему уважение, забыв даже, что он им дал огонь. Неблагодарность была свойственна людям изначально. Наумка часто приглашал его принять участие в охоте. Егор только обещал, но выходить на промысел не спешил. Он все еще надеялся, что вот-вот появится Людовик Монета. Егор просто выгадывал время.

ГЛАВА 12

ЧЕРСТВЫЕ ЛЮДИ

Егор Гаврилович не терял надежды прикарманить мамонта, но теперь нужно ждать подходящей ситуации, потому что кхолги больше не хотели строить ловушек: к земляным работам они не привыкли. Ответа от Монеты все не было, и Егор Гаврилович томился. Пока племя охотилось, он еще раз детально изучил окрестности и вдруг обнаружил еще один источник доходов.

В то доисторическое время, куда попал волею злой судьбы Егор Гаврилович, кроме всех других благ цивилизации, не водилось и браконьеров. По этой причине тучи птиц самых разных пород гнездились в кустарниках, на деревьях, на обрывах, не очень боясь людей. И все эти птицы вылупливались из яиц.

Яйца Егор Гаврилович находил везде, даже в песке. Возможно, там были и черепашьи. Егор Гаврилович обладал талантом видеть валюту там, где другие видели только явления природы. Тысячи, десятки, сотни тысяч яиц — это почти столько же кругленьких рублей. Это как раз для Монеты. Если мамонт достанется самому Егору Гавриловичу, то яичный бизнес он уступит своему ближайшему другу.

Егор Гаврилович выпил несколько штук и убедился, что они все свежие.

Новое начинание вождь Наумка встретил без энтузиазма. Он видел в своей жизни множество яиц, в детстве пил их, и сейчас детишки племени баловались этим, но заниматься всерьез птичьими яйцами воину и охотнику было не к лицу. Вот охота — это для настоящих мужчин.

— Нет, Человек-тигр. Поймай нам еще одного мамонта, — упрямылся Наумка, — а птичьи яйца — это для болотных племен, которые только ими и кормятся. Настоящий кхолг — охотник на зверя.

Егор Гаврилович все-таки уговорил вождя. И тот заставил женщин собрать для него в порядке одолжения несколько сот штук яиц. Сбор начался. Егор Гаврилович укладывал яйца на подстилки из ветвей. То-то обрадуется Монета, когда нагрят! Уж он-то найдет им сбыт! Пусть только сообразит сразу найти приличную бортовую машину...

Через неделю, когда Егор Гаврилович вернулся с прогулки, он заметил, что все племя косится на него, даже сторонится. Он забеспокоился. Что стало с этими наивными и в общем добрыми людьми?

Как-то все племя собралось у входа. Кхолги грозили ему кулаками, глухо ворчали. Женщины начали плакать, как свойственно им во все времена. Слышались выкрики:

— Ах, проклятуший! Да чтоб тебе, ироду!..

— Наумка! Что случилось? — испугался Егор Гаврилович.

— Племя идет искать другую пещеру. Здесь после твоего прихода стало невозможно жить, — с угрозой ответил вождь.

— Да в чем дело? — не понимал Егор Гаврилович.

Но тут ему в нос из пещеры ударил густой запах протухших яиц. Пещера наполнилась таким зловонием, что в ней стало невозможно жить. И теперь кхолги вынуждены покинуть пещеру, в которой жило несколько их поколений.

Такой подлости они не могли простить Человеку-тигру, тем более, что уже и тогда вопрос с жильем стоял остро. Егор Гаврилович зародил в первых людях хорошее чувство мести. Несколько рук крепко схватили его.

— Пустите меня! Пустите! Безжалостные, черствые люди.

Жизнь Егора Гавриловича висела на волоске.

Наша наука до сих пор строит различные гипотезы относительно людоедства. Это позорное пятно в истории человечества, и причина его — не только недостаток пищи. Ведь и тигры не всегда сыты, но тигры не едят тигров, львы не едят львов, даже гиены не едят гиен. Почему же люди стали есть людей? Людоедство, или каннибализм, возникло не по причине нехватки продуктов питания и не от заложеного в самом человеке дурного начала. И мы рады помочь науке понять причины людоедства.

Тому причиной оказался Егор Гаврилович.

Когда кхолги схватили его, они вовсе не имели желания с ним жарко обниматься. Этот человек отравил им и без того безрадостную жизнь. Кхолги хотели жить и нормально эволюционировать, честно исполнять свой долг перед грядущим. Они уже разрисовали стены пещер, чтобы археологи будущего не остались без работы. Они делали первые выкройки из звериных шкур, они уже подумывали о бритье, о приручении собак и лошадей. Они двигали прогресс.

А этот Человек-тигр, теперь, в своей грязной пижаме, больше похожий на Человека-гиену, отравил им жизнь.

И кхолги решили отомстить Егору Гавриловичу. Просто убить его даже им, примитивным людям каменного века, показалось слишком легким наказанием за его пакости. И кхолги решили съесть его, переварить и вернуть его матери-природе в том виде, какой был единственно достойным этого человека.

Нетрудно представить ощущение Бобылева, которому стало известно, что его съедят. И не как-нибудь там с приправами, с гарнирчиком, под стопочку, а просто так, сырым, как едят помидор.

Егор Гаврилович по суровым лицам кхолгов понял, что амнистии не будет. Люди племени горели жаждой мщения. Они вцепились в него, и его пижама расплзлась на клочки. Егор Гаврилович предстал перед племенем голым.

Гнусный же вид являл собой обнаженный Егор! Не имеющие никакого представления о гармонии и об изящном, кхолги все-таки поняли, что перед ними не самый лучший образец человеческой породы, хотя они и сами не являли образец совершенства. У него оказался большой живот, как у болотных людей, которых кхолги презирали, очень кривые и тонкие ноги, тряпочки мускул не говорили о его могуществе.

Ноги подкосились у Егора Гавриловича, он завопил без голоса:

— Караул! Милиция! Мама!

Но дикая, неприрученная планета ответила молчанием. Гуманное поколение людей, умеющих брать на поруки, еще не родилось. Никто не услышал голоса Бобылева.

Участь его была решена.

ГЛАВА 13

МОНЕТА ПУТАЕТ СЛЕД

Мы уже говорили, что, счастливый после удачной сделки, Монета, еще ничего не знавший об участии Бобылева, спешил к дверям квартиры начальника. На звонок Монеты дверь открыла совершенно растерянная от несчастья Агнесса Гарасимовна. По ее лицу он сразу понял, что произошло нечто страшное.

— Что случилось, Агнесса? — спросил встревоженный Монета.

— Приходили, — шепотом сообщила Агнесса, делая страшные глаза.

— Оттуда? — показывая глазами куда-то вверх и в сторону, также шепотом спросил Монета.

— Оттуда, — подтвердила Агнесса.

— Ну? — во рту Монеты почему-то пересохло.

— Не знаю. Ушел. Туда, — Агнесса указала пышной рукой на окно. Людовик посмотрел на эту руку, что-то соображая.

— Я сейчас, — сказал он все так же шепотом и сразу исчез за дверью.

Агнесса, помня наказ мужа, хотела забрать у Монеты деньги, а того и след простыл.

Но Людовик Аванесович не был тем типом негодяя, который пользуется несчастьем напарника, чтобы завладеть его долей. Он очень скоро вернулся, но уже в дымину пьяный, с порога потребовал коньяк и минеральную и вскоре воинственно кричал:

— Плевал я на них! Да облокотился я на них! Они еще не знают Монету! Монета никого не боится!

А потом долго и жарко целовал и тискал Агнессу, спутав, очевидно, ее с кем-нибудь другим, а может быть и не спутав.

Агнесса, выпив с ним на брудершафт для усыпления бдительности, выудила у него из кармана деньги, и теперь деловито спаивала шумного друга семьи. А когда Монета уснул на диване, поправила на себе халат, и унесла деньги в какой-то ведомый ей одной тайник. Потом с сожалением посмотрела на спящего Монету и сказала:

— Дурачок ты, Людовик...

Рано утром Монета поднялся совершенно разбитый и больной. Агнесса уже стояла перед ним в другом халате и со стопкой в руке:

— Опохмелись, Людовик Аванесович. Голова-то болит?

— Чего уж похмеляться, пойду я, — махнул рукой Монета, но стопку выпил.

Домой он добирался с великим трудом. Считая себя только соучастником махинаций, Людовик предпринял все же необходимые меры предосторожности, чтобы незаметно добраться до своей квартиры. Он поднял воротник плаща, а измятую за ночь шляпу надвинул на самые глаза.

Пробираясь по тротуару, настороженно осматривался по сторонам. Чтобы сбить с толку возможную слежку, Монета проехал на автобусе одну остановку, потом со встречным автобусом вернулся обратно. При этом устрашающе всматривался в лица пассажиров, стараясь узнать среди них возможного преследователя. Но спешащие на работу люди не обращали внимания на его взгляды.

Вернувшись на прежнюю остановку, он подошел к стоянке такси, где сиротливо стояла всего одна машина. Людовик забрался на заднее сиденье, а потом, кряхтя от головной боли, открыл дверцу на другую сторону и вылез из машины, чтобы уехать на другой. Но с такси в Калачевске было не густо, и он долго стоял у обочины, потом вынужден был вернуться к той же машине, снова сел, только теперь рядом с шофером. Водитель спросил участливо:

— Что, браток? С перебора?

Монета ничего не ответил и, чтобы сбить его с толку, попросил отвезти на Заалайский базар. А сам не вынимал руку из кармана плаща, крепко сжимал портсигар, давая этим понять шоферу, что он вооружен и очень опасен. Но тот вел машину спокойно, не обращая внимания на угрожающие действия пассажира. Людовик все время оглядывался через заднее стекло, чтобы вовремя заметить настигающую его машину. Но увидеть погоню не удавалось.

Около ворот Заалайского базара он вышел, взял сдачу и смешался с толпой.

Вначале Монета зашел в телефонную будку и внимательно осмотрелся. Ничего подозрительного пока не было. Он ходил по торговым рядам, приценивался к зеленому луку и помидорам, а сам настороженно прислушивался, присматривался.

Одна женщина с хозяйственной сумкой на руке и в стоптанных туфлях показала ему очень подозрительной, — по всем статьям агент уголовки, — и он стал петлять между рядами, заходил в магазины, а потом, резко повернувшись, выходил ей навстречу, чтобы она как-то выдала себя. Но ее лицо выражало только озабоченность в связи с предстоящими базарными покупками.

Крепкие у тебя нервы, но посмотрим кто кого, думал Монета и продолжал опасную игру. Он даже размял в кармане сигарету, чтобы швырнуть ей табак в глаза, когда она решит задержать его.

Женщина же, заметив фигуру Монеты, все время мелькавшую перед глазами, судорожно зажала в кулаке кошелек и ушла с базара, испуганно оглядываясь.

Покинул базар и Монета. Он шел в сторону памятника Жертве, иногда забегая в чужие подъезды и пережидая там. Заговаривал с прохожими, таинственно понизив голос, чтобы сбить с толку своих преследователей. Пусть они думают, что люди, отвечающие на вопросы, как пройти к памятнику, его сообщники, и пустятся по ложному следу. Табак в потной руке Монеты уже давно размок и слипся, но Монета не выбрасывал его, чувствуя себя с ним уверенней.

В одиннадцать часов Людовик Аванесович Монета зашел в автомат-закусочную, что напротив магазина спорттоваров, и, уютно расположившись за крайним столиком, почувствовал себя в относительной безопасности. Утомленный, он выпил с подшедшим «подстаканником» два стакана бормотухи, уплатив по три рубля за каждый, потом с аппетитом съел манты и салат из овощных отходов.

Почувствовав прилив новых сил для дальнейшей борьбы, Людовик Аванесович выбрался из закуской около часа дня. Он долго бродил по улицам, раздумывая, на чем же погорел Егор. Может, на институте? Монета лично всегда был против всяких отношений с учеными. Попомни меня, Егор Гаврилович, говорил он тогда своему шефу, пока мы не повязаны, развяжись с этими учеными, не про нас

это. Но не смог переубедить шефа, хотя все время твердил, что ученые «и сами спорят, и нам гореть вместе с ними».

А может, на хлопок? Но в это ему не верилось. Монета знал тех, кому отвозил деньги: это были всеильные люди, с которыми никто связаться не посмеет.

Только после полудня он решил идти домой. Постояв минут двадцать в подъезде и не заметив ничего подозрительного, Людовик поднялся, наконец, на свой этаж и, еще раз послушав тишину пустой лестницы, открыл дверь ключом и вошел в квартиру, где еще стоял запах густой от пребывания злополучного бычка.

Дома он переоделся в пижаму, стараясь успокоиться, и решил трезво обдумать положение. Измученный пережитыми волнениями, он незаметно уснул, но тревога не покидала его, и через два часа Монета проснулся.

Людовик Аванесович понимал, что от правосудия ему не уйти, что его обложили со всех сторон, что он зажат в железных тисках. И Людовик, решив, что так просто он не дастся, открыл ящик письменного стола. Достал несколько листов чистой бумаги. Авторучку. Стараясь сохранить спокойствие, опробовал, пишет ли она. А потом сел за стол и начал писать... черновик чистосердечного признания.

— Куда же девался Бобылев? — беспокоились изобретатель и лейтенант Нурматов, которые провели бессонную ночь у МВ.

Утром лейтенант ушел в отделение и вернулся совсем расстроенный.

— Что случилось? — спросил участливо Яша. Они за эту тревожную ночь так сдружились, что перешли на «ты». — Ты, Карим, чем-то расстроен?

— Вот это тебе, Яша. Купил по пути, — вместо ответа Карим выложил на стол сверток со столь необходимыми для Яши деталями.

Яша захлопотал, включил паяльник, приступил к монтажу. Но, взглянув на Нурматова, все отложил, потребовал:

— Ты определенно расстроен чем-то, рассказывай.

— Ладно. На, читай. — Лейтенант протянул своему новому другу бумажку, в которой значилось:

«...данное лейтенанту Нурматову К. задание задержать подлежащего задержанию гр. Бобылева Е. Г., который задания не выполнил по причине бегства которого, как указал который «в неизвестный век», которому объявляю строгий выговор, которого он безусловно заслуживает».

Этот блестящий по форме и содержанию документ был реакцией начальства на бегство гр. Бобылева. Оно, начальство, знает, как поступить в любом случае. Даже бегство с помощью МВ было для него делом обычным: убежал — виноватому строгача.

— Не расстраивайся, Карим. Через несколько часов мы вернем этого пройдоху, все уладится.

Яша занялся перепайкой схемы, а лейтенант сел за стол, раскрыл папку с бумагами и углубился в чтение.

— Вот тебе, Яша, еще документик, — через некоторое время сказал Карим и протянул ему лист бумаги. Это была производственная характеристика на тов. Бобылева Е. Г., в которой значилось: «... добросовестный... исключительно честный... трудолюбивый... преданный делу... человек, который всем друг, товарищ и брат».

Под характеристикой стояла размашистая подпись начальника управления. На недоуменный взгляд изобретателя, который явно не понимал, как можно преследовать такого кристального честного человека, лейтенант только засмеялся и махнул рукой:

— Эх, Яша! Мы требуем характеристики, но уже не верим им. Ты только посмотри. Состав преступления: дача взяток, махинации с хлопком, приписки. А по этой характеристике ему орден давать, а не срок.

Приступили к очередному сеансу. Яша все сокрушался, что первым человеком, запущенным Машинной Времени, оказался не лучший из людей. И теперь Яша должен был искать этого «исключительно честного и трудолюбивого».

— Знаешь, Карим, у меня есть идея. Мощности МВ не хватает, чтобы поднять над нуль-пространством «друга и товарища». Его забросило слишком далеко. Я хочу подействовать на его отрезок времени, в котором он сейчас, пучком энергии, отраженной от поверхности Марса. Вот расчеты, посмотри.

Карим в расчетах не понял ничего, но спорить не стал.

Яша принялся подготавливать МВ к пробному сеансу наведения луча на Марс. Этот пучок энергии должен был отразиться под углом от поверхности соседней планеты и попасть именно в тот век, куда угодил Егор Гаврилович. Яша заложил в Блок Приема Программ задание, зашифрованное на перфокарте. В ней содержалось указание гр. Бобылеву вернуться в исходное положение нуль-пространства. Все подготовив, Яша включил Машину на режим накопления энергии.

— Ничего, Карим, мы сейчас немного пошевелим твоего мелкого жулика и, если все пройдет удачно, то вторым сеансом вернем его, — успокаивал друга Яша.

— Был бы он мелким, — сокрушенно вздохнул Карим.

И вот приборы показали, что МВ готова к пробному сеансу, что энергия накоплена. Яша сел за пульт управления:

— Начинаю!

Резким движением он включил реостат, и Машина Времени отправила со световой скоростью в направлении далекой планеты мощный импульс энергии. Теперь осталось только ждать отраженный сигнал. Друзья молчали. Но вот загорелась красная лампочка генератора обратной связи, и на ленту стал записываться ответ. Лейтенант увидел, что лицо изобретателя удивленно вытянулось. Произошло что-то непредвиденное.

— Что это? — растерянно шептал Яша. — Это поступает не наш сигнал! Неужели его так изменило в пространстве?

Как только сигнал был полностью принят на ленту, Яша сел за расшифровку, и вдруг заорал:

— Это не искажение, Карим! Это нам отвечает Разум! Это ответили обитатели других миров!

А вскоре перед людьми Земли лежал полностью расшифрованный ответ Братьев по Разуму.

На Ваш вход. № 0432/ 32аг Наш исх. № 9426/ 001.

Настоящим сообщаем, что проверкой, произведенной в соответствии с поступившим запросом от 14.27.6784 марсианского года, установлено, что означенного в Вашем № 0432/ 32аг Бобылева Е. Г. на планете не обнаружено. Письменно подтвердите получение нашего № 9426/ 001 и сообщите Ваши реквизиты на предмет выставления Вам счета для оплаты за почтово-телеграфные расходы.

Директор марсианского

Бюро по туризму:

Главный бухгалтер:

(Ткрветтпролфксор)

(Ааакрррбдукпос)

Земляне с тоской смотрели на первую межпланетную телеграмму, от которой веяло знакомой земной канцелярщиной.

Микробы бюрократизма поразили и далеких Братьев по Разуму.

У Яши выступили слезы на глазах. Лейтенант отвернулся, он даже потерял интерес к поимке преступника.

Микробы бюрократизма, как считает Яша, разносились по планетам солнечной системы метеоритами и космической пылью.

ГЛАВА 14

ТАРАКАНЫ

Считая себя если не инженером человеческих душ, то хотя бы техником, автор так и не смог понять психологии жуликов. Откуда у них такая уверенность в своей полной безнаказанности? Неужели не знают, что всемоу на свете приходит конец? Разве уж так глуп народ, сказавший: «Сколько веревочке ни виться?»

Ан нет, крадут и тянут, воруют и жульничают, и при этом говорят очень правильные слова о честности, совести, о порядочности!

Возвращаясь к событиям в Калачевске, хотелось прибегнуть бы к образу крыс, бегущих с тонущего корабля. Но Калачевск испокон веков был сухопутным городом, а вот тараканы в нем водились. А что? Наши деды говорили, что из хаты, которая должна сгореть, уходят тараканы. Тараканы...

Монета дописал свое «Чистосердечное признание», а заодно набросал тезисы «Последнего слова», где опять уповал на общественность, которая возьмет его, Монету, на поруки. Закончив эти литературные опусы, он почувствовал себя в полной безопасности. Ему уже не нужно скрываться, не нужно бояться. Его творения служили гарантией, что дальше все уже обойдется.

Он смело вышел из дому. И тут же неподалеку встретил Олега Борисовича Бильялова.

Тот шел важный, степенный, и совсем не хотел узнавать Монету. Людовику Аванесовичу это показалось странным. Ведь они вместе проворачивали совсем неплохие дела.

— Что-то ты не узнаешь старикашку Монету, Олег Борисович! Что новенького в твоей лаборатории?

— Товарищ Монета, — прочувственно сказал директор Института кибернетики, — вы ошибаетесь. Во-первых, я с вами даже не знаком, и во-вторых, никаких

дел с вами не имел. — Монета вначале подумал, что Олег острит, но тот не шутил. Он продолжал абсолютно серьезно:

— И про лабораторию, где гонят самогон, о которой вы спрашиваете, я тоже ничего не знаю.

И, гордый, уверенный в безнаказанности, он важно прошествовал дальше, добавив:

— И вообще, я вас всех не знаю!

Монета долго в глубокой задумчивости смотрел ему вслед, а потом выкрикнул:

— А мне наплевать! Я уж чистосердечно письменно признался!

Первым почувствовал, что горит, Кеша Баобабник. Как только Бобылев исчез куда-то, он понял, что дело плохо. У Кешы всегда было обостренное чувство опасности. Быстро собрав имеющуюся в доме наличность и кое-что из вещейек малого габарита, но большой ценности, он направил свои стопы вон из сразу опыстлевшего Калачевска. При этом захватил с собой любовницу, оставив на произвол судьбы жену. Он спешил к утреннему поезду, когда ему повстречался еще ничего не подозревавший Бильялов.

Баобабник считался начальником Олега Борисовича, а отношение к начальству у него всегда было особенно теплое. Увидев Баобабника, Олег Борисович прижимал левую руку к груди, а правую еще издали тянул к ручке начальника. При этом его тумбообразная фигура почтительно сгибалась в поклоне.

И в этот раз он остался верен своим чувствам.

— Как ваше здоровьишко? — певуче спрашивал он. — Как настроение? Как деточки?

Но товарищ Баобабник, всегда такой корректный, повел себя крайне странно. Он резко сказал Бильялову: «Иди ты... Идиот!» Схватил какую-то девчонку за руку и рванул к вокзалу.

Олег Борисович долго смотрел ему вслед. А потом до него дошла странная фраза Монеты насчет чистосердечного признания. И тогда он начал кое-что соображать. И, вконец обеспокоенный, кинулся к Кляuzeвицу, хотя этого делать ему не следовало.

Заглянув в дом Кляuzeвица, он с ужасом увидел, что тот лежит, уже холодный, лицом в куче золотых монет и цепочек. А в углу комнаты сидят понятия...

Тараканы, чувствуя, что изба должна сгореть, бегут, каждый как может.

Бильялов после всех событий все-таки забрал из института документы и в тот же день устроился заведующим музеем. В полутемной комнатке музея в самодельных рамках висели репродукции из старых журналов, а в углу на отдельном столике стояла банка с заспиртованной лягушкой. Впрочем, спирт из банки был давно выпит и заменен водой.

В тот же день Бильялов встречал первого посетителя:

— Наш историко-художественный краеведческий музей призван развивать чувство прекрасного у людей как школьного, так и послешкольного возраста. Обратите сюда ваш взор...

Олег Борисович бы уверен, что надежно укрылся, что стеклянная банка с распотрошенной лягушкой — хороший щит, и был доволен собой.

Тараканы...

ГЛАВА 15

КРАХ

Людвик Аванесович Монета страшно разочаровался в человечестве после разговора с Бильяловым, а кроме того, он испытывал нечто похожее на угрызения совести. Ведь в своем рукописном труде он ничего не утаил из деяний шефа и всей его компании. Это походило на предательство, хотя он понимал, что Егор Гаврилович, если случится, тоже не пожалеет его, Монету. Людвик испытывал острое желание выпить.

Он вышел на главную улицу Калачевска. Дядя Сако удивился, увидев Монету, свободно разгуливающего по городу:

— Э, дарагой, ты еще на свободе?

— А где же мне быть? — храбрился Монета.

— Разве, дарагой, ты ничего не знаешь?

То, что услышал Монета от дяди Сако, привело его в ужас. Все было разрушено, исковеркано, сметено, как ураганом, носящим нежное женское имя Флора. Прикрыли лжеартель «Юный инвалид» и начали следствие. Рухнул горделивый Институт кибернетики, родственное артели предприятие. Ищут Кешу Баобабника,

ищут Бобылева, без почестей похоронили Клязуевича, забрали директора музея Бильялова. Не ищут только почему-то самого Монету.

— Я никому, никому не желаю зла, — пылко уверял дядя Сако, — но за мою работу надо платить, а этот паразит ни разу мне не платил. Обидно мне или нет, а?

Авторитетная комиссия из ученых, на этот раз настоящих, отказалась признать работу института хоть в какой-то степени научной.

— Вы еще пригласите нас проверять постановку научной работы в предбаннике! — оскорбленно говорили светила науки. Все рухнуло, все погибло. Людовик Аванесович застонал и, не дослушав дядю Сако, направился в заветный угол: «Пойду, выпью последний раз. Там уже не придется».

Людовик Аванесович никогда не ставил перед собой цели напиться до потери чувства гражданского равновесия. Он входил в заведение, настраивая себя только на один стакан хорошего вина. И точка. И ни-ни. Неторопливо, словно бы нехотя, брал за стакан, выпивал подчеркнуто равнодушно.

Но бес искушения прекрасно знал слабое место Монеты. И за первым стаканом следовал второй, да с чем-нибудь покрепче, а там и еще.

А сегодня его еще гложет обида. Почему всех ищут, и Егора, и Кешку, вон взяли Бильялова, и никто не ловит его, Монету, который даже раскаться успел?

Он, без обычного внутреннего сопротивления, выпил второй стакан и только без конца повторял: «За что обижаешь, начальник? Почему не ловишь Монету? Что я тебе такого сделал?»

Долго бродил Людовик по Калачевску от одного ресторана к другому, выжидая, как всегда, своего часа, чтобы идти звонить у двери Бобылевых. Себя он уверял, что просто не по-товарищески бросать в беде Агнессу в такие тяжелые минуты.

В это время через Калачевск газовики тянули нитку в Центр, и глубокая траншея пересекала весь город. Уже уложили трубы, облили их битумом, осталось только наутро засыпать траншею с помощью бульдозеров и заасфальтировать.

Монета, наткнувшись на траншею, долго и громко ругал городские власти за такую халатность. Ведь траншею не всякий перепрыгнет, а мостиков никто не догадался перекинуть.

Не найдя обходного пути, он решил перепрыгнуть траншею с разбегу. Не рассмотрев в наступающей темноте края, Монета рухнул прямо на трубу, больно ушибся, но успел обнять ее, чтобы удержаться и не свалиться дальше. Он пытался встать, но битум был горячим, не застыл, и пьяный Монета оказался наклеенным на газовую магистраль, как муха на клейкую бумагу. Трепыхался он недолго, улегся поудобнее и сладко уснул.

В кинотеатре закончился последний сеанс, и из распахнутых дверей повалил сонный народ: шла комедия. Народ молча растекался, даже не пытаясь обмениваться мнениями.

Те, кому траншея пересекала путь, добрым словом помянули монтажника, который на этот раз сообразил соорудить примитивный настильчик. Все-таки не по трубе балансировать. Мужчины галантно помогали пройти по этому настилу женщинам, которые и на земле с трудом сохраняли равновесие в туфлях на шпильках. Двое парней сумели даже перетащить по настилу мотоцикл.

Город опустел. Позже всех прошла бессонная тетя Паша, которая опять ходила в аптеку. Она нашла неподалеку камышовый мат и набросила его сверху на настил, чтобы еще удобнее пройти.

Утром могучие бульдозеры рьяно и весело накинлись на горы земли и стали засыпать газопровод. И обидчивый Монета навсегда исчез не только из Калачевска, но и с лика земли.

ГЛАВА 16

ЧЕЛОВЕК ИЗ ПРОШЛОГО

Напрасно все-таки ученые ворчали на лейтенанта Нурматова, который горячо убеждал их «только взглянуть» на изобретение Яши Антимирова. Но ведь и ученых можно понять. Их пригласили сюда дать оценку научной работе в солидном учреждении, а нашли они шайку прохвостов за солидной вывеской.

Недовольно ворча, они все-таки потянулись за молоденьким офицером милиции. То, что они увидели, сразу заставило их обо всем забыть.

Перед ними стояла настоящая, гениально задуманная Машина Времени. А в стороне, очень смущенный, не знающий, куда себя деть, стоял Яша и счищал с рук техническую грязь.

— Это вы создали машину? — уцепился за пуговицу Яшиной куртки один маленький, весь покрытый пухом академик.

— Нет, в соавторстве... Товарищи Клязузевиц... Баобабник... ну и другие, конечно, — бормотал Яша, не замечая гневных взглядов лейтенанта.

Другие светила тоже окружили Яшу, требовали пояснений. Яша вначале заикался, стеснялся своих стоптанных туфель и потертых брюк, но постепенно осмелел.

— Юноша! — кричал Яше пуховый академик с неожиданной энергией и страстью. — Вы умница, светлая голова! Но вы дурак. Как вы могли позволить жуликам и пройдохам так обманывать себя? Голубчик, вы должны включить ее.

Смотря, удивился лейтенант Нурматов, древний старик, а сразу раскурил Яшиных соавторов.

Яша впервые чувствовал себя хорошо. Волны любви к человечеству заливали его душу. Ему не нужно ни славы, ни денег. Его работу оценили, ему поверили. Но, сказал Яша, ему нужно продолжить работу. Один его соавтор бродит где-то в прошлом, и его надо вызволить.

— Так продолжайте эксперимент! — согласились академики.

Началась подготовка Машины к последнему сеансу. Видя, что бродяжничество Бобылева подходит к концу, лейтенант тут же позвонил капитану Шахиншахову. Капитан сказал, что выезжает.

Яша включил Экран Связи с Другими Веками. То, что увидели присутствующие, заставило всех испуганно замолчать. Среди толпы полуголых людей размахивал руками гражданин Бобылев. Двое диких кхолгов волокли его к месту казни.

— Что за черт! — возмутился лейтенант. — Даже там нарвался на меру пресечения! Там же не судили по таким статьям!

— Где преступник? — спросил стремительно вошедший капитан Шахиншахов, расстегивая кобуру. И пока Яша работал за пультом, лейтенант объяснял капитану, что такое «МВ—1» и вообще что здесь происходит.

Тот с откровенным недоверием слушал объяснения, подозрительно смотрел на Яшу, на ученых, и весь вид его говорил: «Не верю я в ваши фокусы. Не на того попали».

Но вот мощно и ровно загудели генераторы Машины Времени, таинственно замигали индикаторы. Стрелки приборов ошалело заметались по шкале. Яша орудовал у пульта, включая и переключая разные ручки и кнопки. В Машине что-то щелкало, хлюпало, урчало.

— Энергия икс-генератора направлена в нуль-пространство, — восторженным шепотом объяснял своему начальнику лейтенант.

Капитан на всякий случай отошел в сторону.

А потом все смолкло. В МВ что-то изменилось. Начали гаснуть один за другим индикаторы, стрелки безвольно падали к нулевым отметкам. И только одна зеленая лампочка разгоралась все ярче. Капитан в нетерпении шагнул к дверце с надписью «Возврат», но Яша попросил его чуточку повременить.

Через некоторое время по знаку Яши открыли дверцу. Прошли ровно сутки калачевского времени, как исчез Бобылев. Но за эти сутки он прожил много дней в прошлом; это был эффект Эйнштейна.

Жалкий, весь в поту, со смертельной тоской в глазах, предстал перед присутствующими Егор Гаврилович. Он плакал от радости, увидев своих современников:

— Граждане! Товарищи! Я больше не буду! Только не отправляйте меня туда.

— Не отправим, ты нам здесь нужнее, — сурово проговорил капитан Шахиншахов. — Ты нам очень нужен.

Все дальнейшее — судьба Яши после разговора с учеными, встречи Егора Гавриловича со следователями и со своими высокими покровителями — уже не представляет интереса для нашего терпеливого читателя. Чудес уже больше не будет. А остальное читатель и сам в состоянии додумать.

Ташкент
1967—1988 гг.

Сахиб Джамал

Лучистая капля дождя

Ты в дар принеси мне
лучистую каплю дождя.
Я розою стану живой
для тебя, для тебя.
Под каплею влаги
раскрою свои лепестки,
и шелка нежнее
они обласкают тебя.
Что просят у неба
все люди? Лишь каплю одну,
лишь капельку счастья...
И мы ее просим, и мы...

Поверь

Поверь, я юный странник из Багдада.
(Ты по восточным сказкам
знаешь этот город).
И вот, живой, я говорю с тобой.
С незрелых лет искал тебя повсюду —
тебя, чье сердце ласковой цветка.
О, что за путь я одолел к тебе!
О, сколько стужи за моей спиной!
Как ветры яростно терзали дождь!
Но в сторону я не свернул и буду
всегда идти по своему пути.
Когда дорога приведет к порогу,
не ведает никто: ни бог, ни ты, ни я.
Судьба моя, как и у всех скитальцев,
всегда, безостановочно в пути.
Но я еще не утомлен, поверь:
в ногах есть сила,
а в груди — любовь.

Пусть голова бела, как русский снег,
но солнце растопить меня бессильно.
Пока люблю,
я не травой подножной
живу на этом свете беззащитно,
а, словно дуб могучий, укрываю
от зноя путников своей листвою.
Рок-лесоруб меня не свалит, нет,
пока я полон до краев тобою.
И вьюгам ни с пути меня не сбить,
ни погасить огня моей любви.
Она чиста, как поцелуй бойца,
коснувшегося знамени губами.

* * *

Она была, как нежный лотос,
была, как радуга и хмель.
Две изумрудины в глазницах
бесценны были для меня.
Я, одурманенный, молился
на лик ее... Такой молитвой
мечеть наполнена, когда
магометанин пред Мехрабом
святейшим преклонит колени.
Безумец, от нее, увы,
я оторваться был не в силах
и верил в то, что нам одна,
как голубкам, нужна лишь ветка.
Но вдруг — злословие, обман
и тьма в любимых изумрудах!
Растоптаны надежд фиалки,
и в слезы превратилась кровь...
Но веры я не потерял,
и вы любите жизнь со мною
и сейте семена добра,
чтобы взошли тюльпаны счастья!

Песня

Виночерпий, наполни бокал мой
и дай мне забыться немного.
Голова серебрится,
словно снег на вершине высокой горы,
но осой жалит грудь мне любовь.
Спой мне, милая,
голос твой слышать хочу,
спой, меня успокой,
пусть вернет твоя песня
те счастливые дни,
когда караван по пустыне
рассыпал мерный звон колокольцев
на заре средь барханов.
Спой мне, добрая,
сладостным сном успокой.

Мне так хочется вспомнить
голос матери над колыбелью моей.
Спой о верности сердца.
Спой мне жарко и громко,
чтобы песня твоя
вой ветров заглушила
и выкрики тех,
что привыкли бездумно плясать
под словесный «там-там».

* * *

Тот погост — возле дома милой.
Что в ночи приманило меня?
Я бродил от могилы к могиле,
на надгробьях читал имена.

Слышу — голос под лунным окном:
«Свою боль одолеешь сам.
Возвратись к недописанным строкам.
Труд, Сахиб, — твой лучший бальзам».

Перевод с арабского Аллы Тер-Акопян.

Мухаммад Юсуф

Двадцатый век

Фархады с видео не сводят взоров тусклых.
Ширин дворовая хватается за нож.
Кому сквозь горный кряж торить речное русло?..
Двадцатый век, зачем ты сердце жжешь?

Прогноз погоды лжив. Весна не наступает.
За зимней стужей вновь листвы осенней дрожь.
Свинцом и порохом планета набухает...
Двадцатый век, зачем ты сердце жжешь?

Газетные листы — как свежие могилы.
Счет пыток и убийств попробуй подытожь.
Не сосчитать ракет крылатых и бескрылых...
Двадцатый век, зачем ты сердце жжешь?

Что ж, молодость свою живу и проживаю.
Устроюсь как-нибудь, мешая с правдой ложь.
Но — дочка... Годик ей. Веселая, живая.
Ручонкой машет мне, и я в ответ киваю...
Мир — миру!.. Страшный век, зачем ты сердце жжешь?

Отан-бобо

Девять внучек выдал замуж старик Отан,
Повторяя одно:
«Мужу будь верна, сердцем будь чиста.
Помни: если мужа обманешь ты,
То в глазах народа изменницей станешь ты.
Значит, мать свою никогда не любила ты.
Значит, честь отца своего посрамила ты.
Значит, старость Отана-бобо осквернила ты...»

Значит, Родине изменила ты».

Вопрос

Да, ты прав, мой друг, нужно жить.
Нужно в землю бросать семена...
Виноградник от стужи укрыть...
Что же с атомом делать нам?

Книги надо писать. Строить дом...
Свадьбы нужно играть — весна!..
Сердце вылечить — бьется с трудом...
Что же с атомом делать нам?

На шипане игры детей,
Словно в бубен, бьют в таз без дна...
Летчик думает о высоте...
Что же с атомом делать нам?

Реставрируем минарет,
В юном блеске встает старина...
И хирург побеждает смерть...
Что же с атомом делать нам?

Мать-Земля, ты у нас одна.
По небесным бредешь ты кругам...
Что же с атомом делать нам?
Что же с атомом делать нам?

* * *

Кого ты любишь?
Ту девушку-сердцеедку, манящую, как магнит?
Или своего ребенка, который сейчас в колыбели спит?
Оторвать не можешь взгляда от колыбели.
Мысли твои к девушке той прикипели...
Здравствуй!
Кто-то входит и дверь за собой затворяет.
Наклонившись над люлькой, сына твоего пеленает.
Душу, позабывшую дом свой, умиряет.
Кого ты любишь?

Рисунок

С плеч уставших дневные заботы скользят.
С натруженных плеч одеяла скользят.
Спят мужчина и женщина, крепко спят.
Между ними стоит колыбель.

Над землей звучит петушиный баят.¹
На любимца в люльке — ласковый взгляд.
Завтракать садятся отец и мать.
Между ними стоит колыбель.

¹ Баят — восточная классическая мелодия.

Слышен тракторов отдаленный гуд.
Начинайся, день! Начинайся, труд!
И мужчина с женщиной в поле идут,
На плечах несут колыбель.

Марухский перевал

В 1962 году в ледниках Марухского перевала пастух-черкес Муродин Кучкаров обнаружил трупы советских солдат семнадцати национальностей, среди них — тело воина-узбека С. Мухиддинова.

Взвод
Вмерз в лед.
Пулю встретив грудью,
Боец погиб
Там, где белизна
Ледниковых глыб.
Через двадцать лет,
Через двадцать бездн
Здесь нашел его тело
Пастух-черкес.
Схоронил солдата
Седой Кавказ.
Был узбеком боец,
Был он черноглаз.
Его имя —
Саттар?
Садык?
Сатвалды?
Кто ответит?
Молчат вековые льды.
Кто узнает?
Пустынен простор небес.
Здесь нашел его тело
Пастух-черкес.
Чьим любимым сыном
Был тот боец?
Чьим он братом был?
Кто его отец?
Кто он —
Тот, кто в гордые горы врос?
Чтоб оплакать его,
Вам не хватит слез.
Слез не хватит у девушки,
Что была,

Как душа, верна,
Словно день, светла.
Он ушел в огонь.
Превратился в лед.
Сорок лет любимая
Слезы льет.
Здесь беззвучна скорбь.
Тишина окрест.
Здесь нашел его тело
Пастух-черкес.
Кто сиянье солнца
Забыл, незряч,
Потому что глаза ему
Выжег плач,
Пусть придет сюда,
Где камень и лед,
Пусть над братской могилой
Прозренья ждет.
Здесь жестокой памяти
Замкнут круг.
Здесь нашел тела их
Черкес-пастух...

Гордецы,
Не умеющие молчать,
Что с трибун вещают:
«Родина — Мать!» —
Кто Отчизне сын,
Знает лишь она.
Чьей кровью
Жизнь ваша спасена.
Там, где горы вонзаются
В грудь небес,
Встретил вашу совесть
Пастух-черкес.

Знаменитость

Не слушает сын своих стариков.
Расстроен отец. И мать растерянна.
Под навесом фыркает рыжий конь,
В силе своей уверенный.

Руки, сжимая уздечку, дрожат.
Старость — и молодость непреклонная.
— Надо ли в этом году уезжать?
Успеешь выучиться, ягненок.

Ликует упрямый джигит на коне:
— Никаких отсрочек не надо!
Нет! Ученье — разума свет.
Пусть волки пасут ваше стадо.

Умчался. Овечий загон — за спиной.
Впереди — дорога дальняя, белая.
Мечтал: приеду в город большой,
Там знаменитым сделаюсь.

Кишлак все тот же. А годы летят.
За стадом — старик ворчливый и сгорбленный.
Сын у него был, говорят...
Сын его — знаменитость в городе.

Перевод с узбекского Василия Лебова.

Михаил Сычев

Соловьиное забытье

Задремали цветастые склоны,
Как косынки девчат, ярки.
Соловьиного пения волны
Накатились из-за реки.

Не лепечут тревожно осины
Над оврагами вразнобой.
Из-за дебрей цветущей калины
Простонал в тиши козодой.

Облаков невесомые ленты
К колдовским письменам теней
Приплетает луна незаметно
Озорною рукой своей.

И над всем — соловьиная «Славься»
И черемуховый настой...
Счастлив тот, кто хоть раз причащался
Этой девственной чистотой.

После метели

Улеглась, наплясавшись, метелица,
И не верится никому,
Что всю ночь бесновалась и пенилась,
Снежной тьмы моря кутерьму.

Снег сугробами сзади и спереди —
Невесомые пуховики.
Будто сказочные гуси-лебеди
Прилетели с молочной реки.

Поразвесила призмочки изморозь
На деревья, кусты и дома,
Чтобы все заиграло, заискрилось,
Чтобы людям смеялась зима.

Веки свет колет звонкими иглами,
Снег горит синевою изнутри,
Распевают вздох над рябинами
Красногрудой зарей снегири.

Задохнешься от сладкого привкуса
Солнца в воздухе, мятного льда,
И на мир смотришь прямо, не искося:
Настроенье зимой — хоть куда!

Малиновка

Поселок на горе — Малиновка,
Шахтерский милый городок.
Он — явь весенняя, не выдумка,
Таежной сказки уголок.

Пусть воздух пахнет не малиною,
А свежей стружкой и смолой,
Деревню вижу я старинную
По-над поющей Кондомой.

Здесь по горам в тиши оливковой
Кругом малинники цвели —
Наверно, потому Малиновкой
Деревню люди нарекли.

Возможно, пели тут малиновки
Задорно, как и ты поешь.
Под переборы звонкой ливенки...
Сердца охватывала дрожь.

А по утрам над дымкой зыбкою —
Электровозные гудки.
Спешат в забой на Аллардинскую
Былинной силы горняки.

. . .

В золотом и духмяном пару
Закурилась, проснувшись, земля.
За грачами спешу поутру
Из осинников я на поля.

Брызжет дымчато зелень в глаза —
Платье ласковой доброй земли,
Льются в сердце мое голоса,
Что с весною за город пришли.

Обостренный тревогою слух
Ловит звуки в зыбучей тиши.
Я вдыхаю земли сладкий дух
И чему-то смеюсь от души.

Вербы в легком дыму. Сизый цвет.
Так и тянет в овраг заглянуть.
Чтоб душистый пьянящий рассвет
Из ладошек саранок хлебнуть.

Ты можешь быть только Россией

Гляжу в глаза твои синие,
Любуюсь косою тугой...
Ты можешь быть только Россией
Сторонкой моей дорогой.

Наверно, есть страны красивее.
Где своды небес веселей.
Ты можешь быть только Россией,
Что всяких экзотик милей.

Я рос с говорливой осиною,
В краю белокурых берез...
Ты можешь быть только Россией,
Суровой и доброй до слез.

Семигорье

Дорогое мое семигорье —
Болхов, милый душе городок.
Над холмистым душистым раздольем
Поднебесья сияет платок.

Петли, заводи тихие Нугря
И Болховки шнурок голубой,
Где мы плыли со скоростью угря
Босоногой веселой гурьбой.

Моей памятью свято хранится
Ласка добрая вешних лучей,
На медовом сиропе водица,
Что из болховских звонких ключей.

Как невесты, черемухи в белом,
Кипень яблонь — пушинками снег...
Мое сердце к тебе прикипело,
Семигорье родное, навек.

Эркин Юсупов,
член-корреспондент АН СССР

ЧТОБЫ ВЗЛЕТЕТЬ, ПТИЦА ДОЛЖНА СТАТЬ ГОРДОЙ

Идея написания этой статьи родилась сразу же, после очередного Пленума ЦК Компартии Узбекистана, где первый секретарь Р. Нишанов говорил о том, что, несмотря на определенные сдвиги в решении задач перестройки, многие показатели экономического и социального развития республики за последние годы продолжают оставаться неутешительными, о том, что не улучшается экологическая обстановка, что растет количество заболеваний и не снижается детская смертность, не улучшаются условия жизни народа, нет заметных успехов в развитии здравоохранения, народного образования и так далее.

Размышляя над приведенными докладчиком цифрами и фактами, я мучительно искал ответ на вопрос: что же происходит в республике, которую еще совсем недавно называли «маяком социализма на Востоке», а ее труженики являли пример трудового героизма, пример верности идее дружбы, принципам интернационализма и советского патриотизма? Что произошло с народом, который всегда отличался необычайной честностью, порядочностью, трудолюбием?

Видимо, такой вопрос мучает не только меня, нас, он возникает и у прогрессивных политических деятелей стран Азии и Африки, стран, которые старались следовать нашему примеру, изучали накопленный нами уникальный опыт перехода к социализму, минуя капиталистические отношения.

Благодаря помощи Центрального Комитета КПСС, Советского правительства в деле решения задач перестройки и ускорения социально-экономического и духовного развития в республике делается сегодня немало. Но, как мне думается, в процессе решения комплекса вопросов по-прежнему без должного внимания остается тот, кто больше всего и прежде всего практически осуществляет все решения. Человек. Труженик. Реальный, сегодняшний человек. А он ведь совсем другой, чем был вчера.

И сегодня еще многим кажется, что стоит лишь изменить формы и методы управления, как все само собой придет в движение, закрутится, заработает, а народ всей массой двинется за новым руководителем, бросившим новые лозунги и предложившим новые проекты. Так было раньше, так было всегда. Наши люди безгранично верили своим руководителям, почитали эту веру честью для себя, поддерживали своих лидеров безоглядно, подражали им. Традиция восхваления первых руководителей не исчезла с разоблачением культа личности Сталина, в центре и на местах появлялись новые фигуры, чьи имена и дела возносились до небес, авторитет раздувался бесчисленными орденами и званиями.

В результате многочисленных публикаций, раскрывающих «белые пятна» истории, негативные явления прошлого, во всей своей непристойной наготе предстают многие бывшие руководители самого высокого ранга. Вскрываются ужасные, граничащие с дикостью факты нарушения, искажения принципов социалистической законности, социальной справедливости, ущемления прав советских граждан.

Широко развернувшаяся в стране политика гласности, честности, бескомпромиссности в оценке фактов прошлого не может не радовать, не вдохновлять. Но одновременно вскрытие фактов, их оценка с позиции исторической правды не могли не повлиять на сознание людей, которые искренне в течение многих десятилетий верили своим лидерам, считали их преданными ленинцами, защитниками народа и его интересов. Что происходит сегодня в душах этих людей? Их прожигает боль и стыд, боль за

свое отечество, стыд за его руководителей и за самих себя, обманутых в своих лучших чувствах, униженных многолетней ложью до положения «стада», разочарованных и опустошенных прошлым и оттого растерянных перед настоящим.

Этого душевного настроя нельзя уловить из газетных строк, в теле- и радиопередачах, об этом мало говорят и, похоже, этим мало кто интересуется. Такое настроение можно почувствовать лишь в очень близком, открытом разговоре с рабочими, колхозниками, интеллигенцией. Только в беседе «по душам» можно понять, насколько важно, насколько необходимо сегодня возродить в людях оптимизм, уверенность в завтрашнем дне перестройки и на этой основе пробудить их гражданскую активность.

Особенно остро эта необходимость ощущается в Узбекистане, трудолюбивый народ которого обижен, оскорблен, ограблен прежними руководителями и несет на себе вину за грехи и преступления «лучших» своих представителей. Народ, который не разгибая спины трудился на полях без выходных, праздников и отпусков, сегодня стыдливо прячет глаза. Из-за безудержной страсти вырождков человеческого общества к красивой жизни за счет народного труда республика понесла огромные морально-нравственные потери. За что страдает сегодня народ? Ведь он никого не грабил, не приписывал, а честным трудом зарабатывал себе право на выживание в условиях жесточайшей девальвации самих понятий о честности, справедливости, гражданственности.

Не лучшую услугу населению республики оказывает и неограниченно критический тон отдельных корреспонденций в печати, касающихся Узбекистана. Появились даже такие термины, как «узбекское дело», «узбекская мафия» и т. д. Промахи, допущенные в результате несовершенства экономических отношений, бесхозяйственности, преступления высокопоставленных лиц черной тенью продолжают ложиться на всех трудящихся республики.

Справедливости ради надо сказать, что негативные явления в Узбекистане есть прежде всего следствие ошибок и упущений в масштабах всей страны, ошибок, которые ввергли страну в предкризисное состояние.

Применение термина «узбекское дело» несправедливо хотя бы и потому, что республика многонациональна.

Неправильно, на мой взгляд, оценена в прессе добрая традиция народа — широко открыть дверь пришедшему человеку, приветить и накормить его. О гостеприимстве узбеков даже слагались легенды. И вот в газетах появляются такие слова: «узбекский дастархан стал предметом лести, подхалимства, угодничества, подкупа». И в этом я усматриваю тоже оскорбление народа. Другое дело, что добрую традицию осквернили, используя ее для достижения своих корыстных целей. К слову, такие люди были и есть не только в Ташкенте, а и в Москве, и в Новосибирске, и в Риге... Но при этом не надо забывать о том, что тень на традицию бросили именно те, кто чаще всего ею пользовался, сыто выражая свой восторг от оказанного им приема.

В целом, судя по многочисленным публикациям об Узбекистане в самых разнообразных изданиях, может сложиться впечатление, что среди журналистов объявлен конкурс на самый сенсационный материал. Думается, что пресса должна ставить своей целью не только разоблачение, но и помнить о национальном достоинстве, о самочувствии народа, который больше всего пострадал от содеянных преступлений. Это чрезвычайно важно! Из униженного человека никогда не выйдет творца, не получится поборника перестройки. Горький сказал, что для того, чтобы птица взлетела, она должна стать гордой. И это правильно.

В газете «Известия» (28 июля 1987 г.) была опубликована статья «Преодолевая иждивенчество», где читаем: «И считалось, что если выполнены задания по основной культуре, область должна быть обеспечена всем необходимым за счет других регионов страны». Это называлось иждивенчеством. А писалось о Хорезме, где хлопковость полей достигала 90 процентов. Да и по всей республике монокультура заняла более 80 процентов всех посевных площадей. Хлопковое поле настолько примкнуло к жилищам колхозников, рабочих совхозов, что практически негде держать домашний скот или птицу. Под садами занято всего два процента площадей. Условия для развития животноводства ограничены, ситуация с продовольствием напряжена до предела. И все это не проявление иждивенчества, а результат узкой специализации региона, согласно которой Узбекистан был признан лучше всего приспособленным для выращивания хлопчатника.

Далее автор пишет: «Траты на нужды региона должны быть пропорциональны создаваемому экономическому эффекту». С такой идеей я вполне согласен, она целиком соответствует принципу социалистической справедливости. Но для этого нужно применить и новые критерии определения вклада республик в экономику страны.

В условиях единой экономической жизни всех республик, их специализации и размещения производительных сил трудно точно определить конкретный вклад каждой. Ведь зачастую сырье производится в одном регионе, а конечная продукция — в другом. Попробуй установить, какую долю внесли в прибыль, полученную на завершающем этапе производства, те, кто производил сырье, или тот, кто стоял у станка.

Более 90 процентов хлопка, получаемого в республике, вывозится за ее пределы. Участие же республики в создании конечной продукции из хлопка экономически не фиксируется, что, разумеется, влияет на формирование ее национального дохода, вернее, никак не влияет.

Настало время серьезных размышлений о путях развития хлопководства в стране. Если хлопок — доходная культура, тогда надо конкретно определить долю хлопкосеющих республик в формировании этой прибыли. Если хлопок убыточен, надо сократить посевы, перейти к научно-обоснованным севооборотам, сосредоточиться на производстве продовольственных культур и развитии животноводства.

Почти такая же картина с шелковичными коконами, каракулем. Кроме того, продукция ряда крупных, оснащенных новейшей техникой и технологией предприятий, расположенных в республике, но подчиняющихся союзным министерствам, также не учитывается при определении объема национального дохода. Не учитываются и реальные доходы, получаемые в результате освоения и разработки богатых подземных недр Узбекистана. Все это не дает возможности получить точное представление о вкладе Узбекистана в экономическое развитие страны.

В последнее время статистика начала указывать суммы дотаций из общесоюзного фонда, которыми также подкрепляются представления у жителей других регионов страны об иждивенческих тенденциях среднеазиатских республик. Впечатление усиливается другой информацией, просачивающейся в печати. «Правда» за 6 февраля этого года писала, что в Узбекистане, в его общественном производстве принимает участие лишь 32,9 процента трудоспособного населения. Однако никто не учитывает, что 80 процентов невовлеченного в общественное производство населения составляют женщины, имеющие малолетних детей, многодетные матери, которых в республике около семисот тысяч. Они занимаются важнейшим делом — воспитанием детей. К тому же, эти самые «незанятые» производят ежегодно общественного продукта на сумму 2,5 миллиарда рублей, что составляет почти четверть создаваемого в республике валового продукта.

Еще один факт искажения информации. В прессе много раз писали о том, что в результате приписок в хлопководстве республика нанесла ущерб стране в сумме более четырех миллиардов рублей, и эти деньги осели в Узбекистане. Не помешало бы перед тем, как сообщать такие сведения, подумать о том, что на текстильные фабрики за пределы республики шли не только пустые вагоны, без хлопкового волокна, но и деньги, которыми покрывалось несуществующее сырье. Но еще никто не написал о том, что часть разворованной суммы осела за пределами республики, на текстильных предприятиях страны. Преступник не только тот, кто дает взятки, но и тот, кто их берет.

У многих бытует убеждение, что узбекистанцы запутались в сети негативных явлений и ничего опровергнуть не смогут, потому публикуются порой непроверенные факты. Так, в газете «Правда» за 19 октября 1987 года «кавалер многих орденов» А. Ким, автор статьи, обвиняет Среднечирчикский райком КП Узбекистана во многих грехах. Проверка показала, что приведенные в статье факты являются вымыслом, а орденосного Кима в районе вообще не оказалось.

Читаешь иногда в прессе о пленумах, сессиях, совещаниях и думаешь: в зале сидят одни недалёковидные, бестолковые люди, не понимающие смысла и значения перестройки, и лишь один среди всех все понимает, один умный, принципиальный человек — корреспондент. Не в обиду будет сказано, корреспонденты позволяют порой себе лишнее. В любом случае нужно отдавать ясный отчет в том, какой будет социальный полезный резонанс публикуемого материала.

В определенном смысле прессу заразила болезнь негативомании. Все везде и во всем начали искать только дурное, вредное, негативное, стараясь при этом создать очередную сенсацию. Остаются в тени первые ласточки перестройки, упорядочения наших дел, укрепления социалистических завоеваний. Негативомания стала настолько модной, что одни и те же факты на страницах печати появлялись несколько раз, сдобренные разными соусами. Сенсацию можно сделать и на основе глубокого честного анализа позитивных моментов нашей истории и современности. Ведь мы не только ошибались, за нашими плечами тоже есть большие дела. Вспомним хотя бы строительство Большого Ферганского канала!

Ведь пресса — не только информационный орган, она оказывает огромное идейно-воспитательное значение. Ее публикации сильно влияют на сознание, настроение людей, формируют общественное мнение. Неумение (или нежелание) видеть позитивные стороны жизни может ослабить веру людей, пошатнуть их интерес к решению важнейших задач, которые поставлены перед страной. Пресса не только должна встряхивать, отрезвлять людей, но и вдохновлять их, усиливать их убежденность и оптимизм. Доверчивость, непосредственность, искренность — определяющие качества советских людей, и не следует злоупотреблять этими качествами.

Силу воздействия прессы на общественное сознание и настроение масс я еще раз почувствовал после появления статьи Чингиза Айтматова «Перестройка, гласность —

древо выживания» в «Правде» от 13 февраля 1988 года. В Узбекистане не было человека, который бы без волнения читал эту статью. Номер газеты невозможно было достать, он переходил из рук в руки, содержание статьи передавали из уст в уста. Чем же Айтматов так взволновал нас? Именно тем, что правдиво отделил кропотливый честный труд земледельцев республики от мошеннических действий кучки проходимцев, которые не нуждались в помощи и поддержке народа, имея высокопоставленных покровителей в республике и за ее пределами. Я лично еще раз убедился, что для того, чтобы поднять людей из униженного состояния, необходимо доброе, правдивое слово о самом народе, который не в силах был повлиять на размах преступлений. Вероятно, статья Айтматова вдохновила людей больше, чем сотни призывов и разоблачающих публикаций.

Я знаю, что сотни ученых, писателей, которые посещали нашу республику в течение многих десятилетий, знали чистосердечную натуру нашего народа, вдохновенно писали о нем, рассказывали с высоких трибун. Но в трудные для нас годы борьбы с негативными явлениями они не нашли в себе смелости сказать доброе слово о народе, отделить его от преступников, подобных которым можно было бы найти в любом другом регионе страны. Однако многие из тех, что были прежде частыми гостями у нас, не пожелали теперь даже приехать в республику, боясь, быть может, чем-то себя запятнать. Интернационализм, искренность, сердечность чувств подтверждаются не красивыми словами во время праздничных торжеств, но конкретными делами...

В сложных условиях перестройки и обновления на общественное сознание, настроение людей имеет большое влияние правильное осуществление кадровой политики, решительное освобождение от перерожденцев, злоупотребляющих своим положением, бросающих тень на социалистическое общество, на идеалы справедливости и гуманизма, а также видение на руководящие посты талантливых, скромных организаторов из самой гущи трудящихся, решительное разоблачение каждой формы конъюнктуры, волонтаризма, особенно — протекционизма. Крайне опасной является превращение перестановки кадров в так называемую перетряску.

Кадры — организаторы, воспитатели масс, проводники идей партии. Для работы с умом и умением кадрам нужны постоянная забота, помощь. Сейчас во многих сферах кадровой политики нередко преобладают жесткие требования над конкретной помощью, поддержкой. В результате частой смены кадров теряются их авторитет и влияние в коллективе. Когда у руководителя нет авторитета, то он не может быть вожаком масс, вести за собой людей. Какое положение сложилось за последние годы в Узбекистане? Замена кадров происходила настолько быстро, что даже в течение года трудно было определить, кто, где и кем работает. Это была игра с кадрами, а не их научно-обоснованная расстановка и воспитание. В кадровой политике жесткость граничила с жестокостью, происходило взвинчивание гаек до последней возможности, терпеливая идейно-воспитательная работа заменялась администрированием. Все это угнетающе действовало не только на сами кадры, но и на массы.

Нередко новые кадры выдвигали без глубокого учета их качеств, компетентности, профессиональной и идейно-политической зрелости. Имело место немало случаев, когда руководители старались протаскать на высокую должность своего преданного человека.

Особенно характерным в этом отношении явилось назначение Р.Абдуллаевой секретарем ЦК КП республики, которая в течение своей длительной работы в различных организациях никогда не отличалась высокими деловыми, политическими и человеческими качествами.

Вероятно, ее кандидатура была нужна кому-то для достижения своих целей. Корни протекции здесь уходили за пределы республики, и поэтому, чувствуя незыблемую поддержку, она действовала нагло, без оглядки осуществляя все свои неблагоприятные цели и намерения, осуществляла от имени директивных органов, от имени Бюро ЦК КП Узбекистана. Неумелые, неуместные, порою неуравновешенные действия Р. Абдуллаевой вызывали у народа и смех и боль. Она не только не улучшила, а наоборот, ухудшила идеологическую обстановку в республике. Собрав вокруг себя целый комплект послушных исполнителей своей воли, она пыталась с их помощью командными методами добиться в идеологии и культуре того, чего обычно добиваются вдумчивой, терпеливой, целеустремленной работой. Эффект получился обратный.

Интересен сам процесс ее перерождения. Она начала с малого — с нападок на национальные традиции, обычаи, язык, культуру, историю. Ее нужно было одернуть с самого начала, но этого не случилось. Начался период восхваления ее действий, что еще больше вызывало недовольство людей. Ее непродуманные, порою граничащие с авантюризмом начинания выдавались за смелую и решительную перестройку, за проявление принципиальности и бескомпромиссности, действия по ущемлению роли узбекского языка, принижению роли прогрессивных традиций и обрядов, стремление к реформе узбекской графики — за выражение подлинного интернационализма и

патриотизма. Всюду она стремилась внедрить свои кадры. Она проводила необоснованно жесткую политику в отношении к кадрам национальной интеллигенции, травила их и организовывала преследования, которые порою граничили с издевательством. Так, в тот же день, когда партийная комиссия при ЦК КПСС восстановила в партии народного архитектора СССР, лауреата Государственной премии СССР С. Р. Адылова, она в местной печати организовала статью, где этот талантливый зодчий еще раз обличался грязью. Журнал «Шарк юлдузи» она обвиняла в том, что на его страницах появлялись такие термины, как бешик (колыбель), сумак (часть колыбели), гушанга (занавес, за которым сидела невестка), рух (дух), имом (религиозный деятель), домла (мулла), дорилфунун (университет). Все это она считала пропагандой мусульманской религии. Дело дошло до того, что Р. Абдуллаева заставляла вычеркивать из художественных и научных книг, даже из произведений классиков мировой литературы слово «бог». Так она хотела «ускорить преодоление пережитков религии в сознании и в быту людей».

Под видом борьбы с негативными явлениями она отстранила от дела многих талантливых представителей национальной интеллигенции. Я не могу понять причину того, почему один из лучших организаторов полиграфического дела в Узбекистане кандидат наук Ш. Шагулямов до сих пор работает мастером в профтехучилище. Кадровая политика Абдуллаевой и ее покровителей несколько напоминала опыт «культурной революции», проведенной в соседней с нами стране, последствия которой широко известны. Никогда еще ни один высокопоставленный руководитель при жизни не пользовался в республике таким презрением народа, как Абдуллаева. Но даже в такой ситуации делался вид, что ничего не происходит. Все это также озлобляло людей, ослабляло их веру в торжество правды и справедливости. Король оказался голым, но этого не хотели замечать. Человек, которого хотели выдавать за последовательного борца против взяточничества, сам оказался взяточником. Имели место факты нарушения ленинских принципов уважительного отношения к национальной культуре, языку, прогрессивным обычаям и традициям. Принимались меры для ограничения издания научной и художественной литературы на узбекском языке, оскорблялись чувства и достоинство людей, которые носили национальную одежду. Пригодились и вредные пролеткультовские идеи в оценке культурного наследия прошлого, вульгарно социологический подход в понимании сущности исторических событий, в анализе деятельности, художественного и идейного наследия многих ученых, поэтов, мыслителей прошлого, запрещалось проведение существовавшего тысячелетиями праздника навруз, приготовление весенней пищи — сумалак. Были стремления без учета общественного мнения и духовных потребностей вводить новые праздники — «Новбахор» и другие. Все эти и другие факты, связанные с идейной незрелостью, политической недалечностью, научной некомпетентностью идеологических работников совершались и в наши дни, после XXVII съезда КПСС. Все это также оставило нежелательный осадок в мыслях, сердцах людей.

Если бы не смелое выступление профессора М. Искандерова на Пленуме ЦК КП Узбекистана, решительные действия председателя комиссии Р. Нишанова, пользуясь высокопоставленным покровительством, Абдуллаева уверенно продолжала бы свои неблагоприятные, в идеологическом отношении вредные дела. У нее были и другие, более дальние планы — стать первым секретарем партийной организации республики. Какая это была бы трагедия!

Нам еще нужно много, много лет, чтобы смыть последствия секретарствования Абдуллаевой, которое бросило тень и на развитие национальных отношений. Народ был крайне недоволен, в чайханах, на свадьбах, при встречах близких друзей разговор никогда не мог не коснуться действий секретаря ЦК по идеологии и ее окружения. Поэтому все трудящиеся республики с большим облегчением встретили весть об освобождении Абдуллаевой от занимаемой должности. Торжественную обстановку, которую можно было видеть в эти дни в городах, кишлаках Узбекистана, просто невозможно описать. Люди поздравляли друг друга.

Р. Абдуллаева ныне арестована, она понесет заслуженное наказание за свои поступки. Но непонятно, почему до сих пор остаются в тени ее покровители, те, которые вдохновляли ее, поддерживали все ее начинания? Это трудно объяснить народу. Такие факты вызывают недоумение и разочарование.

М. С. Горбачев с трибуны XXVII съезда КПСС открыто сказал, что за все негативные явления ответственны не только местные руководители, но и работники центральных директивных органов, курирующие республику. К сожалению, никто, помимо, по крайней мере в открытой печати, не обсудил вопрос о степени их виновности за допущенные на местах ошибки и промахи.

Поднятию оптимистического настроения масс, их социально-политической, трудовой активности в республике препятствует слабость осуществления перестройки в формах и методах идеологической работы. Здесь продолжают господствовать элементы застоя, догматизма, стереотипности, показухи, неумение творчески решать проблемы идейно-воспитательной работы с учетом новых условий, национальных, социальных

особенностей, повышения эффективности, действенности каждого проводимого мероприятия.

Здесь необходимо решительно отбросить старые традиционные лозунги, демагогию, очковтирательство. Приписки в этой сфере многократно пагубнее, чем в экономике. Немало секретарей райкомов, горкомов по идеологии еще глубоко не осознали новые задачи, связанные с перестройкой идеологической работы, не проявили на своих участках идейную, научную, деловую компетентность.

За последние годы по непонятным причинам стало модно считать идеологическую работу исключительно женским делом. Секретари партийных комитетов по идеологии в большинстве случаев женщины. Кроме того, руководство идеологическим фронтом поручают людям, не имеющим достаточной практической и идейно-теоретической подготовки. В этом заключается одна из главных причин снижения эффективности деятельности идеологической работы. А ведь она — не любительское дело. Именно здесь, больше чем где-либо, требуются гибкость, оперативность, опыт, идейно-политическая зрелость и профессиональная закалка, умение подойти к людям, найти ключ к их сердцам и мыслям. Ведь здесь руководитель имеет дело не с землей, техникой, машинами, а с реальными, думающими и чувствующими людьми.

За последние годы в Узбекистане были арестованы тысячи людей, виновных в приписках, очковтирательстве, хищении народных, государственных средств в крупных размерах. В их числе много высокопоставленных людей — секретари ЦК, председатель Совета Министров республики, первые секретари обкомов, горкомов, райкомов партии, министры и многие другие. Все это было проявлением торжества справедливости, показывало последовательность и принципиальность линии партии за очищение нашей жизни, за ее обновление. Народу было показано подлинное лицо многих отщепенцев, которые своими действиями скомпрометировали наше общество, гуманистические идеалы социализма. Миллионы денег, которые были конфискованы у них, накоплены за счет прямого и косвенного грабежа населения, за счет недостроенных школ, больниц, амбулаторий, детских садов, ясель, за счет средств, выделяемых на улучшение жизни трудящихся. Как это могло случиться, что они десятилетиями грабили народ, ведя себя нагло и безнаказанно? Неужели никто этого не видел, не знал? А если видел и знал, все равно ничего не предпринимал? Всем известно, что покровители Адылова и других были не только в Ташкенте, но и в Москве. Центральная пресса, телевидение возносили до небес его имя и дела. А многие рабочие, колхозники неделями, месяцами ждали приема в высоких инстанциях, да так ни с чем и возвращались в Узбекистан, здесь же с ними немедленно расправлялись, арестовывали и судили.

В «Литературной газете» отмечалось, что при желании и необходимости Адылов мог бы сместить самого Рашидова. В этом утверждении нет ничего надуманного. Опираясь на высокопоставленных покровителей, занимавших тогда ответственные посты в директивных органах, он мог бы сделать и это. За спиной этого проходимца стояли подобные ему же люди. Чтобы убедился народ в бескомпромиссности начатой борьбы, дело должно быть доведено до конца. Дело, конечно, нелегкое, требующее времени. Но, как говорят в народе, «скроешь болезнь, ее все равно разоблачит температура тела».

На настроение людей повлияли и не всегда обоснованные меры по пресечению негативных явлений. За последние годы обвинения в причастности к ним были предъявлены и многим бригадирам, председателям колхозов, которые допускали приписки под прессовым давлением сверху. Иногда это объясняют так: «Когда горит лес, горит и сухое, и сырое». Может быть, эта поговорка правильна для леса, но совершенно неприменима для человеческих судеб. Человек один раз живет на белом свете. Никто не имеет права без причины омрачать ему жизнь, оскорблять его достоинство. Мы нашли смелость для решительного осуждения беззаконий, которые были допущены в 30-е годы. Надо найти смелость и принципиальность для правильной оценки событий, которые происходят и в наше время. Ведь и сейчас немало фактов, когда арестуют человека, а уж потом ищут мотивы для его осуждения. Не для кого не секрет, что следственными органами допускались недопустимые формы допросов, подтасовка и фальсификация материалов. Я убежден в том, что о безобразиях, которые совершаются еще и сегодня, будет большой разговор в будущем. Как показывает опыт истории, зло никогда не может оставаться нераскрытым и неосужденным. Но вдвойне полезней было бы вести прямой разговор об этом уже сегодня, что имело бы прямое влияние на человеческое сознание, на утверждение веры в торжество справедливости. Сейчас в Узбекистане сотни, тысячи осужденных ранее сроком на 10—12 лет, отсидевших в тюремных камерах, лагерях, освобождают из-за отсутствия состава преступления. По данным самих следственных органов, уголовные дела были прекращены в отношении 13 тысяч человек. Как это можно понимать? Если эти люди действительно виноваты, то зачем их освобождать? Если за ними нет состава преступления, то кто имел право издеваться над ними таким образом? Почему, исправляя ошибки, мы

не говорим открыто о их виновниках? Если этого не сделать сегодня, то факты нарушения социалистической законности могут иметь место и в дальнейшем. По-моему, авторитет административных органов не создается количеством осужденных и строгостью мер наказания. Здесь не надо умалять значения мер предварительного и воспитательного характера. Судебные ошибки можно исправить, но кто вылечит глубокие душевные раны, которые нанесены незаконно осужденным и их родственникам? Станут ли эти люди, всегда знавшие о своей невиновности, активными участниками перестройки? Об этом тоже надо серьезно подумать.

Приведу несколько примеров. За взятки при распределении квартир сроком на 12 лет была осуждена заместитель председателя Сабир-Рахимовского райисполкома Ташкента Зияева. После суда хотели наказать тех, кто рекомендовал ее в ряды КПСС. Среди них оказался юрист. Когда он узнал о случившемся, за свой счет поехал в Москву, в Прокуратуру СССР. Изучал судебное дело в течение ряда месяцев. Благодаря его настойчивости осужденная была освобождена из мест заключения с формулировкой «из-за отсутствия состава преступления». Спрашивается, что было бы, если бы ее рекомендовал в партию не квалифицированный юрист, а человек другой профессии? Ведь подавляющее большинство населения пока еще не имеет правовой грамоты. Кто же в конце концов виноват? Если не было преступления, что послужило поводом для осуждения на столь длительный срок? И кто утешит ее родителей, которые столько пережили, терпя незаслуженную обиду?

Другой пример. После некачественной ревизии передали в суд дело директора одного из совхозов Джизакской области Шадиева. Сначала было сказано: из-за незначительности нарушений его могут осудить сроком на один год условно. Но после консультации с работниками прокуратуры он был осужден сроком на 11 лет строгого режима. После суда навесивший его младший брат не узнал своего родного брата, настолько он был изуродован. Тогда родственники написали протест в Верховный суд республики. Члены коллегии нашли приговор неверным и отменили решение районного суда. Состоялся новый суд, который приговорил Шадиева к сроку на четыре года. И это решение было опротестовано Верховным судом республики. Третий суд освободил его опять-таки «из-за отсутствия состава преступления». Сколько горя и страданий перенесли этот человек, его семья!

Иногда поводом для вынесения судебного приговора являются такие факты, которые вообще нельзя считать преступлением. Несколько лет тому назад сроком на пять лет был осужден А. Назаров — бывший заведующий Ташкентским областным отделом народного образования, которого я знаю лет тридцать. В качестве предъявленного ему обвинения были названы суммы, потраченные его заместителем в течение пяти лет на подарки к дню его рождения, в основном, цветы, несколько килограммов яблок и винограда, несколько лепешек, которые приносили Назарову в больницу, где он лечился. И эти факты вошли в состав преступления! А в результате осудили и Назарова, и его заместителя сроком на 5 лет каждого. Если будут использоваться для определения состава преступления такие факты, то останется ли в обществе хоть один безвинный человек? Ведь в Узбекистане давно существует традиция приходить друг к другу в дни рождения или на другие торжества с подарками. Эти подарки — не только знаки внимания и уважения, они одновременно вроде бы и как долг, который со временем надо вернуть.

Закон нашего общества требует, чтобы ни один виновный человек не остался без наказания и ни один невиновный не был незаслуженно наказан. Эту истину надо усвоить всем нам раз и навсегда.

Поднять и укрепить дух народа — это не проявление узконациональных интересов, а дело, отвечающее интересам прогресса всей нашей многонациональной страны в целом.

За последние годы в республике делается немало для искоренения причин и условий приписок, очковтирательства. Но остаются нераскрытыми основные причины, корни приписок, очковтирательства, которые и сейчас создают почву для подобных явлений. Хотя мы об этом пока что молчим, народ знает правду. Не всегда крупные и мелкие руководители шли на приписки и очковтирательство только по своей инициативе. Это, прежде всего, результат широкомасштабной бесхозяйственности в стране, волюнтаристских методов планирования социально-экономического развития, результаты отсутствия единого учета между началом и завершением различных этапов производства. Планы развития определились сверху без учета местных условий и возможностей, без учета последствий насаждения монокультуры, а затем применялись жесткие меры для выполнения этих планов и обязательств. В формах и методах хозяйствования царил цифромания, а реальный экономический и социальный эффект ничего не волновал, никто за него не отвечал.

Помню 1982 год, крайне неблагоприятный для хлопкоробов. В этом году приехал в Узбекистан Брежнев, который на совещании республиканского партийно-хозяйственного актива сказал: «Шараф, ты еще дашь 300 тысяч тонн хлопка, если не дашь —

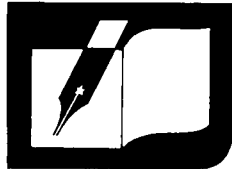
один останешься». «Остаться один» Рашидов не хотел, возражать «генеральному» было нельзя. После этого он сделал все, чтобы «дать» стране еще 300 тысяч тонн. Это было сделано путем приписок, путем сбора и сдачи на заготпункты некачественного хлопка, от которого, кроме экономического ущерба, ничего получить было нельзя. Заставляли «выполнять планы» колхозы и совхозы, хотя все прекрасно знали, что на полях ничего нет, разоряя хозяйства, платили по рублю за килограмм собранного мусора. Все это хорошо знали не только в Ташкенте, знали и в Москве, но никто не возражал...

И теперь, когда наказаны исполнители волюнтаристских решений, нереальных планов, все еще нередко отсиживаются в тени их вдохновители и организаторы. Это тоже вызывает у простых людей законное недоумение.

Большое значение для поднятия оптимизма и уверенности трудящихся Узбекистана имело посещение республики М. С. Горбачевым в апреле 1988 года. Высоко оценивая большой вклад тружеников республики в развитие экономики, Генеральный секретарь ЦК КПСС подчеркнул, что за ошибки и упущения прошлого отвечает не народ, а конкретные виновники. Такая принципиальная оценка, несомненно, сыграла большую роль в повышении трудовой, социально-политической активности трудящихся.

Я коснулся лишь некоторых фактов, которые непосредственно влияют на общественное сознание и чувства людей. Эта важная социальная, идеологическая проблема не может оставаться вне поля зрения. Время требует немедленного, широкомасштабного усиления идейно-воспитательной работы. Надо найти новые, более эффективные, надежные ключи к сердцам и мыслям людей, усилить их уверенность в завтрашнем дне, их оптимизм, искреннюю преданность идеалам перестройки и ускорения.

Чтобы взлететь, птица должна стать гордой.

Иршад Макатов,

доктор философских наук

ВЕРА В ЗНАНИЕ И ЗНАНИЕ О ВЕРЕ

ЗАМЕТКИ АТЕИСТА

Вдруг оказалось, что категорического утверждения «бога нет» еще недостаточно, чтобы верующий стал диалектиком.

Вдруг оказалось, что и команды сверху недостаточно для того, чтобы все стали охвачены атеизмом.

Совсем не вдруг! Время революционной перестройки, отказа от командно-административных, волюнтаристских методов решения экономических и социальных проблем общества совершенно по-новому высветило и состояние дел в атеистическом воспитании. Жизнь убедительно показала бесполезность, более того — вред упрощенных представлений, примитивных способов ведения атеистической пропаганды. Сейчас мы стоим перед необходимостью поставить это дело на солидную научную основу, глубоко осмыслить религиозную ситуацию и выработать методики, учитывающие все многообразие факторов.

А как это сделать, если нет ясности даже в таком вопросе как тенденции религиозности? Будем говорить об исламе — одном из самых распространенных верований в СССР и особенно в нашем регионе. Так вот, одни исследователи с тревогой пишут о бурном распространении ислама, другие — наоборот, утверждают, что мусульманская религиозность снижается. А дело все в том, что не так-то просты даже сами критерии религиозности. Недавно мне пришлось побывать в Талды-Курганской области Казахстана. Местные партийные работники, с которыми довелось встречаться, находились в полной убежденности, что сегодня лишь отдельные пожилые люди остаются под влиянием ислама, а молодежь если и участвует в каких-то религиозных обрядах, то не по убеждению, а, «чтобы не обидеть стариков».

Мы провели в одной из молодежных бригад совхоза «Кызилтан» этой области анонимный опрос. И выяснилось, что 30 процентов молодых людей, комсомольцев, без оговорок признали себя верующими.

Те же ученые и практические работники, которые склонны преувеличивать уровень распространения ислама, основываются на данных роста числа людей, участвующих в религиозных обрядах, увеличении доходов мечетей. Но и эта точка зрения опровергается многолетними исследованиями, которые проводит ряд опорных пунктов Института научного атеизма Академии общественных наук при ЦК КПСС. Они свидетельствуют о том, что ни в количественном, ни в качественном отношении религиозность населения не выросла. Более того, мистико-догматическое содержание ее заметно снизилось.

Но как же это согласуется с ростом числа людей, выполняющих обряды, с доходами мечетей? Вполне согласуется. Это связано с расширением гласности и демократизации в стране. Религиозные общины, отдельные духовные лица и верующие стали более открыто вести свою деятельность, отправлять обряды, вообще «демонстрировать себя».

Непрофессиональный подход к социологии религии и атеизма нередко приводит на практике к абсолютизации весьма сомнительных данных. А это, в свою очередь, порождает, с одной стороны, догматизм, с другой — левачские перегибы в атеистической работе.

Сошлюсь на два примера из печати. В Бухарской области по инициативе комсомольских организаций провели опрос молодежи с целью определить характер и степень ее религиозности. «Из 25 тысяч опрошенных молодых людей 35 человек (то есть 0,06 процента — И. М.) заявили о своем признании религии, причем, 18 человек не могли объяснить причину соблюдения религиозных обрядов. 76 человек придерживаются позиции нейтралитета», — пишет М. Абдуллаева в статье «Наступательно вести атеистическую работу» (журнал ЦК КП Узбекистана «Партийная жизнь», № 2 за 1987 год). Из этого делается вывод, что среди молодежи «вера в религиозный дурман утрачена, а вот сила привычек осталась».

В противоположность этому «опрос студентов политехнического, текстильного, педагогического институтов Ташкента показал, что 60 процентов из них по разным причинам соблюдают религиозные ритуалы» («Ташкентская правда» за 16 октября 1987 года). Конечно, и вывод здесь совершенно иной. Религия рассматривается уже как один «из главных элементов механизма торможения».

Обе эти крайности и в получении «представительных» данных, и в их оценке допускаются, на мой взгляд, из-за отсутствия научно проработанных социологических методик оценки религиозности и атеистичности населения, особенно в многонациональных регионах. Чтобы решить эту проблему, необходимо в первую очередь преодолеть языковые и терминологические барьеры в этой области. Практика свидетельствует, что многие термины, принятые в научном атеизме, непонятны как верующим мусульманам, так и неверующим представителям местных национальностей. Не отработан механизм правильной передачи содержания многих атеистических понятий в нашей переводческой литературе. Пора уже в социологических исследованиях отказаться от абстрактных категорий, таких, например, как «верующий», «бог», «религия», «духовенство», «сверхъестественные силы», «религиозные предрассудки» и т. д.

Надо хорошо понять, что для социолога не должно быть понятий вообще верующий или вообще религия. Есть конкретный верующий и конкретная религия. Исследователи при контактах с верующими мусульманами отмечают, что при употреблении понятий «религия», «бог», «верующий» их реакция была безразличной, как будто эти понятия к ним не относятся. Зато совсем иначе реагировали при замене терминов на конкретные — «дин» (мусульманская вера), «аллах». В понимании многих верующих мусульман все, что не касается конкретно их веры, выходит за пределы явлений жизни вообще. Незнание таких вещей и приводит к большим неточностям в нашей информации о религиозной обстановке.

Другой крупный недостаток социологических исследований — это неумение сделать правильный выбор опрашиваемых, определить их число. Именно такую ошибку и допустили в Бухарской области. Стараясь охватить опросом побольше людей, здесь потеряли в качестве анкетирования, встретились с большими трудностями в обработке социологического материала. А в результате — слабая достоверность конечного результата. Кроме того, ущербен и сам одноканальный метод сбора информации. Чтобы получить правдивые сведения о состоянии и динамике религиозности, нельзя ограничиваться только анкетированием. Требуется комплексный подход, который сочетает анкетирование с собеседованием, включает в себя изучение документов, учет мнения специалистов, экспертные оценки социологов, пропагандистов, лекторов-атеистов, педагогов, всех работников, занимающихся вопросами атеистического воспитания.

Нуждаются в уточнении и сами критерии религиозности и атеистичности человека в их соотносительности. В конце 60-х годов в Институте научного атеизма были проведены серьезные исследования проблем типологии религиозности. Был установлен общий методологический принцип исследования религиозности — единство сознания и поведения, а также способы «замера» социологической информации по разным регионам.

Но с тех пор прошло более четверти века, заметно изменились мотивы религиозности, расширился диапазон религиозно окрашенных форм поведения человека, получили распространение так называемые нетрадиционные религиозные формы.

Нельзя не учитывать и тот факт, что к атеистической работе пришло новое поколение кадров. В поисках истины им приходится сталкиваться с двумя традиционными и в то же время противоположными точками зрения. Первая выражается так: религиозность не может сводиться к одному лишь признанию высшего существа, она означает и исполнение определенных ритуалов. Значит, если нет такого внешнего выхода, можно ли считать данного человека носителем верования? Спорный вопрос.

Другая крайность — та, при которой исходным началом религиозности считается не вера в сверхъестественные силы, а ритуализм. Он и квалифицируется как главный признак религии. При этом смешении национального и религиозного в таких, например, понятиях, как «адат» (обычай), у верующей части населения распространяется на всех людей и толкуется только как религиозный термин.

Для построения религиозной типологии одни предлагают использовать десятки эмпирических принципов, что усложняет сбор и подсчет социологической информации. Другие ограничиваются двумя вопросами, один из которых измеряет признак веры, другой — отношение к религиозной деятельности. А в этом варианте сбрасываются со счетов поведенческие мотивы человека.

Вся эта разногласица не позволяет добиться высокой эффективности атеистической работы. А значит, необходимо вернуться к истоку — проблеме критериев типологии религиозности и атеизма.

Проведение конкретно-социологических исследований религиозности населения требует фундаментального, профессионального подхода. Никак нельзя допускать самодеятельности и волюнтаризма в такой деликатной области.

В этом направлении кое-что сделано. Для социологических исследований наш межреспубликанский филиал Института научного атеизма в Ташкенте разработал анкеты и методики их использования с учетом особенностей конкретных регионов традиционного распространения ислама. При планировании таких исследований партийные комитеты, другие учреждения могут обратиться к нам за консультацией.

* * *

К проблеме диагностики религиозности примыкает и другая, не менее сложная и тоже плохо разработанная. В оценке, подходах к религиозному мировоззрению, в понимании его антинаучной природы среди идеологических работников нет двух мнений, хотя либеральные и нейтральные позиции имеют место. Хуже другое — то, что нет единства в оценке деятельности различных категорий современного духовенства.

В настоящее время более или менее четко выделяются три категории служителей мусульманского культа: официально зарегистрированные, самодеятельные и общинно утвердившиеся руководители ишано-мюридских групп.

Сейчас кое-что делается по наведению порядка в деятельности незарегистрированных духовных лиц, установлению должного законодательного контроля за их деятельностью. Однако настораживают некоторые тенденции в этом процессе, в особенности — методы, с помощью которых решаются такие деликатные дела.

Многие партийные и советские работники главную опасность видят в деятельности только «самодеятельных» духовников и всю свою энергию направляют на быстрейшую их регистрацию. Споры нет, самодеятельная категория служителей мусульманского культа, среди которых немало шарлатанов и проходимцев, — это реальная сила, ведущая широкую и практически бесконтрольную пропаганду религии, создающая и удовлетворяющая обрядовые запросы верующих. Однако, сосредоточив все внимание на деятельности только этого круга, мы часто упускаем из виду изучение и критику мировоззренческих и идеологических концепций религиозных общин и их центров.

А вопросов здесь много. Важно провести четкую линию между объединениями, занимающими лояльные позиции по отношению к деятельности партии и государства, и теми, которые скрыто противопоставляют им себя. И здесь нужно с сожалением констатировать, что многие мировоззренческие вопросы атеистического воспитания, с учетом идеологических, политических и нравственных позиций современного мусульманского духовенства и характера изменений духовного мира верующих, до сих пор не имеют фундаментальной научной разработки.

Отсюда и провалы в практической работе. С шестидесятых годов, например, на Северном Кавказе дискутируется вопрос о правомерности существования мюридских групп. Пока же идеологические и советские работники выступают против их регистрации, причисляя всех без разбору к разряду экстремистских. Но это не мешает последним по существу легально выполнять свои функции. Вопрос, как видим, требует дифференцированного организационного решения. А вместо этого — лишь время от времени принимаются грубые административные меры воздействия. Такие вещи не способствуют повышению авторитета органов власти.

Ясно, что атеистическую работу надо проводить одновременно с наведением законности и должного порядка во взаимоотношениях религиозных групп с общественными институтами. Следует изменить наше стереотипное отношение к мусульманскому духовенству всех категорий, в том числе и мюридов, культовая деятельность которых нередко выходит за рамки ортодоксального ислама. При решении вопросов легализации их деятельности надо исходить из реального положения дел,

социально-правовых и политических позиций каждой общины. И при этом, конечно, строго придерживаться законодательства о религиозных культах.

Каждому из нас следует раз и навсегда уяснить: в нашей стране нет запрещенных сект и религиозных общин, а есть законодательно запрещенная деятельность. Именно из этого принципа следует исходить при пересмотре наших устоявшихся воззрений в отношении лояльно настроенных и готовых не выходить за пределы удовлетворения религиозных чувств людей мюридских общин. Это будет способствовать, помимо прочего, и подрыву позиций экстремистски настроенных группировок и их духовных наставников. Такая линия в конечном счете ведет к активизации и собственно атеистической работы.

Однако при все том нам не надо утрачивать чувство реальности. Ведь как бы там ни было, ишано-мюридские и другие большие и малые религиозные объединения остаются главными носителями и пропагандистами антинаучного мировоззрения. Политическая переориентация тех или иных объединений не должна заслонять от нас этот важнейший момент. Поэтому главная задача и здесь заключается в повышении эффективности именно мировоззренческой функции атеистического воспитания.

* * *

Критически оценивая состояние дел в республиках традиционного распространения ислама, можно сказать, что главным недостатком атеистической пропаганды является стремление перегнуть время, быстрее рапортовать о снижении религиозности. При этом имеется явная тенденция переоценки субъективного фактора.

До сих пор в арсенале многих партийных, идеологических органов остаются такие, например, указания, как «принять срочные меры по преодолению религиозных обрядов», «более решительно внедрять в быту новые социалистические традиции, обряды и обычаи», «придать атеистической пропаганде атакующий, наступательный характер». Не сходят со страниц газет и журналов, с экранов телевизоров такие крикливые ярлыки и заголовки, как «шарлатаны от религии», «реакционная сущность ислама», «осиное гнездо», «религиозная плесень» и так далее.

Вряд ли такой тон способствует деловому и спокойному диалогу между атеистами и верующими. Нельзя так однозначно и в обличительных тонах переносить антинаучность природы религии как системы на ряды ее последователей.

Ведь каждый верующий воспринимает критику, скажем, ислама через призму собственных оценок и переживаний. А они-то, как правило, во многом не совпадают с догматическими, нравственными и другими установлениями мусульманской религии. К сожалению, в атеистической практике такого разграничения часто не проводят. И религию, и ее последователей стригут, как говорится, под одну гребенку.

О необходимости новых подходов к государственно-церковным отношениям в условиях демократизации советского общества говорилось на встрече Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева с патриархом Московским и Всея Руси Пименом и членами Синода русской православной церкви в апреле нынешнего года.

«Мы ясно видим всю глубину наших мировоззренческих различий, но вместе с тем реалистически учитываем существующую ситуацию,— сказал на встрече М. С. Горбачев.— Верующие — это советские люди, трудящиеся, патриоты, и они имеют полное право достойно выражать свои убеждения. Перестройка, демократизация, гласность касаются и их, причем сполна, без всяких ограничений. В особенности это относится к сфере нравственности, где общечеловеческие нормы и обычаи могут способствовать нашему общему делу».

Из сказанного следует, что надо решительно пересмотреть и саму методику атеистического воспитания, работы с верующими. Никуда не годится назидательный, поучительный тон, к которому мы уже давно привыкли. Надо усердно вытравлять из практики такой стиль пропаганды, который не оставляет и щелочки для собственного размышления и освоения материала человеком, при котором научные доводы преподносятся в готовом, отшлифованном, канонизированном виде.

* * *

Печальнее всего то, что «силовым» стилем работы нанесен большой ущерб самому престижу имени атеиста. Даже в печати то и дело встречаешь очень резкие высказывания в адрес людей, занимающихся атеистической деятельностью. Они обвиняются в грубости, безграмотности, бестактности. К сожалению, и здесь не обходится без той же грубости и переклестов. Для примера сошлюсь на статью О. Чайковской «Сны левого полушария» («Советская культура» за 26 и 29 сентября

1987 года). Она пишет, что в современной атеистической литературе «содержатся клятвенные заверения, будто Христа на свете не было (а почему бы ему и не быть, был же Магомед и другие основатели новых религий), а в бога верят одни дураки».

По долгу службы, как профессиональный атеист-философ, я прочитал достаточно много книг на эту тему. И ни в одной не встречал такого утверждения, что верующие дураки. Наоборот, в большинстве советских изданий проводится мысль о необходимости уважительного отношения к вере любого человека. «Лекторы по атеизму, — по мнению О. Чайковской, — это дилетанты и в науке, и в религии». Во многом справедливое утверждение, как ни горько это признавать. Но и в критике дилетантизма быть не должно. Заявляя в той же статье — «я атеист в третьем поколении», автор ставит в один ряд выдающихся мыслителей прошлого, «которые в поучении к людям не боялись раскрывать им собственную душу», включает Блаженного Августина, Жан-Жака Руссо, Льва Толстого. Нельзя так. Гениальному писателю, отлученному от церкви, великому философу и атеисту и христианскому богослову, разработавшему один из основополагающих догматов о спасении человека вне земного бытия, тесно на одном пьедестале, возведенном О. Чайковской.

Нельзя без волнения читать в той же газете (26 августа 1986 года) очерк известного узбекского писателя Камиля Икрамова «Фигура умолчания». В ней, в частности, он говорит о самоубийствах молодых женщин в Средней Азии. «Способ самоубийства ужасный — самосожжение, — пишет К. Икрамов. — Мы списываем это на ислам и называем пережитком. А если дело не в исламе?»

Действительно, по шариату самоубийство рассматривается как величайший грех. Ведь согласно канонам ислама, человек своей жизнью не распоряжается, она дается и отнимается самим богом. Но если так формально рассматривать те или иные установки, то вольно или невольно мы отгородим ислам от его огромной доли вины во многих негативных проявлениях и деяниях людей.

Конечно, некоторые из таких проявлений имеют свои истоки в глубинах веков и не всегда прямо относятся к исламу. Однако, если хорошо осмыслить сущность и причины сохранения и воспроизводства в течение столетий тех или иных пережитков, в том числе и самосожжения, можно увидеть, что они во многом обязаны и мусульманству.

Исламская мораль и право именем бога обосновали сугубо патриархальные принципы, а также нормы отношения к женщине. Какими эти принципы и нормы, мы хорошо знаем. Об этом излишне здесь напоминать. Именно невыносимые условия жизни, постоянное унижение человеческого достоинства женщин в семейно-бытовой сфере толкали и толкают их на роковой шаг.

Но, конечно же, все списывать на ислам мы не имеем права. Крупные недостатки в экономике и социальной жизни современного общества, провалы в воспитательной и атеистической работе создали среду, в которой возможно воспроизводство этого страшного явления. Пока оно существует, мы не должны знать покоя.

* * *

Учитывая, что в прошлом, да и теперь, крайне нежелательную исламскую интерпретацию у верующих приобретают самые различные исторические события, факты, явления, мы неизбежно приходим к необходимости совместных разработок по атеизму представителей многих областей знаний — историков, востоковедов, этнографов, археологов, социальных психологов, физиологов, медиков, литературоведов, языковедов, искусствоведов.

Отсутствие таких совместных разработок на стыке разных наук пагубным образом сказывается на атеистическом воспитании и ведет даже к разрыву между исламоведением и научным атеизмом. А последствия такого разрыва трудно представить.

Поэтому одной из важнейших предпосылок повышения эффективности атеистического воспитания нужно считать раскрепощение научного атеизма, избавление его от узких профессиональных рамок.

Атеистические выступления должны задевать душу человека, пробуждать интерес, вызывать на откровенный разговор, дискуссию. А для этого нужно, по крайней мере, хорошо представлять себе оппонента. Кто он такой, советский верующий мусульманин?

Можно, опираясь на наши многолетние исследования, так сформулировать ответ: для религиозного сознания и поведения верующих в Узбекистане, да и в других среднеазиатских республиках, характерно сложное переплетение и взаимодействие разнообразных верований, идей, эмоций и культов. Кроме чисто мусульманского элемента, оно включает в себя верования и культы, существовавшие у

местных народов до распространения и утверждения ислама, а также обрядовые и иные действия, связанные с этими домусульманскими верованиями.

Вот как все переплелось. И сама религиозность постоянно меняется. В ней происходит непрерывный обмен собственных традиционных элементов с привнесенными из других верований.

Интересно, что богословский элемент ислама в общерелигиозном комплексе верующих играет второстепенную роль. Более важно здесь учитывать обыденный уровень религиозного сознания. Он является более подвижным, мобильным, чем богословские воззрения и культовые установки. К этому уровню можно отнести также различные бытовые суеверия и предрассудки, веру в таинства и магическую силу различных предметов, явлений природы, самого человека.

Поэтому для понимания религиозных пережитков, выбора правильных методов борьбы с ними совершенно недостаточно иметь лишь одни представления об ортодоксальном исламе. Необходим более конкретный подход, более обстоятельный разбор сохранившейся религиозности. Надо добраться до ее глубинных пластов, видеть и различать особенности проявления современного религиозного сознания и культовых действий.

Знание истоков, сущности, своеобразия всех элементов современной религиозности, их эволюции и воспроизводства позволит идеологическим работникам дифференцированно подходить к решению проблемы формирования научно-атеистического мировоззрения у советских людей и, в первую очередь, у подрастающего поколения.

Для успешного ведения этой работы важно точно определить соотношение религиозных и нерелигиозных элементов сознания верующих, выявить среду, питающую каждый из них. Надо четко знать, какие обряды, ритуалы, праздники, обычаи, традиции несут богословские установки ислама, домусульманские и другие взгляды.

Мы сталкиваемся с необходимостью классифицировать систему обрядов и нравственных норм, в которой порой оказывается человек помимо его воли со дня рождения. По историческим истокам, догматическим, мировоззренческим функциям наиболее распространенные в Узбекистане религиозные и религиозно окрашенные обряды и праздники, обычаи и традиции можно разделить на шесть групп.

В первую группу отнесем собственно мусульманские обряды и обычаи, такие, как салат (намаз) — ежедневная трех- или пятикратная молитва, а также коллективная пятничная; руза (ураза) — ежегодный тридцатидневный пост в месяц рамазан (рабадан) по лунному календарю; фитр-садака — добровольная раздача милостыни и сбор денег с верующих после завершения уразы.

По окончании рамазана в течение трех дней празднуется руза-хаит — праздник разговенья. Он включает коллективные моления, обильные угощения, подношения духовным лицам, посещения могил родных и близких.

Самое большое торжество в исламе — праздник жертвоприношения курбан-хаит. Он длится три-четыре дня. В программу праздничных мероприятий входит и раздача жертвенного мяса.

Обычай махр — своеобразный имущественный залог невесте на который она может рассчитывать в случае развода, редко соблюдается по своему шариятскому образцу. Но он стыкуется с другим обычаем — калымом. В такой связи калым получает исламское благословение.

Во многих отношениях интересен обычай хадж — паломничество к святыням Мекки и Медины (Саудовская Аравия). Его совершают духовные лица и отдельные верующие, как правило, из числа общинного актива. Однако в последние годы оживилась традиция заочного хаджа, после которого верующий получает почетный титул батал-хаджи. Некоторые духовные лица, получившие разрешение на паломничество, собирают с верующих деньги — до нескольких тысяч рублей — а взамен привозят «свидетельства» о присвоении им титула батал-хаджи. Здесь часто случаются обман и махинации с документами. Вокруг отъезжающего в Мекку создается религиозный ажиотаж.

Венчание по исламу — никох. Оно совершается в мечети или дома в присутствии нескольких свидетелей, зато участие самих новобрачных совсем необязательно. Их могут представлять так называемые доверенные лица.

Посвящение человека в ислам начинается с азана — чтения религиозных текстов на ухо новорожденного.

Знание и соблюдение названных и некоторых других предписаний среди верующих считается точным признаком приверженности человека канонам ислама, показателем уровня его религиозного сознания.

Во вторую группу можно включить обычаи и традиции, доисламские по происхождению, но освященные мусульманскими канонами и духовенством. К ним от-

носятся, например, многие обряды — похорон и поминок, имянаречения, обрезания, калым и так далее.

Как видим, здесь регламентируются важные жизненные акты. После того как эта система обычаев и обрядов была канонизирована исламом, она стала прочной его опорой в семейно-бытовой сфере.

Третью группу составляют обычаи, сформировавшиеся независимо от ислама, но «мусульманенные» духовенством. К ним относятся, например, культы святых мест и реликвий, почитание явлений природы, предметов быта, домашнего очага.

К ней примыкает четвертая группа — неканонических обрядов, модифицированных исламом. Это обычай худой — пожертвования в честь выздоровления, возвращения сына из армии, новоселья; халим — пожертвования по случаю ожидаемого выздоровления близкого человека, спасения от несчастного случая. К этой группе относится также обычай ношения амулетов, архаичные формы лечебной магии. Хотя по своему назначению и ритуальным формам они не соответствуют канонам ислама и даже опровергаются официальным духовенством, они все же получают мусульманское освещение благодаря участию в них незарегистрированных духовников. Многие люди, соблюдающие эти обряды, совершенно уверены в том, что они имеют исламское происхождение.

В пятую группу выделены обычаи, религиозные по смыслу, но выдаваемые за национальные. Это, например, пайгамбар-оши — именины, отмечаемые верующими по достижении 63 лет — возраста пророка Мухаммеда. Торжественно празднуется так называемый мавлюд — по случаю возвращения сына из армии, завершения строительства нового дома, рождения ребенка и так далее. Эти традиции, получившие мусульманское благословение, широко поощряются духовенством и свидетельствуют о гибкости и приспособляемости ислама.

И последняя группа — обычаи народные по происхождению и содержанию, но с некоторым мусульманским наслонением. К ним относится чилла — древний обычай карантина для новорожденного, матери и новобрачных; дарвишона — обряд, совершаемый перед началом сева, который включает общую трапезу и обращение к божественным силам ниспослать хороший урожай. Улимлик — обычай, связанный с подготовкой пожилых людей к смерти (собираются ритуальные предметы — платки, мыло, отрезки ткани, деньги, составляется завещание). Навруз — праздник нового года и весны — совпадает с началом полевых работ. Сумалак-сайли — праздник первого ростка — символизирует добрый будущий урожай. Бешик-тойи — так именуется обычай, связанный с началом укладывания ребенка в люльку.

Эта категория обрядов и обычаев представляет собой наиболее самостоятельную и независимую от ислама систему. Она ярко и самобытно отражает национально-обрядовые формы и нравственные нормы, национальную психологию в целом. В них мы находим своеобразное отражение исторического развития народов Средней Азии, их бытовых особенностей, характера трудовой жизни, природной среды.

Хотя и здесь легко обнаруживаются мусульманские оттенки, все же обычаи эти следует по смысловой нагрузке и нравственным характеристикам отнести к истинно народным — узбекским, таджикским и так далее. Хорошо осознавая популярность их, мусульманское духовенство как раньше, так и теперь стремится прибрать к рукам, подменить народное и гражданственное религиозным, исламским.

Разобрав все эти формы, мы неизбежно приходим к выводу о том, что разветвленная система обрядов, ритуалов, привычек, обычаев, несущая как богословские, так и общечеловеческие идеи, формирует такую среду, которая до мельчайших деталей охватывает все связи и отношения людей, вплоть до сугубо семейных и интимных сфер.

А потому надо признать наивной и бесплодной задачу замены этих веками складывавшихся обычаев новыми — необходимо придать социалистическое содержание старой национальной обрядности. Такую работу, видимо, надо начинать с тех обрядов, без которых человек не может обойтись. Это действия, связанные с рождением детей, вступлением в различные гражданские и социальные отношения, со смертью и похоронами. Первым шагом было бы ослабление и, в конечном итоге, устранение влияния духовенства в выполнении этих обрядов и обычаев. Не словом устранение, а нравственно-идеологическую победу над духовенством на этом участке борьбы за людей мы имеем в виду.

Развитие и совершенствование унаследованных от прошлого народных обрядов и обычаев — дело сложное и тонкое. Такая работа должна проводиться комплексно и с участием не только профессионалов-атеистов, но представителей всех областей духовной и общественной жизни.

Особую актуальность это дело приобретает сегодня в связи с резкой активизацией «исламского фактора» во всем мире, с усилением религиозной пропаганды на нашу страну. В антисоветской, антикоммунистической пропаганде усиливается «мусульманская струя».

И это естественно. Ведь религия изначально является антиподом научного марксистско-ленинского мировоззрения. Кроме того, наши идеологические противники стараются использовать невысокую политическую культуру верующих, обостренное восприятие ими религиозных и национальных вопросов. И неспроста мусульманской тематикой, тесно переплетенной с националистической, перенасыщены программы зарубежных радиоголосов и страницы пропагандистской литературы, ориентированной на районы традиционного распространения ислама в СССР.

На широкую ногу поставлены во многих странах Запада и зарубежного Востока исследования по национальным и религиозным отношениям в Советском Союзе. При активной помощи советологических центров в последние годы заметно оживилась деятельность мусульманских организаций, таких как Всемирная исламская лига, Всемирный исламский конгресс, Всемирная исламская организация. Они созданы по инициативе руководителей ряда государств Ближнего и Среднего Востока и щедро финансируются ими. Эти организации пользуются огромным влиянием на религиозные общества мусульман и по существу определяют их политику.

Еще в 1976 году на конференции Всемирной исламской лиги была провозглашена программа «священной войны» с коммунизмом. Формами такой войны стали распространение панисламистской литературы, пропаганда исламского образа жизни, тенденциозное и клеветническое освещение жизни мусульман в социалистических странах. Созданы и организационные структуры — координирует всю эту деятельность центр антикоммунистической Всемирной исламской лиги.

С 1973 года в Лондоне функционирует Исламский совет Европы. Он курирует более 30 исламских центров и организаций в 12 странах континента. Излишне говорить о том, что главным объектом религиозно-националистической деятельности совета являются мусульмане СССР.

Наряду с международными центрами исламской экспансии можно назвать реакционные экстремистские мусульманские организации, такие как «Джамаат-и-ислами» в Пакистане, «Общество борьбы с коммунизмом» в Турции, «Ассоциация братьев-мусульман» в Египте, Сирии, Ливии и так далее.

Уже простое перечисление наиболее крупных формирований, противостоящих коммунистической идеологии на исламском участке фронта, показывает, насколько сложны и ответственны наши задачи по атеистическому воспитанию людей.

Нельзя допускать, чтобы идеологические противники социализма опережали нас, давая свою оценку и интерпретацию процессам и явлениям в религиозной и национальной сферах, происходящих в нашей стране, подсовывали свои рецепты решения наших проблем. Они используют самые современные технические средства, всевозможные каналы связи, изощренные психологические приемы. Только четкое знание всего этого комплекса, умение оперативно и точно осмысливать мотивы и способы деятельности идейного противника, живо откликаться на события, происходящие в районах традиционного распространения ислама, — только это может стать залогом успеха атеистически направленной контрпропаганды.

Что нужно знать о современной стратегии исламистов? В последнее время наблюдается своеобразный ренессанс идей религиозного национализма и таких его течений, как панисламизм, паниранизм и пантюркизм. Это связано с повышением политической роли ислама во многих странах Ближнего и Среднего Востока. Оттуда все чаще раздаются призывы о создании «мусульманской транснациональной уммы» — объединении всех мусульман вне зависимости от национальных, социальных и политических различий и государственных границ.

Среди главных поборников этой панисламской идеи — правительство Ирана и Всемирный исламский конгресс. Создана даже организация «Форум Матамара», которая призвана начать новое движение с целью достижения всемирного мусульманского единства и солидарности, то есть такого положения, какое существовало во времена пророка и его последователей халифов.

Однако многие буржуазные националисты и мусульманские клерикалы полагают, что такие панисламистские идеи не могут привести на деле к созданию транснациональной мусульманской общины. Поэтому их усилия сосредотачиваются, в частности, на пропаганде идей пантюркизма, которые уже непосредственно адресованы нашей стране. Ведь многие нации и народности СССР, традиционно исповедовавшие ислам, относятся именно к тюркоязычным историческим общностям. Это азербайджанцы, узбеки, казахи, татары, башкиры, киргизы, туркмены, каракалпаки, карачаевцы, балкарцы и другие.

Усиленно муссируется идея о «великой мусульманской тюркской общности в СССР», которую якобы нужно спасти от ассимиляции и русификации. Процесс сближения наций и народностей Советского Союза выдается как планомерная ликвидация национальных различий, уничтожения самобытной национальной культуры и поглощения ее русской культурой.

Заметно активизировалась и пропаганда мусульманского фундаментализма — движения к истокам вероучения, нравственно-правовых предписаний пророка Мухаммеда. С осени 1986 года, радиостанция «Свобода», например, начала вести передачи на национальных языках под рубрикой «Социальная справедливость по исламу». Она строится на сопоставлении положительных нравственных норм в исламе и негативных явлений и фактах в республиках Средней Азии и Закавказья, надерганных из советских газет. Ссылаясь на критические публикации в них, «Свобода» старается доказать, что отрицательные проявления, о которых открыто пишет советская печать, противоречат нормам ислама, «установившего самые справедливые законы, более гуманные, чем при социализме».

Надо признать, что наши оппоненты за рубежом умело используют растущий интерес советских народов, молодежи к своей истории. Он обусловлен ростом национального самосознания, что является естественным и прогрессивным процессом. Но застой в нашей исторической науке привел к тому, что широкая публика не располагает достоверной информацией о тех или иных событиях, личностях, взаимоотношениях народов, роли мусульманских и других религиозных организаций, духовных лиц и так далее.

Отсутствие такой информации дает в руки буржуазно-клерикальным и мусульманско-националистическим объединениям за рубежом, да и некоторым представителям духовенства в нашей стране, определенные козыри. Утоляя познавательную жажду верующих хорошо подобранной дезинформацией, они представляют атеистов одиозными фигурами на всем протяжении исторического развития.

Сравнительно новым направлением деятельности идеологических противников стали попытки дискредитировать мусульманские культовые организации в СССР, подорвать к ним доверие со стороны исламских стран и верующих внутри страны. Досада многих советологов вызвана тем, что исламские деятели СССР лояльны в отношении внешней и внутренней политики правительства. Из-за рубежа активизируются попытки взрастить «параллельный ислам». Они возлагают надежды на различные самостоятельные формы религиозной деятельности, в том числе экстремистского толка.

Но все это не должно создавать у нас иллюзию об отказе антикоммунистов от воздействия на официальный ислам в СССР. Сама критика мусульманского духовенства имеет целью изменить его политические ориентации. У нас же кое-где начинают поговаривать о позитивной роли ислама, его нравственных предписаний. Доходит до политического заигрывания с духовенством. Такие взгляды и настроения в оценке ислама и других религий, проникают в печать, лекционную пропаганду.

В этом вопросе мы должны иметь четкую позицию. В противоборстве марксистско-ленинского и религиозного мировоззрений не должно быть места нейтралитету и компромиссам. Противоборство идейное не должно прекращаться ни на минуту, несмотря ни на какие конъюнктурные моменты в деятельности духовенства. Как бы ни были ориентированы сегодня политически религиозные объединения, они остаются главными носителями и пропагандистами чуждого мировоззрения. А это значит, что мы — атеисты — должны неустанно разъяснять разницу в отношении нашей партии и государства к религиозному мировоззрению и религиозным организациям, которые лояльны к советскому устройству жизни, но организационно не могут быть лояльны к марксистско-ленинскому мировоззрению.

Перестройка нашего атеистического «хозяйства» только начинается. Сейчас разрабатывается новый закон о свободе совести. В нем будут отражены интересы религиозных организаций. Наверняка нам предстоят еще серьезные дискуссии о путях совершенствования атеистического воспитания в условиях демократизации и социалистического плюрализма. Что ж, поспорим. «Мы за разнообразие общественного мнения, богатство духовной жизни, — сказано в докладе М. С. Горбачева на торжественном заседании в Москве, посвященном 70-летию Великого Октября. — Нам не надо бояться открыто ставить и решать трудные проблемы общественного развития, критиковать и спорить. В таких условиях как раз и рождается истина, формируются правильные решения».

Критика наша — конструктивна. С уважением относимся к накопленному в атеистической работе опыту, оценив должным образом ошибки и перекосы, мы должны сделать верные выводы на будущее. А оно начинается сегодня.

Давид Белкин

МИР ВОСТОКА В ТВОРЧЕСТВЕ РАННЕГО ГОРЬКОГО

Первое, что чувствуешь, перечитывая горьковскую публицистику, — ее огонь. Не чадающую головешку, не остывающую золу, а силу и жар точно нацеленной мысли, которая возбуждает энергию действия.

Без знакомства с публицистикой писателя трудно вести разговор об отношении этого великого русского художника к Востоку, его истории, мировосприятию его народов, их словесному искусству. Сложный, противоречивый мир Востока — и в первую очередь его религиозные учения — заинтересовал нижегородца Алексея Пешкова задолго до того, как читающие массы Европы и Америки познакомились и увлеклись романтическими рассказами доселе неизвестного Максима Горького.

На протяжении сорокапятилетнего творческого пути интерес Горького к Востоку, его культурным памятникам не оставался неизменным. Он был различным в разные периоды жизни писателя: и во время литературной работы на родине, в Нижнем Новгороде (до 1904 г.), и в первые годы Советской власти, когда он организовывал издательство «Всемирная литература», в пору руководства Союзом советских писателей в середине 30-х гг. По-разному проявлялся этот интерес в произведениях Горького, своеобразно влиял на их идейную направленность и тематическое содержание. К сожалению, факт эволюции интереса пролетарского художника к Востоку изучен пока слабо. По существу, исследование его началось в послевоенные годы. И одной из первых была здесь преподаватель Ташкентского пединститута, доктор филологических наук Л. Н. Ульрих¹, к прискорбию, в этом году ушедшая из жизни.

Будущий писатель оказался современником многих событий, развертывавшихся в Азии, в пограничных с Россией государствах во второй половине XIX века. Когда в марте 1873 года в местечке Сан-Стефано (близ Стамбула) был подписан послевоенный мирный договор России с Турцией, Алеше Пешкову исполнилось десять

лет, но он уже успел щедро хлебнуть несладкой жизни «в людях». Когда в декабре 1885 года в Бомбее было положено основание Индийскому национальному конгрессу, семнадцатилетний нижегородец Алексей Пешков проходил в Казани, в булочной Семенова, свои «университеты».

Трудно сказать, прослышал ли он что, а может и прочитал о названных ориентальных событиях, однако интерес к духовному наследию народов Востока все же формировался именно в ту пору в душе подростка. В повести «В людях» писатель вспоминает легенду о китайском драконе Цинги-Ю-Тонге, пытавшемся творить людям добро. В иконописной мастерской, где трудился Алексей Пешков, скука тяжкой, как свинец, волной «давила людей, умерщвляя в них все живое». В дни зимних метелей он и его друг Павел «героически боролись со скукой». Стараясь «развлечь своими средствами», молодые друзья разыгрывали комедии². «Пашка изображал несчастного черта, которому вздумалось сделать доброе дело, а я — все остальное: людей обоего пола, предметы, доброго духа и даже камень, на котором отдыхал китайский черт в великом унынии после каждой из своих безуспешных попыток сотворить добро» (XIII, 423).

Легенда о китайском драконе Цинги-Ю-Тонге особенно нравилась публике. Она вызывала «истинную свободную и легкую радость в людях! Чего-то я достигал, меня хвалили, мне удивлялись» (XIII, 423).

В молодые годы Алексей Пешков прочитал множество книг о народах и странах Востока. Они-то и заронили в его душу желание побывать в Индии и Китае.

В годы странствий по Руси будущий писатель нередко сталкивался не только с людьми разной морали, но и разных национальностей.

Осенью 1888 года во время работы в артели рыбаков на грязном каспийском промысле Кабанкул-бай Алексей Пешков близко познакомился с «восточным человеком», то ли персом, то ли армянином, — Изетом, одним из горемычных рабочих-отходников, покинувших родину в поис-

¹ Литературовед убедительно показала, что сармакандские легенды, входящие в состав «Сказок об Италии» М. Горького, опираются как на исторические факты, так и на литературные источники, причисленные к прошлому Востока; что в легендах о Тамерлане и легенде о Махайме писатель поэтически воссоздал облик Средней Азии в эпоху Тимура. («Звезда Востока», 1948, № 1, с. 94—111).

² М. Горький. Собрание сочинений в тридцати томах, М., 1949—1955, т. 13, с. 422. Далее все ссылки в тексте на произведения М. Горького, кроме оговоренных, даются по этому изданию. Римскими цифрами обозначен том, арабскими — страницы.

ках заработка. «По-русски он почти не говорит, но прекрасно понимает все, что ему приказывают» (XI, 401). Казалось, пришельцу из Персии вовсе неведомо чувство человеческого достоинства. И мастеровой из Нижнего Новгорода хотел понять, почему Изет не протестует, почему выполняет любые повеления. Когда же на глазах молодого нижегородца на песчаной отмели Каспия происходит убийство безреспотного Изета соплеменником, в сознании будущего писателя возникают мысли, что «для Востока человек сам по себе не имеет значения и цены»³.

Не исключено, что и другие сходные впечатления начала 90-х годов от «полудиких удальцов» Кавказа заставляли его сожалеть, что у этих «пестро одетых, стройных и смуглых» людей не возникает желания действовать за раскрепощение человека, избавлять других от несправедливости. Оказавшись в 1898 году свидетелем праздника шиитов в Тифлисе, молодой писатель обрисовал «религиозный фанатизм людей Востока», который, «развиваясь свободно и невзбранно», «принимает формы безумного иступления, нередко увечит и убивает своих рабов» (XXIII, 273). Сознанию, затемненному религией, замечает Горький, чуждо ощущение радости бытия. И он все активнее начинает мечтать о другом облике России, о «мягких условиях», полных уважения к каждой человеческой личности, столь необходимых, по его мнению, для внесения в среду людей Востока.

Когда в 1894—1895 гг. на Дальнем Востоке развернулась японо-китайская война, а через год — армянские погромы в Турции, в местных газетах поволжских городов можно было уже прочитать рассказы о свободолюбивых героях малоизвестного тогда писателя Максима Горького, который активно выступал против национального произвола, против несправедливого отношения к человеку-труженику.

Летом 1900 года внимание передовой общест-венности России было приковано к Китаю: по ту сторону Великой стены впервые за многие годы народ взялся за оружие. Вспышки народного гнева вылились в мае 1900 года в большое восстание. Когда освободительное движение масс, казалось, подошло к зениту, Горький решил ехать в Китай в качестве корреспондента. Зная об аналогичном желании А. П. Чехова, он забрасывает его письмами. «Дорогой Антон Павлович! Поедемте в Китай? Как-то раз, в Ялте, Вы сказали, что поехали бы. Поедемте! Мне ужасно хочется попасть туда... Жена не очень охотно отпускает меня одного, но говорит, что была бы совершенно спокойна за меня», если бы и Вы ехали. Едемте, дорогой Антон Павлович! Там — интересно» (XXVIII, 123).

Чехов хорошо понимал, что писателя Горького, находившегося под гласным полицейским надзором, правительство не выпустит за границу, да еще в страну, где народ поднялся против монарха. Учитывал он и пошатнувшееся состояние здоровья друга-писателя. Обстоятельства эти и определили характер ответных писем. Чехов старался успокоить Горького: «В Китай ехать уже

поздно, так как, по-видимому, война подходит к концу». Вместе с тем Антон Павлович подчеркивал, что ехать в Китай он собирался не корреспондентом какой-либо газеты, а «только врачом. Военным врачом». (Как много говорят два этих слова!) «Если война затянется, то поеду», — заверял он Горького.

Увлечение Горького Востоком не было похоже на увлечение российских обывателей буржуазными романами, воспевающими экзотику в колониях Азии и Африки. Желание побывать в странах Востока никогда его не покидало.

Среди сотен томов, подаренных писателем в первое десятилетие нового века публичной библиотеке Нижнего Новгорода, довольно много книг, освещающих историю стран Востока и его народов. О круге интересов владельца библиотеки рассказал позднее домашний доктор семьи Пешковых, известный нижегородский врач В. Н. Золотницкий. В середине 90-х годов он не раз проводил дни и ночи у постели тяжело больного Горького, созная «всю серьезность тогдашнего положения своего пациента». В дневнике Золотницкого сохранилась следующая запись: «...ему (Максиму Горькому — Д. Б.) хотелось постранствовать еще — попасть в экспедицию с известным ботаником Красновым на Цейлон, в Индию, Китай и Японию». Писатель говорил об этом в те дни, когда многих его друзей тревожил «возможный печальный исход» болезни. В его небольшой библиотеке, по словам Золотницкого, выделялись книги о культуре и истории народов Азии⁵.

К тому времени Горький основательно разбирался в религиях древнего мира; хорошо знал не только Библию, но и Коран, «Мировоззрения талмудистов», священную книгу бабитов, «Китаб Акдес» и всякие сектантские «откровения». Ему было известно также учение знаменитого арабского философа Аверроэса, чьи взгляды на происхождение мира и бессмертие души воспринимались как проповедь неверия⁶.

Горький внимательно читал подобного рода литературу. Это не было попутным знакомством молодого писателя с историей и культурой Востока или простым приобретением новых сведений. Это был сложный процесс обогащения миропонимания художника, тесно связанный с его творчеством. Так, на страницах «Нижегородского листка» М. Горький публикует легенду об арабском калифе из Кордовы Иезиде и еврейском мудреце Рафаиле Талебе. Молодой автор предупреждал читателей, что имена героев записаны в старинной книге, «переведенной с арабского языка». Детальями восточного быта, манерой письма, усложненной философскими сентенциями о бренности бытия, молодой писатель стремится воссоздать атмосферу легендарного прошлого.

Знание основ философских учений народов Востока порой помогало молодому Горькому в его размышлениях о явлениях русской духовной жизни. К примеру, знание это помогло ему постигнуть некоторые особенности миропонимания Льва Толстого, писателя национального «в самом истинном и всеобъемлющем значении

³ М. Горький. Статьи 1905—1916 гг., изд. 2, изд-во «Парус», Пг., 1918, с. 175.

* В беседе с автором настоящей статьи в сентябре 1959 г. Екатерина Павловна Пешкова рассказывала по поводу письма, что она опасалась тогда за здоровье Алексея Максимовича и что длительная поездка в далекий Китай без повседневной медицинской помощи была бы для писателя крайне рискованной. Участие же Чехова, который был хорошим врачом, снимало многие опасения.

⁴ А. П. Чехов. Полное собрание сочинений и писем (в 20 томах). М., ГИХЛ, 1946—1951, т. 18, с. 372.

⁵ В. Н. Золотницкий. Из воспоминаний о Горьком. Сб. «М. Горький в Н. Новгороде», 1928, с. 58, 63.

⁶ Подробно об этом см. в работе: Л. Н. Ульрих. Самаркандские легенды Горького, — «Горьковские чтения». 1959—1960, М., 1962, с. 192—212.

этого понятия»⁷. В записках Горького о встречах и разговорах со Львом Толстым в Крыму приведены имена и афоризмы восточных мудрецов, одобрительно произнесенных русским гением. Среди них — изречение арабского халифа Абдурахмана (Абд-ар-Рахман) о четырнадцати счастливых днях в его долгой жизни. Рядом с суждениями Лао-тце и Конфуция упомянуто еще одно апокрифическое арабское изречение, которое Горький применил к Л. Н. Толстому: великому писателю русскому «никогда и нигде» не было хорошо — ни «в книгах премудрости», ни «на хребте коня», ни «на груди женщины» (XIV, 282).

Мысли Горького о близости различных аскетических учений Востока философии Л. Н. Толстого с ее отрицанием активного, преобразующего деяния человека, с ее призывами к «непротивлению злу насилем» нашли позднее развитие в ряде исследований советских ученых.

События русско-японской войны обострили интерес Горького к Востоку, народу и культуре Японии. «Эта идиотская, несчастная, постыдная война, — писал он, — какой-то дикий кошмар»⁸. Его мнение резко противостояло официальному. Монархические газеты обвиняли писателя в том, что он «работает на японские деньги» (XXIX, 383). Горький сожалел, что русская пресса не сообщает «ничего хорошего» о японском народе. Противник шовинистической пропаганды, он писал Е. П. Пешковой в Нижний Новгород: «Это тупое жулье — патриоты издатели — выпускают на рынок только вещи явно недоброжелательные Японии, а объективного — ни страничку»⁹.

Горький много читал о Японии, ее прошлом и настоящем. Характерна такая деталь: в 1905 году в описи вещей писателя, заключенного в Петропавловскую крепость, упоминается «История японской литературы» В. Астона, вышедшая в 1904 году во Владивостоке...

Трагические события войны с Японией вскрывали — и художник это отчетливо видел — гнилость и преступность российского самодержавия, его открытое пренебрежение интересами трудящихся. Позиция правящих кругов резко отличалась от настроений широких народных масс. События на Дальнем Востоке влияли на психологию и на поведение многих русских крестьян. Эта трагедия народа несколько позже нашла отражение в цикле рассказов М. Горького «Жалобы». В них правдиво показаны печальные эпизоды русско-японской войны, окопный быт под Мукденом, а главное — настрой души русских солдат, вчерашних новгородских хлебопашцев, «которые не понимают, зачем нужно драться» с японцем (X, 216).

А герой повести «Лето», «самый дерзновенный мужик на всю округу», Михайло Гнедой, побывавший в японском плену, заявляет, что война — «это и есть мой поворот». Он «таинственно говорит» о нежелании земледельцев воевать: «Я, ребята, людей этих, китайцев, японцев, близко видел — и которые воюют, и которые землю пахут... Это же настоящий рабочий народ... все они и не хотят войны, потому сеют этокое особое просо» (VIII, 496—497).

В горьковских произведениях — «Жалобы», «Лето» и других — намечена тема социального

прозрения русского крестьянства в ходе войны на Востоке. Писатель изображает отношение российских солдат к жителям Японии, Китая, Кореи. Далеко не все вызывает здесь одобрение Горького. Однако в поведении вчерашних землепашцев, в отличие от поведения небольшой кучки черносотенных офицеров, писатель не заметил расовой вражды к населению неведомых им прежде стран.

В годы вынужденной эмиграции на острове Капри (1906—1913) познания М. Горького о духовной культуре народов Востока обогащаются. Внимание писателя привлекают мусульманские и арабские памятники. В европейских газетах тех лет мелькают сообщения о готовящейся поездке Горького то на Цейлон, то в Японию, то в Каир...

Примерно с этого времени, кануна первой мировой войны, внимание писателя теперь больше привлекают современные события, разворачивающиеся в странах Востока. Процесс этот был для Горького естествен и закономерен. И как личность, и как художник он выступал активным свидетелем эпохи пробуждения Азии. За активное участие в первой русской революции М. Горькому грозил суд, писатель дважды встречается с В. И. Лениным на Капри, а затем в Париже. Общение с Ильичем помогло Горькому глубже понять новую полосу всемирной истории, когда под влиянием событий 1905—1907 гг. в России миллионные массы в Азии и Африке превращались в активных борцов против колониализма. В. И. Ленин тактично помогал автору «Матери» правильно видеть и оценивать сущность многих событий, происходивших в те годы на Востоке.

Когда Горький осенью 1912 года вошел в состав редакции журнала «Современник», он тотчас стал помещать в нем материалы о Китае и Персии. В «Хронике заграничной жизни», которую он вел, можно было прочесть отклики и на выступление готтентотов против германских колонизаторов в Намибии, и на революционный подъем 1905—1908 годов в Индии, и на создание в Японии легальной социалистической партии, и на Младотурецкую революцию 1908 года и многое другое.

Провозглашение Китая осенью 1911 года республикой и избрание Сунь Ятсена ее временным президентом будили М. Горького обратиться к нему с письмом. «Мы — братья по духу, товарищи по намерениям», — подчеркивал свою солидарность с революционными преобразованиями Сунь Ятсена пролетарский художник. Он осуждал враждебные китайской революции действия российского самодержавия: «Должны ли мы, социалисты, люди искренно верующие, что весь мир может и будет жить братской мирной жизнью, — должны ли мы допускать, чтобы жадные и глупые люди способствовали развитию расовой вражды, которая может встать на пути социализма мрачной и крепкой стеною?»

И, развивая мысль, писал: «Нам, социалистам, необходимо как можно чаще говорить о том, что в мире существует вражда правительств и не должно быть вражды народов, вызываемой жадностью командующих классов».

В заключение М. Горький просил Сунь Ятсена написать статью для журнала, чтобы «русские познакомились с возрождением Китая по рассказам честных китайцев» (XIX, 275—276).

М. Горький приглашал к участию в прогрессивной российской периодике и деятелей революционного движения Индии. Писателя волновали судьбы борцов за освобождение этой страны. На страницах «Современника» сообщалось о тай-

⁷ М. Горький. Избранные произведения, т. 2, М., 1946, с. 291.

⁸ Архив А. М. Горького, т. VII, М., 1959, с. 49.

⁹ Там же, т. У, с. 106.

ном судебном процессе, затеянном английскими колонизаторами для расправы над В. Д. Саванаром и завершившемся осуждением индийского патриота на 48 лет тюремного заключения. Судьбу поборника национальной независимости Индии М. Горький сравнивал с судьбой мужественного борца с самодержавием Н. Г. Чернышевского¹⁰.

Писатель и материально помогал индийским революционерам, находившимся в эмиграции. Благодаря участию Горького «Современник» напечатал в 1912 г. политические заметки выдающегося руководителя рабочего класса Японии Сэн Катаямы (Катайямы). Эта публикация М. Горького представляет немалый интерес для истории нашей предреволюционной печати. Статья Сэн Катаямы, пожалуй, впервые знакома широкой читательской аудитории России с революционной мыслью современной им Японии.

В деятельности индийских, китайских и японских революционеров, столь привлекавшей пролетарского писателя, Горький видел и грядущее торжество освободительных начал в жизни народов азиатского материка, и залог преодоления препятствий, мешающих сближению Запада и Востока. Вместе с тем в годы, предшествовавшие первой империалистической войне, писатель связывал торжество благородных идей взаимопонимания народов не только с революционной борьбой пролетариата, но также с деятельностью научной и технической интеллигенции.

Революционно настроенного художника удручало, что в процессе сближения народов, необходимость которого диктовалась всем ходом развития человеческого общества, царская Россия, его родина, играла отрицательную роль, и не только в пределах своего государства. Пролетарский писатель многократно разоблачал закулисные махинации и грязные дела самодержавия в пограничных с Россией странах Востока.

В 1915 году, подавленный кровавой катастрофой мировой войны, Горький опубликовал статью «Две души», в которой дал высокую оценку духовной энергии народов Европы и высказал резко отрицательное отношение к империалистической войне.

Этой статье не найти ни в одном собрании сочинений писателя, вышедшем за годы Советской власти. О ней довольно часто упоминали и вспоминают, за нее даже поругивали писателя. Прочитать ее от первой до последней строчки не имеют возможности не только широкие читатели, но даже студенты филологических факультетов. Видимо, издатели и комментаторы произведений Горького опасаются, как бы на прославленного писателя, первого классика советской литературы, не пала тень, как бы не сник, не затуманился хрестоматийный глянец. А в итоге сложный творческий путь Горького от этого усердия сделался беднее, прямолинейнее, примитивнее и... скучнее.

В статье же «Две души» большое место отведено сопоставлению двух различных, по убеждению автора, мироощущений — Востока и Запада. Однако, противопоставляя «два различных мироощущения, два навыка мысли, две души», М. Горький не повторял английского классика Р. Киплинга, всю жизнь утверждавшего в своих романах, будто единение Запада и Востока невозможно. Расовые предрассудки автора романа «Маугли» и «Свет погас» были принципиаль-

но чужды М. Горькому. Он специально оговаривал, что, «противопоставляя Восток Западу, я отнюдь не думаю о каких-либо «метафизических сущностях» или о «расовых особенностях», которые якобы органически и неискоренимо свойственны монголу, арийцу, семиту и навеки будут враждебно разделять их»¹¹. Для М. Горького существующее различие между мировосприятием человека Запада и человека Востока — явление преходящее, временное, хотя и неизбежное исторически.

В статье «Две души» писатель стремился проследить, в чем именно сказалось влияние народов Востока на русский национальный характер. Критикуя недостаточную активность народных масс в борьбе с реакцией, с хаосом империалистической войны, М. Горький склонен был видеть причины этого во «влиянии на русскую психику» Востока, в близком соседстве Азии, у которой жители России восприняли» чисто восточное презрение к силе разума». Человек Востока, говорилось в статье, «...слуга своей фантазии. Этот древний человек был творцом большинства религий, основоположником наиболее мрачной метафизики; он чувствует, но не изучает»¹².

Нельзя не признать, что в содержании статьи тесно переплелись и ориентальные впечатления молодости, и многолетний интерес к религиозно-философским памятникам прошлого, и глубоко личные переживания от разгрома царизмом первой русской революции, и, наконец, каждодневные впечатления писателя от враждебности трудящимся массам империалистической войны, которую они покорно восприняли. «Человек Востока, — писал Горький, — ожидает вечного счастья и покоя за пределами земли, в области воображения»¹³. Выступая против безнадежного отношения к жизни, писатель желал, чтобы практически каждый из его соотечественников пребывал «вождем и хозяином своей мысли», а не подчинялся безвольно всякой силе. Он жаждал духовного роста у каждого пролетария, он порицал неприязнь крестьянских масс к достижениям европейской мысли, к активным формам жизнедеятельности. Уже первыми рассказами внушал он читателям, что отношение человека к деянию определяет его ценность на земле. Фатальная предопределенность собственной судьбы, которую Горький увидел в начале империалистической войны в глазах русских крестьян, запуганных и униженных, одетых в солдатские шинели, побуждала писателя говорить о присущем этим массам восточном мировосприятии, направленном «не к земле и деянию, а к небесам и покою»¹⁴.

Суровую оценку Горького получили также имущие слои русского общества той поры. «Начала Востока», обезличивавшие душу, он видел здесь и в «жестокости к рабам», и в «раболепии перед владыками». «И то и другое, — отмечал писатель, — столь же свойственно российскому дворянству, как и «обломовщина».

Свои горестные размышления, что «у нас, русских, две души», — писатель завершал обращением к демократическим слоям общества. Дивная «мощь человека» должна быть направлена, утверждал М. Горький, на создание новых форм

¹¹ М. Горький, Статьи 1905—1916 гг., изд. 2, изд-во «Парус», Пг, 1918, с. 177.

¹² Там же, с. 184, 174.

¹³ Там же, с. 176.

¹⁴ Там же, с. 179.

¹⁰ М. Горький. Материалы и исследования, т. 1, изд. АН СССР, Л., 1934, с. 78.

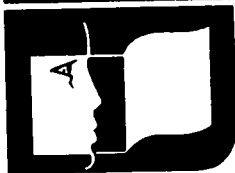
жизни общества, а не на собственное разрушение. Пафос статьи «Две души», как и ряда других выступлений писателя, в полнейшей непримиримости М. Горького к людям с пассивным отношением к жизни, в неприемлемости им веры человека в фатальную предопределенность собственной судьбы.

В современном Горькому ориентальном мире происходили события — о них мы упоминали выше, — которые корректировали отдельные высказывания писателя. Осознавая некоторые «перекося» в своих суждениях, гуманист Горький не раз уточнял и подчеркивал: «Да не будет мне приписано воинствующего и ненавистнического отношения к Востоку. Это было бы ошибкой. Я лишь против мечтательности и безыдейности — свойств, не мною признанных характерными для души Востока, свойств, которые столь долго

держали его в своем цепком и ослабляющем энергию плену»¹⁵.

Будучи страстным поборником идеи дружбы народов и делая все для ее скорейшего осуществления, Горький выступал против политики российского самодержавия, возбудившей в програнных странах Азии вражду к русскому народу. Первым общественным начинанием М. Горького после социалистической революции, получившим огромный резонанс, была организация им в красном Петрограде издательства «Всемирная литература». Оно должно было в небывалых по масштабу тиражах нести новому читателю все лучшее, все гуманное, что было создано за тысячелетия поэтической мыслью Запада и Востока.

¹⁵ М. Горький. Литературно-критические статьи (ред., введение и комментарии С. М. Брейтбурга). М. 1937, с. 138.

ВЧИТАТЬСЯ БЫ ПОЭТУ НЕ СПЕША...

Раим Фархади. Будем дружить. Песенки, стихи, загадки. Ташкент, издательство «Юлдузча», 1987 г. Будь смелее, Черноух! Стихи, Ташкент, издательство «Еш гвардия», 1987 г.

Две книжки стихотворений для детей Раима Фархади вышли почти одновременно. За исключением трех стихотворений, каждая из них не повторяет другую. Отличие между этими сборниками еще и в том, что в «Будем дружить» все стихотворения даны в оригинале — на русском языке — и в переводе на узбекский язык. Книжка эта вышла в серии «Изучаем русский язык» и предлагает для детей дошкольного возраста «Песенки, стихи, загадки». Мы будем рассматривать русский — авторский — вариант.

В четырех разделах сборника стихи сгруппированы весьма произвольно, и подбор их далеко не во всем соотносится со стихотворением, давшем название каждой части. Так, в первом разделе «Моя мечта» заглавное стихотворение убедительно раскрывает «мечты» кораблика, жеребенка, ручейка и тропинки, и несколько неожиданно после простого перечня профессий, как бы с голоса взрослых, завершается сентенцией, которая звучит не решением, а назиданием:

Надо настоящим
Человеком стать!

А затем идут стихи о природе. Именно в них проявляет автор непосредственность и наблюдательность, видит окружающее в движении и передает эту динамику, заражая радостным ощущением жизни:

У Весны в руке волшебный ключик —
Озорной такой весенний лучик.
Им она тихонько повернет —
И на речке вмиг растает лед.

На ветвях она откроет почки,
Выпустит зеленые листочки.
Клетку отомкнет и — чудеса,
Певчих птиц отпустит в небеса.
Двери отворит и вместе с нами
Побежит за первыми цветами!

Досадна «клетка» — она из практики человека, и конкретность ее заставляет споткнуться, посягает на восприятие чуда Весны. Впрочем, и название «Ключ Весны» (а у нее — молодой, шаловливой — ключик!) — мешающая тяжеловесность.

Светло и живо рождается солнечный денек, «Что нарисовал художник» (стихотворение так и называется). Да и в последующих разделах радуют своим появлением то «Торопливая река», то «Спелые вишни». Правда, и в них вдруг окажется случайное слово, а то и неточный — по выражению или по логике сюжета — финал. Но есть в них неожиданность открытий, приближающая, делающая особенно зримым и ясным многое из окружающего мира, светлый и чистый тон, на который не может не отозваться восприимчивая душа ребенка. Однако степень легкости складывания в рифму выглядит временами результатом то ли небрежности, то ли поспешности («Арбузный секрет» просто дезориентирует покупателей: белый арбуз не может заскрипеть!).

«Будем дружить!» — заглавное стихотворение сборника — написано по законам хоровой песни: куплет — припев. Все на месте, бодро и по теме: «Что всего нужнее? Дружба».

Но вот две строки перед заключительным припевом — сами по себе тривиальные и совершенно не обязательные, не подытоживающие мысль:

Сколько в мире глаз лучистых —
Столько солнышек земных.

Стихи для детей у Р. Фархади обладают качеством вовлечения в игру, сообщают новое, занимательны описанием явлений и непременно юмористичны, — будь то ребячья жизнь, жизнь зверят или птиц, речки, дерева... И опять-таки — но...

Возникает недоумение, когда «доктор-дятел» лишь «трубкой (? — И. Г.) слушает деревья» для их исцеления или «Два дружка-петушка» после драки ковыляют и хромают без хвостов...

И тогда в обнимку шли два дружка,
Неразлучных два дружка-петушка.

Это «и тогда» остается необъясненным.

Есть ли в сборнике «Будем дружить» беспспорно художественно цельные стихотворения? Да. Вот пример — юмористические: «Кто быстрее всех на свете?» и «Кенгуру». В первом из них перечень животных и птиц, от леопарда до черепахи и сороконожки — претендентов на рекорд скорости передвижения, — подытоживается неожиданной идеей:

Летним утром на поляне,
Всех собрав часам к шести,
Хорошо б соревнованье
Между ними провести.

Любимый поэтом ход — объемный перечень персонажей или профессий («Весенняя песня», «Моя мечта»), предметов («Улитка») и тому

подобное, — здесь подчинен задаче, и выбор сделан с юмором.

Приятно встретить в сборнике среди часто встречающихся стихотворений-рассказов (юмористические сценки «Сон медвежонка», «Снежок и Дружок», в значительной мере надуманное стихотворение «Бабушкины пироги» и др. такие лирические стихотворения, как «Расти, тополек!» и коротенькое «Спокойной ночи»:

Осень. Вечер. Спать пора.
Спать пора и видеть сны
Ребятишкам — до утра,
Медвежонку — до весны.

«Расти, тополек!» — рождает у маленького читателя доброе чувство к молодому деревцу за его стойкость, он узнаваем по картине за окном. Кстати, местный колорит в стихотворениях Р. Фархади минимален, что само по себе огорчительно, и главным образом выражен в именах собственных. Что же до этого тополяка, то оказывается — «Корни в глубине у него гудят», и за это нелепое «гудят» ответствен уже автор.

Детсадовским чтениям подойдет «Кузовок загадок»: перед теми из девяти загадок, что отгадываются подсказанной рифмой, так и слышится присловье «а вот еще, дети»:

Мне порою не до игр —
Я р-рычу, я гр-розный...

(тигр)

Четкие навыки перехода улиц на перекрестке («Светофор») расположились рядом с маловыразительным «Шоколадным деревом» (конфликта нет, персонажи и их мечты об Африке не в пользу стихов Р. Фархади напоминают героев К. И. Чуковского, но насколько это слабее!).

Небрежность — неточное слово, невыразительная рифма, сбой ритма, недостаточная мотивированность сюжетного хода, финала — все это досадные или уже нетерпимые огрехи любого стихотворного произведения. Но в стихах для детей, да еще претендующих на роль надежной опоры при овладении русским языком, — абсолютно недопустимы. А стихотворение о труженицах-пчелках, лаконичное и емкое, ненавязчиво дающее урок подвижничества на примере жизни этих полезных насекомых, названо «В саду», тогда как уже в первой же строчке этот заголовок опровергается. Причем, дальше все хорошо, и стихотворение мило-юмористически завершается укороченной нерифмуемой строкой-словом:

В САДУ

В поле яблонька цветет.
Собирают пчелы мед.
Сладкий мед, душистый,
Чистый,
Золотистый!
Говорит пчеле пчела:
— Много ль меду собрала?
— Меду полное ведроко.
— А в ведрке будет сколько?
— Капелька!

Ну да это еще за шутку автора и редактора сойти может. А вот как быть с попросту неграмотным, зарифмованным в четком ритме ударением.

Ты проверь его щелчком,
Наклонись к нему ушком.
(«Арбузный секрет»)

Или — в стихотворении «Простуда» (одно из немногих, написанных трехсложным размером):

Лишь дверь приоткроешь — влетит
сквозняками.
Ее не прогонишь шарфами, платками!

Второй сборник стихотворений — «Будь смелее, Черноух!» — адресован младшим школьникам. Но признаем честно, что существенного различия между книжками ни в тематике, ни в способах познания окружающего мира, ни в характере выражения этого познания обнаружить не удается. Включенные в оба сборника стихотворения («День рождения», «Наш звездолет» и «Хлопок собираю») естественнее было бы распределить между книжками. Первое — про серого бычка, который оказывается осликом после многочисленного дергания за уши поздравителями, — поместить в сборник для дошкольников, если, конечно, согласиться с довольно алогичным и явно грустным финалом:

И стоит он у стола
И скушает.
И гостям — Iа! Iа! —
Отвечает.

А два других оставить только в сборнике для младших школьников: сама идея постройки звездолета «из металла и картона» и текст телеграммы с борта его с заключительным: «Жди героев юных, мама» — не по возрасту дошкольникам, как и собранная «маленькая горка» хлопка, о которой

Кто увидит, скажет:
— Эта горка хлопка —
Дюжина рубашек.

В названных стихотворениях есть свои удачи — игровое начало и живость рассказа в первом, поэтичность ощущения, вызванного прикосновением к раскрывающейся хлопковой коробочке, — в последнем:

Чудо-то какое —
Тронь его рукою!
Вьются волоконца,
Словно нити солнца!

Но тем более огорчительна корявая рифма процитированного выше финала: «скажет» — «рубашек».

Есть в этом сборнике ряд стихотворений, напрямую адресованных дошкольникам: «Попугай», «Медвежата заболели», «Это кто пришел к нам в гости?» и другие.

В традициях «Айболита» К. Чуковского «длинная» история про белых медвежат, которых лечат мороженым. И традиция хороша, и продолжение ее — творческое.

Неожиданная концовка «Кузнечика-солдата» юмористически разрешает и без того забавную ситуацию сборов «героя» на войну:

...Сказал: — Готовь мундир, жена,
Я отправляюсь на войну.
Ты слышишь, сапоги стучат?
Там, где ромашки и трава,
Звучат слова: — Шагай, солдат,
Не отставай, солдат. Раз-два!
...Надел кузнечик свой мундир,
Острее саблю наточил,
Идет в поход. А из окна
Ему вослед кричит жена:
— Ошиб-ся ты нем-но-жко,
Там, где ромашки и трава,

Себе команду: — Раз-два! —
Прошла сороконожка!

И у детей эти стихи непременно вызовут добрую улыбку, а может быть и удержат от бессмысленной ловли кузнечиков, охоты за насекомыми.

В стихотворении «Тишина» это довольно абстрактное для малышей понятие облекается в систему конкретной образности — доступно и поучительно. В «Лепешке» обыгрывается сходство ее формы с луной и разворачивается метафора, доступная и занятая детям. А сложено стихотворение по типу народных загадок:

Вышла бабушка Ночь
Звезды-зерна толочь.
Рябятишкам слепила лепешку.
Подойдите, внучата, к окошку.
До чего ж аппетитна она,
Золотая лепешка —
Луна!

Стихотворение «Начинается дорога» зовет будущих поэтов страны учиться самостоятельно прокладывать свой путь. Но и в нем — невнятность мысли:

Лучше повернуть обратно
На знакомое шоссе,
Где темны мазута пятна,
Проезжают мимо все.

По замыслу — это предостережение не поддаваться слабости и усталости. По исполнению получилось иное: даже если вернуться назад, там все равно проедут мимо...

Стихотворение, давшее название сборнику, это рассказ в стихах, ведущийся от лица мальчика. Лирический герой растит щенка, готовя его к службе на границе, и сам являет собой пример настойчивости, целеустремленности, ответственности и доброты. Им движет горячее желание выполнить задачу, поставленную перед собой. И он полон забот и тревог о щенке, ведет его к врачу, чтобы вылечить собаку от страха перед всем и каждым...

Подрастает Черноух,
А боится даже мух!
На забор присела птица —
Убежал щенок. Боится.
Замычал в саду бычок —
Пес оттуда наутек.
Дети начали игру —
Он забился в конуру.
Ночью лает с перепугу,
Лаем будит всю округу.

Как легко и емко обрисована ситуация! Вот только и тут — небрежность: почему бычок оказался в саду? Забрел? Тогда это прецедент! Только слово «сад» помещается в размер стиха? Так это недоработка...

А вот и финал:

Чтоб любому видно было:
Черноух на поводке,
Автомат в моей руке,
А граница — на замке!

И вновь (поспешность? небрежность?) возникает нечеткость мысли, ведь нужно, чтобы было, а не видно было. Да и для надежной охраны границы перечисленного, пожалуй, маловато!.. И все-таки этот опыт в жанре стихотворения-рассказа, безусловно, удачен, не в пример неудавшейся попытке создания баллады о «Короле-Лежебоке» в сборнике «Будем

дружить». Воспитательное значение истории о Черноухе и эмоциональная окрашенность безусловны.

К сожалению, многое из сборника «Будь смелее, Черноух!» не свободно от недостатков. Надуманность ситуаций («Чудесный мяч»), противоречивость сюжетного хода, необусловленность финала («Упрямый Ахмед»), невнятность выбранного хода («Небылица»). Даже искусственность тона, — для Р. Фархади это обычно не характерно, — в таком, например, лирически-задушевном по теме стихотворении, как «Мама».

Из двух рецензируемых книг более удачно, в соответствии с адресатом, жанровыми особенностями стихов и стилистикой поэта, оформлена «Будь смелее, Черноух!» (художник Т. Колесникова). Хотя и в ней попытки образного обобщения соседствуют с прямолинейной иллюстративностью, вовсе необязательной для детей «младшего школьного возраста».

Что ж, Р. Фархади в который раз подтвердил свойственную ему «легкость пера» как в хорошем, так и в дурном смысле. Стихи как будто сами складываются в созвучия, в ритмически стройные строфы, но иногда это выходит из-под строгого контроля вкуса и четкой задачи, приобретает характер случайности. Вчитать в поэту еще раз, не спеша, в пусть уже и напечатанные однажды строки... Поправить замеченные огрехи при переиздании... Ведь все это — во имя служения Поэзии и формирования нового Человека.

И. ГРИНБЕРГ.

ФАНТАСТИКА! РЕАЛЬНОСТЬ...

Хаджиакбар Шайхов. Блеск алмаза. Научно-фантастические повести. Ташкент, издательство литературы и искусства им. Г. Гуляма, 1988 г.

Парадоксально устроен человек: жаждет первозданной природы — и создает искусственные цветы, пугается собственных возможностей — и стремится стать еще могущественней, удивляется грандиозным открытиям современной науки — и с голодной ненасытностью мечтает о расширении пределов.

Очевидно, в этой парадоксальности таятся как опасность самоуничтожения, так и условие движения вперед, возможность преобразования животного инстинкта самосохранения в подлинно человеческое чувство ответственности за жизнь на Земле.

Человеческое могущество основано на неувядающем стремлении ко всему новому, необычному. Поэтому так сильна и всеобща потребность в научной фантастике, способной беспредельно расширить горизонты наших возможностей.

Научно-фантастические повести Хаджиакбара Шайхова как бы предлагают разные варианты решения извечной задачи: «что будет, если...» В этой формуле особенно привлекательно то, что следует вместо многоточия, ибо положенная на реальную жизнь, эта часть преломляет сегодняшние проблемы в фокусе будущего развития

цивилизации. Возникает эффект, сходный с теми уроками, которые мы извлекаем из исторических исследований. Только здесь предмет изучения — мы сами.

Название сборнику дала повесть «Блеск алмаза», состоящая из четырех частей, объединенных главным героем космонавтом Олмосом Азизовым. Первая часть повести стоит как бы особняком и речь о ней пойдет попозже, а пока обратимся к основному сюжету произведения.

Итак, на планете Ренэ бесследно исчезло несколько автоматов-разведчиков Вселенной, потеряна связь с экспедицией капитана Старка. Для разгадки тайны планеты снаряжается новый звездолет. Напряженная детективная завязка позволяет автору сразу же завладеть вниманием читателя, вовлечь его в атмосферу поиска решения задач, которые могут возникнуть перед путешественниками в неизведанное.

Прием довольно традиционный, да и само развитие сюжета не поражает новаторскими изысками. Есть здесь и описание грядущего совершенства техники, и джентльменский набор научных терминов. Но за всеми этими обязательными атрибутами фантастики неожиданно ведущей становится дилемма между понятиями «нравственно» и «безнравственно». Именно с этих позиций рассматривает Х. Шайхов каждый поступок своих героев и от этого повествование обретает особый смысл.

Непредвиденная встреча с неизвестной формой жизни, существующей на загадочной планете, не только ставит перед космонавтами психологические проблемы и подвергает серьезным испытаниям технику, но и проверяет моральные качества исследователей. Эту мысль Х. Шайхов развивает последовательно. Уже при подборе команды космического корабля Олмос Азизов исходил из человеческих качеств членов будущего экипажа, считая их важнее технической подготовки. Готовность человека к самопожертвованию во имя спасения другой жизни, уважительное отношение к любому проявлению интеллекта — вот главная тема размышлений автора.

В отличие от И. Ефремова, который считал, что «...всякое другое мыслящее существо должно обладать многими чертами строения, сходными с человеческими, особенно в черепе», Х. Шайхов придерживается в данном случае гипотезы о возможности неорганической жизни, привлекая в союзники академика А. Ферсмана, назвавшего кристалл живым.

Такой подход к проблеме внеземных цивилизаций представляется более созвучным нашему сегодняшнему отношению к природе вообще. Одним из самых трогательных моментов повести становится эпизод, когда космонавты бережно обходят таинственные «камни» планеты Ренэ, случайно «свежие» металлические детали их корабля. Обходят, чтобы ненароком не навредить той жизни, о которой они пока еще только догадываются.

Стремление героев повести к познанию практически равнозначно готовности помочь. Каждый из космонавтов готов к самопожертвованию во имя общего блага не из пренебрежения к жизни, а от любви к ней. Избирая таких героев, Х. Шайхов значительно усложнил задачу, ибо лишил себя благодатной возможности показать персонажей в позиционном конфликте. Будучи людьми с высокоразвитым нравственным чувством, они не стали при этом унифицированными выразителями авторской идеи. Повесть населена живыми людьми, со своими слабостями и болевыми

точками. Поэтому они понятны и близки читателю.

«Мы твердо рассчитываем, что Вы проявите сострадание, свойственное всем разумным существам, достигшим высокой степени развития...» — обращаются к землянам обитатели планеты Ренэ. Как это по-человечески просто: «сострадание» и как трудно дается нам это чувство даже здесь, на Земле. Чтобы сострадать, надо прежде всего постараться понять. В повести сумели понять друг друга не просто представители разных планет, но и различных форм жизни. Потому что писатель говорит о Существах Разумных. «Не дайте погибнуть нашей цивилизации!» — зывают жители Ренэ. И этот призыв — безусловное эхо сегодняшнего движения за мир и выживание человечества.

Важно, что моральный заряд повести не выглядит лозунгом, а произрастает из сюжета острого, захватывающего. Все действие закручено в тугую пружину, в которой напряжение неуклонно нарастает, тревожа мысль, заставляя интенсивно работать внимание. К финалу, однако, драматизм несколько ослабевает, и в той ее части, события которой происходят после возвращения Азизова на Землю, писатель основательно грешит скороговоркой. Неясной осталась судьба космонавта Адама, не раскрыта тайна черной дыры, разочаровывает перспектива будущей жизни волевого исследователя космоса Олмоса Азизова в несвойственной ему обстановке тишины и покоя.

Все это можно простить лишь в том случае, если неясности оставлены сознательно, в качестве мостика к продолжению повести.

А теперь о первой части «Блеска алмаза», которая названа «Пламя» и формально соединена с последующим сюжетом лишь фамилией главного героя. Именно «фамилией», а не самим героем, потому что Олмос Азизов из «Пламени» ни в чем (кроме, разве что, принадлежности к отряду космонавтов), не совпадает со своим однофамильцем из дальнейшей повествования, где Азизов прежде всего человек дела, умеющий взять инициативу на себя, обладающий повышенным чувством ответственности, способностью находить быстрые решения в самых острых ситуациях. А Олмос Азизов из «Пламени» — пассивный наблюдатель, комментатор, хотя проблемы, для решения которых он направлен на планету Верга, острые, неожиданные.

На планете, которую давно уже освоили и приспособили для своих нужд земляне, происходят странные события. Интерес к происходящему в этой части повести усиливается от того, что в ней затронуты особенно болезненные моменты нашей реальной жизни. Дело в том, что загадочное свечение в одной из пещер планеты Верга вызывает у людей реакцию, сходную с действием наркотика. Жертвами стали четверо мужчин. Единственная в этом коллективе женщина Юлия по необъяснимой причине сумела избежать недуга (можно, конечно, предположить, что здесь проявилось рыцарское отношение автора к женщинам, что очень приятно, но, к сожалению, противоречит логике повести и, увы, жизни).

Акцент сделан не на разрушительных для личности последствиях любви, в том числе и инопланетной, наркомании, а на условиях, дающих возможность ей возникнуть. И дело здесь не в таинственном пламени, а в том, что освобождение человека от забот о хлебе насущном — уже не благо, если у него нет иной, более высокой цели. Наркоз благополучия

может привести к самой страшной катастрофе — потере нравственности.

Выводы, которые следуют из предложенной автором ситуации, более глубоки, чем само повествование, облеченное в форму довольно скомканного сюжета. В данном случае динамика развития событий мешает их психологическому осмыслению. Внутренне не мотивированы неординарные характеры, сложные взаимоотношения между людьми. Непонятно, почему увлечения работников шахты служили их разобщению, а не объединению, почему Юлия, которая странным образом убереглась от искушения, не спасла от этого и своих товарищей. Не выявлена и степень вины каждого участника событий. Слова Фархада, завершающие повесть: «У виновных нет права прощать», звучат просто красивой фразой.

Повесть «Сумеречный пояс» написана в соавторстве с переводчиком книги В. Нечипоренко. Ее жанр можно определить (если бы это не выглядело так неуклюже и длинно), как научно-фантастический политический детектив.

Планета Гемма, на которую опустился космический корабль землян далекого Будущего века, похожа на Землю нашего, двадцатого столетия как по уровню развития цивилизации, так и по накалу милитаристских страстей ее обитателей. Две расы, два народа убивают друг друга на Гемме, потому что цель у их правителей одна — «...любым путем удержаться у власти». Известная ситуация, породившая множество реальных братоубийственных войн. Да и мотивы, которые движут поступками геммиан, увы, вполне «человеческие»: стремление к личной выгоде, жажда наживы, карьеризм. Отсюда и средства: хитрость, коварство, обман. В общем, привычная обстановка.

Но Х. Шайхов создает дистанцию между землянами будущего и придуманными им геммианами и предлагает взглянуть на нас самих как бы со стороны. Удивительные вещи открывает такой ракурс. Какими же глупыми и абсурдными должны показаться грядущим поколениям наши сегодняшние притязания.

Прибывшие на Гемму космонавты, защищенные самой совершенной техникой, оказываются безоружными перед коварством ее обитателей. «С молоком матери впитываем мы неприязнь к самой мысли, что можно как-то воспользоваться чьей-то доверчивостью, откровенностью...» — говорит в повести наш возможный далекий потомок. Как много предстоит пережить человечеству, чтобы эта истина вошла в его кровь.

«Два парня и три девушки шли по косогору, пламенеющему от обилия тюльпанов. Внизу журчала холодная горная речка. В брызгах, разлетающихся от валунов, то и дело вспыхивала радуга» — так красиво и мирно начинается повесть «Необыкновенное облако». Ее действие разворачивается на Земле. Более того, фантастические события, похожие на описанные, могут в недобрый час обрести реальность (горькие примеры тому хорошо известны). Итак, пятеро молодых студентов, мирно гуляющих на лоне природы, увидели необычное облако, продвигающееся к городу и уничтожающее все на своем пути. Х. Шайхов и здесь помещает своих героев в экстремальную ситуацию, отчего характеры проявляются остро, а сюжет развивается стремительно.

Эта повесть, пожалуй, наиболее ярко выражает национальную принадлежность ее автора. Если героев других повестей, включенных в

сборник, можно назвать узбеками только в связи с их именами, то здесь представлен вполне конкретный национальный характер. И если бы автор дал Диляфруз иное имя, она все равно воспринималась бы узбечкой множеством неуловимых особенностей. Возможно, сказалось то, что действие происходит не в абстрактной среде, а в конкретном месте, в Узбекистане. Это придает произведению особый колорит.

В этой повести Х. Шайхов остается верным давно разрабатываемой им теме предотвращения экологической катастрофы. Авторские рассуждения иногда чересчур прямолинейны, откровенно публицистичны. Но за всем этим стоит не дань сегодняшней моде на разговоры об экологии, а подлинная обеспокоенность судьбой планеты. Писатель искренен с читателем, а потому и интересен.

П. МОЛОТНИКОВА.

ПРИКОСНОВЕНИЕ К ЖИЗНИ

Альбина Петрова. Фокусница. Повести, фантастический рассказ и сказка. Издательство ЦК ЛКСМ Узбекистана «Еш гвардия», 1987.

Признаюсь откровенно: прочитав первые страницы этой книги, я сильно заподозрил, что передо мной очередной литературный пряник про замечательных и умных мальчиков и девочек. К сожалению, появился — и не сегодня — целый поток детских книжек, авторы которых как будто специально задались целью оградить юных читателей от реальной жизни. В картонных ярко размазанных декорациях этих сочинений движутся схематичные детские фигурки с перекрывающимися из книжки в книжку дежурными радостями и горестями. Самая большая беда таких героев — это временное непонимание взрослыми искренних движений их посредственных душ. Самый большой конфликт, когда кто-то кому-то не дает игрушку, но, услышав сакраментальное «жадина-говядина!», тут же осознает всю глубину своего морального падения.

К счастью, мои подозрения относительно «Фокусницы» в дальнейшем не подтвердились. Думается, ее герои, их поступки, душевные движения найдут отклик в юных сердцах, помогут, может быть, по-новому взглянуть на окружающий мир. Хотя, сразу скажу, произведения, вошедшие в книгу А. Петровой, на мой взгляд, не лишены недостатков.

Героиня повести, давшей название сборнику, девочка Галя. В начале повести ей шесть, а в конце — семь лет. Этот небольшой в понимании взрослых отрезок времени имеет совсем иной масштаб в детской жизни. Возраст активного познания мира имеет и

свое мерило человеческих поступков, будто бы мелочь приобретает довлеющее значение, а кажущееся значительным отмечается как пустяк.

Композиционно повесть разбита на ряд сюжетно почти не связанных друг с другом новелл. Автор настойчиво подчеркивает основные душевные качества Гали — любовь к природе, к животным и еще, пожалуй, личную смелость. Неплохой, видимо, знаток детской психологии А. Петрова, не говоря об этом прямо, отмечает и другую сторону этой смелости — недооценку размеров опасности, которой часто подвергают себя дети в момент сильного душевного порыва, что приводит в ужас нас, взрослых. Так, Галя, выручая подружку, проходит на большой высоте по доске, переброшенной между балконами, бросается в бурную речку, спасая тонущую курицу.

Рассказы, составившие «Фокусницу», далеко не равноценны по художественным достоинствам, по достоверности психологической мотивации поступков героини, но в первую очередь хочется сказать о тех, которые представляются лучшими.

Это, прежде всего, стоящие рядом главы «Ципенечка» и «Добрая душа». Здесь автор не оберегает маленькую героиню от разочарований, не уходит от изображения таких поступков взрослых, шрамы от которых могут остаться в детской душе на всю жизнь. Что ж, жизнь еще полна несовершенств, чистые и искренние детские стремления нередко сталкиваются со взрослым прагматизмом, а то и с чем-то похуже. Здесь просматриваются и те качества повести А. Петровой, которые свойственны лучшим произведениям, написанным для детей, — в них находят свое и маленький читатель и взрослый. Такая «двойная адресность» — знак высокой литературной пробы. Автор не занимается ханжеской идеализацией взрослого мира, которую иные оправдывают стремлением сберечь авторитет «старших». Вот две новые Галины подружки — Гета и Вика. Они старше Гали, уже перешли во второй класс. Казалось бы... но старше не значит человечнее — приходит решительная минута, и на помощь тонущей птице кидается безоглядно одна Галя. Потому что, как выясняется, Гете подходить к воде «мама не велит», а на Вике — новое платье. Простые черточки действительности, никакого морализаторства, но, полагая, маленький читатель правильно оценит ситуацию.

Галя, большая любительница животных, поселяет спасенную из воды курицу Ципенечку у себя на балконе, ухаживает за ней. И уж совсем омерзительно на этом фоне выглядят соседи — тетя Лена и дядя Миша, — тут же отправившие Галину любимицу в суп, как только она случайно слетела к ним. Где уж им понять всю меру горя, которое они поселили в детской душе! Однако — и тут тактичное соблюдение меры жизненной правды — находятся люди, которые пытаются смягчить ребячью драму, как, например, «старик из четырнадцатой квартиры»: «Прежде всего хочу тебе сказать, чтобы ты не обиделась на весь белый свет. Хороших людей гораздо больше, чем плохих. Плохие делают вид, что они хорошие. Это потому, что они и сами понимают, как много им не хватает, чтобы стать настоящим

человеком». Попутно замечу, что правильнее тут было бы сказать «настоящими людьми».

Тетя Лена и дядя Миша преподносят героине урок бездушия и жестокости. Однако автор заставляет ее получить от взрослых еще один урок — урок лицемерия. Его преподносит тетя Ляля, по словам Галиной мамы, «добрая, веселая». На страницах повести опровержение такой характеристики происходит поэтапно, постепенно, но Галя «раскусывает» ее сразу. Не удержусь от удовольствия привести следующий диалог из повести:

— Слушайся тетю Лялю. Она тебе нравится?

— Д-да... только...

— Что «только»?

— Ты не рассердишься? Помнишь, в зоопарке лиса поймала воробья и съела?

— Да, помню.

— Помнишь, у нее на мордочке висел пушок?

— Ну?

— Мне кажется все время, будто тетя Ляля тоже съела воробушка. Пушок стерла, а следы запудрила...

Точности и образности этого сравнения можно порадоваться, впрочем, как и усомниться в его правомерности в устах шестилетнего ребенка. Не взрослит ли здесь А. Петрова свою маленькую и очень симпатичную героиню?

В целом же разоблачение «доброй, веселой» тети Ляли ведется с большим тактом. Шаг за шагом, поступок за поступком проявляется лицемерная холодная эгоистка, иногда умело, а порой и кое-как маскирующая свою сущность. Думаю, читатели, как маленькие, так и большие, по достоинству оценят эти страницы повести.

Что касается недостатков заглавной повести, то их, увы, немало. Можно посетовать на слабость, а кое-где и вовсе отсутствие логических сцепок между главами, на небрежность стиля, неточность словоупотребления. Наиболее существенным просчетом представляется недостаточная психологическая мотивация ряда поступков героини, что местами прямо-таки разрушает художественную достоверность повествования. Так, например, воспринимается перестановка Галей мебели в квартире после октябрьского сбора (глава «Только те, кто любит труд»). Здесь, как и в эпизоде с выпавшим птенцом в финальной главе «Если кому-то плохо», автору, к сожалению, изменяет чувство меры. И тогда возникает «подгонка» обстоятельств, рассудочное конструирование действий героини, не вытекающих естественно и из ее характера, и из ситуаций.

... Галю приняли в октябрята. Она, радостная, идет из школы и видит выпавшего из гнезда птенца. Можно допустить, что, движимая свойственным ей чувством любви ко всему живому, Галя попытается вернуть птенца в гнездо. Так оно и происходит. Но как надуманно, натушно все это обставляется в повести! «А стройка словно для того и замерла, чтобы наблюдать за ней. Стеклами кабин с высоты жирафов шей смотрели на нее краны, дом распахнул глазницы, и тропинка, свернувшая на гору щебня, притаилась, выжидая: как поступит эта нарядная девочка».

Но и этого мало. Возникает и «рояль в кустах»: «Ветерок гнал мимо листок из книги, как выясняется, из «Сказки о Мальчише-Кибальчише». Лишь прочитав строки Гайдара, дополнительно взволновавшись, «Галя торопливо сняла туфли и, ухватившись за первый сук, полезла на дерево». К сожалению, такая заданность, неубедительность снижают уровень в общем-то хорошей повести.

Не сглаживает острых углов жизни автор и во второй повести сборника «Чужие», героем которой является мальчик Димка, живущий после смерти родителей с дедом. Поначалу дед кажется не в меру строгим и сердитым, но разворачивается действие и обнаруживается в дедовском сердце неиссякаемый источник доброты. А вот поступки тетки Настасьи — с виду правильные и добрые — не согреты душевным теплом, и это обесценивает их. А. Петровой в целом удается осуществить свой замысел — в ненавязчивой форме показать истинную цену человеческих деяний. Есть в этой повести и добрый юмор. Портит, увы, впечат-

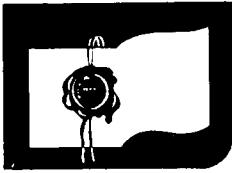
ление торопливость, с которой автор во второй части повествования начинает спешить к финалу, который внезапно оказывается благополучным «хэппи эндом».

С интересом, думаю, прочтут юные читатели и вошедший в сборник фантастический рассказ «Ради далекой Мерцаны». Главное здесь — не туго закрученный сюжет, не чудеса техники, а бескомпромиссный поединок добра и зла, твердая вера в конечную победу справедливости.

Теми же чувствами пронизана и сказка «Пепечек», завершающая книгу.

Произведения разных жанров предлагает А. Петрова в своем прозаическом сборнике — повести, рассказ, сказку. Но, несмотря на различие жанров, используемых выразительных и изобразительных средств, обнаруживается и объединяющее начало. Все они открывают перед юным читателем реалии жизни, являются подлинными уроками правды и доброты.

Д. КУЧЕРЕНКО.

Тулепберген Каипбергенев

Перевод с каракалпакского Е. Сергеева

Н А Ч А Л О

ИЗ РОМАНА-ЭССЕ «КАРАКАЛПАК-НАМЭ»

1.

С того самого вечера, когда мать ткнула меня в ногу острием кочерги за мои выдумки, а старцы-аксакалы благословили меня на поэтическую стезю, мечта стать поэтом преследовала меня, а ночами тень разрасталась и обращалась в сон. Я буквально спал и видел себя поэтом. И ежедневно поутру, вставая с постели, ждал чуда. Ждал, что вот-вот в душе свершится что-то необычное и я заговорю стихами. Но чудо мешкало, вдохновение не спешило навестить меня, и через некоторое время вместо него явилось отчаяние. Оно беспрестанно донимало и изводило меня. Мне начало уже казаться, будто я по небрежности и ротозейству обронил где-то, потерял талант, дарованный аксакалами, будто невзначай растратил его на невесть что, будто совершил какой-то недостойный поступок и в наказание у меня отняли дар.

Но если случилось мне ненароком срифмовать два слова, я радовался несказанно. Отчаяние вмиг улетучивалось и, почувствовав в себе талант, начинал я упорно подыскивать третью рифму. Но куда там...

Дедушка, заметив мои творческие терзания, решил пособить внуку. Он начал добывать книги.

Как только отправится в гости, то так и жди, что вернется с новой книжкой. Читать он не умел, но, видимо, искренне был убежден, что в каждой книжке должно содержаться что-то свое, отличное от других. Скоро в доме собралось по несколько томов учебников «Родная речь», «Арифметика», «География», «История». Помню, скопилось у нас шесть экземпляров каракалпакского эпоса «Алпамыс». И каждую из этих книжек я должен был прочитать ему вслух от корки до корки, не верил дедушка, что они повторяются дословно, все ждал каких-то отличий или изменений, ждал, что вот-вот прозвучит что-то новое.

Довольно скоро эпос «Алпамыс» я знал уже чуть ли не назубок. Поначалу чтение стихов казалось мне большим подспорьем, чем-то вроде тренировки, разминки, как теперь это называется. Душа и ум настраивались на лад поэтической речи. А это важно, потому что рифму — худо-бедно — подыскать еще можно, а вот на поэтический лад настроиться гораздо труднее. Подразмявшись таким образом, я хватал карандаш и начинал строчить, но, исписав листок с обеих сторон, вдруг замечал, что не свои стихи сочиняю, а повторяю чужие. Вернее даже, не повторяю, а коверкаю, порчу их, как портят рисунки в книжке, пытаюсь поверх иллюстрации намалевать что-то свое.

В общем, дела мои шли хуже некуда и, требовалось предпринять что-то чрезвычайное, отважиться на какой-то творческий подвиг. И я отважился. Вспомнил, что, по преданиям, Махтумкули провел ночь под мостом и проснулся поэтом.

Под мост я отправился загодя, еще днем, чтобы как следует обустроиться,

обжить будущее пристанище и самому пообвыкнуться. Нырнув под настил, сразу попал в темень, которая казалась особенно густой после яркого дневного света. Но вот постепенно глаза стали привыкать к темноте, и я начал кое-что различать. Выбрал местечко, на мой взгляд, наиболее подходящее для ночлега. Только пристроился, угнездился, глядь... В трех шагах от меня у самой воды лежат, свернувшись клубком, две пестрые змеи. Я оцепенел от ужаса. Боялся шелохнуться. Вдохнуть и то боялся. Но взгляд от них отвести не мог. Внезапно одна из змей подняла свою голову размером с детский кулачок и метнулась стрелой. Пролетев метра два, она схватила лягушку, выскочившую на берег. Лягушка еще дрыгала лапкой, а змея уже развернулась и поползла с добычей в мою сторону.

Со скоростью стрелы, пущенной из лука, со скоростью змеи, бросавшейся на лягушку, я вылетел из-под моста и задал такого деру, такого стрекача, что опомнился только на другом конце аула возле собственного дома.

Но и после этого случая я не отрекся от своих намерений. Стать поэтом с перепугу, как выяснилось, — невозможно. После пребывания под мостом таланта во мне не прибавилось. Однако выяснилось и другое — застращать мечту тоже невозможно. Тяга к стихотворчеству не убывала. Я по-прежнему старался рифмовать слова, но теперь уже не все подряд, а только те, что казались мне мудрыми или звучными, но мало того, начал еще и подыскивать сравнения: увижу дерево, воду или цветок и все думаю, чему бы их уподобить?

Помню, в классе, кажется, четвертом кто-то из ребят на перемене пустил слух, что все поэты, мудрецы и ученые — люди рассеянные, забывчивые. Этому известию одноклассники мои обрадовались страшно, просто возликовали. Ведь коли так, то, значит, все они не лентяи и не ворон считают, как это утверждают взрослые, а вовсе даже наоборот — будущие мудрецы и поэты в душе. Они с азартом наперебой принялись толковать об этом, и лишь я помалкивал, потому что жуть как расстроился. «Все, — думал я, — конец. Никогда не выйдет из меня поэта. Не те способности. Чего-чего, а рассеянности бог не дал».

Грустно это было осознавать, да что поделаешь, лучше горькая правда, чем утешительная ложь. Понурился, шагнул из школы в тот день.

«Если ты не забывчив,
То забудь о мечте стать поэтом», —

сказал я себе. Сказал и тут же прислушался к этой фразе. Она показалась мне складной, почти как стихи. А может, еще и не все потеряно?

Не знаю, как кому, а мне почему-то всегда удобнее думать лежа. Так и в тот вечер, улегшись на свое место, я начал неспешно все обмозговывать. И вдруг вспомнил, что мой дедушка частенько забывает в гостях что-нибудь, ну, калоши, или шапку, или еще что. А потом долго ищет это дома. Значит, дедушка рассеянный. Но ведь он же не поэт.

Бабушка порой запамятует, сколько раз совершила намаз за день. И бывает, что молится не пять раз, как положено, а шесть. Но ведь она тоже не поэт.

Отец мой вот уже сколько лет посещает ликбез. Это потому, что сперва он учился латинским буквам, когда каракалпакский алфавит был на латинице, а теперь — нашим. Но не помнит ни тех, ни этих и, приходя домой, тут же спрашивает у меня, как читаются те самые буквы, которые он только что изучал в ликбезе. Из-за своей забывчивости он остается почти безграмотным, но почему-то до сих пор не стал ни поэтом, ни ученым.

Мой сосед и одноклассник Карамаддин вечно бегаёт ко мне узнать, что задал на завтра наш учитель Муса-ага Джуманиязов. Это потому, что Карамаддин постоянно забывает записать домашнее задание. Вот — за-бы-ва-ет! Но какой же из него поэт?

Поразмышляв таким образом, я спокойно заснул.

2.

Весной 1941 года я окончил четвертый класс. Назначили день собрания, на котором нам вручат табели, и учитель велел прийти с родителями. Это только так говорится — «с родителями», но в пору посевной родителям некогда расхаживать по собраниям, поэтому явились мы кто со старшим братом, кто с дядей или тетей, а я — с дедушкой.

Когда учитель объявлял годовые отметки, дедушка расцветал от удовольствия. Он выкатил грудь, как петух, и по-петушину же поглядывал по сторонам: все ли понимают, что речь идет о его внуке? Понимали, конечно же, все. Ведь аул не велик, и каждому ясно, что, коли говорят о Тулепбергене Каилбергенове, значит,

говорят о внуке старика Хакимнияз. Однако, услышав, что мне еще и дают бесплатную путевку в пионерский лагерь, расположенный около райцентра, дедушка не сдержался и громко крикнул:

— Молодец, внучек, я доволен тобой, Тулек!

Никто, кроме дедушки, не переименовывал так мое имя. Почему он это делал, я могу лишь гадать. Может, оно и впрямь труднопроизносимое? Но ведь он же сам и назвал меня Тулепбергеном? И надо думать, что имя это должно было ему нравиться. Может, оно длинновато? Впрочем, я этого не нахожу. Имя — не кличка. Это лошадь нужно называть покороче, чтобы удобнее было на нее покрикивать. А чтобы величать человека, не стоит жалеть времени и воздуха в легких.

Но как бы там ни было, а дедушка звал меня кратко — Тулек. Само собой, что не хотел он ни обидеть меня, ни унижить. Скорее всего, ему показалось, что так имя звучит нежнее. Но, повторяю, это лишь догадки.

Моего сокращенного, а точнее сказать — искаженного, имени в ауле никто не знал, поэтому все вроде бы и удивились: о ком это говорит старый Хакимнияз? Только учитель Муса-ага сразу все понял и тут же сочинил стихотворение:

«Стал Бердымурат Бердахом,
Но никто не знал об этом
Стал Тулепберген Тулеком,
И об этом все узнали.

Раздался общий смех.

Дедушка помрачнел и насупился. Он не любил, когда смеялись над его словами, особенно если сам он ничего веселого в них не находил. Учитель заметил и это. Он догадался, что невольно задел старика, и, чтобы сгладить неловкость, радушно улыбнувшись, обратился к дедушке:

— Уважаемый Хакимнияз-ата, могу ли я задать вам два вопроса?

— Хоть сто, — буркнул он.

— Вот мой первый вопрос, — все так же приветливо и не обращая внимания на дедушкину сердитость, произнес Муса-ага. — Какие дни своей жизни, уважаемый Хакимнияз-ата, вы считаете наиболее счастливыми?

На лице у дедушки сердитость сменилась серьезностью. Видимо, сперва он хотел ответить что-то резкое, но вопрос показался ему значительным, из тех, с какими и подобает обращаться к пожилым почтенным людям, а потому он и призадумался, подыскивая столь же значительный ответ.

— Я считаю счастливыми все дни, когда руки мои заняты делами, а голова — заботами.

— А какие дни кажутся вам самыми грустными?

Тут уже дедушка отвечал не задумываясь, потому что, давая ответ на первый вопрос, уже ожидал, что следующий будет именно таким.

— Мои печальные дни, — сказал он солидно, — это те, когда я ничем не занят.

— А почему? — спросил кто-то из «родителей», вернее сказать, из тетей и старших братьев.

Дедушка ждал и этого и, разумеется, уже заготовил ответ:

— Потому что, когда человек ничем не занят, в голову ему лезет всякая чепуха. Думаешь-думаешь, и наконец даже у родных и близких находишь тьму всяких недостатков. Так и знайте: если человек всех бранит и корит — значит он бездельник.

— Ребята, — сказал учитель, обращаясь к нам. — Подумайте над словами уважаемого аксакала, потому что на лето всем вам я даю задание: напишите сочинение на тему: «Самый счастливый и самый печальный день каникул». С таким сочинением каждый из вас должен прийти первого сентября, и за него каждому из вас я поставлю первую отметку.

Если бы знал Муса-ага, что первого сентября школа не откроется, что никто из учеников не выполнит его задания, что самым печальным для всех нас окажется один и тот же день наступившего лета, что сам он больше не встретится со своими учениками, если бы знал это наш учитель, то сказал бы, конечно, другие слова. Если бы знал...

Мы с дедушкой, довольные, возвращались домой. И, по обыкновению, он начал философствовать, потому что любил порассуждать, находясь в хорошем настроении.

Рассуждения моего дедушки. А все-таки очень умный человек этот твой учитель Муса Джуманиязов. Ученого сразу видно. Знания дают человеку дополнительный глаз. Вон, смотри, это край земли. Каким ты зорким ни будь, а дальше ничего не

Процитированы строчки известного стихотворения Бердаха.

разглядишь. Но если знаешь, что там находится, то можно сказать, что видишь ты дальше края земли. Или вот ты, например. Так на тебя глянуть, то видно рубашку, шапку видно. Но если я знаю, что у тебя в сердце и в голове, то могу сказать, что вижу тебя насквозь.

Знания, скажу я тебе, даже лучше, чем здоровье, потому что здоровье с годами изнашивается, а знания накапливаются.

И уж конечно, знания лучше всякого богатства. Когда умирает умный, ученый человек, все горюют, печалются, потому что понимают, что стали беднее умом. А когда умирает богатый, то радуются даже его дети, потому что станут богаче.

3.

Дедушка привел меня в пионерский лагерь, оставил там, а сам поспешил домой. И вот сижу я на своей кровати, и грустно мне и страшно. Еще бы, ведь сегодня впервые в жизни буду ночевать не на кошме, расстеленной на полу, а на высокой и узкой железной койке, да еще среди чужих.

Тут подходит высокий парень и говорит:

— Я пионервожатый. Зовут меня Узакбергом, фамилия моя Бекниязов. Студент Чимбайского педучилища. А ты кто же будешь?

Отвечаю, подражая ему:

— Я пионер, зовут меня Тулепберген Каипбергенов. Ученик начальной школы имени Чапаева.

— Вот, — говорит, — оказывается, ты тезка моему брату, он тоже Тулепберген, но он постарше тебя лет на пять. Хорошо. Значит, познакомились. А теперь скажи, в каком кружке ты хочешь заниматься.

Ни о каких «кружках» я слыхом не слыхивал в жизни, а потому вместо ответа только плечами и пожимаю.

— Ах да, — говорит он, — ты же из начальной школы. Ладно, тогда скажи: кем ты хочешь стать?

— Поэтом, — выпаливаю я.

— Если так, то будешь заниматься в литературном кружке. А пока вот тебе тетрадь для дневника.

Он вынимает из сумки чистую ученическую тетрадку и, написав на обложке мое имя, кладет ее передо мной.

— На, пиши.

— А что писать? — спрашиваю я.

Он молча достает из той же сумки отточенный химический карандаш и кладет его рядом с тетрадкой.

— Дневник вести я тебя научу. А сколько у тебя стихов? — спрашивает он вдруг.

— Не знаю, — говорю я вполне искренне, поскольку и впрямь не знаю, считать ли те два стихотворения, которые были раскритикованы учителем.

— Очень хорошо, что ты их не считаешь. Ты же поэт, а не учетчик. Ладно, прочти последнее.

Как раз по пути из аула в лагерь — а дорога длинная — я сочинил стихотворение, но записать его еще не успел и потому читаю наизусть.

Жизнь женщин у козака¹ прошла,
Жизнь мужчин, как в аду была,
Жизнь детей в мученьях текла.
Ты всегда был унижен, каракалпакский народ.
Тебя, мой народ, спасали сказки и преданья,
Ты перенес все тяжкие испытанья,
В поисках друзей преодолел все расстоянья,
Сегодня ты счастлив, каракалпакский народ.

Вожатый слушает очень внимательно и, помолчав минутку, спрашивает:

— Как ты назвал это стихотворение?

— «Каракалпакский народ»; — отвечаю я с достоинством.

— Это слишком высокое и ответственное название, — говорит он, — надо бы подыскать другое. Подумаем вместе и найдем.

¹ Козак — старинный ткацкий станок, который устанавливается в специально вырытой яме.

Из моего первого дневника, который был написан под диктовку пионервожатого

1 июня 1941 года

Надо уважать книгу.

Книга — самый верный, мудрый и самый красноречивый друг. Если с ней сдружишься, то и она перед тобой в долгу не останется — поможет тебе стать добрее и умнее.

Любые вещи, когда их становится очень много, теряют свою цену. А книги — нет.

2 июня 1941 года

Обложка книги, как дверь дома, в котором проживает множество людей. Не стесняйся, входи в этот дом, и люди, в нем живущие, всегда помогут тебе и советом и примером.

Обычные дома бывают разные. Если тебя предупреждают: «Не стучись в эту дверь, там живут плохие люди», — то верь этому. Но если тебе скажут: «Не открывай эту книгу», — не верь. В каждой книге хранится опыт хотя бы одной жизни.

Никогда не бросай книгу под ноги и никогда не топчи книгу, иначе станешь похожим на человека, который наступает на голову или на сердце другого человека.

3 июня 1941 года

Для того чтобы стать поэтом, ты должен многое познать. Как-то один молодой поэт написал письмо Максиму Горькому. Молодой поэт доказывал, что ему не надо стремиться узнать как можно больше, ведь все равно никто в мире не может постичь всего. Прочитав это письмо, Максим Горький сказал, что из этого литератора вряд ли что получится.

4 июня 1941 года

Наполеон Бонапарт говорил, что если погибнет солдат, то на его место можно поставить другого солдата. А если умрет поэт, то его место никто занять не сможет.

Чингисхан приказал, чтобы все известные поэты поступали к нему на службу, а поэтов неизвестных он повелел умертвить.

Тамерлан говорил: «Я боюсь в этом мире только двоих: своего военачальника и поэта. Если обижу военачальника, он может в любое время снять мою голову с плеч, если обижу поэта, то мою голову снимет народ».

5 июня 1941 года

Говорят, что афиняне и спартанцы были родственными народами, хотя и часто ссорились друг с другом. Однажды на спартанцев напал враг, и они вынуждены были просить помощи у афинян. А те в насмешку послали к ним всего одного солдата, да и тот был хромым. Но хромой солдат оказался поэтом. Он встал перед рядами спартанских воинов и запел песни. Спартанцы, воодушевленные его песнями, ринулись в бой и победили врага.

Вдохновенное слово — это мощное оружие.

6 июня 1941 года

«Одна щепотка соли сделает еду вкусной, одно глупое слово сделает жизнь горькой», — гласит народная пословица.

Если вдуматься, то поймешь, что пословицы и поговорки — соль фольклора, они основа всех сказаний, преданий, дастанов. У наших предков не было алфавита, не было письменности и тем более не было печати. Свою мудрость народ мог хранить только в памяти. А для этого нужна была краткая форма, которая легче запоминается и легче передается из уст в уста, от поколения к поколению.

И неудивительно, что у многих народов есть схожие поговорки и пословицы. Ведь когда-то все народы не имели письменности и печати. К тому же никакой народ не жил отдельно от других народов. Они торговали друг с другом, встречались, женили сыновей, выдавали дочерей замуж за людей другой национальности.

В последнее время многие писатели приновились украшать свои произведе-

деня жемчужинами народной мудрости. Они с охотой и с легкостью вставляют в свои книги пословицы и поговорки и даже выдают их за собственные открытия. Но будущее все расставит на свои места, и поговорки опять станут народными.

7 июня 1941 года

Если обратимся к истории своего народа, то заметим, что наши сказки и предания сохранили историческую действительность в причудливой, фантастической форме. Конечно же, ясно, что по устным рассказам нельзя изучать историю, однако некоторые наши ученые словно забывают об этом. Они даже термин выдумали «из народных уст» и полагают, будто термин этот позволяет им описывать некоторые события минувшего в том виде, в каком донесли их сказки и легенды.

К тому же наш народ был хотя и малочисленный, но многоплеменный. К племенной розни прибавлялась еще и рознь сословия. Для богатых свой век был «золотым веком», для нищих он был веком «железным». Но в те времена перо и бумага далеко не всегда находились в руках прогрессивных людей.

8 июня 1941 года

Самый главный вопрос литературы — вопрос об идеальном образе. Все о нем спорят, и каждый приводит свой пример. Это и понятно, поскольку идеальный образ — это такой человеческий образ, на который стремится равняться каждый человек. Идеальный образ невозможно выдумать, его не может создать фантазия даже самого гениального писателя. Такой образ может родить только само время, сама историческая эпоха.

9 июня 1941 года

Лев Толстой в письме к Фету писал, что литературная работа чрезвычайно трудна и кроме самих литераторов это вряд ли кто понимает. В другом письме он сравнивал предварительную работу над книгой с глубокой вспашкой перед посевом. Лев Толстой говорил, что он должен обдумать судьбу всех героев книги, подумать о миллионе возможностей, а потом выбрать одну миллионную часть. Это адская трудность. Душераздирающая.

10 июня 1941 года

Фурманов говорил, что, приступая к роману, он долго сомневался, маялся, размышлял, прикидывал и так и эдак, но никак не мог выбрать какую-то одну форму повествования.

11 июня 1941 года

Прежде чем приступить к какому-либо делу, человек — если он не уверен в собственных силах и сомневается в успехе — стремится найти друга, с которым можно посоветоваться. Советоваться можно со многими, но не стоит пренебрегать и собственным умом.

Однако всегда выслушай того, кто говорит от чистого сердца.

Записи из дневника, которые я делал не под диктовку пионервожатого, а самостоятельно

12 июня 1941 года

... Я пишу все, что говорит дядя вожатый Узакберген Бекниязов, а понимаю не все. Про Льва Толстого я хотя бы слышал, он написал какую-то сказку, или «Красную шапочку», или «Маша и медведь», или обе вместе. А люди по фамилии Фет и Фурманов мне вовсе не известны, про них в начальной школе имени Чапаева нам не рассказывали.

Я не понимаю: или дядя вожатый не понимает, что я его не понимаю, или хотя и понимает, но не хочет огорчать меня, а может, думает, что я со временем пойму все и сам разберусь. Он не спрашивает у меня, как я усвоил то, что он сказал вчера, а просто сегодня диктует новые мысли и изречения. А если от новых мыслей у него остается свободное время, то просит меня прочитать мои новые стихи и слушает их. А потом говорит: «Ты пиши, пиши. Не бросай этого».

13 июня 1941 года

Сегодня после физзарядки, когда мы стояли строем, чтобы идти на завтрак, дядя вожатый Узакберген-ага вызвал меня. Он попросил, чтобы я прочитал свое последнее стихотворение. Я вышел перед строем и прочитал стихотворение «Я счастлив, мой лагерь!» Это стихотворение я написал недавно, уже после приезда

в лагерь. Я очень волновался; когда я это стихотворение прочел перед строем, все захолопало. Я очень обрадовался этому, и грудь моя чуть не лопнула от радости. Но я радовался про себя и не зазнавался.

После завтрака дядя вожатый Узакберген-ага подошел ко мне и дал мне чистый конверт. Он сказал, что есть человек, который сегодня отправился в город Турткуль. И чтобы я вложил свои стихи в конверт и отдал тому человеку. Он их снесет в редакцию газеты «Жеткиншек».

Я стрелой побежал к себе в комнату. И, сидя за тумбочкой, написал на свободном месте под стихами, что когда я их читал, то весь отряд хлопал. Потом вложил стихи в конверт и отнес тому человеку, который уезжает в Турткуль.

Снова из дневниковых записей, сделанных под диктовку пионервожатого

14 июня 1941 года

Сегодня многие народы мира плохо знают друг друга. Когда молодежь одной страны встречается с молодежью другой страны, то у них практически нет общих тем для беседы.

Главным препятствием в общении является именно отсутствие общих тем, а не различие языков. Языки и должны различаться. Как сад красив разнообразием плодов, так же и мир красив и ценен разнообразием языков, каждый из которых дает свои плоды. Государства различаются, но есть посланники, которые помогают им установить взаимопонимание. В наше время такими посланниками могли бы стать книги. Они способны сблизить и сдружить людей. Это, конечно, очень долгий процесс. Но не стоит бояться его длительности, если заботиться не только о себе, но и о потомках. А поколение, не заботящееся о потомках, перво-наперво уничтожает себя.

Чтобы в будущем объединить людей, надо ввести во всех странах общий учебник литературы, в котором найдется место всем корифеям мировой классики. При этом лучше было бы не подчеркивать национальную принадлежность писателя, не указывать, что Гомер — грек, а Данте — итальянец, что Шекспир — англичанин, Гете — немец, а Толстой — русский. Важнее подчеркнуть, что все они — гении человечества. Из этого вовсе не следует, что нет надобности изучать национальную литературу. Пусть ее проходят в школах так же, как сейчас. Но если бы рядом с учебником национальной литературы был и учебник литературы мировой, то каждый человек сверял бы творения своих писателей с достижениями общечеловеческой культуры.

16 июня 1941 года

Наш народ был признан равноправным народом только после Октябрьской революции. Только после революции ему было предоставлено законное место в общем поезде прогресса. У каждого из народов Советского Союза есть свои традиции и свои достижения, есть свое искусство и своя наука. Все это для нас хорошие примеры, которым нужно следовать. Но плохо подготовленный человек не может сразу же воспринять все, что ему нужно и полезно. Нам надо еще многому учиться. Очень многому! Иначе в общем поезде мы окажемся самыми необразованными пассажирами, самыми скучными и неинтересными спутниками.

Это не значит, что нас пока не надо пускать в общий поезд прогресса. В этом поезде у каждого свое место. Ведь и пальцы одной руки неодинаковы, но никто не станет отрезать свой мизинец, приговаривая: «Вот тебе за то, что ты не дорос до других». Но если вся рука развивается и набирает силу, то должен развиваться и мизинец, иначе один палец ослабит всю пятерню.

Вновь записи из дневника, сделанные мною самостоятельно

17 июня 1941 года

Сегодня мы сперва купались в канале Бозкул, а потом всем отрядом давали концерт на полевым стане соседнего колхоза. Я прочитал свое стихотворение «Я счастлив, мой лагерь!»

Дядя вожатый Узакберген-ага почему-то не показывается. Не пришел он и вечером. Это меня беспокоит.

18 июня 1941 года

Я узнал, куда уходил Узакберген-ага. У него заболела мать. Он поехал в город, чтобы отвезти своей матери лекарства. Мне без него очень скучно.

19 июня 1941 года

Не хочу ничего делать, потому что нет Узакбергена-ага. Неохота играть с ребятами. Не хочу читать. И писать тоже не хочу.

20 июня 1941 года

Сегодня после обеда я шел в свою комнату на «мертвый час». Вдруг заметил дядю вожатого Узакбергена-ага Бекниязова. Он улыбался. А в руках держал конверт.

— Тулепберген, это тебе из редакции письмо,— сказал он. В райцентре он зашел на почту и взял письма для лагеря и мое тоже.

— А ну, открывай и читай! — сказал он.

Я открыл его осторожно. В конверте было письмо. Я его достал и начал читать громко и с выражением.

Вот это письмо:

«Уважаемый Тулепберген!

Во-первых, известно, что для любого поэта его стихотворение — родное дитя. Известно, что и ежиха, целуя своего ежонка, приговаривает: «Пушистенный ты мой», и ворона, лаская вороненка, приговаривает: «Беленький ты мой». Твое стихотворение не показалось нам ни «пушистенным», ни «беленьким».

Во-вторых ты сообщаешь, что когда читал свои стихи, то «весь отряд хлопал». Известно, что слушатели хлопают в двух случаях: когда им нравится и когда они хотят, чтобы поэт побыстрее кончил чтение. В следующий раз, когда станешь выступать со стихами, обязательно понаблюдай за слушателями, тогда поймешь, почему они аплодируют.

Желаем тебе в будущем стать настоящим поэтом. А пока ты им не стал, стихов мы печатать не будем.

С приветом, редакция газеты «Жеткиншек!»

* * *

До сих пор помню, как ошарашил меня этот редакционный ответ. До той минуты я чувствовал себя деревцем-саженцем, которому еще расти и расти. Но в ту минуту вдруг ощутил себя гнилым трухлявым яблоком, которое шлепнулось с ветки в грязь — там ему и место. Я боялся взглянуть на своего первого вожатого и стоял, не отрывая взгляда от письма, хотя читать в нем больше было нечего. Но тут Узакберген заговорил сам. Заговорил спокойно и даже весело.

Что сказал вожатый. Как-то в аульском нашем клубе проходила встреча с известным поэтом Аббазом-шаиром. Конечно, и я пошел, потому что это очень меня интересовало.

Открывал встречу наш председатель колхоза. Это тоже честь, ведь не на всякое клубное мероприятие приходит сам председатель.

И вот зал заполнился битком. Председатель вышел на трибуну, развернул бумажку и громко так, с пафосом произнес:

— Товарищи! Друзья! Аульчане! Вечер, посвященный творчеству известного поэта Садыка-шаира, чье сердце переполнено богатством золотых слов, объявляю открытым!

Из зала ему подсказывают:

— Не Садыка-шаира, а Аббаза-шаира.

— Не смейте меня перебивать,— возмущается председатель.— Я знаю, что говорю.

Тут уж весь зал взорвался. Шум, крики, люди вскакивали с мест. Тогда председатель встал и говорит:

— Товарищи! Я и сам понимаю, что мы встречаемся сегодня с известным поэтом Аббазом-шаиром. Вот он рядом сидит. Кто же его не знает. Но и я не ошибся. Вот в этой бумаге, которую мне прислали и которую я держу в руках, четко написано, что предстоит встреча с поэтом Садыком-шаиром. А бумага пришла сверху. Не простить ее я не имел права. Так что вышла неувязочка, но не по моей вине.

Зал так и грохнул от хохота.

Потом через несколько месяцев к нам в аул приехал Жапак-баксы¹. И на сей раз председатель явился на встречу, но открывать ее уже не решился. Зато когда сказитель закончил свое выступление, председатель первым решил поблагодарить его, конечно же, от лица всех колхозников.

¹ Исполнитель песен, который сам себе аккомпанирует на дутаре.

— Уважаемый Жапак-баксы! Ваш прекрасный голос задел струны наших сердец. И за это вам от всех труженников нашего колхоза огромное спасибо!

— Скажите спасибо и за прекрасную игру на дутаре! — крикнули из зала.

— Нечего меня учить, — озлился председатель. — Я сказал все, что нужно!

Так и не поблагодарил исполнителя за игру на дутаре. Люди потом сами извинялись перед Жапаком-баксы за упрямство и неучтивость своего председателя.

Зато еще через несколько месяцев, когда в нашем аульском клубе выступали известные певицы Аимхан Шамуратова и Тохта Рахманова, председатель вдруг решил исправить прежние ошибки и неожиданно для всех, благодаря певиц, произнес:

— Спасибо вам, дорогие Аимхан Шамуратова и Тохта Рахманова, и не только за ваше пение, которым вы порадовали народ нашего аула, но еще и за очень искусную игру на дутаре.

Певицы стоят, не зная, как воспринимать такую нелепую похвалу. По залу покатился гул недоумения.

— На дутаре играли не они! — кричат председателю.

— Эй вы, крикуны! — отвечает он. — Потихе! Не вы, а я тут председатель. А я дважды не ошибаюсь.

Ну что с него возьмешь? Из-за собственной глупости всех обидел и доволен.

И ведь не один он такой. Думаю, и в редакции газеты найдутся люди сродни нашему председателю. Так что ты, Тулепберген, не печалься.

* * *

22 июня 1941 года

Только что, прямо после обеда, Узакберген-ага подозвал меня к себе. Он вынул из кармана рубашки две урючные косточки. Одну дал мне, а другую положил себе в рот. Он обсасывал косточку с удовольствием.

— Ах, сладкая, как сахар! — говорил он. — А твоя? — спросил он меня.

Моя косточка была горькая, я так и сказал:

— Очень горькая!

Он снова полез в карман и достал еще две косточки. Одну дал мне, а вторую сунул себе в рот, но тут же выплюнул:

— Тьфу, какая горечь! — сказал он. И спросил: — А твоя?

На этот раз моя косточка была сладкая, и я сказал:

— Мне попалась сладкая.

Он положил свою руку на мою голову и сказал:

— Всегда говори только правду. И не живи, повторяя своего учителя. Учитель тоже может ошибаться. Об этом мы поговорим вечером, а теперь иди спать.

Сейчас я лежу в своей палате, на своей койке. Я всегда сплю после обеда, а теперь не могу заснуть в этот «мертвый час». Я думал о том, что сказал Узакберген-ага. На моем языке два вкуса: сладкий и горький. Мне очень тревожно...

Только что я опять перечитал письмо из редакции. Сунул его снова под подушку. Не спится. Какой-то холод внутри меня. Звучит горн. Но это не сигнал подъема. Другой сигнал — тревожный. Кончаю писать. Бегу...

Когда прибежал к линейке, там уже стояли ребята. Стояли не строем, а кучками. Пришел начальник лагеря. Он сказал, что война. Этой ночью началась война. Фашисты, немецкие захватчики, напали на нашу страну.

Война...

Все молчали. Многие плакали.

23 июня 1941 года

Советы моего первого вожатого:

— Тулепберген, ты мне понравился, и я верю, что ты не побоишься трудностей и преград, которые встретятся в твоей жизни. Я не любитель давать советы, и все же скажу: если наш язык — это опора, которая держит нас на земле, то русский язык для нас крылья, они поднимут в высоту. Нам с тобой нужны крылья, дорогой мой, крылья! Сейчас война с Германией, но не все немцы — фашисты, и среди немцев были великие люди. Великий немецкий поэт Гете говорил, что человек, знающий два языка, дважды человек, а тот, кто знает сто языков — стократ человек. Не забывай об этом.

Сейчас я пойду — и прямо в город с заявлением в военкомат, а оттуда — на фронт... Будь здоров. После победы я обязательно разыщу тебя. Ты мне, честно говорю, понравился. Не забывай ежедневно по утрам спрашивать себя: «Чем я сегодня могу быть полезен людям, своему народу?», а вечером перед сном давать

честный ответ, хотя бы самому себе: «Что доброго я сделал сегодня людям?» Да, кстати, то твоё стихотворение «Каракалпакский народ», помнишь, ты прочитал его в день нашего знакомства? Так вот, оно, конечно, не без недостатков, его ещё дорабатывать и дорабатывать надо, но твоё мышление и чувства верны. Их хорошо бы развить, стихотворение продолжить и назвать его «Каракалпакстан». Может получить отличное сочинение. Это, разумеется, лишь совет. Решать тебе...

Литература — это не просто собрание красивых и мудрых речений. Это узел, соединивший художественным словом жизненные события и причины, которые их породили. Литература — это опыт, это — третье око человечества, позволяющее ему проникать в глубь явлений, это ключ познания, это — память, память не только мысленная, но и чувственная, позволяющая понять, что ощущали люди в те или иные времена...

Что-то я совсем заговорился. Пора идти. Мы ещё не раз побеседуем с тобой после победы. Самое главное — пиши, пиши без конца, пиши о жизни, о людях, о нашем многострадальном народе. И вот что запомни: литература требует, чтобы все-му ты учился сам. Чужой опыт, чужая мудрость хороши, но писать можно, только накопив собственный опыт, обретя собственное знание жизни. Учись. Постоянно учись. Думая над каждым словом... Ну, пока. До встречи!

Он поцеловал меня в лоб и пошел, не оборачиваясь. Пошел очень быстро. Я стоял на месте и не смог стронуться, будто ноги к земле гвоздями прибиты. Потом ко мне подошел наш председатель совета отряда. Он хотел, чтобы я пошел обедать. А я не хотел есть. Меня, наоборот, тошнило и кружилась голова. Я пошел к палатке.

Голова кружится и теперь. Кругом тихо. Даже воробьи почему-то не чирикают. Будто все вымерли. Сейчас я пойду домой. Пусть скоро ночь, но я все равно пойду... Мне очень и очень грустно и плохо. Словно я что-то потерял. Самое главное потерял...

...Домой из лагеря я пришел на рассвете. Надо написать новое число.

24 июня 1941 года

Я пришел домой на рассвете, а шел всю ночь.

— Правильно сделал, — сказал мой дедушка.

— Так поступают джигиты, — похвалила мама.

Отец увидел меня и улыбнулся. Но он ничего не сказал.

Бабушка тоже ничего не сказала, но поцеловала меня в обе щеки.

Братишки и сестренки увидели меня утром и очень удивились.

Скоро все успокоилось и занялись своими делами...

Мама только что вернулась с работы. Она говорит, что поедет на курсы трактористок. Курсы находятся в райцентре.

Отец сходил в правление колхоза и в аулсовет. Он очень расстроен. Его пока не берут в армию.

Дедушка тоже был в конторе. Он уже не работает в колхозе по старости. Но он упросил председателя колхоза, и ему дают осла. На осле он будет теперь возить всякую колхозную поклажу.

Бабушка заменит у оцага мать, которая уедет на курсы трактористов. Бабушка больна, но она сама так решила, что будет все готовить по дому вместо моей матери.

Я побывал в школе. Там создается ученическая бригада для заготовки кормов. Я записался в эту бригаду...

Когда я ночью возвращался из лагеря, то мне казалось, что я уже не стану поэтом никогда. А теперь чувствую, что все события меня волнуют, и в мыслях сами собой возникают строчки стихов. Я пока не буду их записывать и никому о них не скажу. Но поэтом я все-таки стану. Я знаю это...

Сейчас только что перечитал весь свой дневник. Особенно то, что писал под диктовку Узакбергено-ага Бекниязова.

* * *

Проходили дни, и жизнь постепенно улеглась, вернее, люди постепенно привыкли к своему новому положению. Если не считать, что в ауле явно поубавилось парней, а вместе с ними поубавилось и веселья (никто по вечерам уже не пел на улицах), если это не учитывать, то можно сказать, что жизнь протекала по-старому, а в чем-то даже стала лучше прежней. Люди начали жить дружнее, они стали терпимее, отзывчивее, охотнее помогали соседям. Куда-то ушли споры, сплетни, перебранки. Вроде бы на ругань и выяснение отношений не оставалось времени. С восхода до заката все были заняты на хлопчатнике. А если выдавались светлые лунные

ночи, то многие выходили в поле и по ночам — так даже лучше работать, нет жары, не донимают комары и мухи.

В такие лунные ночи я иногда брал свою тетрадь для стихов. Мне не хватало советов и наставлений моего первого вожатого, не хватало человека, с которым я мог бы поговорить, обменяться мыслями. Одиночество в эти месяцы ощущал я особенно остро. И все же сочинил два стихотворения про войну. Долго маялся, не знал, что с ними делать, но все-таки отважился, наконец, и послал их в редакцию газеты.

4.

В первые недели и месяцы войны все ждали почтальона. Он был самым желанным гостем в ауле. Стоило ему появиться, и ото всех домов к нему спешили люди. Почтальона окружали, теребили, требовали писем, расспрашивали обо всем, будто он не разносит корреспонденцию, а сам является свидетелем и очевидцем тех событий, которые происходили вдали от наших степей, там, далеко-далеко на северо-западе.

Но довольно скоро почтальона начали сторониться. А потом уже и прямо стали прятаться от него. Не хотели пускать в дом, потому что он начал приносить похоронки — «черную бумагу», как прозвали их в народе. Начал приносить черную бумагу на тех парней, чьи голоса еще совсем недавно звучали на улицах аула. И смотрели на почтальона с грустью, а то и с ненавистью, словно это он виновен в их гибели. И сам почтальон боялся глянуть в глаза людям, словно и впрямь виновен...

Глубокий тыл. Тут не было опасности оказаться убитым или раненым пулей, бомбой, снарядом. Но война была и в тылу. Над каждым висела опасность погибнуть с голода, остаться калекой от перенапряжения и недосыпания...

Пришла осень. Нашу школу закрыли. Не хватало учителей. Чтобы заниматься в пятом классе, мы вынуждены были ходить в другой аул, а это семь-восемь километров от дома. И так каждый день — восемь километров туда — полтора, два часа ходьбы, и столько же обратно. Но, сколько помню, никого это не беспокоило. Надо — так надо.

Почти не оставалось времени на уроки, ведь после школы мы отправлялись на хлопковые поля. Шли на хлопчатник не только потому, что понимали: нужно заменить взрослых. Шли еще и потому, что на полевых станах готовился обед, но кормили только тех, кто работал. Суровый закон: «Кто не работает, тот не ест» — в эти годы у нас соблюдался свято.

Но вот что странно: сейчас вспоминаю и сам дивлюсь — никто из ребят, отвечая в классе урок, не жаловался на нехватку времени. Как успевали подготовиться? Да так: историю, литературу, географию читали на ходу, по дороге в школу. Задачи по арифметике решали в голове даже во время полевых работ, благо работы эти хоть и тяжелы, утомительны, но однообразны. Руки трудятся, а голова свободна. В общем, каждый приспосабливался как умел, но домашние задания выполняли все...

Закрывали многие газеты и журналы. Среди них и «Жеткиншек», откуда я получил обидное письмо в ответ на посланные мною стихи. Из газет остался лишь «Кызыл Каракалпакстан»¹. Изредка номера этой газеты доходят и до нашего аула. Каждый номер я внимательно просматриваю, потому что вот уже не один месяц пишу по стихотворению в неделю и отправляю в редакцию «Кызыл Каракалпакстан». Но ответа от редакции нет. Стихов моих в газете тоже нет. А дни идут. Все новые и новые люди отправляются на фронт. Среди них и наши учителя. Педагогов в школе становится все меньше. И требований к нам меньше. Уже никаких строгостей, выучил — так выучил. Нет — так нет. Но мы стараемся учиться как прежде...

Вечерами ребята постоянно тянут меня играть в альчики². Нет, я не чемпион и не заводила. Я — светильник. Играем вечером при свете лампы. А горячее только у меня, ведь моя мать трактористка.

Меня так и кличут — «светильник». А я не возражаю, потому что слово «шаир» (поэт) и «шираши» (светильник) созвучны и сходны по смыслу, не зря же многих поэтов величали светильниками души, светочами и так далее. В общем, новое прозвище меня радовало, но радоваться пришлось недолго.

Как-то поздним вечером, собравшись в коридоре брошенной аульской школы, мы азартно резались в альчики. Коридор пронзал школу насквозь и упирался в глухую стенку. А входной двери уже не было, либо кто-то ее уже умыкнул и построил в хозяйстве, либо, напротив, предусмотрительный завхоз школы загодя при-

¹ «Красная Каракалпакия».

² Игра в кости, похожая на старинную русскую игру в «бабки».

прятал дверь, чтобы ее не умыкнули. Как бы то ни было, но вход на нашу игровую площадку был свободный.

Но вдруг показалось, что закрылась отсутствующая дверь. Проем наглухо закрыли три тени.

Я поднял лампу и узнал всех троих: двое мужчин и одна женщина. Все они вооружены палками. Все они — родители моих партнеров по игре. Один — отец Калхана (теперь Калхан работает бригадиром в совхозе «Ташкент», что под городом Ходжейли), другой — отец Оразымбета (Оразымбет теперь поливальщиком в том же совхозе). А третья — мать Турганбека (сейчас Турганбек заведует магазином в местечке Карабайлы).

Кто-то из ребят мигом задул мою лампу. Наступила кромешная, непроглядная тьма. Но во дворе светила луна, и теперь из темноты коридора было видно на просвет, что в рядах атакующих есть бреши.

Первым в брешь бросился Турганбек — отчаянная голова. Рискнул, но спасся благополучно, не получив не только палкой по спине, но даже и оплеухи не заработав. Нападавшие родители не были готовы к столь дерзостной вылазке. Но после этого изготавились, прижались потеснее друг к другу и стали размахивать палками и лупить ими куда ни попадя. Остальным игрокам, бросившимся на прорыв, досталось изрядно. Я долго сомневался, но вдруг решил и, улучив подходящий момент, ринулся в образовавшуюся щель. И все бы прошло хорошо, когда бы не лампа, которую я держал обеими руками. Я намеревался проскочить боком, но лампа зацепилась за чьи-то брюки. Носитель брюк развернулся и свалил меня. Я услышал, как просвистела палка, но — слава те господи — удар пришелся не по мне, а опять-таки по лампе. Она разлетелась вдребезги. А я припустил до дома что было духу и скоро уже сидел в своем углу, поджав колени.

— Ага, — смеялся дедушка, — вас разыскали!

— А разве они приходили сюда? — удивился я.

— Еще бы! Первым делом к нам явились. Ведь каждому ясно, что без тебя — «светильника» — ночью играть в альчики нельзя. Я их пытался обмануть и направить в другую сторону, чтобы вам не мешали. Но, видать, они все же вас сыскали.

Через несколько минут в нашу дверь забарабанили кулаками. Трое разгневанных родителей наседали на дверь и грозили ее выломать.

Дедушка укрыл меня за подушками, а сам вышел к разгневанным соседям и стал их увещевать. Из своего укрытия я слышал, как он миролюбиво упрашивал:

— Вы уж простите его на первый раз. А я больше не дам ему лампу.

— А что скажет келин¹? — в один голос спросили они мою мать.

— Мне керосин и самой нужен, — спокойно ответила мать.

Похоже, что такой ответ убедил их окончательно, но все равно, уходя, они пригрозили:

— Если это повторится, то мы его не пощадим.

Только на следующий день я узнал причину их гнева. Оказывается, Калхан пошел кормить коня. Надел ему на морду ковровую торбу с овсом и отправился поиграть в альчики. Надеть-то надел, а снять забыл. Конь доел овес и решил избавиться от торбы. Он опустил голову вниз и стал рвать ковровую торбу копытом. Скоро от нее одна мочалка осталась. Когда отец Калхана вышел во двор, он увидел, во что превратилась хорошая новая торба, и, конечно же, пришел в ярость...

Турганбек учудил и того хуже. Его мать подоила корову, которая отелилась три дня тому назад. Подоила и, подпустив теленка к корове, велела сыну следить за теленком, а потом привязать его. Турганбек же, услышав, что ребята собрались играть, забыл обо всем. А его мать забежала на минутку к соседке да и засиделась там. Когда она по пути домой заглянула в хлев, то теленка там не было. Он выбежал на улицу. Найти-то его нашли, но новорожденный теленок прудрог на холоде и вскоре умер...

Отец Оразымбета сказал сыну: «Зимняя вода полезна полю. Пусти воду на поле, а потом не забудь закрыть». Перед их домом протекал полноводный арык. Оразымбет открыл русло арыка... А вот закрыть его вовремя Оразымбету было некогда, он в этот час резался с нами в альчики. Вода затопила не только огород, но вскоре начала затекать и в дом. Тогда-то взбешенный отец и бросился отыскивать непутевого сына...

Сегодня все это кажется забавным. Но в то время потерять теленка или даже хотя бы лишиться новой торбы — большой убыток в хозяйстве. Но и приятелей моих грех винить, ведь мы, аульская ребятня, работали наравне со взрослыми. Плюс к тому еще и учились. А детство — есть детство. Хоть война, хоть голод и

¹ Уважительное обращение к замужней женщине.

холод, а оно свое берет. Поиграть тоже надо. Из всех утех детства у нас были лишь альчики. И какой же аульский мальчик мог устоять перед соблазном сразиться в них?

5.

Кажется, нет в этом мире такой тяготы, такой беды, к которой человек не мог бы привыкнуть, притерпеться.

Шла война, и каждый месяц новые люди отправлялись на фронт, а оттуда, с далекого северо-запада, из-за огневой черты, возвращались немногие, возвращались единицы, да и те — инвалиды, калеки, уже не пригодные к труду. Но планы сдачи хлопка, пшеницы, мяса в колхозе не снижались. Жизнь стала еще тяжелее, но если взглянуть со стороны, то все вроде бы шло нормально до поры до времени...

«К одной болезни другая липнет», — говорят медики.

«Беды, как и радости, парами ходят», — говорят аксакалы.

Словно мало нам было войны, смертей, калек, разрухи и голодухи, так вдобавок ко всему летом 1942 года река Джейхун — бешеная Аму — вырвалась из векового русла и затопила северный берег.

Как только из райцентра пришло сообщение о наводнении, все в ауле очень огорчились. Но что толку попусту печалиться, что от кручины? Надо делать дело.

Председатель колхоза собрал стариков да ребятню вроде меня и велел нам собираться, чтобы завтра утром отправиться на строительство дамбы. Невелика рабсила, не мощна, но и его понять можно. Трудоспособных мужчин он отправлять на дамбу не вправе. У него ведь план, за который он головой отвечает.

Кратчайшая дорога до Амударьи была уже затоплена. Идти пришлось кружным путем. Даже заночевали в одном из встречных аулов. И лишь к середине следующего дня добрались до места, уже порядком уставшие, хоть еще и не приступили к работе.

Берег Аму буквально кишел людьми, как разоренный муравейник. Казалось, и двух метров нельзя пройти, чтобы трижды не столкнуться со встречными-поперечными. Все сновали, суетились, бегали, и тысячи маршрутов сливались в какое-то хаотичное путано-перепутанное движение.

Большинство береговых рабочих были, как и мы, — старцы да ребятня. Изредка встречались и женщины.

Нам указали место на вершине небольшого полуострова. Шириной он был метров двенадцать-тринадцать. Справа бурлящая вода. Слева — тоже. Лишь сзади узкий, как коридор, выход на берег. Казалось, стоит реке чуть поднапрячься, поднатужиться, и в единый миг снесет она наше пристанище.

На отведенном пятачке мы сложили свои пожитки и припасы. Мой дедушка остался сторожить их. А все остальные уселись на баржу. Баржа медленно, по широкой дуге поплыла поперек стремительного течения к другому берегу. С баржи нас высадили прямо в воду около какого-то полузатопленного леса. Казалось, что и вода, и лес тянутся бесконечно, и от этого становилось жутко.

Десятки людей, стоя в воде по пояс, а то и по грудь рубили молодые деревья. Старики, приехавшие с нами, тоже взяли свои топоры и принялись рубить подлесок и молодняк. А мы собирали сваленные стволы и ветви. Собирали и сплавливали их к барже. Потом втаскивали на борт. Как только баржа наполнялась, маленький пароходик тащил ее на противоположный берег, где река прорвала дамбу. Работа наша прерывалась, но присесть было некуда, а отдыхать, стоя в воде по шею, — удовольствие невеликое. Поэтому все продолжали работать. Когда беспрестанно движешься, как-никак все теплее. И так до вечера, до захода солнца. Потом на той же барже, до нитки промокшие, мы возвращались на свой полуостров, где дедушка сторожил наши вещи.

Дедушка уже вскипятил чай и приготовил кое-какую еду. Расстелил одеяла, прихваченные из дома. Наскоро поев-попив, переодевшись и обсохнув, мы тут же вповалку заснули. С непривычки устали страшно.

С рассветом нас разбудил гудок пароходика. Пароходик был крошечный, а гудок у него громкий, басовитый. Не проснуться от такого трубного рева было невозможно. Мертвый и то встанет.

Проснувшись, с удивлением заметили, что вокруг нас скользкими веревками лежат убитые змеи. Оказывается, дедушка всю ночь бил их палкой. Наводнение сгрудило в кучу не только людей, но и всякую степную живность. Змей, ящериц, лягушек было полным-полно. Ночами они тянулись к людям, к теплу, к костру. Вот дедушка и хранил наш покой от них.

Наспех позавтракали. Есть почему-то не хотелось. Прихватили с собой немного хлеба, чтобы пожевать по дороге. И началась та же работа, что и вчера. Опять стари-

ки валили лес, мы подтягивали его к барже и грузили на борт. Пароходик снова от берега к берегу. И так до заката. Потом домой — на полуостров. Ужин — хлеб с чаем. И спать.

И так каждый день...

И все эти дни (я даже не помню, сколько их было) слились в один бесконечный, непрерывный, однообразный день. Ночей словно и не существовало. Только сомнешь веки — уже гудок парохода.

Мне в это время не вспоминались наставления, утверждавшие, что поэт должен изучать жизнь. Я ее не изучал, я жил. Она была тяжелой, суровой, изматывающе однообразной, и слагать стихи про нее не хотелось. Да и некогда слагать-то. Тут бы лишь до постели добраться.

Однажды с баржей, вернувшейся с того берега, прибыл дедушка. Он еще издали стал махать мне рукой. Приглядевшись, я увидел, что в руке у него конверт.

— Тулек, это тебе, внучек. Его принес из аула человек, который привозит нам еду. Ну-ка, читай. Может, что важное.

Я бросил через борт охапку ветвей. Мокрые руки тщательно вытер о волосы и бережно взял конверт. Взглянул на адрес: письмо из редакции.

— Это из «Кызыл Каракалпакстан», — объяснил я дедушке.

Конверт был пухлый. «Может, напечатали мое стихотворение и решили порадовать меня, прислав номер газеты?» — эта мысль была первой. Но, наученный горьким опытом, я сам не верил в такую счастливую возможность. Не верил, но все же надеялся. А вдруг...

Открыл конверт. Вынул письмо.

Письмо из редакции.

Уважаемый Тулепберген Каипбергенов!

Мы получаем все, что Вы адресуете нам. Но пока среди Ваших стихов не нашли ни одного пригодного для публикации в нашей газете. Поэтому мы нашли уместным пересказать Вам от имени редакции одну притчу.

Прочтите ее внимательно. Перечитайте снова и снова.

«Жил-был на свете отъявленный вор. Но вот однажды он решил покончить раз и навсегда со своим презренным промыслом и дал сам себе страшную клятву: «Пусть лопнут мои глаза, если они еще хоть раз позарятся на чужое добро. Пусть отсохнет моя рука, если она еще хоть раз потянется к чужому добру!»

После этого прошло некоторое время, и вот рассказывает он как-то по базару и видит, что из кармана какого-то растяпы торчит десятирублевая бумажка. Смотрит бывший вор на эти деньги и чувствует, что соблазн одолевает его. Взять нельзя, поскольку поклялся больше не красть. Но и не взять нельзя, ведь сама в руки просятся. Дважды подходил он к тому разяею и дважды сдерживал себя. Приблизился в третий раз и видит, что бумажка высунулась еще больше, того глядя, совсем вывалится. Тут размахнулся бывший вор да как стукнет разиню по уху. Тот аж свалился. Потом вскочил и накинулся на бывшего вора: «За что ты бьешь меня?» А тот отвечает: «Если ты не подлец, то прячь подальше свои деньги и не вводи людей во грех... Из-за тебя я чуть было не нарушил клятву. Чуть было не стал калекой, чуть было не лопнули мои глаза, и чуть не отсохла моя рука».

Уважаемый Тулепберген Каипбергенов! Неужели Вы тоже нарушите какую-то клятву, если начнете заниматься не сочинением стихов, а чем-нибудь другим? С приветом, сотрудники редакции «Кызыл Каракалпакстан».

Наверное, по моему виду дедушка догадался, какой ответ я получил из газеты. Он спрыгнул в воду, встал рядом со мной и, обняв меня за плечо, сказал:

— Пойдем, Тулек. Вон люди работают, а ты задержался. Это неудобно. Пойдем, я помогу тебе.

Вода была мне по грудь, а ему по пояс. Он подошел к одной женщине, взял у нее топор и принял быстро и сноровисто рубить кустарник и молодняк. Дедушка был человеком крепким, жилистым и привычным ко всякой работе. Несмотря на свой возраст, он так быстро управлялся с рубкой, что мы вдвоем с той женщиной еле поспевали за ним. Мы оттаскивали стволы и охапки веток к барже, но срубленных веток вокруг дедушки становилось все больше.

Улучив минутку, я незаметно вынул из-за пазухи конверт, скомкал его и кинул в воду. По мутным илистым волнам он быстро поплыл, легкий, будто пена, и скоро скрылся из виду.

В этот день я работал с азартом и даже с каким-то остервенением. То ли письмо меня разозлило, то ли дедушка раззадорил своей сноровкой, а я стыдился отставать от него. Азарт не проходил и вечером. Хоть я умаялся за день как никогда, но, забравшись в постель, все же долго не мог заснуть. Все вспоминал и злосчастное письмо, и ехидную притчу.

Притча, рассказанная моим дедушкой

Однажды прародитель человеческий Адам-ата ехал со своими сыновьями, и выехали они на берег большой быстротечной реки. Решили переправляться на другой берег и поискать брода. Но тут один из сыновей Адама, не дожидаясь остальных, кинулся в воду. Потонул бедняга в тот же миг. Только черная шапка поплыла по волнам.

Адам-ата поглядел на то место, погрузил, попечалился и говорит:
— Если остались потомки у этого торопыги-утопленника, то приведите их сюда и расселите по берегам этой реки.

А рекой той была наша Аму. Вот так-то, внучек мой дорогой...

...Я понял, что дедушка заметил, как я выбросил конверт, но решил сказать все, что он думает о моем поступке, не прямо, а при помощи притчи. Засыпая, я думал, что если каждый станет бросать в Аму, что ему мешает, если каждый станет топить в реке свои беды, тревоги, горести и боли, то река скоро обмелеет и вообще пересохнет.

Из советов моей матери. «Если верблюдица схватит зубами верблюжонка и потянет к себе, значит она его любит».

«Если человек ударит правдой, как плетью, другого человека, значит он его любит».

Из советов моего отца. «Холодный дом или теплый — это выяснится только зимой».

«Не стоит пререкаться с тем, кто заметил твою ошибку и сказал тебе об этом. Лучше не его бранить, а самому исправиться».

6.

Амударья — самая непредсказуемая, самая сумасшедшая река мира. Предугадать ее выходы невозможно. Борьба с ними невероятно трудно, а порой и бесполезно. Беспольными оказались и наши старания в 1942 году. Все труды, все муки, все загубленные деревья — все даром. Река прорвала дамбы и затопила десятки аулов. В том числе и наш.

В августе 1942 года аул наш перекочевал на другое место. Примерно километров на пятнадцать севернее. И обосновался на берегу канала Абатжармыс. Все поля, уже почти готовые к уборке, все огороды и бахчи, все сады остались под водой. Я не говорю уже о тысячах мелочей, так необходимых в каждом хозяйстве, в спешке эвакуации многое было забыто или брошено. Началась жизнь голодная и бесприютная. Школы, конечно же, не было. Не нашлось даже мало-мальски пригодного помещения, где мы могли бы заниматься. Все, кто должен был заниматься в средних классах (от пятого и выше), обязаны ходить по домам и учить малышей, то есть ребят, которые должны были бы ходить в классы с первого по четвертый. Мы превратились в учителей-надомников, в приходящих педагогов.

Так прошла почти вся зима.

В феврале 1943 года аул вновь был переселен. Теперь уже на берег старого русла канала Шортанбай. Место было голое и совсем пустынное. Первые дня два-три каждая семья рыла себе землянку. Большого времени для обустройства не дали, потому что через два дня все, включая малышей-несмышленишек, стариков, больных и инвалидов, словом, все должны были приступить к расчистке земель под новые посевы.

Но и этим делом могла заниматься только половина аульчан. Другая половина — большая, или, лучше сказать, сильнейшая, поскольку сюда отбирались люди покрепче и поздоровее, — отправлялась рыть новый канал, чтобы с расстояния в двадцать километров подвести воду на будущие поля.

Только тогда я понял, почему пятерых-шестерых мужчин, ровесников моего отца (отец 1908 года рождения) не призвали в армию и не отправили на фронт. Они были физически сильны. Они были единственной силой, опираясь на которую, гурьба стариков, женщин и подростков могла хоть что-то сделать.

Этих мужчин, в том числе и моего отца, и отправили на рытье канала. С ними пошли и мы — аульская ребятня в возрасте от семи до семнадцати лет. Двадцатикилометровый канал предстояло копать вручную кетменями, кирками, лопатами.

Амударья затопила не только наш аул. Владения многих колхозов оказались под водой. На рытье канала собралось довольно много народу. Но в основном все старые и малые. Полноценных работников было раз-два и обчелся. Но все-таки за два месяца — ровно к началу посевной — весной 1943 года был проложен двадцатикилометровый канал, который и сегодня снабжает водой несколько крупных совхозов на севере Каракалпакии.

На прокладке этого канала и мы с отцом отработали полтора месяца.

В устье канала был весьма гостеприимный аул, где охотно давали пристанище всем землекопам. Но наши аульчане решили не разбиваться, не расходиться по чужим домам, а держаться вместе. Для этого они присмотрели старую конюшню, залатали дыры в стенах, кровле и в полу. Почистили ее, привели в порядок и оборудовали под ночлег. Получилось очень даже неплохо, а главное, все свои вместе. Жили одной дружной семьей. Не помню, чтобы хоть раз вспыхнула какая-то ссора. Делить, что ли, нечего было? Или общая работа сдружила? В общем, как бы там ни было, а жаловаться грех. Взрослые заботились о нас и часто успокаивали:

— Не тужите, ребята, что от учебы оторвали. Еще успеете наверстать.

Мы в свою очередь тоже жалели их:

— Мало того, что с восхода до заката вы орудуете лопатами, так еще в обед, перед завтраком и после ужина вас заставляют маршировать.

А маршировать их и впрямь заставляли регулярно: война — строевая подготовка считалась одной из непреложных обязанностей.

Вечерами в нашей спальне-конюшне воздух становился тяжелым и спертым, потому что, несмотря на все чистки и приборку, лошадиный запах из помещения еще выветриться не успел, а к нему уже добавился запах потных мужских тел, носков и прелых портянок, да и кормили нас не деликатесами. Как правило, после ужина все торопились побыстрее лечь спать, пока еще крепкий дух не сгустился. Но быстро заснуть редко кому удавалось. Начинались разговоры, рассказы, воспоминания — о страшных либо курьезных случаях. Вспоминали сказки, легенды, притчи. Слышались загадки. Читались письма с фронта. Гораздо позже я понял, что взрослые оберегали нас — мальчишек, и все, что фронтовики писали об ужасах войны, нам не передавали. Впрочем, и сами солдаты об ужасах старались не сообщать родичам, не тревожить их. Разговоры продолжались и после того, как гасла единственная на весь барак керосиновая лампа. Кто хотел — спал. Кто хотел — слушал или сам говорил вполголоса. Порой вспыхивали и споры по какому-либо поводу, тогда голоса крепили, а слова крепчали, и порой кто-либо из разбуженных неурочной дискуссией начинал выражать неудовольствие. Но его быстро осаживали:

— Если не спится, выйди во двор, никто тебя тут не держит. Или открой школу для этих ребят. А нет — так молчи.

Оказывается, разговоры они заводили для нас. Это все та же устная народная педагогика.

Ответы-вопросы перед сном

— Что дешевле всего, если в избытке?

— Вода.

— Что дороже всего, если в недостатке?

— Вода.

— Верно.

— Эй, Каипберген, не стесняйся своего сына и скажи-ка честно, какой цветок подарил ты в первый раз своей супруге Гулхан?

Отец несколько помедлил и ответил:

— Цветок хлопка.

Кто-то рассмеялся.

— Другого не нашел?

— А я и не искал другого, — сказал отец. — И зря смеетесь, джигиты. Мне нравится цветок хлопка. Он красив — это раз. А во-вторых, не забудьте, что хлопок превращается не только в одежду. Сейчас он превращается и в порох для наших солдат. И если у нас все же хватит сил вырыть этот канал, то вода в первую очередь пойдет на хлопчатник. Вот так-то...

Вопрос к парням:

— Слышите, джигиты? Если б один из вас поутру проснулся богом, что бы он сделал первым делом?

— Я бы тут же велел привязать распроклятого Гитлера за ноги и повесить вниз головой.

— Я тоже.

— И я.

— А я бы, став богом, спросил у бывшего бога-Аллаха, почему он создал мир таким жестоким и несправедливым. Почему люди должны страдать, мучиться, болеть, умирать?

— Ладно, джигиты, оставим бога в покое. Скажите лучше, если б вы были поэтами, какие бы написали стихи?

— Я б написал стих «Смерть Гитлеру».
— А я — «Строители канала», — это про всех нас.
— Я же написал бы о матери.

— Я про школу.

— А я написал бы стихотворение «Все вы болтуны...»

В темноте раздалось несколько тихих смешков.

— Ну, а сами вы о чем бы написали? — спросил решительный мальчишеский голос, обращаясь к тому, кто задал этот вопрос.

— Я бы написал стихи о женщинах.

— Это почему?

— С какой стати? — зазвучали недоуменные детские голоса.

— А с такой стати, что без женщин и вас бы, оборотов, на свете не было. Да и вообще... — говоривший оборвал фразу и замолк. Все в бараке тоже замолчали. Каждый подумал о своем. Лишь кто-то глубоко и тихо вздохнул.

— Кто сможет назвать два человеческих органа, которые более других украшают человека?

— Я могу.

— Ну, назови.

— Это язык и сердце.

— Ладно. Тогда назови два органа, которые более других безобразят человека.

— Пожалуйста. Это язык и сердце.

— Верно.

— Чьи нравы и обычаи самые лучшие?

— Что за вопрос? Наши, конечно.

— Каждому человеку нравы его народа кажутся наилучшими...

— Что, и немцам тоже?

— А как же...

— Э, нет, ты это брось.

— А чего бросать. Не бывает страны, которая считала бы себя неправой, даже если она сама виновата. Нет человека, который желал бы поражения своим.

— Бывает. Если в стране злой правитель, то вся страна должна мечтать о его поражении и гибели. Да, я уверен, что все города и аулы в Германии ждут не дождутся, когда их проклятый Гитлер сдохнет, а его поганая армия потерпит поражение. Скажешь, нет?

— Бросьте спорить. Послушайте лучше, как один упрямый землекоп из каракалпаков показался хану самым мудрым человеком в мире. Знаете такую сказку?

— Нет. Рассказывай.

— Рассказывай, рассказывай. Не бойся, не заснем, если сказка интересная.

— Ну так слушайте. Давно это было. Еще до революции. Тогда рыли канал Ханжап¹. И вот сам хан приехал к землекопам, чтобы, значит, воодушевить их своим присутствием. Приехал и приказал сперва накормить всех досыта, а потом выстроить перед ним.

Ну, построились, значит, землекопы, а он им и говорит:

— Сейчас мы проведем такое состязание в мудрости. Я буду без слов, одними знаками задавать вопросы. А вы также без слов, одними знаками, отвечать мне. Кто лучше меня поймет и лучше ответит, тому награда — пять тилля².

Землекопы все враз молча кивнули.

Тогда хан ткнул вверх указательным пальцем.

Все задумались. Но тут выступил вперед один упрямый каракалпак. Не будь он упрямым, едва ли стал бы тягаться с ханом. Так вот, этот каракалпак ткнул в небо двумя пальцами.

Поглядел хан на землекопа. Подумал и коснулся пальцем своего виска.

А каракалпак ткнул пальцем себе в живот.

Опять задумался хан и показал землекопу раскрытую ладонь.

А тот в ответ показал сжатый кулак.

Тут хан засмеялся и говорит:

— Ну, стервец, ну, сорвиголова. Ты самый мудрый в мире после меня. И за это как только вернусь во дворец, так сразу вышлю тебе обещанную награду. Сказал так и поехал восвояси.

Ханская свита ничего не поняла и спрашивает:

— Великий повелитель, что сказали вы тому землекопу и что он вам ответил?

¹ Ханский канал.

² Золотая монета.

А хан говорит своим приближенным:

— Он и впрямь большой мудрец. Он все верно понял и на все точно ответил. Когда я поднял палец вверх, это означало вопрос: «Есть ли в мире кто мудрее бога единственного?» На это он поднял два пальца, что означало: «В мире два мудреца — бог и ты, великий хан». Коснувшись пальцем своего виска, я спросил: «Вся ли мудрость в голове?», а он, указав на свой живот, добавил: «Без еды умен не будешь, мудр тот, кто сыт». Показав ему открытую ладонь и пять разжатых пальцев, я спросил: «Так что, отдать тебе пять тилля?», а он, показав кулак, ответил: «Нет, здесь много рукастых завистников, и пока я не сожму монеты в кулаке, они не мои, так что лучше передайте награду незаметно».

Вот такой мудрый человек этот каракалпак-землекоп.

Ну а приятели землекопа тоже, конечно, окружили его и требуют разъяснений, хотят знать, о чем он поговорил с ханом. Наш каракалпак — грудь вперед, вид важный, объясняет приятелям:

— Хан, значит, пальцем — тык, то есть говорит: «А что, если я тебе глаз выколю?» А я ему двумя пальцами — тык, что значит: «Да я тебе оба выколю». Тогда он пальцем к голове. Этим хочет сказать: «А что, если сейчас прикажу снять с тебя голову?» А я ему на живот показываю: «Не успеешь, — говорю, — я тебе вот этой киркой пузо раньше распорю». Ну тут он осерчал и ладонь мне показывает, мол: «Пощечину хочешь схлопотать?», а я ему кулак: «А это видел? Как трахну, так и дух из тебя вон». Тут он испугался и откупился от меня пятью тилля.

Все рассмеялись, а мой отец сказал:

— Вот уж точно, как в поговорке: «Каждому слепцу его посох — опора мира».

— Если б миром правила правда, кого она приняла на работу в первую очередь?

— Пока ты дождешься эту правду, подхалимы и пройдохи все должности займут...

— А если нормальный человек вдруг становится хвастуном и болтуном, то что это значит?

— Значит — не иначе как разбогател или клад нашел...

— Когда дурак на умного похож?

— Когда молчит.

— Вот и давайте помолчим и заснем...

— На какой вопрос нельзя честно ответить «да»?

— На вопрос: «Ты спишь?»

— Давайте спать, говорю, пора уже...

Разговоры перед сном

— Всякий человек — с образованием он или нет — должен следить, чтоб слова его были чистыми. Так же, как следит за чистотой лица. Грязное слово, оно ведь не только других, оно и хозяина пачкает...

— Дурное слово, что рваная деньга, кому ее ни сунешь, всяк обратно вернуть норовит...

— Это точно. Если слово с колючкой, то оно и тебя оцарапает, если слово, как теннисное дерево, то пустит и тебя под свою тень, если слово — яд, то и сам отравишься, а если слово — мед, то и тебя усладит...

— Так-то оно так, но не стоит забывать поговорку: «Теплая речь и змею привлекает...»

— В любом языке есть два слова, которые, когда их произносят, заставляют людей подняться с места. Это слова «мать» и «учитель».

Легенды, рассказанные перед сном

Вот, кстати, о том, что лопатой махать тоже не последнее дело.

Однажды старый хан, имевший множество сыновей, решил испытать их, чтобы знать, кому из детей трон оставить.

Испытать он их решил властью. Дал каждому из сыновей месяц поханствовать.

Все сыновья ханствовали нормально, а один как только сел на трон, так враз аппетита лишился. День терпел, другой терпел, а на третий пошел к отцу и говорит:

— Не могу больше без еды. И еду принимать не могу. Нужно мне лекарство.

Отец ему отвечает:

— Ты — хан. А хан не должен ни у кого ничего просить. Вот и ищи сам себе лекарство.

Сын подумал-подумал и решил расспросить соседей. Для этого отправился в соседнее ханство.

По пути встречает он своего детского приятеля. Тот стал землекопом и роет арык. Подъезжает хан к нему. Поздоровался землекоп и спрашивает бывшего приятеля:

— Куда путь держишь, наш нынешний правитель?

Хан объясняет ему. Мол, так и так, с тех пор как сел на трон, так и аппетита лишился. А теперь, мол, еду поискать какого-нибудь лекарства.

— Есть у меня такое лекарство,— говорит землекоп.

— Ну, если есть,— говорит хан,— так зачем же мне ехать в чужие края и чужим людям кланяться. Давай твоё лекарство, и дело с концом, а на вознаграждение я не поспею.

— Есть-то оно есть,— отвечает землекоп,— да только не здесь, а дома. А домой бежать я сейчас не могу. Нужно арык прорыть, подходит время сева. Не посеешь вовремя, не польешь к сроку, без урожая останешься. А если останусь без урожая, то мне никакая твоя награда не поможет.

— Вот что,— говорит ему хан.— Ты беги домой и носи сюда своё лекарство, а я уж так и быть, тем временем покопаю за тебя.

Берет хан лопату и ну ею махать! Землекоп постоял чуток, посмотрел. Вроде бы у бывшего приятеля ладно получается. Арык он, похоже, и впрямь выкопать сможет, хоть, конечно, и мозоли натрет с непривычки. Это уж точно. Прикинул так землекоп и пошел к дому. А хан до вечера все копал и копал, только пот со лба вытирал.

К закату возвращается и землекоп.

— Ну, где твоё лекарство?

— А я его дома оставил. Не знал, сколько тебе надо. Пойдем ко мне, сам возьмешь сколько требуется.

Приходят они в хибарку землекопа. А его жена к ужину наготовила просяной каши. Хоть и без масла, но зато целое блюдо. Каша еще не остыла, парком исходит.

Видит это хан и говорит:

— Дай-ка, я поем перед лечением. Угостите меня, пожалуйста, этой кашей.

Жена землекопа пододвинула к нему блюдо, и хан с устатку да в охотку все блюдо и умял. Ест да похваливает: «Ах, как вкусно. В жизни такого не едал!» Насытился, поблагодарил хозяев и говорит:

— Ну, давай лекарство, мне во дворец пора.

Землекоп вышел во двор, принес лопату и протянул хану:

— На. Вот твоё лекарство.

Только тут хан все понял. Вернулся и заявил отцу, что не желает сидеть на престоле.

Вот этот молодой ханский сын, отказавшийся от престола, и был нашим предком. Так говорят, по крайней мере...

Еще. Знаменитый охотник Мерген, чьи угодья простирались по всему свету, собрал как-то детей своих и решил обучить их искусству стрельбы.

Прежде чем обучать детей, захотел он показать им свое мастерство. Поднял лук, натянул тетиву, прицелился в маленького воробышку, который сидел на самой верхней ветке самого дальнего дерева, и выстрелил.

Но стрела не попала в цель. А воробышка на глазах у всех вспорхнул и улетел невредимый.

Мерген помрачнел, отвернулся и замолчал. И сыновья его стояли молча.

Тут приблизился к Мергену его сын по имени Каракалпак и говорит:

— Спасибо, отец!

Обернулся Мерген, зло глянул на сына и спрашивает:

— Ты что глумишься? За что благодаришь, если сам видел, как я промахнулся?

— А за то благодарю вас, отец, что вы пощадили маленькую беззащитную птичку.

Говорят, что все мы приходим от того сына охотника Мергена.

И еще. Однажды жестокий Чингисхан невзлюбил одного молодого батыра. Он и рад бы его казнить, да боялся. Потому что сам батыр был силен и смел. И друзья у него были тоже не слабыми.

И тогда задумал Чингисхан хитрость. Вызвал он к себе того батыра и говорит:

— Привези мне десятилетнего козленка, двадцатилетнего волка, тридцатилетнего тигра, сорокалетнего шакала, пятидесятилетнюю лису и шестидесятилетнего индюка. Привезешь — награжу тебя. Не привезешь — пеняй на себя — велю снять голову с плеч.

Батыр был молод и удал. объездил он все степи, все леса и горы, но нигде таких зверей не нашел. Понял он, что смерть близко. Загрустил. Назад едет медленно, понуро.

Так добрался он до берега Аму. И тут повстречал на берегу девушку, она в то время как раз набирала черпаком воду в кувшин. Он подъехал к ней и попросил дать ему напиться.

Девушка протянула батыру полный черпак воды, а сама видит, что он не в себе от горя: лицо посерело, плечи ссутулились, голова поникла. Ясное дело — кручинится человек. Она и спросила, о чем это он кручинится.

Батыр все ей рассказал.

Она ему говорит:

— Каждому известно, что ни один из этих зверей не сможет прожить столько. И Чингисхану это, конечно, тоже известно. А раз так, то, значит, он просто искал предлог, чтобы тебя казнить. Но он просчитался. Приведи к нему человека. Потому что в десять лет человек резвится, как козленок, в двадцать — он быстр и неумолим, как волк, в тридцать — силен и храбр, будто тигр, а в сорок, как шакал, он подьедает то, что добыл тигр, то есть пользуется теми победами, которые сам одержал будучи тридцатилетним, в пятьдесят начинает походить на лису, становится хитрым и осторожным, а в шестьдесят часто уподобляется напыщенному индюку.

Батыр обрадовался такому совету и поспешил домой. Поспешил смело, потому что был уверен, что теперь ему нечего бояться.

Выслушал Чингисхан батыра и спрашивает:

— Кто это тебя надоумил дать такой ответ?

Батыр объяснил все как было.

Почернел Чингисхан. Глаза загорелись красным огнем. Тут же послал он своих всадников к берегам реки Аму и приказал им истребить всех девушек в том краю.

С тех пор девушки с берегов Аму стали боязливы. Ни одна из них не решится не то что говорить с проезжим парнем, но даже взглянуть на него. Так и до сего дня.

Письма с фронта, прочитанные перед сном

...Мама! Не бойся за меня. Меня никакая пуля не достигнет. Я же занимался физкультурой. Помнишь? А это знаешь как помогает.

Ночью фрицы палят трассирующими. Это такие пули, они как угли красные. Их далеко видно. Я как завяжу пулю, так присяду или подпрыгну или перекувырнусь. И она мимо свистит. Вот так.

Мама, помнишь ты хотела сосватать мне дочку нашего соседа — Гулипу. Я тогда еще глупый был, сомневался и робел. А теперь прошу тебя, мама, покажи Гулипе это мое письмо. Сам я ей написать не решаюсь. А ты покажи. И, если она захочет, пусть мне напишет. Пусть она тоже не боится, будто со мной что-нибудь случится. Ничего не случится. И если все будет хорошо, то, когда вернусь, устроим свадьбу. А ты, мама, куда я тут воюю, договорись с ее родителями...

...Дорогая моя Айша! Все-то ты тревожишься обо мне. Все-то ты за меня переживаешь. Ты как моя мама. Помню, в детстве, как пойду гулять, так мама обязательно сунет мне кусочек лепешки: «На, сынок, поешь, когда проголодаешься...» А теперь ты, как мама, все спрашиваешь: «Не похудел ли?»

Нет, не похудел. Не беспокойся. Я даже растолстел. Вот честное слово. Тут у нас теперь новый командир полка. Он вчера только прибыл. Всех нас построил и спрашивает: «Есть ли жалобы? Пишут ли из дома? Как с питанием?» А когда мимо меня проходил, даже специально остановился и сказал:

— Ну, солдат, вижу, что на аппетит ты не жалуешься. Откуда, богатырь?

— Из Каракалпакии, — отвечаю.

— Молодец, — говорит, — смотри у меня, чтобы не смел худеть, пока я команду полком.

Я обязан подчиняться своему командиру, потому худеть никак не имею права. Так что и ты по этому поводу напрасно не волнуйся.

Ты сама у меня, дорогая моя Айша, пожалуйста, кушай как следует и не болей. Если нужно, продай что-нибудь. Не беспокойся, когда вернусь, новое наживем. Только бы ты берегла себя...

...Дорогие папа и мама. Я пишу вам это письмо на третий день своего заслуженного трехдневного отпуска. Три дня я спал в офицерском блиндаже. И даже койка моя стояла рядом с койкой нашего полковника. Я спал и ел с наслаждением. Я ел тоже вместе с полковником. Что ему подадут, то и мне. А когда полковник выходил из блиндажа по делам, то младшие офицеры при мне не смели и говорить меж собой и спрашивали у меня разрешения обратиться друг к другу.

Вы, конечно, хотите знать, за что вашему сыну такая честь и трехдневный отпуск? Хорошо, я объясню вам все по порядку и подробно.

Такой почет мне за то, что я взял в плен пятнадцать фрицев и не истратил при этом ни одного патрона. Да, целых пятнадцать и ни штукой меньше.

Вот как это было. Ночью во время страшной вьюги нашу передовую атаковали фрицы. Было их несметное количество. И завязалась кровавая рукопашная схватка.

Все было как в сказании «Алпамыс». Не успеешь свалить одного врага, а за ним уже другой. Повалишь другого — а там третий. И так бесконечно.

Дрались мы до утра и многих гадов уложили. А потом они дали деру. И я погнался за одним отрядом. Вдруг фрицы как провалились.

Когда я очень уж распаяюсь, то кровь приливает к глазам и глаза мои начинают хуже видеть. Так и в этот раз. Я остановился, перевел дух. Гляжу, прямо под ногами окоп. А в том окопе жмутся фрицы.

Спрыгнул я в тот окоп, а там их уйма. Не стану врать, сперва у меня аж в груди похолодело. Но виду не подаю.

— Где офицеры? — спрашиваю.

Им так понятнее, если скажешь не «офицер», а «офицер».

— Нет,— говорят,— его.

— А кто есть?

— А есть,— говорят,— сержант.

Подхожу прямо к сержанту, а он сидит пригорюнившись. И начал я проводить с ним агитационно-массовую работу. Пропагандировать я его начал. А сержант тот, оказывается, говорит по-русски, но плохо. Говорит он по-русски так же плохо, как и я, поэтому мы с ним друг друга легко поняли.

— Ты кто?— спрашивает он меня.

— Я красноармеец!— отвечаю.

— Вижу,— говорит,— что красноармеец, а из какой нации?

— Каракалпак.

— Не знаю,— говорит,— никаких каракалпаков.

— Не может такого быть. В каждой стране есть хоть один каракалпак.

— А у нас в Дойчляндии нету.

— Врешь,— говорю,— и в вашей Дойчляндии должны быть. Есть у вас люди трудолюбивые, скромные и мудрые?

— А как же?— удивляется.— Конечно есть.

— Вот,— говорю я ему,— они-то как раз и каракалпаки.

Он подумал, подумал и рассмеялся. А другие фрицы спрашивают своего сержанта, с чего это он так веселится? Он им пересказал наш разговор.

Тогда они и говорят: если, мол, он такой мудрый, то пусть скажет, где находится самый что ни на есть мировой центр, а то многие народы никак не могут этого решить и потому часто ссорятся до международных конфликтов.

— Хорошо,— говорю,— я вам отвечу. Только это по-вашему «мировой центр», а по нашему — «пуп земли». Кому же еще и знать, где он находится, если не мне.

— Ну и где? В Германии? В Америке?

— Нет,— отвечаю,— пуп земли находится в городе Нукусе.

— Что за город такой? Не знаем никакого Нукуса.

— Вот видите,— говорю,— какие вы необразованные, а еще претендуете на то, чтобы считаться мировым центром. Нукус: это столица Каракалпакской Советской Автономной Республики.

Тут они все разом загалдели и спрашивают:

— А с чего это ты такой образованный?

— А с того, что наша Советская власть научила нас всех уму-разуму, а ваша фашистская власть ничему хорошему вас не научила. И напали вы на нас от зависти. Ведь от хорошей жизни никто не побежит воевать. А теперь мы всей страной поднялись против вас — захватчиков, и победа наверняка и вне сомнений будет за нами.

Тут они подумали, подумали, а потом и говорят:

— А ведь верно сказал этот каракалпак. И не хотим мы больше проливать свою и чужую кровь в этой несправедливой захватнической войне. Веди нас к своим. Если все они такие же образованные и мудрые, как ты, то бояться нам нечего.

Вот так без шума, без криков и выстрелов привел я в плен целых пятнадцать фрицев.

Так что, папа и мама, вы можете гордиться своим храбрым и смекалистым сыном...

7.

Все эти загадки, легенды, рассказы, чтения солдатских писем, чаще шутивно-нежных, реже сурово-сдержанных, скрашивали нашу жизнь. Случалось, разговоры затягивались чуть ли не до утра. Но и в этом случае никто не жалел, что ночь оказалась бессонной, хоть утром снова отправляться на тяжелую и однообразную работу. А землеройная работа как раз такая и есть, тяжелая и однообразная, утомитель-

ная, отупляющая работа. Наваливай носилки. Таскай носилки. Сбрасывай землю. И так целый день. К вечеру и лопаты и носилки становились неподъемными.

Весь день сотни людей трудились не разгибаясь. А поглядишь, что сделали за смену, так покажется, что русло канала и не продвинулось нисколько. Но это только так кажется, потому что за полтора месяца двадцатикилометровая рукотворная река прорезала степь вплоть до лесов Шортанбая. По каналу, который назвали «Октябрь», пошла вода. И пошла она в точно установленный срок.

На строительстве висел лозунг — «Наш ударный труд — удар по врагу». Мы верили, что так оно и есть, а потому пуск канала был для нас столь же радостным событием, как сообщение об освобождении еще одного советского города. Тогда, к весне 1943 года, таких освобожденных городов было еще не так уж много, но среди них уже значился и Сталинград. И нашу победу мы тоже считали своего рода маленьким Сталинградом на фронте борьбы со стихией.

А тогда кругом были сплошные фронты. Так и говорили: «трудовой фронт», «промышленный» и «сельскохозяйственный» фронты. «Фронт борьбы с наводнением». Был даже «педагогический фронт», но о нем чуть позже.

В день пуска канала состоялся большой праздник. Мы так искренне и так неистово кричали, смеялись и аплодировали, что на следующий день, обмениваясь впечатлениями, не без гордости говорили друг другу:

— Наверное, наши радостные крики были слышны в самой Германии.

Вода потекла, но одновременно с потоком воды хлынул и поток новых хлопот, новых забот. Канал-то строился наспех, на скорую руку, и довольно быстро выяснилось, что его насыпные берега не могут сдерживать сильного напора. То в одном, то в другом месте вода постоянно прорывалась. Поэтому каждый колхоз, по чьим уголкам был проложен канал, выставлял так называемую «береговую охрану».

От нашего колхоза в число таких охранников попал и я со своими приятелями Сарсенбаем и Шамуратом (ныне оба работают механизаторами в Ходжейли). Мы беспрестанно ходили вдоль насыпи, словно дозор вдоль границы, неся наизготовку свое оружие — лопаты. И пользоваться этим оружием нам приходилось часто. Думаю, что не совру, если скажу, что за все лето ни днем, ни ночью (а мы были и ночными дежурными) не выдалось и получаса, когда бы нам посчастливилось просто прогуляться. Чуть заметил малейшую течь — давай живо копай и утрамбовывай, а не то потом воду не удержишь. Но все равно, при всей нашей бдительности, в день случалось порой по несколько прорывов. И так до самой осени.

Впрочем, и в редкие получасовые перерывы мы время даром не теряли. Приятели мои — ребята разговорчивые. Каждый из них знал массу загадок, сказок и всяческих историй, так что скучать нам было некогда.

К осени потребность в воде поуменилась, а вместе с ней уменьшилась и опасность прорывов. Нам всем троим разрешили вернуться в аул, благо приближался и новый учебный год.

Год-то приближался, а школы еще не было. Глинобитное здание для школы начали строить на границе двух колхозов. И вот что надо подчеркнуть: во всей округе не было еще ни единого глинобитного дома. Все ютились в землянках, либо в юртах, либо в камышовых лачугах, но школу сразу решили строить из глины.

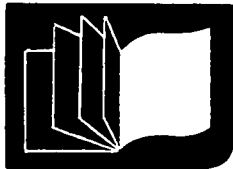
К концу сентября строительство хоть и с трудом, хоть и с недоделками, но в основном все же закончили. С первого октября начались занятия. Но вот беда — самым старшим классом в школе был пятый. А в пятом я уже учился. И вообще, если бы все шло как положено, мне надо было идти уже в седьмой. А тут всего лишь пятый. Опять пятый. Однако директор школы Каипбек-ага Пирамбетов (у него-то я учился в прошлом пятом классе) сказал мне:

— Что делать? Лучше дважды пройти одну и ту же программу, чем пропустить еще год вообще без учебы. Тебе нельзя не учиться. У тебя поэтические способности, их нужно все время развивать. Ты станешь у нас редактором стенгазеты.

Ну, соглашайся.

И я согласился.

Окончание следует.

Б. Рустапов, В. Садовников

РЕЛЬСЫ В ПУСТЫНЕ

Идея соединения железной дорогой Туркестанского края с Центральной Россией возникла одновременно и в военном, и в транспортном ведомствах империи. Дебаты продолжались два десятилетия и завершились в начале 1880 года. Из множества проектов, отвергнутых по разным причинам, в том числе нереальности воплощения и фантастичности, выбор пал чуть ли не на самый фантастический — проложить рельсы от Каспийского моря в глубь края через пустыню. Опыта подобного строительства в пустыне у России не было, но выбор был продиктован сложившейся к тому времени ситуацией в Туркестане.

Туркестанское генерал-губернаторство, образованное в 1867 году, включало в себя территорию Закаспийской, Самаркандской, Ферганской, Сырдарьинской и Семиреченской областей, а также два ханства — Хивинское и Бухарское. Официально этот край считался владениями царской России, но военные действия здесь продолжались, на него претендовали другие колониальные державы. Свое влияние на Среднюю Азию стремились распространить английские империалисты, намереваясь захватить районы Закаспия и выйти на восточное побережье Каспийского моря. Для осуществления такого замысла они использовали наиболее отсталые туркменские племена, вооружая их для борьбы против России.

Со строительством железной дороги царское правительство связывало укрепление в Средней Азии своего влияния. Практическое отсутствие надежных путей сообщения мешало осуществлению быстрой почтовой связи, своевременному снабжению войск и их переброске, ведению торговли, экономическому освоению территории. Связь центральных районов России с Туркестаном обеспечивалась до сих пор единственным караванным путем. Караваны двигались медленно, путь был труден и опасен.

Активизация действий англичан принудила царское правительство принять решение о проведении в Туркестане военной экспедиции. Войска возглавил генерал Скобелев. Ему предстояло взять Геок-Теппе, где закрепились англичане и вооруженные ими туркмены. Особой трудности для генерала Скобелева эта операция не представляла, но восставшие могли не принять бой, и тогда экспедиция затянулась бы, что для русских солдат было страшнее неприятельских пуль. Об этом говорил опыт военных походов в Среднюю Азию: войска несли большие потери не столько от борьбы с неприятелем, сколько от одиноборства с природой. Печально памятным был зимний поход к Хиве в 1839 году: из четырех тысяч солдат, выступивших из Оренбурга, больше тысячи погибли при переходе через пустыню, столько же вернулись больными, из десяти тысяч верблюдов пали девять тысяч. Не менее трагично закончился и летний поход к Хиве в 1873 году, когда Кызылкумы чуть не погребли под собой весь отряд, высланные же ему на помощь люди вынуждены были вернуться в Красноводск с половины дороги. Первая экспедиция к Геок-Теппе, называвшаяся Ахалтекинской, потерпела поражение потому, что в штурме крепости смогла принять участие лишь четверть высадившегося здесь войска. Солдаты страдали от снежных буров и невыносимой жары, от безводья и бескормицы, от массовых болезней.

Этот опыт отрезвлял генерала Скобелева, предостерегал от поспешных военных действий. Главным условием обеспечения успеха второй Ахалтекинской экспедиции виделось немедленное строительство железной дороги в глубь Туркмении.

Так было принято решение о строительстве железнодорожного пути от мелководного Михайловского залива на Каспии до селения Молла-Кары. Строить дорогу было поручено военному министерству. С его складов водным путем доставлялись необходимые материалы — рельсы, шпалы, а затем и паровозы, вагоны, платформы. Суда с грузами с трудом пробивались к берегу из-за узкого и извилистого фарватера залива, к тому же мелководного. Дороге придавалось временное значение, потому строилась она без соблюдения принятых технических условий и требований. Все овраги, высокие русла, ложины проходились по насыпям, без отводных каналов и тоннелей для пропуска воды. Главное — проложить рельсы и отправить поскорее поезда с военными грузами.

Вот как описывал начало работ подполковник В. Н. Антипин:

«В то время, когда русские войска под предводительством генерала Скобелева готовились к нанесению удара противнику под Геок-Теппе, в тылу отряда со всей спешностью прокладывался железнодорожный путь. Негостеприимный, пустынный, песчаный, безжизненный берег Михайловского залива представлял необычайное зрелище. Там, где никогда не ступала нога культурного человека, где редко можно было встретить чочевника-иокуда, вдруг проявилась жизнь — кипучая людская деятельность: по мелководному рейду залива взад и вперед сновали пароходы, к пристани подтягивались тяжело груженные баржи. На пристани, на берегу — всюду шла лихорадочная спешная работа: там возводились постройки, здесь сооружались рельсы, шпалы, войсковые запасы. Лязг железа, грохот лебедок, крики разногласой толпы людей, рев животных, свистки далеко разносились по пустынному берегу. А над всем этим стояло полуденное солнце, обжигающее горячими лучами все живое и накалявшее пески так, что к ним нельзя прикоснуться».

Для укладочных работ, требующих определенной квалификации, в Москве был сформирован 1-й резервный железнодорожный батальон. Трудоемкие земляные работы выполняли люди, привлеченные из центральных губерний России. Солдаты и крестьяне-землекопы страдали от непривычного для них климата, плохо переносили отсутствие воды, нормальной пищи, жилья, болели цингой и дизентерией. Нанятые позже персы стали работать производительнее, так как местные условия были для них более привычными. Однако близость военных действий, боязнь внезапных нападений со стороны туркмен сеяли панику среди строителей, и они бежали до окончания сроков найма.

Тем не менее, рельсы уходили все дальше. Подвижной состав для первых километров дороги изготовили Брянский и Коломенский заводы: четыре паровоза, 25 вагонов и 75 платформ. До ближайшего к Средней Азии железнодорожного пункта — Царицына — все необходимое для новостройки доставлялось по железным дорогам, в Царицыне перегружалось на баржи, спускалось по Волге к Астрахани, где переваливалось на суда и по Каспию доставлялось в Красноводск. Отсюда на плоскодонных баржах и пароходах с малой осадкой груз отправлялся в Михайловский залив к начальному пункту дороги.

Объем перевозок только для начального участка дороги составил 2,5 миллиона пудов. При существовавшем количестве плавучих средств на Каспии такой объем представлялся колоссальным, а задача почти невыполнимой. Поэтому она и была поручена известному русскому флотоводцу С. О. Макарову. Вскоре на Каспии появилось большое количество морских судов и даже около сотни парусных шхун. На их палубы грузили вагоны, паровозы опускали в трюмы специально подготовленных судов, иногда их перевозили и на палубах, но в этих случаях трюмы загружали рельсами, чтобы тяжелый груз на палубе не опрокинул судно.

Ни на один час не прерывалась жизнь в Красноводском порту. То был первый в мировой практике случай, когда работы, связанные со строительством железной дороги, проводились ночью, при электрическом свете. Для этой цели были специально закуплены в Петербурге динамомашинны и электрические фонари системы Яблочкова.

Строительство дороги набирало темп, несмотря на то, что трудностей на пути первопроходцев было хоть отбавляй. Рельсы и скрепления собирали на частных заводах и военных складах, материал был неоднородный, десяти разных типов, что, разумеется, усложняло укладку, не говоря уже о том, что отражалось на качестве пути. Чрезвычайно сложно было с водой: в дело шла опресненная, использовались ручьи, их воду подводили к станциям по чугунным трубам, развозили поездами по линии. От безводья страдали и строители, и строительство.

Укладку путей сдерживали сыпучие пески. Горы их преодолевались с трудом, песок вытекал из-под шпал, как вода, только что отсыпанное полотно разрушал ветер, за одну ночь на рельсах вырастали новые высокие барханы.

С песком боролись, как со снегом в центральной части России, ставили заборы, щиты, но такая защита мало что значила. Откосы полотна поливали соленой водой, чтобы образующаяся при этом корка предохраняла песок от выдувания. Обмазывали глиной, закрывали ветками саксаула и тамариска, обсаживали дорогу деревьями и кустарниками. Борьба с песками отнимала много сил, времени, средств. Неожиданной оказалась и еще одна напасть — термиты. В короткое время они разрушали все деревянные конструкции, превращая шпалы в труху. Научились спасаться от термитов только пропиткой дерева нефтью. Если приплюсовать ко всему нестерпимый зной Каракумов летом и холод зимой, перебои с водой и питанием, нерегулярную выплату зарплат, текучесть и ненадежность привлеченного на строительство коренного населения, то станет понятным, в каких невероятных условиях прокладывался железнодорожный путь через пустыню.

И все же дорога строилась, к тому же очень высокими для того времени темпами. Жюль Верн в романе «Клодиус Бомбарнак» без единой вымышленной детали описал строительство Закаспийской железной дороги. Для великого фантаста это строительство представлялось само по себе уже фантастичным.

Железнодорожное освоение пустыни Россией вызвало живой интерес специалистов многих стран мира, особенно Франции. Французы написали много статей и книг об уникальном опыте России, однако сами строить железную дорогу в Сахаре все-таки не решились...

А Россия продолжала накапливать опыт. Впереди широкой колеи ложилась узкоколейка. Это давало возможность сократить отрыв от полевых войск и одновременно подвозить материалы для прокладки широкой колеи. Скорость работ таким образом увеличивалась. И всего лишь через полтора месяца с начала строительства до Молла-Кары уже пошли поезда. Участок был невелик — всего 26 километров. Но он был первым, самым трудным. На нем были опробованы силы железнодорожного батальона, прибывшего из Москвы, возможности использования местной рабочей силы, правильность инженерных расчетов, здесь конкретно выявились реальные трудности, родились методы их преодоления. Дальше предполагалось провеста железную дорогу на конной тяге. Но впереди снова сыпучие пески, отсутствие воды, фуража для лошадей на многие километры. В ноябре 1880 года принимается решение тянуть путь до Кизил-Арвата все-таки на паровой тяге.

Отправленные же в сентябре рельсы, скрепления и подвижной состав застряли в Астрахани — на Волге в том году рано встал лед, поэтому работа была возобновлена только следующей весной.

А как же отнеслись англичане к действиям русских в Средней Азии? Поначалу они подхватили опыт российских инженеров и срочно заказали французской фирме материалы для сооружения узкоколейного пути и подвижной состав, причем колеи заказывались таких же размеров, как и на Закаспийской дороге. Англичане решили строить точно такой же путь со стороны Афганистана, лелея надежду воспользоваться со временем русской военно-полевой дорогой...

Стремительное продвижение Закаспийской железнодорожной ветки вызвало огромное недовольство английского правительства. Давление на Россию по разным каналам привело к тому, что некоторые представители правящих кругов царской России потребовали разборки построенного участка. Такому требованию энергично воспротивились более дальновидные политики, но тем не менее железнодорожное продвижение в Среднюю Азию было временно прекращено.

Оперативная цель создания Закаспийской дороги была достигнута, хотя Геок-Теппе был взят задолго до завершения строительства. В марте 1884 года состоялось мирное присоединение к России Мервского округа, небольшое русское войско, разбив афганцев под Теш-Кепри, укрепилось в Кушке. И хотя дальнейшее сооружение дороги было заморожено на четыре года, отношения России с Англией становились все напряженнее. Последняя лихорадочно готовилась к военным действиям в Средней Азии, и тогда русское правительство вновь возвращается к своим намерениям о продолжении железной дороги до Амударьи. 1-й резервный железнодорожный батальон, эксплуатировавший действующий участок, был переименован в 1-й Закаспийский батальон, а основные работы по возведению железнодорожного полотна были возложены на 2-й Закаспийский железнодорожный батальон.

Ситуация складывалась так, что малейшая задержка с прокладкой рельсов могла отразиться на интересах России в регионе. Руководство работами было вновь возложено на генерала Анненкова. Еще не были представлены расценочные ведомости, или, как сейчас говорят, не утверждена смета, а первые звенья дороги уже укладывались, строители опирались на проведенные в спешном порядке летучие изыскания. Зная по опыту, как трудно без воды, новую трассу решили вести вдоль отрогов Копетдагского хребта. Горные речки вдоволь обезпечивали водой, однако в период интенсивного таяния снегов они приносили и немало бед — смывали большие участки полотна.

С прокладкой дороги торопились. Вместо каменных мостов ставили временные клетки из шпал, вместо домов — бараки. Новая местность повторяла уже пройденный ранее участок: те же глинистые и солончаковые почвы, а между Репетеком и Чарджуем — сыпучий барханый песок. Благоприятным было лишь то, что равнинный ландшафт не требовал больших насыпей и выемок. Средний темп прокладки пути составлял более полутора километров в сутки.

Поступление материалов по-прежнему сдерживалось Красноводским портом — большие суда не могли войти в мелководный Михайловский залив. Генерал Анненков на свой страх и риск распорядился построить ветку от залива к новому порту Узун-Ада, хотя эта работа не была предусмотрена. Новая ветка протяженностью в 27 верст намного облегчила и ускорила доставку нужных строительных грузов.

Общая численность рабочих на сооружении дороги доходила до двадцати и более тысяч. Их, как и прежде, выписывали из центральных губерний России, с Кавказа, из Персии. И меньше чем через полгода первый поезд прибыл в Ашхабад, в июле 1886 года дорога пришла в Мерв, 30 ноября — в Чарджуй. Таким образом, 750 верст были проложены за 506 дней. В декабре на всем протяжении дороги от Каспийского моря до Амударьи было открыто постоянное движение поездов.

Отсутствие единого плана строительства дороги практически не сказывалось на темпах работы. Этот темп задавала политическая, стратегическая, военная и экономическая необходимость.

Еще не подведен путь к Чарджую, а в правительственных кругах вновь разгораются дебаты о продолжении дороги до Бухары и Самарканда. Дважды в течение апреля 1886 года комитет министров обсуждает этот вопрос. Внимание сосредоточивается на Амударье, широкой своенравной реке, которая ляжет труднопреодолимым препятствием на пути строителей.

Издравле называли на Востоке Амударью бешеной — Джейхун. Река заслужила такое название своим необузданным нравом: часто меняла русло, и всякий раз трудно было предположить, куда она понесет свои стремительные воды следующим летом, когда начнется таяние памирских ледников. Не одно поселение смыла она за свою историю и унесла в неизвестность.

Перед строителями железной дороги возникает уникальная задача — построить мост, равно которому — по длине и сложности сооружения — в России до сих пор не было. Проект деревянного свайного моста был разработан инженером-архитектором Бачинским.

Первый пролет через главное русло составил 1720 метров. Затем была сооружена дамба длиной более 700 метров, затем второй мост длиной 170 метров, снова полукилометровая дамба, третий мост протяженностью 120 метров, дамба на 800 метров и последний мост, соединивший ее с берегом, длиной 60 метров.

Первая свая была вбита в сентябре 1887 года, а уже 6 января 1888 года мост был готов. Всего 124 дня потребовало это уникальное сооружение! (Для того, чтобы представить себе, в каком темпе, при каком напряжении работали строители, вспомним о том, что в современных условиях, при наличии многообразной мощной техники сооружение мостов длится порой по несколько лет, да и рек таких неукротимых, как Амударья, теперь уж и нет, наверное, на карте страны).

Тринадцать лет прослужил этот мост. Джейхун, оставаясь верной своему характеру, семь раз разрушала его, однажды, во время паводка, снесла часть второго моста, пришлось соорудить его заново. Еще один паводок смыл целиком дамбу, и тогда ее заменили деревянным мостом на свайных опорах. В общей сложности за годы своего существования мост был удлинен на 1200 метров. Конечно, ликвидировать принесенные рекой разрушения всякий раз было непросто, ведь основные силы строителей были уже далеко от этих мест. Поэтому перерывы в движении поездов иногда доходили до двух месяцев.

Коротко о дальнейшей судьбе моста через Амударью. В октябре 1898 года пришлось вернуться к вопросу о замене деревянного временного моста постоянным — каменным. Известный мостовик профессор Петербургского института инженеров путей сообщения Н. А. Белелюбский предложил четыре варианта проекта, которые отличались лишь местом возведения мостового перехода. Из них был выбран самый близкий к существовавшему деревянному. Новый мост был построен в мае 1901 года. Возведенный под руководством инженера С. И. Ольшанского грандиозный 27-пролетный мост являл собой в те годы чудо инженерной мысли. Он был самым длинным в России и третьим по длине в мире.

Однако вернемся в 1888 год. Тогдашний военный министр Ванновский торопил события. Прокладка железной дороги до Самарканда связала бы военные силы Туркестанского края с войсками Закаспийской области. Пожалуй, этот фактор был самым решающим в ускорении строительства. На ускорении же настаивали генерал-губернатор Туркестанского края Розенбах, генерал-лейтенант Анненков. Изыскательские работы на этом участке были проведены еще в 1886—87 годах, к июню 1887 года была утверждена инструкция по прокладке самаркандского участка рельсового пути.

Предлагалось два проекта. Один — от Мерва на Бурдалык, затем через Карши — на Самарканд. Остановились на втором — от Мерва на Чарджуй и через Бухару на Самарканд. Хотя этот проект был сложнее, но он позволял царизму упрочить власть над Бухарским эмиратом.

Очередной участок дороги был не легче уже пройденных, но особого труда стоило продвинуться от Амударьи до Ходжи-Давлета. Сыпучие пески то и дело заносили уже проложенную колею. 21 километр пути был пройден ценой огромных усилий. При этом царские чиновники не стеснялись признаваться, что применение каких-либо механизмов, даже тачек или носилок, удорожает строительство, поэтому желательно обходиться без оных. В отчете военному министру о прокладке самаркандского участка говорится:

«При дешевизне местных рабочих мы избежали каких бы то ни было приспособлений и инструментов для работ, употребляемых в России. Так, например, почти все работы были произведены в перекид...»

Туркестанскому генерал-губернатору докладывали из Бухары: «Более месяца прошло с тех пор, как начались работы по постройке самаркандского участка. В течение этого времени работы шли непрерывно при полном спокойствии и дружелюбии туземного населения и при усердном и полезном содействии местных бухарских властей».

Сейчас трудно предположить, чем руководствовался политический агент в Бухаре, составляя этот доклад, очевидно, желанием представить начальству результаты своей усердной службы в выгодном для себя свете. Фактически же дело обстояло не совсем так. Прав он был только в одном: бухарский эмир действительно содействовал прокладке дороги.

В другом же... Условия работы на дороге были тяжелейшими, а поденная плата за труд составляла от тридцати до пятидесяти копеек. Протест мобилизованных бухарских дехкан выражался в массовых уходах со стройки. До «полного спокойствия и дружелюбного настроения» было далеко, хотя часть населения все более склонялась к пониманию полезности прокладываемой дороги: какой бы трудной ни была здесь работа, она все же явилась отхожим промыслом для беднейших крестьян, кормила их. На базарах стали появляться товары, до сих пор невиданные, невозимые сюда, да и в силу относительной дешевизны их доставки они стали более доступны широким слоям населения. Первыми, конечно же, почувствовали преимущества железной дороги в сравнении с ранее существовавшими средствами сообщения местные промышленники и торговые люди.

17 апреля 1889 первый поезд прибыл в Каттакурган.

15 мая «огненная арба» остановилась в Самарканде.

Торжества в Самарканде по случаю прибытия первого поезда ознаменовали собой окончание сооружения Закаспийской железной дороги. Сегодня, с расстояния ста лет, прошедших с того момента, ясно: то было событие большой исторической важности. Первые невероятно трудные рельсы положили начало нынешней важнейшей жизненно важной артерии региона, страны — Среднеазиатской железной дороге, протяженность которой свыше шести тысяч километров. Тогда еще никто не мог даже предполагать, что через каких-то три десятка лет каторжный подневольный труд строителей дороги перерастет в неистовый энтузиазм трудовых масс первых советских пятилеток, что уже в начале 30-х годов будет построен Турксиб, соединивший Среднюю Азию с районами Сибири.

Тогда же, в конце прошлого века, прокладка той малой частицы огромной в будущем магистрали вызвала широкий резонанс во всем мире. Мир восхищался скоростью строительства дороги в необычных условиях, смелостью инженерных решений.

К «самым достопримечательным постройкам времени» отнес сооружение 1335-верстного железного пути от Каспийского моря до Самарканда известный путешественник Армалий Вамбери, проехавший по новой дороге сразу же после завершения работ. «Действительным чудом в здешних пустынях» назвал дорогу великий русский ученый Н. Пржевальский, побывавший здесь в сентябре 1888 года.

Однако подобного восторга не разделяли некоторые зарубежные политики, раздраженные вторжением России в этот край, особую досаду высказывали англичане.

В России же, еще задолго до укладки последнего километра дороги, поговаривали о необходимости продления ее до Ташкента — крупнейшего экономического, торгового и культурного центра Средней Азии. Рассматривались десятки предложений, которые поступали и от частных фирм, и от акционерных обществ, и от капиталистов Запада. В 1894 году, когда сторонником продолжения дороги от Самарканда в сторону Андижана с веткой на Ташкент стали министр финансов Витте, военный министр, туркестанский генерал-губернатор Вревский, правительство решило строить дорогу за счет казны.

Конечно, условия прокладки полотна были намного лучше, чем в Закаспийской пустыне. Однако и здесь нужно было возводить мосты через реки Зарафшан, Сабзар, Сиаб, выравнивать

холмы и засыпать выемки. В июне 1897 года «Туркестанские ведомости» писали: «Сооружение Ташкентской ветки Самарканд-Андижанской железной дороги идет вперед, проложено рельсов уже верст 30 от Хаваста. Остается до Чиназа 40 верст. Есть надежда, что в первых числах августа рабочий поезд придет к берегам Сырдарьи, вслед за тем будет приступлено к сооружению временного деревянного моста на сваях, на что, вероятно, потребуется два или три месяца, и тогда после этого начнется укладка рельсов от Чиназа к Ташкенту».

В ноябре 1897 года прибыл первый поезд в Коканд. Меньше чем через два года железная дорога была доведена до Ташкента. Магистраль от Самарканда до Ташкента получила название Среднеазиатской железной дороги.

Ее сооружение было чрезвычайно важным для царского правительства и в политическом, и в стратегическом отношении. Но не последнюю роль, как все больше становилось очевидным, играли и экономические соображения. Ведь дорога проходила через Ферганскую долину — крупнейший район по производству хлопка.

Большие выгоды сулила железная дорога и для русской, и для местной буржуазии. Но к Коканду и Андижану хлопковое сырье и другую ценную продукцию плодородных земель приходилось по-прежнему доставлять гужевым транспортом. Последовали десятки предложений о строительстве частных железных дорог, которые бы связали различные торговые и хозяйственные центры Ферганской долины с большой магистралью.

В апреле 1900 года царское правительство приняло решение о прокладке дороги от Оренбурга до Ташкента. Год ушел на инженерные изыскания, составление смет и планов строительных участков, изготовление необходимого оборудования. Весной следующего года строительство дороги было начато одновременно от Ташкента и Оренбурга. Работы велись шесть лет, и в начале 1906 года Среднеазиатская магистраль стала составной частью всероссийской железнодорожной сети. Началось прямое регулярное военное, пассажирское и товарное движение от Петербурга до Красноводска и Кушки, куда к этому времени также был проложен путь. Таким образом, была создана огромная единая система коммуникаций, которую составили Среднеазиатская, Закавказская железные дороги и Великий Волжский водный путь. Это сыграло большую роль в дальнейшем развитии капиталистических отношений в Средней Азии, в оживлении ее экономики.

Первыми производственными предприятиями в колониальном Туркестане стали транспортные узлы. Если не считать кузнечного дела, первыми более или менее приближенными к современному металлообрабатывающим производствам были железнодорожные мастерские. Дело, основные и оборотные, с самого начала создавались с расчетом на ремонт не только подвижного состава, но и плавсредств речного флота и военной техники — лафетов для пушек, стрелкового оружия. Небольшие электростанции, паровые машины (динамомашинны) требовали квалифицированных рабочих, без которых сложное транспортное хозяйство не могло эксплуатироваться. Да и самой магистрали нужны были в больших количествах специалисты — от машинистов до путейцев. Основная масса железнодорожных рабочих формировалась из строителей дороги. Таким образом, бывшие крестьяне из России, Закавказья, местные дехканы, солдаты железнодорожных батальонов составили к концу века в Туркестане ядро зарождающегося здесь нового класса, новой социальной группы — пролетариата. А темпы зарождения и развития его самосознания задавал быстро растущий российский капитализм.

Цивилизаторская миссия царизма, о которой много и в газетах, и в официальных бумагах говорили царские чиновники, на деле проявлялась в жестокой эксплуатации и солдат, и наемных рабочих, и привлекаемого к работе местного населения. Отчуждение земель, по которым прокладывалась дорога, разоряло тысячи дехкан. Многие оставались без воды, бросали свои крошечные клочки земли, так как часть водных магистралей была разрушена, часть отобрана для нужд железной дороги. Только на Самарканд-Андижанском участке пострадали пять тысяч дехкан. Эти сведения взяты из газет, издававшихся в то время в Туркестане. Даже в то время пресса не могла утаить фактов крупных злоупотреблений чиновников при выплате компенсаций за отчужденные земельные участки и другие нанесенные убытки, фактов чудовищного бюрократизма и волокиты, когда дело касалось выплаты населению даже самых незначительных сумм. Возможно, рост социального самосознания тысяч людей, вовлеченных в адский механизм быстро движущейся капиталистической машины, начал отсчет именно с этих фактов. И когда идеи единения рабочих для борьбы за свои права, которые к концу века уже овладели мировым пролетариатом, проникли в этот разуженный паровозными гудками край, они упали на благодатную почву.

Тяжелые условия труда в пустынной и безводной местности, под нещадными лучами солнца усугублялись казнокрадством и обманом, беспощадной эксплуатацией, принимавшей уродливые формы. В. И. Ленин писал, что, прославляя «культурную роль железных дорог, царские министры умалчивают о чисто русском и не совсем культурном обычае грабить казну при постройке железных дорог (не говоря уже о безобразной эксплуатации жел. дор. подрядчиками рабочих и голодающих крестьян)» В крупных хищениях был уличен даже начальник строительства генерал-лейтенант М. Н. Анненков, и вопрос о его смещении с должности поднимался в правительственных кругах. Однако скандал удалось замять благодаря его покровителям в этих же кругах, хотя зарубежные газеты писали, что Анненкова следовало бы сослать в Сибирь.

Пестрота национального состава строителей не приводила к их разобщенности, как на то надеялись царские чиновники. Общий труд, тяжелая доля, бесправие объединяли их. И когда развились более зрелые формы протеста, и русские, и персы, и туркмены выступали единым фронтом. Это проявилось, в частности, в «деле Рожковского». Летом 1895 года около четырех тысяч строителей заявили протест, когда Рожковский вместо 15 тысяч рублей, ими заработанных, определил к выдаче лишь 162 рубля. Рабочие заявили, что, если не будет произведен полный расчет, они разгромят контору. Работы были прекращены. Приехавшая комиссия, разобравшись в причинах стачки, подтвердила правоту строителей. Дело Рожковского было передано в суд, но, как обычно, только через несколько лет волокиты.

Ужесточалась эксплуатация рабочих, и вместе с этим нарастала их социальная активность. В 1883 году министерство путей сообщения издало предписание о формальных нормах

труда транспортных рабочих и служащих. Оно просуществовало до июня 1907 года. Большое количество примечаний и оговорок практически сводило на нет все нормы по продолжительности и интенсивности труда, давало возможность нарушать их повсеместно. К тому времени объем работы, приходящийся на одного железнодорожника в Средней Азии, был самым высоким в империи. Интенсивность труда была здесь колоссальной. Рабочий день был не только до предела уплотнен, но и удлинялся произвольно на сколько угодно. Сверхурочная работа при этом не оплачивалась.

Газета «Туркестанский курьер» писала:

«Только голод, безработица и дороговизна жизни заставляют людей служить за 15 рублей в месяц с риском при этом даже жизнью».

На самом деле, в каждые три-четыре дня происходили несчастные случаи, крушения, причинной которых были крайнее переутомление поездных и кондукторских бригад, путевых сторожей и стрелочников. С 1901 по 1913 годы в крушениях пострадало почти девятьсот железнодорожников, а на ташкентском участке — свыше тысячи. Рабочие, связанные с движением поездов, машинисты, их помощники, кондукторы, составители и сцепщики, стрелочники и путевые сторожа особенно страдали от производственного травматизма. В 1910 году получили ранения 92 процента машинистов и кочегаров, 82 процента стрелочников, почти 90 процентов составителей поездов.

При этом железнодорожники получали заработную плату, недостаточную для поддержания жизни своих семей, что признавали даже официальные правительственные комиссии. Разрыв в оплате труда служащих управления и рядовых рабочих был огромен. Начальник дороги, его помощник и представители министерств (военного и финансов) получали столько, сколько полторы сотни стрелочников или двести путевых сторожей. Мастерской на Ташкентской дороге получал 98 копеек в день, чернорабочий — 51 копейку. Рабочий день, как правило, продолжался по двенадцать-четырнадцать часов.

Классовые противоречия обострялись. Чтобы притушить их, царская администрация настойчиво проповедовала единство целей и общность положения всех русских в Туркестане перед инвертами. Единство всех русских внедряла в сознание и православная церковь. Администрация пыталась поставить русских рабочих в привилегированное положение, поощряя частнособственническую деятельность железнодорожников с использованием на мелких земельных наделах батраков из числа коренного населения. Всем русским служащим было роздано оружие, даже учащимся старших классов железнодорожного училища в Ашхабаде, создана черносотенная «патриотическая» организация. Однако все эти меры не могли приостановить рост классового самосознания рабочих. Идеи революционной социал-демократии были для них значительно понятней и ближе, так как отвечали их коренным интересам и надеждам на лучшую жизнь.

Социал-демократической партии в Туркестане еще не существовало, но с пуском в эксплуатацию железной дороги, установлением регулярной связи с Центральной Россией в крае стали появляться новые, революционно настроенные люди. Приток их был настолько заметен, что местные власти не могли не обратить на это внимания. Военный губернатор Сырдарьинской области с большой тревогой писал в Петербург о настроениях коренного населения, попавшего под влияние антиправительственной пропаганды. Администрация края решительно протестовала против высылки в Туркестан «неблагонадежных элементов» и совместно с руководством дороги начала принимать свои контрмеры. Для удержания в повиновении железнодорожников или хотя бы служащих в 90-е годы была создана организация, расправлявшаяся называвшаяся железнодорожным ремесленным собранием. О ее ориентации можно судить по тому, что почетным членом собрания значился начальник жандармского управления Среднеазиатской железной дороги. Бюджет этой организации складывался из пожертвований должностных лиц, в число которых входил и генерал-губернатор Куропаткин. На собираемые средства покупалась литература религиозно-монархического содержания. Однако в это же время к рабочим попадают прокламации, выпускавшиеся сильной уже в те годы Бакинской социал-демократической организацией. Под их воздействием среди профессиональных железнодорожников нарастали революционные настроения.

Россия становится центром мирового революционного движения. Толчком для активного выступления рабочего класса стали события 9 января 1905 года в Петербурге. Массовый расстрел рабочих потряс все слои общества.

«Революционное воспитание пролетариата, — писал Ленин, — за один день шагнуло вперед так, как оно не могло шагнуть в месяцы и годы серой, будничной, забитой жизни». Возмущение трудящихся мгновенно вылилось в организованные революционные выступления. Стачками было охвачено огромное количество предприятий. Уже 12 января в Ташкенте, Самарканде и Кизил-Арвате на банкетах либеральной буржуазии, устроенных в честь 150-летия Московского университета, зазвучали революционные речи. Банкет в Ташкенте превратился, по существу, в революционный митинг. В нем участвовало почти 400 рабочих. Впервые открыто прозвучали призывы к объединению пролетариев всех национальностей для борьбы с существующим строем за свободу слова и собраний, за восьмичасовой рабочий день, за созыв учредительного собрания. Апогеем митинга явился сбор средств в помощь жертвам 9 января. Февраль был отмечен целым рядом «возмутительных» выступлений.

«Пролетарское движение все ширится, — писал в эти дни В. И. Ленин, — раскинувшись теперь по самым далеким окраинам».

5 февраля рабочие кизил-арватских железнодорожных мастерских направили своих депутатов к начальнику с требованием освободить больницу, занятую администрацией под квартиру. Начальник мастерских отказался выполнить требование рабочих. Тогда все рабочие предприятия прекратили работу и потребовали к себе начальника. Ему был предъявлен целый ряд новых, теперь уже экономических требований, часть из которых он тут же вынужден был удовлетворить.

17 февраля ташкентские социал-демократы выпустили листовку, призывающую к забастовке, а 18 февраля забастовали рабочие обеих железнодорожных мастерских города. Выступление было подавлено. Избран стачечный комитет, выработавший четкие экономические и политические

требования: восьмичасовой рабочий день, свобода собраний, союзов и стачек, увеличение заработной платы, установление расценок с участием рабочих, считать 1 мая праздничным днем.

19 февраля рабочие депо Черняево предъявили двадцать пять требований начальнику дороги Ульянину. Ему был назначен день для ответа — 24 февраля. Уже 20 февраля он отдал распоряжение рассмотреть в управлении дороги вопрос об увеличении расценок на поденные и сдельные работы, построить столовую и библиотеку, принять меры для обеспечения мастеровых казенными квартирами или выдачи топлива проживающим на частных квартирах. Были обещаны также своевременная выдача зарплаты, кратковременные отпуска, собрания в свободное от работы время и разрешен выбор уполномоченных для заявления своих требований. Удовлетворившись этим, черняевцы решили забастовку не объявлять.

Прибыв в Ташкент, Ульянин ранним утром 21 февраля издал приказ, которым со следующего дня мастеровым и рабочим устанавливался девятичасовой рабочий день, на два часа раньше сокращалась работа в праздничные дни, поденная плата чернорабочим увеличивалась до 70 копеек. Остальные требования администрация дороги обещала передать для рассмотрения в вышестоящие органы.

21 февраля забастовали рабочие депо и местных участков мастеровых в Чарджоу.

22 февраля началась вторая, более серьезная забастовка в Кизил-Арвате. Выработанные забастовщиками требования имели явно выраженную политическую направленность, а действия рабочих отличались упорством и организованностью. Впервые приняли участие в забастовке рабочие-туркмены. Кизил-арватские железнодорожники не приступали к работе до первого марта. Движение поездов на дороге было остановлено.

23 февраля в Ташкентские мастерские было направлено сто солдат-железнодорожников, и мастерские начали работать. Рабочим же объявили, что они уволены. Стаечный комитет, руководимый социал-демократами, немедленно выпустил воззвания «К рабочим» и «К солдатам железнодорожного и саперного батальонов». Первое призывало бороться до конца, добиваться восьмичасового рабочего дня и увеличения заработной платы. Воззвание указывало также на то, что борьба рабочих Ташкентских мастерских есть поддержка борьбы всего русского пролетариата. В обращении к солдатам разъяснялись требования рабочих, содержался призыв поддержать их в борьбе за свободу, за улучшение труда и жизни, заставить администрацию пойти на уступки.

Забастовка была поддержана рабочими Казанджика, Перовска, Туркестана, Челкара и грозила превратиться во всеобщую.

В середине февраля служащие управления дороги провели собрания во всех службах и выработали свои требования к руководству дороги. Хотя в основном они содержали вопросы экономического характера, но выдвигались и политические требования, такие, как свобода собраний служащих и рабочих в казенных железнодорожных помещениях, издание своего органа печати, создание бюро для разбора недоразумений между рабочими, служащими и начальством, учреждение суда чести железнодорожных служащих. Большая часть требований, а они содержали тридцать семь пунктов, была удовлетворена.

Вот как оценивал итоги выступления железнодорожников Туркестана в феврале и марте 1905 года начальник дороги Ульянин в своем рапорте в Петербург:

«В заключение вышеизложенного нахожу необходимым присовокупить, что забастовки мастеровых и рабочих, а также петиции служащих на вверенной мне дороге последовали частью из подражания такому же движению среди служащих на железных дорогах европейской России, а частью вследствие влияния на них со стороны членов имеющегося в Ташкенте организационного комитета по устройству стачек железнодорожных рабочих».

Февральские выступления железнодорожников Туркестана проходили под непосредственным руководством социал-демократических организаций. Забастовщики впервые наряду с экономическими предъявили и политические требования. Движение захватило и служащих дороги. Все это свидетельствовало о том, что рабочие окраины пошли по пути своих товарищей по классу из центральных областей России, что они выбрали верный путь борьбы за свои права и свободу. Уступки, которые удалось вырвать им у администрации, всеобщее одобрение действий рабочих всеми трудящимися края воодушевили их на продолжение борьбы. Крупные события на железной дороге были поддержаны отрядами рабочего класса в Ташкенте, Ашхабаде, Мерве, Кушке и Чарджоу.

Февральские забастовки явились первой революционной школой пролетариата Туркестана...

К НАШЕЙ ВКЛАДКЕ

ОСТАНОВЛЕННЫЕ МГНОВЕНИЯ

Йигитали Турсунназаров — один из учеников народного художника СССР, члена-корреспондента Академии художеств СССР Р. Ахмедова.

Уже в первых работах молодого живописца, созданных в 70-е годы, проявилось стремление к психологизму, к передаче изобразительными средствами внутреннего состояния героя в момент его душевного волнения.

В творческих поисках художника прослеживаются несколько узловых направлений. Среди них — тема памяти, отражение подвига советских людей в годы Великой Отечественной войны. В полной трагизма картине «Последнее письмо» над колыбелью ребенка склонилась молодая мать. Из ее обессиленных рук выпало письмо-похоронка.

Картина «Прокричали репродукторы беду», созданная в 1975 году, лаконична, ее краски скупы: черно-серые тучи, нависшие над землей, надломленные фигурки людей, замерших у репродуктора. В тревожном объятии пожилой и молодой женщин — предчувствие ожидающих их грозных испытаний, страданий и жертв советских людей. Уже в этой работе проявилась способность художника в конкретном типически-характерном сюжете выразить общечеловеческое, передать через частное общее.

Трагические столкновения в судьбах людей, в природе, вообще в жизни Й. Турсунназарова словно притягивают. Видимую и скрытую конфликтность он фиксирует в этюдах, обобщает и обогащает жизненные впечатления, как бы готовит «строительный материал», из которого позже возникнет полотно, соединяющее в себе точность детали и емкость художественной идеи. Нередко толчком к созданию произведения становится память детства. Так, еще юношей он видел, как сильно отдавали замуж знакомую ему девушку, почувствовал безысходность ее судьбы, отшатнулся от фанатичной решимости отца осуществить задуманное. Может быть, именно в этот момент у будущего художника и возникла потребность понять и раскрыть женские судьбы.

В своеобразном историческом цикле картин варьируется мотив многострадальной жизни женщин Востока, воссоздаются различные драматические ситуации не столь уж давнего прошлого.

В центре многих картин Йигитали Турсунназарова — люди, прошедшие нелегкие жизненные дороги, испытанные и закаленные в самоотверженном труде на благо народа, упорством достигающие благополучия, духовной удовлетворенности. Создавая историко-тематические и жанровые полотна, художник стремится выникнуть в нравы, в традиционные этические понятия, уловить динамику взаимодействия устоявшихся представлений о жизни и меняющихся взглядов современников.

Герои картины «Раздумье» поглощены решением важных вопросов, связанных с женитьбой сына, и каждый размышляет об этом по-своему. У родителей свой расчет, своя житейская мудрость, свои сомнения, тревога за будущее любимого сына; в состоянии молодых выражены совсем иные настроения.

«Раздумье» — это и своеобразная поэма, в которой человеческие судьбы как бы рифмуются с процессами в природе, цветовыми контрастами подчеркивается закон извечного обновления жизни.

В портретном жанре художником созданы выразительные образы тружеников колхозного села, представителей интеллигенции, участников Великой Отечественной войны. «Портрет Героя Советского Союза А. Шукурова», «Портрет ветерана войны Ахмаджона Азизова» и другие произведения этого ряда передают богатство духовного мира воинов, прошедших долгий, трудный и славный путь борьбы.

В таких портретах, как «Поэтесса», «Надира-хон», «Юлдуз-хон», «Мастон-хола», преобладает лирическое, созерцательное начало. В каждом из этих образов в разной степени, но по своему про-

никновенно, художник почувствовал и осветил духовный мир, внутреннее горение, взлет мысли и творческое страдание, притягательную силу женской нежности и обаяния.

Поэтесса Халима Худайбердыева изображена в минуты творческого вдохновения на фоне могучего старого дерева со скрюченными от времени ветвями.

Сопоставляя время ранней весны с поэтической одухотворенностью, художник настойчиво проводит мысль о том, что человек, как часть и дитя природы, множеством нитей связан с ней в своем духовном пробуждении.

Заметное место в творчестве Й. Турсунназарова занимает работа над сложными многофигурными композициями. Подчиняя замыслу весь арсенал изобразительных средств, среди которых и выверенность сюжетного построения, и «говорящие детали», и многое другое, художник достигает высокой художественной выразительности.

Еще с детства в памяти художника сохранились рассказы родных и близких о всенародном трудовом подвиге — строительстве Большого Ферганского канала в предвоенное время. Самая протяженная тогда в Средней Азии рукотворная река была проложена всего лишь за 45 дней. Встреча с героями трудовой эпопеи, их рассказы, кропотливое изучение документов и фотоматериалов, — все это помогло найти образное решение и осуществить замысел в форме триптиха «Поэма о воде». В этом полотне выражена многовековая мечта народа о воде, дающей жизнь бесплодной пустыне. Художник сопоставляет характеры людей, изображенных на боковых частях триптиха, их прошлое и будущее, а в целом разворачивает яркую страницу истории родного народа, завоевавшего свободу и преобразующего целину в плодородные поля и сады.

В творчестве Й. Турсунназарова ощутимы традиции реалистической школы живописи. Преломляясь сквозь призму его мироощущения, они помогли сформировать собственную художественную позицию, способность видеть и отражать человека во всем многообразии его жизненных проявлений.

А. ЭГАМБЕРДЫЕВ.

Джалалитдин Руми (Мавлави)

(1207—1273)

Джалалитдин Руми (почетное имя Мавлави — наш господин) — крупнейший в истории персидско-таджикской литературы поэт.

Мировую известность ему принесли стихи-газели, рубай лирико-философского содержания, совершенные по форме и стилю. Свою идейную позицию сам Руми называл «поклонением сердцу», его творчество имело яркую гуманистическую направленность.

От переводчика.

1

Коль учен человек, ему честь и поклон,
Но велик он, когда его слово закон.
Если слово и дело для мужа едины,
Я скажу: благороден воистину он.

2

Бейт прочел и услышал от милой упрек:
«Как посмел меня втиснуть в пределы двух строк?»
Я спросил: «Ты о чем?» Отвечала во гневе:
«Разве в бейт я могу поместиться, дружок?!»

3

Как ушла ты, разлукою долгой казня,
Я не прожил без слез не единого дня.
Ты стоишь пред очами, ты в раненом сердце,—
Ради бога и ты не забудь про меня.

4

Шаловлива, пьяна и прелестна собой,
В полночь милая входит, пресытятся гульбой.
Я вскочил, чтоб утешить себя поцелуем,
А она завопила: «Спасите! Разбой!»

5

Сердцу тесно. В разлуке нет радости мне.
Без тебя я живу, словно узник в тюрьме.
Пусть никто ни душой не узнает, ни телом
Мук крошечных, испытанных мною во тьме.

6

Берегись лицемерных и ложных друзей,
Стонись недостойных, безбожных друзей.
Кровь двурушника-брата отдай, не колеблясь,
За пылинку с порога надежных друзей.

7

Узрев мой желтый лик, она сказала вдруг:
 «Свидания не жди и не надейся, друг!
 С тобою мы теперь никак совпасть не можем —
 Ты осень хмурая, а я — весенний луг».

8

Только вспомню тебя, мое сердце в печали немеет,
 Без хмельных твоих губ аромата вино не имеет.
 Нежный, страстный твой голос в ушах постоянно
 звучит,
 А мой взор никогда образ милый забыть не сумеет.

9

Мне в сети дичь попалась не проста — что делать?
 Томит, сжигает душу красота — что делать?
 Будь праведником я, будь грешником великим,
 Когда подставит милая уста — что делать?

10

Друг мой милый, безгрешный, как ты там без меня?
 Ангел страстный, утешный, как ты там без меня?
 Словно лист я осенний — пожелтел и иссох,
 Куст мой розовый вешний — как ты там без меня?

11

Если сердце остыло давно, то скажи,
 Если любит безумно оно, то скажи.
 Обо мне хоть словечко одно, но скажи,
 Воскреси иль убей — все равно, но скажи.

12

Я с милой проходил цветущим садом,
 Нечаянно цветка коснулся взглядом.
 Она воскликнула: «Неверный, постыдись!
 Куда ты смотришь? — Я с тобою рядом!»

13

Небесное вино моя красотка пьет,
 Рубины алых губ струят нектара мед.
 Я милых уст рабом согласен быть навеки,
 Когда б умел молчать прелестный этот рот.

14

В бреду я с жаром называл то кубки, то вино,
 Упоминал я дичь, силки, жемчужное зерно.
 Потом о золоте твердил и чистом серебре, —
 Влюбленному мой бред ночной понять немудрено.

15

Камзол бутона тесный в восторге разорвал
 Цветок — и на престоле красою засиял.
 Но царствовал недолго он в нашем цветнике:
 Лицо твое увидел — от зависти завял.

16

На меня, на несчастного, милая нежно взглянула,
 Рассмеялась она, к моему изголовью прильнула,
 По щеке потрепала, шепнула: «О бедненький мой,
 Ты растрогал меня...» И объятая сама распахнула.

17

Ночь много тайн хранит во мгле и тишине,
 От недругов она поможет скрыться мне.
 Душой владеет страсть, глазами — сон и нега —
 И милая со мной всю ночь наедине.

18

Только вспомню о ней — сердце бьется сильнее
 И кровавые слезы текут из очей.
 Из груди хочет выпрыгнуть бедное сердце,
 Каждый раз как я что-нибудь слышу о ней.

19

Я твой меджнун, растерянный, больной, — веди меня,
 Восторженный, незрячий и хмельной, — веди меня.
 У каждого слепца есть поводырь, известно,
 Меня, слепца, влечет к тебе одной, — веди меня.

20

Если хочешь, чтоб реже тебя посещали печали,
 Чтобы люди повсюду тебя с уважением встречали,
 Хочешь чистым алмазом в венце человечества стать,
 Но для этого стань благородным и мудрым вначале.

21

Жить без верных друзей в этом мире нельзя,
 Только где они — верные эти друзья?
 Пред собакой поставишь халву — отвернется,
 И блаженствует, кости на свалке грызя.

22

Почему ты обходишь меня стороной?
 Нет лекарства — любовь неизбежно со мной.
 Наша жизнь — несмышлениш, дитя в колыбели,
 Наше сердце — скиталец несчастный, больной.

23

Флейта сказала: «Я стеблем зеленым росла.
 Острым мечом меня злая рука подсекла.
 Сделал меня утеснитель поющей игрушкой,
 И оттого моя песня, простите, грустна ».

Перевод с фарси Николая Стрижкова

Леонид Ветштейн

ДРУЖЕСКИЕ ШАРЖИ

На берегу

...Река по камням прыгает, как барс.
...Мы с вечера сидим на берегу
вокруг костра,
горящего безгрешно.

М. Гребенюк.

Как барс, по камням прыгает река.
Горит костер
в ложбине нерастленной,
разбрасывая блики по вселенной,
не жаждущей
вселенского греха.
С тобою мы под шепоток травы
проводим здесь
полуночное время,
где девственно невинные деревья
в одеждах
целомудренной листвы.
Нам сущий рай объятья распростер,
красуясь непорочной красотой,
в которой, чтя моральные устои,
горит в ночи
наш маленький костер.
И есть желание что-то совершить.
И чувствуется
всей душой и телом,
что нам бы здесь
с тобою грешным делом,
наверное, не грех и согрешить.

Зарисовка

Свеж над рекою воздух.
Пахнет лугами лето.
Солнечно и стрекозно
В мире зеленом этом.

Константин Аксенов.

В небе сегодня тучно.
Пахнет грозой грозно.
В душном лесу паучно.
Возле пруда стрекозно.

Слово играет словно...
Над головою птично.
Луг. На лугу коровно.
Там, где коровы, бычно.

Так нелегко, конечно,
Но и не очень трудно...

Где-то в степи овечно.

Где-то в песках верблюдно.

Главное, непримитивно,

Сочно и нешаблонно.

Ярко и константинно

Образно и аксенно!

Чего хочу?

Чего хочу?

Чтоб сапоги не жали.

Н. Гацунаев.

Я не хочу в анналы и скрижали.
Отдав стихам последние долги,
Чего хочу? Хочу, чтобы не жали, —
Хочу, чтоб мне не жали сапоги.
Еще хочу по свету поскитаться,
Пока порядок в нем не наведу.
Хочу посредством «Звездного скитальца»
Поймать свою счастливую звезду.
Хочу, чтоб солнце — мне и вам в окошко.
Хочу, чтоб на земле не стало зла.
Чтоб никогда и никакая кошка
Дорогу никому не перешла.
Еще хочу найти такое средство,
Чтобы небес ташкентских синева
Напоминала мне про «Город детства»,
Про то, что лучше все-таки Хива.
За сотни верст хорезмский воздух чуж
И возвращаясь на своя круги,
Всего сильнее однако же хочу я —
Хочу, чтобы не жали сапоги!

Как в сказке

Я радуюсь, когда поют лягушки...
... но только пусть поют в ночи лягушки
Пусть из воды их мордочки торчат.
... Любимые, да светит вам луна!
Без вас и день не так уж безопасен,
а с вами ночь не так уж и страшна.

А. Файнберг.

Я прижимаю голову к подушке
И жду с волнением, что уж там скрывать,
Когда впотьмах припрыгает лягушка
Ко мне в неодноспальную кровать.

Мне от лягушек никуда не деться.
Я их воспел в лирической строке.
Прошло мое нерозовое детство
Под их ква-ква и бре-ке-ке-ке-ке.

Потом я стал не мальчиком, но мужем.
И понял, что стихи мои звучат,
Когда торчат их мордочки из лужи.
Нет вдохновенья, если не торчат.

В. Медведовский

От пяти и старше

Мы очень многое умеем. До пяти лет, как говорят ученые, впитываем в себя массу информации, где-то процентов восемьдесят всей, полученной за всю жизнь.

Мы учимся ходить, есть вилкой, держать в руке хлеб и многое-многое другое. Все это нам в последующем засчитывается жизнью со знаком плюс. До пяти лет мы все равны, хотя в каждом из нас наши мамы и папы, бабушки и дедушки видят будущих гениев!

Когда мы в три года стараемся чисто выговорить: «Клавка дула», наши родные умиляются: «Ах какой умный, три года — а соседку раскусил!»

Мы вырастаем и хотим иметь — и чем дальше, тем больше. Мы перекраиваем основной закон социализма «Каждому по труду». Мы хотим много взять и ничего не дать. Нас учат школа, институт, родители и улица. Нас учит жизнь, в которую мы входим огромной толпой и каждый из нас считает, что только он имеет право, а другие обязаны.

Нам выбирают престижные профессии продавцов, работников сферы обслуживания, операторов по продаже бензина, зятьев высокопоставленных лиц.

Мы обзаводимся нужными людьми и ненужными вещами, вырабатывая при этом соответствующую походку, потому что иначе в собственной квартире до кресла не дойдешь, на что-нибудь не наткнувшись.

Мы начинаем задумываться, когда от сына в десять лет попахивает табаком, а дочь в тринадцать начинает говорить о свободной любви и о престиже матери-одиночки.

Мы начинаем выламывать руки, хвататься за сердце, когда в собственной квартире, на работе — всюду вокруг себя видим инопланетян: мы никого не понимаем и не понимают нас. А те, кто раньше был близок духовно, уже давно разменян на рубли, импортные шмотки и чеки внешторга. Нас не уважает никто и нигде, и это на финишной прямой, за какой-то десяток лет до конца, и уже внук трехлетний говорит нам, а не какой-то там Клавке: «деда дурак». И все молчат, скрывая улыбку и пряча глаза. И все верят, что это правда. И понимаем, что слишком много минусов было до пяти лет. И не доучили, и не доделали, и не довоспитали, и не додумали.

Эксперимент

— Негодяй, живодер, фашист! — неслось из раскрытых окон третьего этажа. — Остатки совести потерял, бога на тебя нет. Подожди, займется тобою общественность и милиция. Это ж надо, чтобы такое несчастье в семье выросло!

Негодяй, которому не исполнилось и четырех лет и которого звали Вовка, сидел на маленьком стульчике и ладошкой размазывал слезы по лицу. А мимо него, размахивая половником, сновала баба Яга, которая еще десять минут назад была доброй родной бабушкой.

Возле Вовкиных ног лежала черепаха. Из рта у нее выходили пузыри, и видно

было, что все счеты с жизнью она уже свела — впрочем, не без посторонней помощи.

Вовка же никак не мог понять, почему на него кричат? Ведь только вчера вечером бабушка ему рассказывала сказку о Золотом ключике, о Буратино и о старой черепахе Тортиле, которая всю свою жизнь провела на дне пруда и которая была бабушкой для всех-всех черепашек и, конечно, для его черепашки тоже. Ведь с бабушкой так интересно, гораздо интересней, чем с мамой и с папой, которые всегда заняты и всегда устают, как только он попросит их рассказать ему сказку.

А какой домик он построил своей черепашке в аквариуме из кусочков стекла!

Так почему же умирает черепашка, почему ругается бабушка, почему так тоскливо, почему, почему?

Это был первый в его жизни эксперимент, в результате которого неизвестно было, кто же больше пострадал: бабушка или внук?

Спасибо, Отелло!

В кинотеатре повторного фильма демонстрировался фильм «Отелло». Неожиданно для многих в зале не оказалось свободных мест. Среди зрителей были и убежденные седины старики, и совсем молодые люди. Семенов и Новиков попали туда совершенно случайно после работы, где они в обед раздавили ежедневную, обязательную бутылку белой и бутылку красной. Домой идти не хотелось, выпить бы еще, да где ее, родимую, на ночь глядя, достанешь? Можно, конечно, у одного сторожа по пятнадцать рублей за бутылку, но в карманах у них отыскался всего-навсего трояк на двоих. Не долго думая, Семенов и Новиков постучали в дверь тетки Настасьи (можно было и к деду Николаю, и к Таньке-уборщице — слава богу, таких мест было много, указ на частных домовладельцев не действовал) и взяли за два рубля две бутылки вина домашнего разлива, сунули их в карманы, а на оставшийся рубль, чтобы не пить на морозе, купили два билета и зашли в кинотеатр.

Пока шли титры, Семенов и Новиков, наткаясь на кресла и подсвечивая себе спичками, искали свой ряд, потом минут пять, давя ноги граждан и гражданок, чертыхаясь и зубоскаля в ответ на справедливые замечания, пробирались на свои места. Ряд только стал успокаиваться, как Семенов достал сигареты и закурил. Дым клубами взвился к потолку. Полная дама, сидящая слева от Новикова, произнесла:

— Нет, я этого не потерплю, курить в общественном месте — это хамство! Сосед дамы, видно ее муж, прошептал:

— Солнышко, оставь их в покое, это же хулиганы, беды не оберешься!

Семенов загоготал и, перегнувшись через даму, сказал:

— Правильно мужик, заткни ей рот, если окосеть не желаешь!

Соседи справа и сзади волновались:

— Дайте кино посмотреть, имейте совесть!

Семенов и Новиков совести не имели и откупорили первую бутылку. Новиков, докончив бутылку последним, бросил ее на пол, Отелло беседовал с Яго, бутылка покатилась вниз, и впереди, где-то в районе пятого или четвертого ряда, кто-то вскрикнул. С разных сторон вновь слышались голоса, требующие в конце-то концов прекратить это безобразие. Кто-то крикнул:

— Куда же смотрит милиция, где администратор?

Семенов и Новиков, поддержав эти справедливые требования, кричали громче всех.

Соседка спереди повернулась к своему соседу, здоровенному парню, и сказала:

— Сережа, раз уж ты пригласил меня сюда с согласия моей мамы, то будь добр вывести этих подонков отсюда. Сережа, ты что, боишься? Ты же спортсмен, ты ведь на мне жениться хочешь?

Сережа повернулся лицом к Семенову с Новиковым и промямлил:

— Ребята, нет, правда, кончайте!

Семенов в это время допивал вторую бутылку и чуть не подавился, от такой, по его мнению, наглости. Новиков же, протянув руку вперед, схватил парня за волосы и закричал:

— А ты, фраер, шапкуними, а то ни фига не видно!

— Это не шапка, а мои волосы, — проплакал парень, пытаясь отодрать руку Новикова от своей шевелюры.

Полная дама, сидевшая слева, со словами: «Дай бог, чтоб вас посадили уже сегодня», — встала и пошла к выходу. Вслед за ней потянулись ее муж, три соседа справа, несколько соседей сзади, парень с его, надо думать, уже бывшей невестой и несколько соседей слева. Все вместе они составляли внушительную силу, которая

без труда могла бы справиться с Семеновым и с Новиковым, но каждый из них в отдельности считал, что собственное спокойствие — прежде всего, а то как бы чего не вышло, к тому же существует милиция, вот пусть она и вмешивается, ей за это деньги платят.

Фильм уже заканчивался под несмолкаемый гул зала и под пьяное улюлюканье Семенова и Новикова, совершенно обнаглевших от своей безнаказанности. Отелло в это время произнес: «Молилась ли ты на ночь, Дездемона?» — и протянул руки к ее шее.

Но в следующее мгновение случилось вот что: Отелло со словами, что он не потерпит такого отношения к Шекспиру со стороны отдельных личностей, попрощал Дездемону подождать пару минут, повернулся к залу лицом и закричал громовым голосом:

— Сначала я придушу тех двоих в семнадцатом ряду! — И, протянув руки вперед, шагнул в зрительный зал.

Возмездие свершилось, спасибо, Отелло!

Йога

Владимир Иванович блаженствовал. Пару дней назад он слегка прихворнул, и участковый врач, вызванный на дом, открыл ему больничный лист, даже не подойдя к постели, так как сам очень боялся заразиться. За два дня Владимир Иванович оклемался, и теперь у него в запасе было целых четыре дня, которые он мог провести так, как ему заблагорассудится. Можно было сходить в кино, пошатаваться по магазинам, а лучше всего — махнуть на рыбалку и там, вдали от семьи и благ цивилизации, привести в порядок пошатнувшуюся нервную систему.

Жена была на работе, дети в школе, и ничто не мешало Владимиру Ивановичу нежиться в постели. В другое время ему пришлось бы выслушать от жены немало упреков насчет своей беспомощности.

По ее словам, выходило, что он не мужик и не отец, и вообще — ни рыба ни мясо. Все знакомые и знакомые их знакомых, благодаря его жене, точно знали, что Владимир Иванович Чудных даже гвоздя в стенку забить не может и что его жена вовсе не женщина, а ломовая лошадь!

Владимир Иванович, еще минут пять полежав в постели, наконец встал, сладко потягиваясь, и направился в ванную комнату, по дороге включив телевизор.

Минут через десять он, свежим и молодым огурчиком выйдя из ванны, прошел на кухню, там на скорую руку сообразил нехитрый завтрак, составил все это на стул и уже через некоторое время сидел перед телевизором, попивая кофе и поедая яичницу-глазунью.

Показывали Индию. Клуб кинопутешественников был в гостях у какого-то там знаменитого йога. Пока йог рассказывал о себе, Владимир Иванович позевывал, но по мере того, как йог начал переходить от слов к делу, на лице Владимира Ивановича стала проявляться заинтересованность. Позы, которые принимал йог, сменяли одна другую. Лоб Владимира Ивановича наморщился и уже в следующую минуту со словами: «Подумаешь, и мы так можем» — он вскочил с дивана, отодвинул стул и сел на пол. Эх, если бы жена могла видеть его в эту минуту!

Правую ногу Владимир Иванович подтянул к животу без видимых усилий, йог в это время уже закинул ногу за голову. Владимир Иванович, обхватив ногу двумя руками, стал подтягивать ее к голове. Нога дошла до подбородка и дальше идти не хотела. Тогда Владимир Иванович нагнул голову и рывком, вывернув ногу в суставе, забросил ее себе за шею. В колене что-то хрустнуло, на лбу выступила испарина, но можно было терпеть. Йог, тем временем, заводил за голову вторую ногу. Владимир Иванович привык все доводить до конца, за что его и ценили на работе.

Облокотившись спиной на диван, он, стиснув зубы, стал рывками подтягивать к голове и левую ногу. Минут через пять это ему удалось, правда, на глазах выступили слезы и боль была адская, но Владимир Иванович был доволен, так как доказал сам себе, своей жене, детям, всем знакомым, черту, дьяволу — кому еще? — что не йоги горшки обжигают!

Йог в это время, уже сидя за столом, объяснял через переводчика советским друзьям, что принимать позы, особенно последнюю, без предварительных и упорных тренировок нельзя ни в коем случае. Он это сравнивал с горой, на которую трудно подняться, а уж спуститься раз в десять труднее.

Йог, поднеся к груди руки, обращенные ладонями друг к другу, поблагодарил

за внимание, Юрий Сенкевич закрыл клуб кинопутешественников, и диктор объявил следующую передачу — «Здоровье», в которой Юлия Белянчикова повела речь о травмах и оказании первой медицинской помощи.

В это время Владимир Иванович поднял правую руку, чтобы, захватив ею правую ногу, вывести ее из-за головы. Рука под ногу не проходила. Тогда Владимир Иванович подставил пальцы к тому месту, где должна была быть щель между ногой и шеей и с силой вогнал туда руку. В суставе указательного пальца что-то хрустнуло, в глазах потемнело и... Владимир Иванович потерял сознание. Очнулся он в той же позе.

По телевизору передавали Седьмую Ленинградскую симфонию Шостаковича. Героическая музыка влила новые силы.

Несмотря на то, что свободной из всех его конечностей оставалась только левая рука, он поднял ее — хорошо, что диван продолжал обеспечивать ему равновесие, схватил ею правую руку и стал дергать ее, чтобы, выдернув, вернуть в первоначальное положение. Рука не поддавалась. Изрядно намучившись, Владимир Иванович собрал последние силы, дернул руку еще раз и... потеряв равновесие, повалился вперед, ударившись лбом о пол, и вновь потерял сознание!

Кто-то звонил в дверь. Владимир Иванович, очнувшись, посмотрел на часы. Они показывали два часа дня. Это дочь вернулась из школы, и он с ужасом вспомнил, как дочь, уходя утром, спросила: «Папа, ты куда не уйдешь?» Он спросонок пробормотал, что нет, — и она, уже захлопывая дверь, крикнула: «Тогда я ключи брать не буду!»

Владимир Иванович заплакал. В дверь больше никто не звонил, помощи ждать было неоткуда.

На лоб села муха. Он отогнал ее свободной рукой. Муха оказалась настырной и спикировала на нос. Владимир Иванович тихо поднял руку, медленно поднес ее к носу и в следующее мгновение что было силы ударил по мухе! Муха, взлетев, села на шею, а у него из глаз посыпались искры, из носа пошла кровь. Владимир Иванович взвыл и, цепляясь рукой за ковер, стал подтягивать свое тело к входной двери. Расстояние в десять метров, то и дело переводя дыхание, он преодолел за полчаса. Звук в телевизоре почему-то стал громче. Краснознаменный хор имени Александра исполнял песню «Я люблю тебя, жизнь».

Владимир Иванович, лежа, если это так называлось, у двери, сводил счеты со своей неудавшейся жизнью. Он, то и дело впадая в забытие, прощался с женой, которую на исходе последних своих минут так сильно полюбил. Он просил прощения у своих детей за то, что не успел дать им хотя бы законченного среднего образования. «Не зная броду не лезь в воду!» — загорелось в его воспаленном мозгу, потом что-то зазвенело и... Это жена давила и давила кнопку звонка. Из-за двери, сделанной из стального листа и обитой черным кожзаменителем, телевизор голосом взводного старшины призывал население к оказанию помощи в поимке особо опасного преступника.

«Господи!» — она заломила руки. Телевизор орет, двери никто не открывает, свои ключи она отдала в мастерскую для изготовления дубликатов, так как все остальные были растеряны.

Жена по лестнице сбежала вниз к соседям — какой никакой, а все-таки муж! — схватила телефонную трубку и вызвала милицию, скорую помощь и пожарную охрану!

Первым в квартиру через балкон четвертого этажа по пожарной лестнице проник милиционер, так как пожарники наотрез идти отказались. Был бы пожар — тогда другое дело, а то не ровен час на особо опасного нарвешься. Милиционер с пистолетом в руке дошел до двери и открыл ее, споткнувшись предварительно обо что-то совершенно необъяснимое, которое шепотом произнесло: «Распутайте меня... пожалуйста!»

Скорая не решилась сама расплести Владимира Ивановича и отвезла его в больницу.

Теперь все уже позади. С пальца гипс сняли, синяк на лбу почти не заметен, нос после сильного ушиба дышит. Правда, шея все еще не поворачивается и ноги в гипсе, но все это пустяки. Как сказал врач травматолог: «Пусть скажет спасибо, что вообще еще живой!»

Жорж Сименон

Перевод с французского Н. Брандис и А. Тетеревниковой

МЕГРЭ у ФЛАМАНДЦЕВ

Рисунки В. Будаева

РОМАН

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Вокруг плетеного кресла

Из всех семейных церемоний, которые он наблюдал в то воскресенье в доме Питерсов, Мегрэ больше всего поразило, что плетеное кресло отца было перенесено из кухни в гостиную.

В течение недели место этого кресла, а следовательно и старика, было возле плиты. Даже если в столовой принимали гостей, Питерс не показывался.

Но у него было воскресное место возле окна, выходившего во двор. Пенковая трубка с длинным чубуком из вишневого дерева лежала на подоконнике, возле банки с табаком.

В кожаном кресле поменьше, скрестив свои толстенькие ножки, лицом к горящим брикетам сидел доктор Ван де Веерт.

Окончание. Начало в № 7.

Читая ответ судебного врача, он, не переставая, покачивал головой, одобрял, удивлялся, разводил руками.

Наконец он протянул отчет Мегрэ. Маргарита, сидевшая между ними, хотела взять его.

— Нет! Тебе не нужно, — сказал Ван де Веерт.

— Это, должно быть, больше заинтересует вас? — сказал Мегрэ, передавая листки Жозефу Питерсу.

Они все сидели вокруг стола: Жозеф и Маргарита, Анна и ее мать, которая время от времени вставала, чтобы последить за кофе.

По бельгийскому обычаю, доктор пил бургундское, покуривая сигарету, то и дело проводя ее зажженным концом у себя под подбородком.

Проходя мимо кухни, Мегрэ заметил на столе полдюжины испеченных пудингов.

— Конечно, это хороший отчет... Например, в нем не говорится о том... о том...

Он со смущенным видом посмотрел на дочь.

— Вы понимаете, что я хочу сказать... В нем не говорится...

— О том, была ли она изнасилована! — резко сказал Мегрэ.

И чуть не расхохотался, увидя, как шокирован доктор — тот считал, что таких слов и произносить нельзя.

— Это было бы интересно знать, потому что в таких случаях... Вот, например, в тысяча девятьсот...

Он продолжал говорить, но комиссар его не слушал. Он смотрел на Жозефа Питерса, который читал отчет.

Этот отчет содержал подробное описание трупа Жермены Пьедбёф, в том виде, в каком он был вытасчен из Мёзы, описание точное, без всяких недомолвок.

Жозеф был бледен. Ноздри его запали, и он вдруг стал похож на свою сестру Марию.

Казалось, он сейчас бросит чтение, вернет бумаги Мегрэ. Когда он переворачивал страницу, Анна, читавшая через его плечо, остановила его:

— Подожди...

Ей оставалось прочесть еще три строки. Потом оба они принялись читать следующую страницу, которая начиналась так:

«...пролом в черепной коробке настолько велик, что в ней не осталось ни малейшей частицы мозга...»

— Возьмите, пожалуйста, ваш стакан, господин комиссар. Я сейчас накрою на стол.

И мадам Питерс поставила пепельницу, сигары и графин с можжевелевой водкой на камин, потом разостлала на столе скатерть с ручной вышивкой.

Ее дети все еще читали. Маргарита с завистью смотрела на них. А доктор заметил, что его не слушают, и замолчал, продолжая курить.

Дойдя до конца второй страницы, Жозеф Питерс смертельно побледнел, щеки его ввалились и потемнели, на висках выступила испарина. Он забыл перевернуть страницу, и это пришлось сделать Анне; она одна продолжала чтение до конца.

Маргарита встала и дотронулась до плеча молодого человека:

— Мой бедный Жозеф!.. Тебе не следовало... Послушай меня: выйди на минутку подышать свежим воздухом...

Мегрэ воспользовался этим:

— А это хорошая мысль! Мне тоже не мешает размять ноги...

Немного позже оба они с непокрытыми головами оказались на набережной. Дождь перестал. Несколько рыбаков с удочками опустили свои лески в узкие промежутки между баржами. С другой стороны моста слышался непрерывный звонок, созывающий зрителей в кинотеатр.

Питерс нервно зажег сигарету, устремив взгляд на убегающую поверхность воды.

— На вас это подействовало, правда? Извините меня за этот вопрос... Вы что, теперь собираетесь жениться на Маргарите?

Наступило долгое молчание. Жозеф не поворачивался лицом к Мегрэ, который видел только его профиль. Наконец он посмотрел на дверь лавки, украшенную светящимися рекламами, потом на мост, потом опять на Мёзу.

— Не знаю...

— Но вы ведь любили ее...

— Почему вы заставили меня прочесть этот отчет?

И он провел ладонью по лбу. Когда отнял ее, она была влажной.

— А ведь Жермена была далеко не такая красивая?

— Замолчите... Я не знаю... Мне столько раз повторяли, что... Маргарита красива, изысканна, умна, хорошо воспитана...

— А теперь?

— Не знаю...

Ему не хотелось говорить. Он произносил слова против воли, потому что невозможно было молчать. Он порвал бумагу своей сигареты.

— И она согласна выйти за вас замуж, несмотря на то, что у вас сын?

— Она хочет усыновить его.

Черты лица Жозефа были неподвижны. Но чувствовалось, что он болен от отвращения, от усталости. Краем глаза он наблюдал за Мегрэ, боясь, что тот станет задавать ему новые вопросы.

— У вас в семье как будто все считают, что свадьба состоится скоро... А что, Маргарита ваша любовница?

Он неслышно проговорил:

— Нет...

— Она не захотела?

— Не она... Я сам... Я никогда об этом и не думал... Вам не понять...

И вдруг проговорил с бешенством:

— Придется мне жениться на ней! Это необходимо! Вот и все!

Двое мужчин по-прежнему не смотрели друг на друга. Мегрэ, который вышел без пальто, начал мерзнуть.

В эту минуту дверь лавочки открылась. Послышался звонок, уже знакомый комиссару. Потом голос Маргариты, слишком нежный, слишком вкрадчивый.

— Жозеф!.. Что ты там делаешь?..

Взгляд Питерса скрестился с взглядом Мегрэ. Жозеф, казалось, говорил: «Вот видите!»

А Маргарита продолжала:

— Ты простудишься... Все уже за столом... Что с тобой?.. Ты бледен...

Они на мгновение остановились, чтобы посмотреть на угол узкой улицы, где стоял дом Пьедбёфов, который не видно было со стороны лавочки.

Анна нарезала пудинг.

* * *

Мадам Питерс говорила мало, как будто чувствовала, что она здесь на втором плане. И напротив, когда говорил кто-нибудь из ее детей, она одобряла его улыбками или кивала головой.

— Ты меня прости, господин комиссар... Быть может, то, что я скажу, и глупо...

И она положила на тарелку Мегрэ большой ломоть рисового пудинга.

— Я слышала, что на борту «Полярной звезды» нашли какие-то предметы и что речник сбежал... Он несколько раз приходил сюда... Мне пришлось выставить его за дверь, во-первых, потому, что он хочет, чтобы ему все отпускали в кредит, а во-вторых, что он пьян с утра до вечера... Но я не это хотела сказать... Если он сбежал, значит, он виноват... А в таком случае, следствие закончено, не так ли?

Анна ела с равнодушным видом, не глядя на Мегрэ. А Маргарита обратилась к Жозефу:

— Скушай хоть маленький кусочек... Прошу тебя!.. Сделай это для меня...

А Мегрэ с полным ртом обратился к мадам Питерс:

— Я мог бы ответить на ваш вопрос, если бы я руководил следствием, но ведь это не так... Не забудьте, что это ваша дочь попросила меня приехать сюда и попытаться доказать вашу невиновность...

Ван де Веерт беспокойно вертелся на стуле, словно хотел что-то сказать, но ему не давали вставить ни слова.

— Но ведь, в конце концов...

— Инспектор Машер остается хозяином положения и...

— Но в конце концов, комиссар, существует же иерархия... Он ведь только инспектор, а вы...

— Здесь я никто... Послушайте! Если сейчас я захотел бы допросить кого-либо из вас, то вы даже имели бы право не отвечать мне... Я поднялся на баржу только потому, что речник ничего не имел против этого... Случайно я нашел там орудие, которым было совершено преступление, и плащ, который был на жертве...

— Но тогда...

— Пока что ничего!.. Попытаемся арестовать этого человека. Может быть, это уже и сделано! Но только он способен защищаться. Например, он может сказать, что нашел где-то этот молоток и этот плащ, и хранил их, не зная, что они собой представляют. Он может также сказать, что сбежал из страха... У него уже были неприятности с правосудием... Он знает, что ему труднее поверить, чем кому-нибудь другому...

— Да ведь это совсем неубедительно!

— Обвинение почти никогда не бывает убедительным, так же, как и защита... Можно было бы обвинить и других... Знаете, что я выяснил сегодня днем?.. Что

Жерар, брат Жермены, уже целый месяц не знает, как выпутаться из скверной истории, в которую он замешан... Он задолжал всем... Хуже того! Его уличили в том, что он взял деньги в кассе, и пока он не выплатит этой суммы, у него вычитают каждый месяц половину жалованья...

— Это правда?

— Значит можно обвинить его в том, что он погубил свою сестру, чтобы получить за это вознаграждение...

— Это было бы ужасно, — вздохнула мадам Питерс, которая, слушая этот разговор, не в силах была есть.

— Вы-то его довольно хорошо знали, — сказал Мегрэ, повернувшись к Жозефу.

— Я с ним иногда встречался, давно уже...

— До рождения ребенка, не так ли?.. Вы несколько раз вместе совершали экскурсии... Если не ошибаюсь, ваша сестра даже сопровождала вас в эти пещеры... как их?

— Это правда? — удивилась мадам Питерс, повернувшись к дочери. — А я и не знала.

— Не помню! — сказала Анна, не переставая есть и не сводя глаз с комиссара.

— Впрочем, это не важно... Но о чем я говорил?.. Не дадите ли вы мне кусочек пудинга, мадемуазель Анна? Нет, не фруктового... Я остаюсь верен вашему великолепному рисовому пудингу... Это вы его приготовили?

— Она! — торопливо подтвердила мать.

И вдруг наступила тишина, потому что Мегрэ замолчал и никто не осмеливался заговорить. Слышались звуки жующих челюстей. Комиссар уронил на пол вилку и наклонился, чтобы поднять ее. При этом он увидел, что Маргарита поставила свою ногу в изящной туфельке на ногу Жозефа.

— Инспектор Машер — предприимчивый молодой человек.

— У него не очень-то умный вид, — заметила Анна.

И Мегрэ понимающе улыбнулся ей.

— У людей так редко бывает умный вид! Я, например, как только оказываюсь в присутствии возможного преступника, всегда стараюсь выглядеть идиотом.

Впервые Мегрэ позволил себе то, что можно было бы назвать откровенностью.

— Форма вашего лба не может измениться! — поторопился вежливо заявить доктор Ван де Веерт. — И для того, кто хоть немного занимался френологией... Послушайте! Я уверен, что вы ужасно вспыльчивый...

Трапеза, наконец, закончилась. Комиссар первый отодвинул свой стул, взял трубку и начал набивать ее.

— Знаете, что вам следовало бы сделать, мадемуазель Маргарита? Сесть за рояль и сыграть нам «Песню Сольвейг»...

Она колебалась, посмотрела на Жозефа, как бы спрашивая у него совета, в то время как мадам Питерс прошептала:

— Она так хорошо играет!.. И поет!..

— Я жалею только об одном: мадемуазель Мария вывихнула себе ногу и потому не может быть с нами... Сегодня я здесь последний день...

Анна живо повернула к нему голову:

— Вы скоро уезжаете?

— Сегодня вечером... Я ведь не рантье... Кроме того, я женат и моя жена уже теряет терпение.

— А инспектор Машер?

В лавке зазвенел звонок. Послышались торопливые шаги, затем стук в дверь. Это был сам Машер, очень возбужденный.

— Комиссар здесь?

Он не сразу увидел Мегрэ, удивленный тем, что попал на семейное собрание.

— Что случилось?

— Мне нужно поговорить с вами.

— Вы позволите?

И Мегрэ, пройдя вместе с инспектором в магазин, облокотился о прилавок.

* * *

— Как мне отвратительны эти люди!

Машер, сморщившись, указал подбородком на дверь столовой.

— Один только запах их кофе и их пудинга...

— Ты это и хотел мне сказать?

— Нет. У меня есть новости из Брюсселя. Поезд пришел туда по расписанию.

— Но речника там не было?

— Вы это уже знали?

— Я это подозревал. Ты что, считаешь его идиотом? А я нет. Он, должно быть,

вышел на какой-нибудь маленькой станции, сел на другой поезд, потом опять пересел... Сегодня вечером он, может быть, будет в Дании. Или в другом месте... Может быть, даже в Париже.

Но Машер смотрел на комиссара, усмехаясь:

— Если бы у него были деньги!

— Ты что имеешь в виду?

— Да я все проверил. Этого человека зовут Кассен. Вчера утром он не мог заплатить по своему счету в бистро и ему отказались налить вина... Более того... Он всем был должен... Вплоть до того, что лавочники решили не допустить, чтобы его баржа ушла отсюда...

Мегрэ смотрел на своего коллегу с равнодушным видом.

— Ну и что?

— Я этим не ограничился. И мне было нелегко, потому что большинства людей не оказалось дома... Я даже ходил в кино, чтобы кое-кого расспросить.

Мегрэ, покуривая трубку, забавлялся тем, что ставил гири на обе чаши весов, пытаясь добиться равновесия.

— Я выяснил, что Жерар Пьедбёф вчера занял две тысячи франков, поставив в виде гарантии подпись своего отца, потому что никто не соглашался дать ему денег, если подпишется он сам.

— И он встретился с речником?

— В том-то и дело! Один таможенник видел, как Жерар Пьедбёф и Кассен шли вдвоем по берегу, недалеко от большой таможни.

— В котором часу?

— Около двух...

— Отлично!

— Что отлично? Если Пьедбёф дал Кассену денег...

— Осторожнее с выводами, Машер! Ведь так опасно делать заключение...

— Во всяком случае, человек, у которого утром не было ни гроша, уехал с поездом, отошедшим после полудня, и с деньгами в кармане. Я был на вокзале. Он платил за свой билет тысячефранковой ассигнацией. Видимо, у него были еще и другие.

— Или еще одна?

— Может быть, несколько, может быть, одна... Что бы вы сделали на моем месте?

— Я?

— Да.

Мегрэ вздохнул, постучал трубкой о каблук, показал на дверь столовой.

— Я пошел бы выпить рюмку можжевельной... Тем более, что нам поиграют на рояле!

— Это все, что...

— Ну пойдём... Тебе ведь нечего делать в городе в такое время. Где Жерар Пьедбёф?

— В кино «Скала» с одной фабричной работницей.

— Бьюсь об заклад, что они взяли ложу!

И Мегрэ с беззвучным смехом подтолкнул своего коллегу к столовой, где контуры предметов начали уже расплываться в сумерках. От кресла Ван де Веерта медленно поднималась струйка дыма. Мадам Питерс убирала в кухне посуду, Маргарита сидела за роялем и меланхолично перебирала пальцами клавиши.

— Вы и в самом деле хотите, чтобы я играла?

— Да, я очень хотел бы... Сядь сюда, Машер...

Жозеф стоял, облокотившись на камин, устремив взгляд на затуманенное окно.

Зима пройдет,
И весна промелькнет,
И весна промелькнет.
Увянут цветы,
Снегом их занесет,
Снегом их занесет...

Маргарита пела нетвердым голосом. Больших усилий ей стоило дойти до конца. Два раза она ошибалась в аккордах.

Но ты ко мне вернешься,
Мой дорогой жених,
И будешь ты со мной.

Анны уже не было в комнате. Ее не было и в кухне, где мадам Питерс ходила взад и вперед, стараясь поменьше шуметь, чтобы не помешать пению.

Я сердце тебе отдала...

Маргарите не виден был мрачный силуэт Жозефа, который погасил свою сигарету. Теперь, когда уже совсем стемнело, огонь горящих брикетов отбрасывал пурпурные отблески на все окружающее, в особенности на полированные ножки стола.

К великому удивлению Машера, который не смел двинуться с места, Мегрэ вышел так тихо, что этого никто не заметил. Он поднялся по лестнице, стараясь, чтобы не скрипнула ни одна ступенька, и очутился перед двумя закрытыми дверями.

На площадке была почти полная темнота. Только фарфоровые ручки дверей образовали два пятна молочного цвета.

Наконец комиссар положил зажженную трубку в карман, повернул одну из ручек, вошел и закрыл за собой дверь.

Анна была здесь. Из-за задернутых занавесок в спальне было темнее, чем в столовой. В воздухе словно плавала серая пыль, которая местами, например в углах, была гуще, чем посредине.

Анна не двигалась. Неужели она ничего не слышала?

Она стояла у окна, против света, повернув лицо к закатному пейзажу Мёзы. На другом берегу уже зажгли фонари, которые пронизывали сумерки своими острыми лучами.

Глядя на нее со спины, можно было подумать, что Анна плачет. Она была высокого роста и казалась более мощной, более «скульптурной», чем когда-либо.

А ее серое платье буквально растворялось в окружающей ее темноте.

Одна дощечка паркета, одна-единственная, закрипела, когда Мегрэ был уже на расстоянии одного шага от девушки, но она не вздрогнула.

Тогда он с удивительной мягкостью положил ей руку на плечо и вздохнул, как человек, который может, наконец, говорить откровенно.

— Ну вот!

Она повернулась к нему всем телом. Она была спокойна. Ни одна морщинка не нарушала строгой гармонии ее лица.

Только на шее медленно, под действием какого-то таинственного внутреннего давления, чуть-чуть вздулась жилка.

Звуки рояля явственно доносились сюда, и можно было различить все слова «Песни Сольвейг»:

И ты ко мне вернешься,
Мой дорогой жених,
И будешь ты со мной...

И два светлых глаза искали глаза Мегрэ, в то время как губы, чуть было не раскрывшись в рыдании, застыли и окаменели, как и все ее существо.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

«Песня Сольвейг»

— Что вы здесь делаете?

Странная вещь, ее тон не был агрессивным. Анна смотрела на Мегрэ со страхом, может быть, даже с ужасом, но не с ненавистью.

— Вы слышали, что я сейчас сказал? Сегодня вечером я уезжаю. Мы с вами прожили несколько дней в довольно тесной близости...

И он смотрел вокруг, на кровати двух девушек, на шкуру белого медведя, служившую им ковром, на обои в розовых цветочках, на зеркальный шкаф, в котором теперь отражались только ночные тени.

— Я не хотел уезжать, не поговорив с вами в последний раз...

Четырехугольник окна обрисовал как бы экран, на котором силуэт Анны вырисовывался все менее четко по мере того, как протекали минуты. И Мегрэ обратил внимание на одну деталь, которой он прежде не заметил. Еще час назад он не смог бы сказать, как она причесана. Теперь он это знал. Ее длинные волосы, туго заплетенные в косы, образовали тяжелый узел на затылке.

— Анна! — донесся голос мадам Питерс из коридора первого этажа.

Рояль замолк. В гостиной заметили их исчезновение.

— Да!.. Я здесь.

— Ты не видела комиссара?

— Он тоже здесь... Мы спускаемся...

Чтобы ответить матери, Анна подошла к двери. Теперь она вернулась к своему собеседнику, очень серьезная, устремив на него пристальный, трагический взгляд.

— Что вы хотите мне сказать?

— Вы это прекрасно знаете!

Она не отвернулась. По-прежнему впивалась в него взглядом, сложив руки на животе; в позе ее было уже что-то от старой женщины.

— Что вы собираетесь сделать?

— Я уже сказал вам: вернуться в Париж.

И тогда ее голос все же дрогнул:

— А я?

Впервые она проявила волнение. Она сама это заметила. И, конечно, чтобы превозмогнуть его, подошла к выключателю и зажгла свет.

Лампа с желтым шелковым абажуром освещала на полу только круг диаметром примерно в два метра.

— Я должен сначала задать вам один вопрос! — сказал Мегрэ. — Кто дал деньги? Нужно было действовать быстро, собрать эту сумму в несколько минут. Банк был закрыт. Вряд ли вы держите большие деньги дома. У вас нет телефона...

Минуты текли медленно. Над ними нависло тяжелое молчание.

И Мегрэ продолжал вдыхать эту спокойную атмосферу мешанной среды. Внизу угадывались тихие голоса. Доктор Ван де Веерт протянул к камину свои короткие ножки. Жозеф и Маргарита молча смотрели друг на друга, Машер, вероятно, терял

терпение, а мадам Питерс взялась за какое-нибудь шитье или подливала в рюмки можжевелевую водку.

А комиссар все еще смотрел в светлые глаза Анны, которая, наконец, проговорила:

— Маргарита...

— У нее были деньги дома?

— Деньги и ценные бумаги. Она сама распоряжается той частью состояния, которая досталась ей от матери.

И Анна повторила:

— Что вы собираетесь делать?

В тот момент, когда она произносила эти слова, ее глаза увлажнились, но только на мгновение, так что Мегрэ мог подумать, что ошибся.

— А вы?

Этот вопрос беспрестанно звучал в их устах, и было ясно, что и тот и другой боялись перейти к главной теме разговора.

— Как вы завели Жермену Пьедбёф к себе в комнату?.. Подождите, не отвечайте сразу!.. В тот вечер она сама пришла к вам, чтобы справиться о Жозефе и потребовать деньги на содержание ребенка... Ее приняла ваша мать... Вы тоже вошли в лавку... Вы уже знали, что сейчас убьете ее?

— Да!

Теперь в ней не заметно было ни волнения, ни паники. Ясный голос.

— С каких пор вы это знали?

— Приблизительно месяц.

И Мегрэ сел на край кровати, кровати одной из двух девушек, Анны и Марии, провел рукой по лбу, глядя на обои, на фоне которых выделялась фигура его собеседницы.

Теперь можно было подумать, что она гордится своим поступком. Она принимала на себя всю ответственность за него. Она заявила, что действовала преднамеренно.

— Вы так сильно любите своего брата?

Он знал это. И не только Анна его любила. Не потому ли, что старый Питерс давно уже ничего не значил для своих близких? Три женщины, мать и две сестры, одинаково обожали этого молодого человека.

Он не был красив. Худой, черты лица неправильные. Его длинная фигура, большой нос, глаза, выражавшие усталость, внушали скуку.

И все-таки это было божество! И Маргарита также поклонялась ему, как божеству! Их всех словно охватила одна навязчивая идея, и можно было представить себе, как обе сестры, мать и кузина проводили послеполуденные часы в разговорах о нем.

— Я не хотела, чтобы он покончил с собой!

Тут Мегрэ чуть не обозлился. Он резко вскочил и стал шагать взад и вперед по комнате.

— Он это говорил?

— Если бы ему пришлось жениться на Жермене, он покончил бы с собой в день свадьбы...

Мегрэ не засмеялся, но резко пожал плечами. Он помнил о признаниях Жозефа, высказанных вчера вечером! Жозеф даже не знал, кого он собственно любит. Жозеф, который почти так же боялся Маргариты, как и Жермены Пьедбёф.

Но чтобы подольститься к своим сестрам, чтобы сохранить их восхищение, он старался принять романтический вид.

— Его жизнь была разбита.

Черт побери! Все это очень хорошо укладывалось в рамки «Песни Сольвейг»:

Но ты ко мне вернешься,
Мой дорогой жених...

И они все поддались этому. Они одурманили себя музыкой, поэзией и признаниями.

Хорош он был, этот жених, со своими плохо сшитыми пиджаками и близорукими глазами!

— Вы говорили с кем-нибудь о вашем намерении?

— Ни с кем!

— Даже ему не говорили!

— Ему тем более!

— И вы целый месяц держали у себя в комнате молоток? Постойте! Я начинаю понимать!

И тут у него захватило дух: его потрясла эта драма, в которой было столько трагического и в то же время мелкого.

Он едва осмеливался посмотреть на Анну, которая стояла неподвижно.

— Вам нельзя было попадаться, не так ли? Потому что тогда Жозеф не посмел бы жениться на Маргарите! Вы долго выбирали оружие. Револьвер производит слишком много шума! А так как Жермена никогда у вас ничего не ела, вы не могли воспользоваться ядом... Если бы вы не боялись оставить следы, вы бы ее задушили...

— Я об этом думала...

— Замолчите, ради бога!.. Вы пошли за молотком на какую-нибудь стройку. Ведь вы не так глупы, чтобы использовать молоток, который был у вас в доме... Под каким предлогом вы уговорили Жермену пойти с вами наверх?

И она равнодушно сказала, словно отвечая заученный урок:

— Она плакала в лавке... Эта женщина всегда плакала... Мать дала ей пятьдесят франков в счет месячного содержания ребенка... Я вышла вместе с ней... Обещала отдать ей остальное...

— И вы обе обошли дом в темноте... Вы вернулись в него через заднюю дверь и поднялись на второй этаж...

Он посмотрел на дверь и проговорил голосом, которому хотел придать твердость:

— Вы открыли дверь... Вы пропустили ее вперед... Молоток был наготове...

— Нет!

— Как нет?

— Я не сразу ударила ее... Может быть, у меня не хватило бы смелости ударить... Не знаю... Но только эта девка сказала, глядя на кровать:

— Это сюда к вам ходит мой брат?.. Вам везет: вы-то умеете делать так, чтобы не было детей.

Еще одна подробность, и тоже глупо, грязно обыденная!

— Сколько ударов вы ей нанесли?

— Два... Она сразу упала. Я затолкала ее под кровать...

— А потом вы спустились вниз, где сидела ваша мать, ваша сестра Мария и Маргарита, которая только что пришла.

— Мать была в кухне с отцом, молочка кофе на завтрашнее утро...

— Ну так что же, Анна! — снова раздался голос мадам Питерс. — Инспектор собирается уходить.

На этот раз Мегрэ, перегнувшись через перила, ответил:

— Пусть подождет!

И снова закрыл дверь.

— Вы сказали обо всем вашей сестре и Маргарите?

— Нет! Но я знала, что должен приехать Жозеф... Мне не под силу было сделать то, что я должна была сделать. И я не хотела, чтобы брата видели в доме. Я велела Марии подождать его на набережной и предупредить, чтобы он не показывался и оставил свой мотоцикл как можно дальше...

— Мария удивилась?

— Она испугалась. Она ничего не понимала. Но почувствовала, что должна повиноваться... Маргарита сидела за роялем... Я попросила ее играть и петь... Потому что я знала — здесь — здесь, наверху, может быть шум...

— Это вам пришла в голову мысль о чане на крыше?

Он зажег трубку, которую перед тем машинально набил.

— Жозеф пришел к вам в комнату... Что он сказал, когда увидел?..

— Ничего! Он не понимал. Он с ужасом смотрел на меня. Он был почти неспособен помочь мне...

— Поднять тело, втащить его в слуховое окно и дотащить по карнизу до оцинкованного чана? — По лбу комиссара текли крупные капли пота. «Потрясающе!» — воскликнул он про себя.

— Если бы я не убила эту женщину, Жозефа теперь уже не было бы в живых.

— Когда вы сказали правду Марии?

— Никогда!.. Оба не посмели меня расспрашивать... Когда стало известно об исчезновении Жермены, она что-то заподозрила... С тех пор она и больна...

— А Маргарита?

— Если у нее и есть подозрения, она не хочет знать... Понимаете?

Понимал ли он! А мадам Питерс все ходила взад и вперед по дому, ничего не подозревая, и еще возмущалась обвинениями жителей Живе!

Что касается отца, то он только и делал, что курил трубку в своем плетеном кресле, в котором засыпал по два, а то и по три раза в день.

Жозеф показывался здесь как можно реже, уезжал в Нанси, предоставив сестре зашищаться, как она сумеет.

А Мария мучилась, проводила дни в монастыре святой Урсулы и со страхом ждала, что вечером, вернувшись домой, она узнает, что все открылось.

— Почему вы вытащили тело из чана?

— Оно бы в конце концов запахло... Я ждала три дня... В субботу, когда вернулся Жозеф, мы вдвоем перетащили его к Мёзе...

У Анны тоже проступили капельки пота, но не на лбу, а над верхней губой, где у нее пробивался пушок.

— Когда я поняла, что инспектор подозревает нас и с бешеным усердием ведет следствие, я подумала, что лучшее средство заставить замолчать людей — это самой обратиться в полицию... Если бы тело не нашли...

...дело положили бы под сукно! — продолжил он.

Мегрэ снова принялся шагать по комнате и добавил:

— Но только существовал речник, который видел, как вы бросали тело в воду, и выудил молоток и плащ...

Жерару Пьедбёфу он заявил, что может засвидетельствовать такие вещи, из-за которых Петерсов осудят, и в качестве награды за эти свидетельства получил две тысячи франков.

Однако он ничего не заявил, а обратился к Анне. И с ней он также стал торговаться.

Он заявил ей, что если она ему ничего не даст, он донесет на нее. Если же она ему выплатит крупную сумму, он уедет из города. Таким образом, подозрения падут на него, и Питерсы от них очистятся.

Заплатила Маргарита! Надо было сделать это быстро! Мегрэ уже нашел молоток. Анна не могла выйти из лавки, не привлекая к себе внимания. Она передала речнику записку для Маргариты.

И немного позже та прибежала.

— Что случилось?.. — Почему ты...

— Молчи!.. Сейчас приедет Жозеф... Вы скоро поженитесь... — сказала ей Анна.

А воздушная Маргарита ни о чем другом и не мечтала.

В субботу вечером в доме царила атмосфера разрядки. Опасность была предотвращена! Речник сбежал! Теперь важно было только, чтобы он не попался полиции!

— А так как вы боялись состояния вашей сестры Марии, — продолжал вслух Мегрэ, — вы посоветовали ей остаться в Намюре, притвориться больной или сказать, что она подвернула ногу...

Снова слышались звуки рояля, но на этот раз играли «Графа Люксембургского».

* * *

Отдавала ли себе Анна отчет в чудовищности своего поступка? Она оставалась совершенно спокойной. Она ждала. Ее взгляд был все так же прозрачен.

— Они там внизу будут беспокоиться! — сказала она.

— Правда! Пойдемте вниз!

Но она не двинулась с места. Она все стояла посреди комнаты, жестом останавливая своего собеседника.

— Что вы собираетесь делать?

— Я уже три раза сказал вам, — устало вздохнул Мегрэ. — Сегодня вечером возвращаюсь в Париж.

— Но... как же...

— Остальное меня не касается! У меня здесь нет полномочий. Поговорите с инспектором Машером...

— А вы ему скажете?

Он не ответил. Он был уже на лестничной площадке. Он вдыхал сладкий, сдобный запах, стоявший во всем доме, и господствующий в нем аромат корицы вызвал у Мегрэ старые воспоминания.

Под дверью столовой виднелась полоска света. Здесь ясно слышалась музыка.

Мегрэ толкнул дверь и удивился, что Анна, шагов которой он не слышал, вошла одновременно с ним.

— Что у вас там за разговор вдвоем? — спросил доктор Ван де Веерт, который только что закурил огромную сигару и сосал ее, как ребенок соску.

— Простите нас... Мадемуазель Анна справлялась у меня относительно одного путешествия, которое она, кажется, хочет на днях совершить...

Маргарита сразу перестала играть.

— Это правда, Анна?

— О! Не сейчас...

А мадам Питерс, которая не отрывалась от своего вязания, смотрела на них обоих с легкой тревогой.

— Я налила вам рюмку, господин комиссар... Я теперь знаю, что вы любите.

Машер с озабоченным видом наблюдал за своим коллегой, пытаясь угадать, что произошло.

Лицо Жозефа горело, так как он выпил подряд несколько рюмок можжевеловой. Глаза его блестели, руки беспокойно двигались.

— Хотите доставить мне удовольствие, мадемуазель Маргарита? Сыграйте в последний раз «Песню Сольвейг»...

И, обращаясь к Жозефу, добавил:

— Почему вы не переворачиваете ей страницы?

Это уже был садизм, как если бы он надавил языком на больной зуб.

С того места, где он стоял, облокотившись на камин, с рюмкой вина в руке, Мегрэ мог оглядеть всю гостиную, мадам Питерс, склонившуюся над столом и освещенную светом лампы, доктора Ван де Веерта, который курил, вытянув свои короткие ножки, Анну, стоявшую возле стены.

А также Маргариту, которая играла и пела, сидя за роялем, и Жозефа, переворачивавшего ей страницы нот...

Рояль был покрыт вышитой скатертью, на которой стояло много фотографий: Жозеф, Мария и Анна, снятые детьми разного возраста...

И ты ко мне вернешься...

Но пристальнее всего комиссар наблюдал за Анной. Он еще не считал себя побежденным. На что-то надеялся, сам не зная, на что.

Если бы она хоть по-настоящему взволновалась! Может быть, он заметит, что губы ее подергиваются? Увидит слезы на ее глазах? Может быть, она вдруг порывисто выйдет из комнаты?..

Первый куплет закончился, но ничего подобного не произошло. Машер прошептал на ухо комиссару:

— Мы еще долго пробудем здесь?

— Несколько минут.

Во время этого краткого разговора Анна смотрела на них через стол, как бы желая удостовериться, что ей не грозит никакая опасность.

Со мною будешь жить...

И пока еще звучал последний аккорд, мадам Питерс шептала, склонившись седой головой над вязаньем:

— Я никогда никому не желала зла, но повторяю: бог ведает, что творит... Разве не ужасно было бы, если бы эти дети...

Она не закончила фразы, так как была очень взволнована, и смахнула слезу со щеки чулком, который вязала.

Анна, все такая же бесстрастная, стояла, устремив взгляд на комиссара; Машер начал терять терпение.

— Ну что ж!.. Извините меня, что я так сразу покину вас, но мой поезд уходит в семь часов и...

Все встали. Жозеф не знал, куда смотреть. Машер, запинаясь, нашел, наконец, ту фразу, которую должен был сказать, или нечто похожее.

— Мне очень жаль, что я подозревал вас... Но согласитесь, что, по всей видимости... И если бы тот речник не удрал...

— Ты проводишь наших гостей, Анна?

— Да, мама.

Таким образом, через лавку они прошли только втроем. Дверь ее была заперта на ключ по случаю воскресенья. Но там горела лампа, бросая отсветы на медные чаши весов.

Машер горячо пожал руку девушки.

— Еще раз прошу у вас прощения...

Мегрэ и Анна несколько секунд стояли друг против друга; наконец Анна пробормотала:

— Будьте спокойны... Я здесь не останусь...

В темноте, на набережной, Машер говорил без умолку, но Мегрэ слышал лишь обрывки его речи.

...поскольку имя виновного известно, я завтра возвращаюсь в Нанси...

«Что она этим хотела сказать? — думал комиссар.— «Я здесь не останусь...» Неужели у нее и в самом деле хватит мужества?..»

Он посмотрел на Мёзу, с берегов которой фонари бросали отсветы, искаженные волнами. Более яркий свет горел с другой стороны реки, во дворе завода, куда той ночью, как и всегда, старик Пьедбёф принесет картошку, которую будет печь в золе.

Они прошли мимо переулка. Света в доме не было.

И снова Анна

— Ты удачно провел дело?

Мадам Мегрэ удивилась, увидя своего мужа в таком плохом настроении. Она ощупывала пальто, которое только что помогла ему снять.

— Ты опять бродил под дождем!.. Когда-нибудь наживешь ревматизм, и хорош ты тогда будешь!.. Что это была за история? Преступление?

— Семейное дело!

— А девушка, которая к тебе приходила?

— Ну и девушка! Дай мне, пожалуйста, комнатные туфли.

— Ладно! Больше не буду задавать тебе вопросов. Во всяком случае, на эту тему. Ты хоть ел там прилично, в Живе?

— Не знаю...

Это была правда. Он почти не помнил, что он там ел.

— Угадай, что я тебе приготовила?

— Тартельки с ветчиной и яйцами.

Это нетрудно было угадать, учитывая, что весь дом был наполнен их ароматом.

— Ты хочешь есть?

— Да, милочка... — Во всяком случае, сейчас захочу... Расскажи, как здесь дела...

Кстати, с мебелью уладилось?

Почему, оглядывая свою столовую, он смотрел все время в один угол, где ничего не было? Он сам не отдавал себе в этом отчета, пока жена не сказала ему:

— Ты, кажется, что-то ищешь?

Тогда он громко воскликнул:

— Черт побери! Рояль...

— Какой рояль?

— Ничего... Тебе не понять... Твои тартельки просто удивительные.

— Какая я была бы эльзаска, если бы не умела их приготовить. Но только, если ты будешь так много есть, ты не оставишь мне ни кусочка... Ну а что касается рояля, то жильцы с пятого этажа...

* * *

Год спустя Мегрэ зашел в одну фирму, занимавшуюся экспортом, в связи с делом о фальшивых ассигнациях.

Обширные склады были набиты товарами, но конторы оказались маленькими и тесными.

— Я сейчас попрошу принести фальшивую ассигнацию, которую я обнаружил в пачке, — сказал хозяин, нажимая на кнопку звонка.

Мегрэ смотрел в сторону. Он неясно видел серую юбку, приближающуюся к столу, ноги, обтянутые черными чулками. Потом он поднял голову и несколько секунд стоял неподвижно, глядя на лицо, склонившееся над письменным столом.

— Благодарю вас, мадемуазель Анна!

И так как комиссар проводил секретаршу взглядом, негоциант объяснил:

— Она немного похожа на драгуна... Но лучше секретарши не найти. Она выполняет работу за двоих служащих, это точно... Ведет всю корреспонденцию и еще находит время выполнять обязанности счетовода.

— Давно у вас служит?

— Около десяти месяцев.

— Она замужем?

— О, нет! Это ее грех: равнодушие и даже неприязнь ко всем мужчинам... Однажды ко мне зашел один коллега: он попробовал в шутку ущипнуть ее за талию... Если бы вы видели, каким она его смерила взглядом... Она приходит в контору утром в восемь часов, иногда раньше... Вечером запирает двери...

— Вы мне позволите сказать ей несколько слов?

— Я сейчас позову ее.

— Нет, я хотел бы поговорить с ней в ее кабинете.

И Мегрэ прошел в застекленную дверь. Контора выходила во двор, заполненный грузовиками. И весь дом, казалось, дрожал от потока автобусов и машин, несущихся по улице Пуассоньер.

Анна была спокойна, как и только что, когда наклонилась над столом. Она была такая же, какую он ее знал год назад.

Года через два или три трудно будет определить ее возраст. Через десять лет она станет старой женщиной.

— Вы получаете известия от вашего брата?

Не отвечая, она повернула голову, машинально открывая и закрывая рукой крышку бювара.

— Он женат?

Она утвердительно кивнула головой.

— Счастлив?

И тут слезы, которых так долго ждал Мегрэ, брызнули из ее глаз, горло у нее сжалось, и она бросила ему, как будто возлагала на него ответственность за все случившееся:

— Он начал пить... Маргарита ждет ребенка...

— А как его дела?

— Его кабинет не приносит никаких доходов. Ему пришлось поступить на службу в Реймсе...

И она в бешенстве, мелкими толчками, стала прикладывать к глазам носовой платок, чтобы осушить глаза.

— А Мария?

— Она умерла за неделю до того, как должна была постричься в монахини.

Зазвонил телефон, и Анна, подойдя к нему с блокнотом в руке, ответила совсем другим голосом:

— Да, господин Бормс... Хорошо... Завтра вечером... Я сейчас же пошлю телеграмму... По поводу груза шерсти я посылаю вам письмо с некоторыми замечаниями... Нет!.. У меня сейчас нет времени... Вы прочтете письмо...

Она положила трубку. Ее хозяин стоял на пороге, глядя поочередно то на нее, то на Мегрэ.

Комиссар вернулся в соседний кабинет.

— Что вы о ней скажете?.. А я еще не говорил вам о ее честности!.. Она до того щепетильна, что это просто граничит с глупостью...

— Где она живет?

— Не знаю... Или, вернее, я не знаю ее адреса, но мне известно, что она живет в меблированных комнатах для одиноких женщин, которые содержат какое-то благотворительное общество. Но... Послушайте... Вы начинаете меня пугать... Вы познакомились с ней, по крайней мере, не при исполнении своих служебных обязанностей!.. Это было бы немного тревожно...

— Не при исполнении моих служебных обязанностей, — медленно ответил Мегрэ. — Так мы говорили о том, что вы обнаружили эту ассигнацию в пачке...

Он прислушался к звукам, доносившимся из соседнего кабинета, где женский голос говорил по телефону:

— Нет, мсье, он занят! У телефона мадемуазель Анна... Да... Я в курсе дела...

Агата Кристи

КУКЛА

РАССКАЗ

Кукла лежала в большом бархатном кресле, и ее очертания в сумраке комнаты в это хмурое лондонское утро сливались с очертаниями и рисунком серо-зеленых покрывал, занавесей и ковров. Это была большая тряпичная кукла с нарисованным лицом, одетая в зеленое бархатное платье и бархатную же шапочку, не такая кукла, какую представляют себе дети, а скорее Театральная кукла, Каприз Богатых Женщин, из тех, что обычно сидят в ленивых позах у телефонных аппаратов или среди диванных подушек в роскошных гостиных. Она была длинная и вся такая мягкая, но в то же время совсем как живая, образчик декаденства двадцатого века.

В комнату вбежала Сибил Фокс, остановилась в замешательстве и удивленно посмотрела на куклу. Хотела бы она знать — но что она хотела бы знать, додумать она не успела, а вместо этого спросила себя тихо:

— Где же она может быть? Куда я ее дела? Ведь точно помню, что совсем недавно держала ее в руках.

Она вышла на лестничную площадку и крикнула куда-то вверх: «Элспет! Элспет! Выкройка из синего бархата у тебя? Миссис Феллоуз-Браун будет здесь с минуты на минуту», — вернулась в комнату, включила свет. Снова взглянула на куклу. «И как она... да, видно, я уронила ее здесь», — подумала Сибил и подняла выкройку с пола.

На лестничной площадке послышался знакомый скрип остановившегося лифта, и несколько мгновений спустя, в сопровождении маленького пекиноса, отдуваясь и пыхтя, совсем как суетливый паровозик местного поезда, прибывающего на промежуточную станцию, в комнату вкатил миссис Феллоуз-Браун.

— Будет дождь, — сказала миссис. — Настоящий ливень.

Она стащила с рук перчатки и сбросила манто. В примерочную вошла Алисия Кумб. Теперь она нечасто заходила сюда, только когда прибывали особые клиенты, и миссис Феллоуз-Браун была одной из них.

Элспет, старшая швея, принесла платье, и Сибил натянула его на клиентку.

— Ну вот, — сказала она. — Прекрасно. Милый цвет, правда?

Мисс Кумб откинулась на спинку стула.

— Да, оно вам к лицу. Определенно, к лицу.

Миссис Феллоуз-Браун повернулась боком к зеркалу.

— Должна сказать, что в ваших платьях мой зад кажется значительно меньшим, чем он есть на самом деле.

— Вы заметно похудели за последние три месяца, уверяю вас, — сказала Сибил.

— Да нет же, — возразила миссис Феллоуз-Браун, — хотя в этом платье я и вправду выгляжу похудевшей. У вас какой-то особенный крой, поэтому и зад мой кажется меньше. Посмотришь, так вроде бы его у меня и вовсе нет, — я хочу сказать, что он выглядит вполне нормальным, как у всех.

Она вздохнула и осторожно провела рукой по причинявшей ей столько беспокойства части тела.

— Некоторое время я могла еще как-то его прятать, подтягивать, знаете, прогибаясь вперед. Но теперь и это невозможно, потому что теперь у меня и живот такой же, как зад. Нельзя же подтянуть одновременно и то и другое, правда?

— Если бы вы только видели некоторых из моих клиенток! — сказала Алисия.

Миссис Феллоуз-Браун прошла по комнате.

— Живот еще хуже задала,— продолжала она.— Его больше видно. Во всяком случае, когда говоришь с человеком, то стоишь к нему лицом, и в этот момент он никак не может видеть ваш зад, зато он видит ваш живот. В общем, я взяла за правило подтягивать живот, а зад уж пусть сам о себе беспокоится.

Она еще больше вытянула шею и вдруг сказала:

— Ох, ну и кукла же у вас! У меня от нее прямо мурашки по телу пошли. Давно она у вас?

Сибил растерянно взглянула на мисс Кумб, однако у мисс Кумб вид тоже был озадаченный.

— Не знаю точно... Недавно, наверное... Я стала все забывать. Это просто ужасно, особенно в последнее время, я просто ничего не могу запомнить. Сибил, давно она у нас?

— Не знаю,— коротко ответила Сибил.

— Да,— сказала миссис Феллоуз-Браун.— Прямо мурашки по телу. Неудивительно! У нее такой вид, знаете ли, будто она наблюдает за нами и посмеивается себе в свой бархатный рукавчик. Я бы на вашем месте избавилась от нее.

Она, как от озноба, перевернула плечами, а затем снова занялась своим платьем: не лучше ли будет укоротить на дюйм рукава? А длина? Когда эти и другие важные вопросы были улажены, миссис Феллоуз-Браун стала прощаться. Проходя мимо куклы, она опять взглянула на нее и покачала головой:

— Нет, мне она определенно не нравится. У нее такой вид, будто это ее комната. В этом есть что-то нездоровое.

— Что она хотела этим сказать?— спросила Сибил, когда миссис Феллоуз-Браун вышла, но Алисия ответить не успела: миссис Феллоуз-Браун вернулась.

— Господи, я совсем забыла про Фу-Линга! Где ты, моя лапушка? Боже мой, никогда в жизни ничего подобного не видела!

Она вытаращила глаза, Алисия и Сибил тоже. Пекинос сидел перед зеленым бархатным креслом и внимательно смотрел на лежавшую в нем куклу. Его маленькая мордочка с круглыми навывкате глазами не выражала никаких чувств. Он просто смотрел.

— Пойдем со мной, мой дорогушечка,— позвала его хозяйка. Но «дорогушечка» не обратил на нее никакого внимания.

— Он с каждым днем становится все непослушнее,— сказала миссис Феллоуз-Браун так, будто занесла в каталог еще одно из его прекрасных качеств.— Пойдем же, Фу-Линг.

Фу-Линг повернул было голову дюйма на полтора, но тут же снова отвернулся и уставился на куклу.

— Она произвела на него огромное впечатление, это несомненно,— сказала миссис Феллоуз-Браун.— Не думаю, что он видел ее раньше. Я тоже не видела. Она была здесь, когда я приходила в прошлый раз?

Алисия и Сибил переглянулись.

— Я же говорила: я ничего не помню в последнее время. Давно она у нас, Сибил?

— Откуда она взялась?— продолжала допрашивать миссис Феллоуз-Браун.— Вы купили ее?

— О нет, конечно, нет!— Подобная мысль почему-то шокировала Алисию.— Нет. Я думаю... наверное, ее кто-нибудь подарил мне.— Она тряхнула головой.— С ума можно сойти! Определенно, с ума можно сойти, когда у тебя в голове ничего не держится.

— Ну же, не будь глупышкой, Фу-Линг. Пошли. Или мне придется взять тебя на руки.

Она взяла его на руки. Фу-Линг гневно твякнул, протестуя. Когда они выходили из комнаты, он снова повернул свою пучеглазую мордочку к креслу и уставился на куклу.

— Эта кукла...— говорила миссис Гровс,— у меня от нее мурашки по телу бегают.

Миссис Гровс была уборщицей. Она только что перестала ползать по полу с огромной тряпкой в руках и теперь протирала пыль.

— Странное дело, до вчерашнего дня я ее совсем не замечала. И вдруг — на тебе.

— Она вам не нравится?— спросила Сибил.

— Говорю вам, миссис Фокс, у меня мурашки от нее... Это ненормально, понимаете меня? Эти длинные ноги, и то, как она развалилась, и хитрые глаза ее... В этом есть что-то нездоровое, вот что я вам скажу.

— Вы никогда не говорили о ней ничего подобного раньше.

— Говорю же вам: раньше я ее не замечала, до вчерашнего дня. Конечно, я знаю, что она здесь уже не первый день, но...— Она замолчала, и лицо ее приняло озадаченное выражение.— Такое только во сне может присниться.

Собрав свои орудия для наведения чистоты и порядка, она через лестничную площадку отправилась в комнату напротив.

Сибил смотрела на куклу, и лицо ее выражало все большую и большую растерянность. Вошла Алисия, и Сибил резко обернулась к ней.

— Мисс Кумб, давно у нас это чучело?

— Какое? Кукла? Но, дорогая моя, вы же знаете, что я ничего не помню. Вот вчера, к примеру, я отправилась на лекцию, но не прошла полквартиры, как обнаружил, что не помню, куда иду. И не могла вспомнить, как ни старалась. В конце концов решила, что иду в «Фортнамс», поскольку мне надо было кое-что купить. Ну вот... вы не поверите, но о лекции я вспомнила уже дома, за чаем. Разумеется, я знаю, что с годами у людей слабеет голова, но со мной это происходит слишком рано. Слишком. Вот я не помню сейчас, куда дела свою сумочку. И очки тоже. Куда я дела очки? Они только что были у меня — я читала «Таймс».

— Очки здесь, на камине, — сказала Сибил. — Так откуда же взялась эта кукла? Кто ее принес?

— Здесь у меня тоже пробел. Видно, кто-то принес ее или прислал... Но как бы там ни было, она чудесно вписывается в эту комнату, правда?

— Даже слишком, по-моему. Странно, что я не могу вспомнить, когда заметила ее в первый раз.

— Ну-ну, не уподобляйтесь мне, пожалуйста. Вы еще молоды.

— Но честное слово, мисс Кумб, я не помню. Я хочу сказать, что вчера я посмотрела на нее и подумала, что есть в ней нечто такое... Мисс Гровс верно заметила: есть в ней что-то такое, отчего мурашки по телу бегают. А потом я подумала, что уже думала так, и тогда попыталась вспомнить, когда же я так думала — и не смогла! С одной стороны, я как будто никогда ее раньше не видела, а с другой — ощущение такое, что она здесь уже очень давно, просто я ее раньше не замечала.

— Может быть, она однажды просто влетела в окно на метле, — сказала Алисия. — Но... повторяю, как бы там ни было, она сюда прекрасно вписывается. Трудно даже представить эту комнату без нее, не так ли?

— Да, — согласилась Сибил и вздрогнула. — Только я бы хотела, чтобы это было возможно.

— Что именно?

— Преставить себе эту комнату без нее.

— Мы этак все свихнемся! — с некоторым раздражением воскликнула мисс Кумб. — Что в ней, бедняжке, плохого? Похожа на вилок гнилой капусты, но, может быть, это потому, что я без очков. — Она посадила очки на нос и внимательно посмотрела на куклу сквозь толстые стекла. — Да, понимаю, о чем вы говорите. От ее вида действительно могут побегать мурашки по спине... Печальная, но... хитрая и в то же время очень решительная.

— Смешно, — сказала Сибил, — как миссис Феллоуз-Браун сразу ее невзлюбила.

— Она из тех, кто говорит то, что думает.

— И все-таки чудно, — стояла на своем Сибил, — что кукла произвела на нее столь сильное впечатление.

— Бывает, люди испытывают неприязнь к самым неожиданным вещам.

— Может быть, — предположила Сибил с коротким смешком, — этой куклы действительно не было здесь до вчерашнего дня... Может быть, она и вправду в окно, как вы говорили, на метле и решила здесь остаться?!

— Нет, я уверена, что она здесь уже давно. Возможно, она просто только вчера сделалась видимой.

— Мне тоже кажется, что она здесь уже не один день... но все равно, я не помню, чтобы видела ее раньше.

— Ну ладно, достаточно об этом, — быстро сказала Алисия. — Эти разговоры вызывают у меня странное чувство. К чему вся эта сверхъестественная чепуха?

Она взяла куклу, встряхнула ее, расправила ей плечи и посадила в другое кресло. Кукла откинулась на спинку и как бы расслабилась.

— Ничего в ней нет живого, — заключила Алисия, — пристально глядя на куклу. — И в то же время, как ни странно, она кажется живой, правда?

Название одного из магазинов в центре Лондона (прим. переводчика).

— У-у, как она меня напугала,— сказала миссис Гровс, протирая пыль в демонстрационной комнате.— Так напугала, что я не хочу больше и входить-то даже в примерочную.

— Кто вас напугал?— спросила мисс Кумб, просматривавшая счета за своим столом в углу комнаты.— Эта женщина,— добавила она скорее для себя, чем для миссис Гровс,— думает, что она может каждый год шить по два вечерних платья, три платья для приемов и еще вдобавок костюм, не заплатив мне при этом ни пенни! Бывают же такие люди!

— Кукла!— воскликнула миссис Гровс.

— Как, опять наша кукла?

— Да. Сидит себе за письменным столом, совсем как живой человек. У-у, как она меня напугала.

— О чем это вы говорите?

Мисс Кумб встала, пересекла комнату, лестничную площадку и вошла в примерочную. В углу, за небольшим письменным столом, на придвинутом к нему вплотную стуле, положив на крышку стола длинные мягкие руки, сидела кукла.

— Кто-то, должно быть, развлекается,— сказала Алисия.— И додумались же посадить ее вот так. Она и вправду выглядит как живая.

Алисия увидела на лестничной площадке Сибил, спускавшуюся с подготовленным для примерки платьем.

— Войдите сюда, Сибил. Взгляните на нашу куклу! Сидит за моим столом и пишет письма.

Некоторое время женщины молча разглядывали куклу.

— Смешно, правда? Интересно, кто ее так усадил? Не вы?

— Нет,— покачала головой Сибил.— Наверное, кто-то из девушек.

— Глупая шутка,— сказала мисс Кумб, взяла куклу и швырнула на диван.

Сибил аккуратно повесила платье на спинку стула, вышла из комнаты и поднялась в мастерскую.

— Вы знаете куклу,— спросила она,— бархатную куклу мисс Кумб, внизу, в примерочной?

Девушки подняли головы.

— Да, миссис Фокс, конечно, знаем.

— Кто посадил ее сегодня утром ради шутки за стол?

Девушки некоторое время молча смотрели на нее, затем Элспет, старшая швея, переспросила:

— Посадили за стол?

— Я не сажала,— сказала одна из девушек.— А ты, Марлен?

Марлен покачала головой.

— Это ваша шутка, Элспет?

— Конечно, нет,— ответила Элспет сквозь сжатые, будто она постоянно держала в них иголки, губы.— Что мне, делать больше нечего, кроме как в куклы играть, за столы их сажать?

— Послушайте,— сказала Сибил, и голос у нее, к ее удивлению, слегка дрогнул,— это была... это была хорошая шутка, я просто хотела знать, чья она.

Девушки рассердились.

— Мы же сказали вам, миссис Фокс. Никто из нас этого не делал, правда, Марлен?

— Я — нет,— ответила Марлен.— И если Нелли и Маргарет говорят, что это не они, значит — это не мы.

— Мне больше нечего вам сказать,— подвела черту Элспет.— А в чем все-таки дело, миссис Фокс. Может быть, это сделала миссис Гровс?

Сибил покачала головой.

— Миссис Гровс этого сделать не могла. Ее-то как раз этой шуткой и напугали.

— Спустишь и посмотрю сама,— решила Элспет.

— Куклы там уже нет,— сказала Сибил.— Мисс Кумб бросила ее на диван.— Она сделала паузу.— Но ведь кто-то же должен был усадить ее за стол — ради смеха, конечно. И я ... Я не понимаю, почему тот, кто это сделал, не хочет признаться.

— Я же сказала вам, миссис Фокс, что я не сажала,— ответила Маргарет.— И мне не понятно, почему вы продолжаете обвинять нас во лжи. Никто бы из нас не совершил подобной глупости.

— Извините, я не хотела вас обидеть. Но... кто же еще мог это сделать?

— Может быть, она уселась там сама?— хихикнула Маргарет.

Сибил это почему-то не понравилось.

— Какая чепуха!— сказала она и пошла вниз.

Мисс Кумб стояла посреди примерочной, вертела головой по сторонам и напевала что-то веселенькое.

— Я снова потеряла очки,— сообщила она.— Но главное, при мне нет вторых очков, которые можно было бы надеть и найти потерянные.

— Я поищу,— сказала Сибил.— Они только что были у вас.

— Я выходила в другую комнату, пока вы были наверху. Наверное, оставила там.

Они прошли в соседнюю комнату. Алисия продолжала причитать:

— Как некстати эта пропажа. Мне надо разобраться со счетами. А как я могу с ними разобрататься, если у меня нет очков?

— Я поднимусь и принесу вам вторые из спальни,— предложила Сибил.

— Я же сказала — у меня их нет.

— Почему? Что с ними случилось?

— Наверное, я оставила их в кафе, куда ходила вчера на ленч. Я уже звонила туда и в два магазина.

— О господи!— воскликнула Сибил. — Значит, вам нужно иметь три пары очков.

— Если бы у меня было три пары,— возразила Алисия, — я бы всю жизнь потратила на поиски то одних очков, то других, то третьих. Думаю, лучше всего иметь одни очки. Тогда волей-неволей приходится искать их до победного конца.

— Должны же они где-то быть,— сказала Сибил.— Здесь их точно нет, остается примерочная.

Сибил вернулась в примерочную и тщательно ее осмотрела. Последней она подняла куклу.

— Я нашла их,— позвала она мисс Кумб.

— Да? Где они были?

— Под нашей драгоценной куклой. Наверное, вы бросили их вместе с ней.

— Нет. Я хорошо помню.

— О, в таком случае, кукла, наверное, сама взяла их и спрятала от вас!— воскликнула Сибил с раздражением.

— А знаете,— сказала Алисия, задумчиво глядя на куклу,— я не могу утверждать, что это невозможно. Она выглядит такой смышленной. Не правда ли?

— Ее лицо мне определенно не нравится. У нее такое выражение, будто она знает нечто такое, чего не знаем мы.

— Вам не кажется, что она выглядит печальной и милой?

— Ничего милого в ней нет.

— Нет!.. Возможно, вы и правы... А, ладно, вернемся к нашим делам. Леди Ли будет здесь через десять минут. А я хочу покончить со счетами и отправить их, наконец.

— Миссис Фокс! Миссис Фокс!

— Да, Маргарет. Что случилось?

Сибил была занята раскроем атласного отреза.

— О, миссис Фокс, опять эта кукла! Я понесла вниз коричневое платье, как вы велели, а там эта кукла снова за столом сидит. И это не я, это не мы... Честное слово, мы бы такого не сделали.

Ножницы дрогнули в руке Сибил.

— Ну вот,— сказала она сердито,— посмотри, что я из-за тебя сделала. Ну да, ладно, попробую исправить. Так что там с нашей куклой?

— Она опять сидит за столом.

Сибил спустилась вниз, в примерочную. Кукла сидела за столом точно так же, как и в прошлый раз.

— А ты настойчива, да?— обратилась она к кукле, решительно и бесцеремонно сняла ее со стула и водворила на диван.— Вот твое место, моя девочка. Сиди здесь. Мисс Кумб!— позвала она.

— Я здесь, Сибил,— ответила Алисия из соседней комнаты, и Сибил прошла к ней.

— Кто-то все же разыгрывает нас. Эта кукла опять сидит за столом.

— Кто же это, как вы думаете?

— Может, все-таки девушки, что работают наверху? Думают, что это смешно, наверное. Разумеется, все они самим небом клянутся, что они тут ни при чем.

— Кто же из них, как, по-вашему? Не Маргарет?

— Нет, не думаю, что это Маргарет. У нее был очень растерянный вид. Скорее, это хохотушка Марлен.

— Кто бы это ни был, а шутка глупая.

— Идиотская. Но я положу этому конец,— заявила Сибил грозно.

— Что вы собираетесь делать?

— Увидите.

Собираясь вечером домой, Сибил заперла примерочную на замок.

— Я запираю эту дверь, а ключ беру с собой.

— А, понимаю,— весело сказала Алисия.— Вы начинаете думать, что это моя работа, так? Что я настолько рассеянна, что могу войти сюда и вместо того, чтобы сесть и написать что-либо самой, сажаю для этого куклу и тут же об этом забываю, да? Вы так подумали?

— Что ж, и такое возможно, — согласилась Сибил. — Во всяком случае, я хочу быть уверенной, что сегодня ночью дурацких шуток не будет.

На следующее утро, едва появившись в ателье, Сибил первым делом направилась к примерочной. Поджав губы, она отперла дверь и решительно шагнула через порог.

— Ну-ка, посмотрим теперь.

И тут же, охнув, отшатнулась.

Кукла сидела за столом.

— Ну и ну! — воскликнула стоявшая позади Сибил миссис Гровс. — Вот это да! О, миссис Фокс, как вы побледили! Вам плохо? Нужно принять что-нибудь, Вы не знаете, у мисс Кумб наверху есть какие-нибудь капли?

— Спасибо, все в порядке, — ответила Сибил.

Она подошла к кукле и взяла ее на руки.

— Кто-то снова сыграл с вами шутку, — сказала миссис Гровс.

— Не понимаю, кто мог ухитриться сделать это, ведь вчера я заперла дверь, и сюда никто не мог войти.

— Наверное, у кого-то есть второй ключ, — с готовностью подсказала миссис Гровс.

— Не думаю. Мы никогда эту дверь не запирали, замок здесь старой модели и ключ к нему один.

— Может быть, к нему подходит ключ от другой двери, например, от комнаты напротив?

Они опробовали все ключи, какие только были в ателье, но ни один из них к замку примерочной не подошел.

— Все это очень странно, мисс Кумб, — сказала Сибил позднее, когда они обедали в кафе. Но мисс Кумб эти маленькие происшествия явно веселили.

— По-моему, — отвечала она, — все это просто сверхъестественно, и вот я подумала: а не следует ли написать обо всем ученым, они могли бы прислать сюда исследователя-медиума, или как он там у них называется, — проверить, все ли с этой комнатой в порядке.

— Вас, мне кажется, это совсем не беспокоит, — сказала Сибил.

— Что вы! В определенном смысле мне это даже нравится, — возразила мисс Кумб. — Я хочу сказать, что в моем возрасте радуются любым происшествиям. И в то же время, — добавила она, задумавшись, — не скажу, что меня это действительно веселит. Все это просто становится выше моего понимания.

Вечером Алисия и Сибил снова заперли дверь примерочной.

— Я все еще думаю, — сказала Сибил, — что это чьи-то злые шутки. Хотя и не понимаю, зачем...

— Как вы считаете, она завтра опять будет сидеть за столом?

— Да, — ответила Сибил. — Думаю, что да.

Но она ошиблась. Куклы за столом не было. Она сидела на подоконнике и смотрела на улицу. И снова поза ее была необычайно естественна.

— Это ужасно глупо, не так ли? — сказала Алисия в тот день за чашкой чая. По обоюдному согласию, чай они пили не в примерочной, как обычно, а в комнате мисс Кумб напротив.

— В каком смысле «глупо»? — поинтересовалась Сибил.

— Я хочу сказать, что нам не за что ухватиться. Просто кукла каждый раз оказывается в другом месте.

Шли дни, и каждый из них был подтверждением истинности слов Алисии. Кукла перемещалась уже не только по ночам. В любой момент, стоило покинуть примерочную даже на несколько минут, ее можно было застать на новом месте. Ее могли оставить на диване, а найти уже на стуле. Затем на другом стуле. Иногда она сидела на подоконнике, иногда — снова за столом.

— Она передвигается по комнате как ей заблагорассудится, — заметила однажды Алисия. — И мне кажется, Сибил, нет, я уверена, что ей это нравится.

Фигурка в мягком зеленом бархате, с нарисованным по шелку личиком лежала перед ними на диване.

— Несколько старых лоскутков бархата и шелка, немного краски — вот и

все, — продолжала Алисия удивленно. — А знаете... мы могли бы легко от нее... э... избавиться.

— Что значит «избавиться»? — спросила шокированная Сибил.

— Ну, можно было бы бросить ее в огонь, если бы у нас был камин. Сжечь ее, как ведьму... Или выбросить в мусорный ящик.

— Это не выход, — возразила Сибил. — Оттуда ее могут выкинуть и принести назад.

— Тогда мы могли бы отослать ее куда-нибудь. Скажем, в одно из тех обществ, что вечно просят что-нибудь для благотворительной распродажи. По-моему, это будет лучше всего.

— Не знаю... — неуверенно сказала Сибил. — Боюсь, что она...

— Бойтесь?

— Да. Боюсь, что она вернется.

— Как почтовый голубь?

— Да.

— Надеюсь, мы еще в своем уме, — сказала Алисия. — Может быть, я действительно слегка тронулась, а вы исполняете роль моей няньки?

— Нет, — ответила Сибил. — Но я ужасно ее боюсь, у меня такое чувство, что нам с ней не справиться, что она сильнее нас.

— Как, вот этот кусок тряпки?

— Да, этот ужасный кусок тряпки. Разве вы не видите, как она решительна?

— Решительна?

— Да. Она все делает по-своему. Разве вы не видите, что эта комната уже — ее!

— Да, — сказала Алисия, оглядываясь вокруг. — Что правда, то правда. Конечно, если вдуматься, то так оно всегда и было: и цветы здесь подобраны ей в тон, и все такое прочее... Раньше мне казалось, что это она как бы создана для этой комнаты, а на самом деле — эта комната создана для нее. Но ведь это же абсурд какой-то! — воскликнула она вдруг. — Приходит кукла, занимает комнату... Знаете, миссис Гровс уже не убирает здесь.

— Бойся куклу?

— Нет, этого она не говорит. Просто находит различные предлоги, чтобы сюда не заходить. Что же нам делать, Сибил? Я чувствую себя отвратительно. Уже целую неделю я не могу ничего делать.

— Я тоже не могу сосредоточиться, — призналась Сибил. — Я делаю самые глупые ошибки. Может быть, нам действительно надо написать этим... психоисследователям?

— А не выставим ли мы себя, в таком случае, просто парой старых набитых дур. Я предлагала это в порядке размышлений... Нет, думаю, нам придется оставить все как есть. Пока...

— Пока что?

— Не знаю, — ответила Алисия и рассмеялась неуверенным смешком.

На следующее утро дверь примерочной была заперта.

— Мисс Кумб, ключ у вас? Это вы заперли дверь? — спросила Сибил.

— Да, — ответила Алисия. — Я заперла ее, и пусть она запертой и останется.

— Почему?

— Потому, что я отказываюсь от этой комнаты. Пусть она остается кукле. Зачем нам две комнаты? Примерять можно и здесь.

— Но это — ваша личная гостиная!

— Ну и что же? Она мне больше не нужна. У меня очень хорошая спальня. Я могу сделать из нее спальню-гостиную, не так ли?

— Вы что, хотите сказать, что больше никогда сюда не войдете?

— Именно так.

— Но... как же с ее уборкой? Она придет в ужасное состояние!

— Ну и пусть! — ответила Алисия. — Если комната допускает, в некотором роде, чтобы ею владела какая-то кукла, — хорошо, пусть владеет. И сама ее убирает.

И добавила:

— Знаете, она ненавидит нас.

— Кто ненавидит? — переспросила Сибил. — Кукла нас ненавидит?

— Да, — ответила Алисия. — Вы не знали? А должны были знать. Должны были заметить.

— Да, — задумчиво произнесла Сибил, — по-моему, я это заметила. По-моему, я все время чувствовала что-то в этом роде: кукла ненавидит нас и хочет выжить отсюда.

— Злобная тварь, — сказала мисс Кумб. — Но теперь она должна быть удовлетворена.

После этого они немного успокоились. Мисс Кумб объявила о том, что временно

отказывается от примерочной: слишком трудно было, объяснила она, убирать так много комнат.

Но эта мера не помогла, и вечером того же дня Алисия случайно подслушала разговор своих работниц.

— Она малость не в себе, наша хозяйка, честное слово, — говорила одна из девушек. — Она и раньше казалась мне немного странной: вечно все теряла. Но сейчас мисс Кумб переходит всякие границы. Придумала эту историю с куклой!

— Ты считаешь, что она может совсем спятить? — спросила другая. — Что она может резать нас или еще что-нибудь в этом роде?

Они прошли мимо, продолжая болтать, и Алисия возмущенно выпрямилась на стуле. Спятить, как же! И тут же подумала с грустью: «Если бы не Сибил, я и сама бы решила, пожалуй, что схожу с ума. Но ведь и Сибил, и миссис Гровс — нет, что-то в этом все же есть».

Три недели спустя Сибил сказала:

— Когда-то мы все же должны войти в эту комнату.

— Зачем?

— Ну, она, должно быть, в ужасном состоянии. Моль и все такое. Надо бы ее подмести, протереть пыль, проветрить, а потом можно и снова запереть.

— Я бы предпочла ее не открывать и туда не ходить.

— А знаете, вы еще суевернее, чем я, — заметила Сибил.

— Вполне возможно, — согласилась Алисия. — Поначалу я легко и быстро во все это поверила, быстрее, чем вы, но тогда я... знаете ли... мне все это показалось просто занимательным. Теперь же... Не знаю. Я боюсь...

— А я хочу войти, — сказала Сибил. — И войду.

— Вас просто разбирает любопытство, вот и все, — сухо заметила Алисия.

— Хорошо, пусть любопытство. А интересно, что она там подельывает?

— И все-таки я думаю, что лучше оставить ее в покое. Теперь, когда мы освободили для нее комнату, она должна быть удовлетворена. Лучше оставить ее в покое. — Алисия вздохнула. — Какую чепуху мы несем!

— Да. Ну ладно, давайте ключ.

— Хорошо, хорошо. Пожалуйста.

— Вы боитесь, что я ее выпущу? Но она из тех, что проходят сквозь двери.

Сибил повернула ключ в замочной скважине и вошла в комнату.

— Странно, — сказала она.

— Что странно? — спросила Алисия, заглядывая через ее плечо.

— Комната убрана, пыли не видно. Она столько времени была закрыта, что ожидать можно было совсем другого...

— Действительно, странно.

— А вот и она, — проговорила тихо Сибил.

Кукла была на диване. На этот раз она не лежала, развалившись среди подушек. Она сидела очень прямо, и подушка была подложена ей под спину. Она напоминала хозяйку, ожидающую гостей.

— Ну что ж, — сказала Алисия, — кажется, она чувствует себя как дома, не правда ли? Мне даже хочется извиниться перед нею за вторжение.

— Пойдемте, — сказала Сибил.

Она попятилась, прикрыла за собой дверь и снова заперла ее на ключ. Некоторое время они молча смотрели друг на друга.

— Хотела бы я знать, — нарушила молчание Алисия, — почему мы так боимся ее?

— Еще бы! Кто бы не испугался!

— Я имею в виду — что, в конце концов, случилось? Да ничего, просто есть кукла, которая может передвигаться по комнате, или привидение ее двигает.

— Хорошая мысль.

— Да, но я в это не верю. Я думаю, что кукла перемещается сама.

— Вы уверены, что не знаете, откуда она взялась?

— Уверена. И чем больше я об этом думаю, тем больше убеждаюсь в том, что я ее не покупала и что мне ее никто не дарил. Мне кажется, она пришла сюда сама.

— Как вы думаете, она... уйдет когда-нибудь?

— Сказать правду, я не вижу для этого оснований. У нее есть все, что ей надо.

Но мисс Кумб, по-видимому, на этот раз ошибалась. Когда на следующее утро Сибил вошла в бывшую гостиную, у нее перехватило дыхание. Придя в себя, она крикнула наверх:

— Мисс Кумб! Мисс Кумб! Спуститесь сюда.

— В чем дело?

Мисс Кумб поднялась в то утро поздно: у нее разыгрался приступ ревматизма, ныло правое колено, и по лестнице она спускалась, слегка прихрамывая.

— Что тут у вас еще стряслось, Сибил?

— Посмотрите сами.

В демонстрационной комнате на диване, в своей обычной свободной позе, облокотившись о боковой валик, сидела кукла.

— Она вышла, — прошептала Сибил. — Она вышла из той комнаты! Она хочет занять и эту!

Алисия опустила на пол.

— В конце концов ей захочется занять все ателье.

— Вполне возможно, — сказала Сибил.

— Ах ты гадкая, хитрая, злобная тварь, — обратилась Алисия к кукле. — Зачем ты пришла сюда и мучаешь нас? Ты не нужна нам.

И ей, и Сибил показалось, что кукла пошевелилась. Она как будто еще больше расслабилась. Лицо ее было наполовину скрыто лежавшей на валике рукой, и казалось, что она выглядывает из-под нее. И взгляд ее был хитрым и злым.

— Отвратительное создание, — сказала Алисия.

И вдруг, совершенно неожиданно для Сибил, она стремительно пересекла комнату, схватила куклу, подбежала к окну, распахнула створку и выбросила ее на улицу. Сибил испуганно вскрикнула.

— Алисия, что вы натворили! Нельзя было так!

— Но ведь что-то же нужно было делать, — возразила мисс Кумб. — Я просто не могла больше этого выносить.

Сибил подошла к окну. Кукла лежала внизу, на тротуаре, раскинув руки и ноги.

— Вы убили ее, — сказала Сибил.

— Глупости. Как можно убить нечто, сделанное из нескольких бархатных и шелковых лоскутков. Она же не настоящая.

— Она самая настоящая, — возразила Сибил.

Алисия вздрогнула.

— Господи! Ребенок...

Над куклой стояла одетая в лохмотья девочка. Она быстро оглянулась — народу на улице в этот утренний час было немного, хотя движение на проезжей части становилось все оживленнее, — с удивленным видом наклонилась, подхватила куклу и бросилась через дорогу.

— Стой! Стой! — крикнула ей вдогонку Алисия и обернулась к Сибил. — Ей нельзя брать эту куклу. Нельзя. Она опасна! Надо остановить ее.

Но не они остановили девочку. Автомобили. Три такси, двигавшиеся в одну сторону, и два фургона, шедшие им навстречу. На некоторое время ребенок оказался отрезанным от остального мира, как попавший на необитаемый остров посреди бушующего моря человек. Сибил бросилась вниз по лестнице. Алисия помчалась за ней. Увернувшись от авто, катившего вслед за фургоном, Сибил, а за ней и Алисия, проскочили на этот островок прежде, чем ребенок успел покинуть его.

— Тебе нельзя брать эту куклу, — сказала Алисия девочке. — Отдай ее мне.

Малышка взглянула на нее. Маленькая худенькая девочка лет восьми, с чуть раскосыми глазами. Взгляд этих глаз был вызывающим.

— Почему это я должна отдать ее вам? — спросила она. — Вы же выбросили куклу из окна, я видела. А раз выбросили, значит, она вам не нужна.

— Я куплю тебе другую куклу, — в отчаянии воскликнула Алисия. — Мы пойдем в магазин игрушек — в какой хочешь, — и я куплю тебе самую лучшую куклу. Но только верни мне эту.

— Нет, — твердо ответила девочка.

Она прижала куклу к себе, прикрыв ее руками.

— Ты должна вернуть ее, — сказала Сибил. — Она не твоя.

Она протянула руку к кукле, но девочка увернулась, вдруг топнула ножкой:

— Нет! Нет! Она моя! Я люблю ее. А вы не любите. Если бы любили, не выбросили бы из окна. А я люблю ее, слышите, и это все, что ей нужно. Она хочет, чтобы ее любили.

И тут же, словно угорь, проскользнув между идущими автомобилями, она перебежала улицу, понеслась по аллее и скрылась из глаз, прежде чем две пожилые женщины отважились последовать за ней.

— Она убежала, — сказала Алисия.

— Она сказала, что кукла хотела быть любимой, — проговорила Сибил.

— Может быть, — ответила ей Алисия. — Может быть, только этого она и хотела... чтобы ее любили...

В центре Лондона, посреди автомобильного круговорота, две испуганные женщины молча смотрели друг на друга.

Перевод с английского С. Раюшкина.

О НАШИХ АВТОРАХ

МАДАЛИЕВ Сабит Мамаджанович родился в г. Джамбуле. После окончания средней школы работал бетонщиком на стройке, служил в рядах Советской Армии. Учился на режиссерском отделении Театрально-художественного института имени А. Н. Островского. Закончил Литературный институт имени А. М. Горького. С 1977 года работает в аппарате Правления Союза писателей СССР — заместителем председателя Совета по узбекской литературе.

Автор книг «Поющие пески», «Марафон», «Тоскуя по солнцу». В 1982 году за книгу стихов «Портрет на фоне дерева» Сабит Мадалиев удостоен премии Ленинского комсомола Узбекистана.

КУЛИШ Станислав Лукич родился в селе Алексеевка Илекского района Оренбургской области в 1930 году. Закончил военное авиационное училище и литературный институт имени Горького. Работал преподавателем в аэроклубе, учителем в школе, сотрудником газеты «Комсомолец Узбекистана». Автор повестей «Поселок Альфа», «Конец Шайтан-Куприка», «Такие разные километры», «Иссык-Куль — горное море», «Рыжий месяц август», «Обыкновенное ЧП», романа «Время собирать камни». Член Союза писателей СССР.

МУХАММАД ЮСУФ родился в 1954 году в Мархаматском районе, Андижанской области. Окончил Республиканский педагогический институт русского языка и литературы. Автор по-

этических сборников «Знакомые тополя», «Хочу сказать соловью», «Мольба».

СЫЧЕВ Михаил Никифорович родился в Сибири, в городе Осинники, после тяжелой болезни, в четырехлетнем возрасте потерял зрение. Окончил Ташкентский государственный университет. Работает на Ташкентском производственном комбинате Узбекского общества слепых.

Стихи пишет недавно, печатает в журнале для слепых «В одном строю». Поражает и удивляет в этих стихах особое видение, порой недоступное даже зрячему человеку.

МАКАТОВ Иршад Агарзаевич родился в 1927 году в Дагестане. Окончил Дагестанский государственный университет, Ростовскую высшую партийную школу, в 1979 году защитил докторскую диссертацию в Академии общественных наук при ЦК КПСС. Работал в партийных органах, преподавал в высших учебных заведениях. В настоящее время — заместитель директора межреспубликанского филиала Института научного атеизма Академии общественных наук при ЦК КПСС в г. Ташкенте. Автор более двадцати научных трудов по социологии религии и атеизму, соотношению национального и религиозного, атеистическому и интернациональному воспитанию.

Технический редактор Ф. Я. Викнянская.
Корректор З. Г. Байбазарова.

Адрес редакции: 700000, Ташкент, ГСП, ул. Ленина, 41.
Телефоны: главного редактора — 33-42-68, заместителя редактора и отв. секретаря — 33-40-43;
отделов: прозы, поэзии — 33-77-64, публицистики, литературной критики — 33-07-78.

Рукописи объемом менее печатного листа не возвращаются.

Сдано в набор 4.06.88 г. Подписано к печати 12.07.88 г. Формат 70×108¹/₁₆. Фотонабор. Офсетная печать. Условных печ. л. 18,2+0,35 (вкл.). Уч.-изд. л. 20,95+0,35 (вкл.). Тираж 176228. P-00023. Заказ № 3603. Цена 1 рубль.

Ташкент, ордена Трудового Красного Знамени
типография Издательства ЦК Компартии Узбекистана.

© «Звезда Востока», 1988 г.